

С. И. Черных

главный редактор, доктор философских наук, доцент

Б. О. Майер

заместитель главного редактора, доктор философских наук, профессор

В. И. Панарин

ученый секретарь, доктор философских наук, доцент

- Э. А. Афонин** доктор социологических наук, профессор, академик Украинской технологической академии, президент Украинского общества содействия социальным инновациям (*Киев, Украина*)
- Т. А. Арташкина** доктор философских наук, кандидат педагогических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет» (*Владивосток, Российская Федерация*)
- К. К. Бегалинова** доктор философских наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби (КазНУ им. аль-Фараби) (*Алматы, Казахстан*)
- Р. В. Гурина** доктор педагогических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет» (*Ульяновск, Российская Федерация*)
- А. Ш. Иргашев** доктор ветеринарных наук, профессор, первый проректор – проректор по учебной работе, Кыргызский национальный аграрный университет имени К. И. Скрябина (*Бишкек, Кыргызстан*)
- Е. В. Камалдинов** доктор биологических наук, доцент, и. о. проректора по научной и международной деятельности, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный аграрный университет» (*Новосибирск, Российская Федерация*)
- Эдгар О. Клозе** доктор естественных наук, профессор, член Европейской академии естественных наук (*Берлин, Германия*)
- Стефан Констанчак** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой этики, институт философии, Зеленогурский университет (*Зелена-Гура, Польша*)
- В. И. Кудашов** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (*Красноярск, Российская Федерация*)
- Н. А. Корниенко** доктор психологических наук, профессор, кафедра технологий обучения, педагогики и психологии Новосибирского государственного аграрного университета (*Новосибирск, Российская Федерация*)
- К. Г. Кязимов** доктор педагогических наук, профессор, ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (*Москва, Российская Федерация*)
- Е. Г. Максименко** доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, ГОУ ВПО «Донецкий педагогический институт» (*Донецк, Украина*)
- Либерска Ханна** доктор психологических наук, профессор, директор отдела социальной психологии и исследований молодежи факультета педагогики и психологии, университет г. Быдгощ им. Казимира Великого (*Быдгощ, Польша*)
- Т. С. Панина** доктор педагогических наук, профессор, руководитель Института дополнительного профессионального образования (Центр), ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева» (*Кемерово, Российская Федерация*)
- В. И. Паршиков** доктор философских наук, профессор, директор Института дополнительного профессионального образования, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный аграрный университет» (*Новосибирск, Российская Федерация*)

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный аграрный университет».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС77–45 179 от 18 мая 2011 г.

© Новосибирский ГАУ, 2020. Все права защищены

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ

№ 13–6518 от 01.12.2015 г. журнал включен в перечень

рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (№ 1089, 2015).

Журнал размещен в Научной электронной библиотеке и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Журнал включен в международные базы данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO Publishing и ERIH PLUS.

Павлидис Периклис	кандидат философских наук, ассистент профессора, преподаватель Салоникийского университета им. Аристотеля (<i>Салоники, Греция</i>)
Надежда Пелцова	доктор философских наук, профессор, Карлов университет (<i>Прага, Чехия</i>)
Е. В. Рудой	член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, Врио ректора ФГБОУ ВО «Новосибирского государственного аграрного университета» (<i>Новосибирск Российская Федерация</i>)
Н. Н. Савина	доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории информационных методов Новосибирского государственного научно-исследовательского университета (<i>Новосибирск, Российская Федерация</i>)
Р. К. Серёжникова	доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и методики непрерывного профессионального образования Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации. (<i>Санкт-Петербург, Российская Федерация</i>)
О. Н. Смолин	доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАО, заместитель председателя Комитета по образованию Государственной Думы РФ (Москва, Российская Федерация)
В. В. Собольников	доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии и истории психологии, Новосибирского государственного педагогического университета (<i>Новосибирск, Российская Федерация</i>)
Н. О. Товуу	доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, ТуВИКОПР СО РАН (<i>Кызыл, Российская Федерация</i>)
Я. С. Турбовской	доктор педагогических наук, профессор, академик АПСН, ФГБНУ «Институт стратегии развития образования» РАО (Москва, Российская Федерация)
Е. В. Ушакова	доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный медицинский университет» Минздрава России (<i>Барнаул, Российская Федерация</i>)
В. В. Целищев	доктор философских наук, профессор, ФГБУН «Институт философии и права» СО РАН (<i>Новосибирск, Российская Федерация</i>)
Фарника Маржанна	доктор психологии, профессор института педагогики, социологии, науки о здоровье, университет Зелена Гура (<i>Зелена Гура, Польша</i>)
А. Н. Чумаков	доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова», ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», ФГБУН «Институт философии» РАН (Москва, Российская Федерация)
Н. П. Чупахин	доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет» (<i>Томск, Российская Федерация</i>)
В. Э. Штейнберг	доктор педагогических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы» (<i>Уфа, Российская Федерация</i>)
Н. С. Шадрин	доктор психологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический университет (<i>Павлодар, Казахстан</i>)

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора	3399
Раздел I. ФИЛОСОФИЯ	
Черных С. И. (<i>Новосибирск, Россия</i>). Образование как фиктивный капитал	3400
Сегал А. П. (<i>Москва, Российская Федерация</i>). Гумбольдтовская реформа школы как образец социальной стратегии (опыт ретроспективного проектного анализа)	3409
Микиденко Н. Л., Сторожева С. П. (<i>Новосибирск, Российская Федерация</i>). Цифровое образовательное пространство: проблемы и практики применения информационных образовательных ресурсов	3418
Полянкина С. Ю. (<i>Новосибирск, Российская Федерация</i>). Онлайн-образование: реонтологизация или деонтологизация?	3428
Рахинский Д. В. (<i>Красноярск, Российская Федерация</i>). Цифровизация как базис универсализации образовательного пространства	3438
Вихман В. В. (<i>Новосибирск, Российская Федерация</i>). Цифровой дискурс конструирования теоретического образа феномена образования	3447
Львов Д. В. (<i>Красноярск, Российская Федерация</i>). Онлайн-образование как способ гармонизации архетипов самости, корпоративности и иерархии	3456
Панарин В. И. (<i>Новосибирск, Российская Федерация</i>), Пучков О. Э. (<i>Красноярск, Российская Федерация</i>). Цифровое образование в информационном обществе: особенности трансформаций управленческих механизмов	3465
Яковлева И. В., Косенко Т. С. (<i>Новосибирск, Российская Федерация</i>). Компетентностный и знаниевый подходы: философско-образовательные проблемы понимания и применения	3474

Яценко М. П., Максимов С. В. (Красноярск, Российская Федерация). Пределы и перспективы цифрового пространства в гуманитарном образовании	3481
Максимов С. В. (Красноярск, Российская Федерация). Отражение военной тематики в образовательном цифровом пространстве	3490
Круглова Н. Р., Сартаков И. В. (Новосибирск, Российская Федерация). Некоторые аспекты анализа опыта цифровизации высшего образования	3499
Гладышев А. А., Гладышева А. А. (Новосибирск, Российская Федерация). Философия современного образования: фундаментальность или компетентность цифрового пространства	3508

Раздел II. ПЕДАГОГИКА

Леган М. В., Рояк М. Э., Горбунов М. А. (Новосибирск, Российская Федерация). Система электронного обучения DiSpace 2.0 – основополагающий элемент цифровой образовательной среды (экосистемы) НГТУ	3520
Сергиенко И. В., Крымова М. А. (Уфа, Российская Федерация). Проектирование и реализация электронного дистанционного курса для формирования готовности педагога к реализации дополнительного образования с применением технологий электронного обучения	3532
Молотков Ю. И. (Новосибирск, Российская Федерация). Онлайн-курс «Система управления проектной деятельностью в органах власти Российской Федерации»	3543
Кязимов К. Г. (Москва, Российская Федерация). Цифровая образовательная среда как условие для применения цифровых образовательных технологий в УПО	3556
Гаврилова И. А. (Челябинск, Российская Федерация). Технология «flipped classroom» в обучении иностранному языку в юридической магистратуре	3566
Гаг А. В., Меденцев А. А. (Томск, Российская Федерация). О создании профориентационной мини-экосистемы «ТСХИ – общеобразовательные школы – учреждения СПО аграрного профиля» через интеграцию образовательных офлайн и онлайн платформ	3575
Артемьева Е. Б., Вихрева Г. М., Федотова О. П. (Новосибирск, Российская Федерация). Научная библиотека в региональной системе профессионального образования	3583

Раздел III. ПСИХОЛОГИЯ

Меньшиков П. В. (Калуга, Российская Федерация). Современные модификации конструктивистского подхода в контексте исследований дидактической коммуникации	3594
Собольников В. В. (Новосибирск, Российская Федерация). Цифровая трансформация как фактор развития виртуальной личности	3601
Арпентьева М. Р. (Калуга, Российская Федерация). Социально-психологические проблемы балльно-рейтинговой системы оценки труда сотрудников образовательных учреждений	3611
Федотов Б. В. (Новосибирск, Российская Федерация). Идеология здорового образа жизни в современной России	3620

Сообщения о проводимых конференциях, заметки, письма

Международная научно-практическая конференция на тему «Победа в Великой Отечественной войне как исторический феномен и мировоззренческий ориентир» (посвященная 75-ой годовщине победы в Великой Отечественной войне)	3633
Всероссийская конференция с международным участием «Образование в XXI веке: национальные цели и стратегические задачи»	3637
Сведения об ошибках и опечатках	3639

Положение о порядке направления, приёма, оформления и регистрации рукописей для публикации	3640
---	------

Журнал основан в 2011 г.

Выходит 4 раза в год

Редактор *Е. В. Талалаева*

Технический редактор *О. В. Мамонов*

Перевод *Н. А. Швецова*

Компьютерная верстка *И. В. Токарев*

Адрес редакции: 630039, г. Новосибирск,

ул. Никитина, 149, т. (383) 267–34–10

E-mail: journal-idpo@mail.ru

Печать и бумага офсетная. Усл.-печ. л. 29,57. Уч.-изд. л. 27,28.

Тираж 350 экз. Формат 60 × 84 1/8. Цена свободная.

Заказ № 2272. Подписано в печать 16.03.2020 г.

Дата выхода в свет 25.03.2020 г.

Издательство СО РАН, 630090,

г. Новосибирск, Морской проспект, 2

Отпечатано в ИЦ НГАУ «Золотой колос»

630039, Новосибирск, ул. Добролюбова, 160, каб. 106,

т. (383) 267–09–10. E-mail: 2134539@mail.ru

Редакция журнала «Профессиональное образование в современном мире» признает требования соблюдения этики научных публикаций и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением.

S. I. Chernykh

Editor-in-Chief, Doctor of Philosophic Sciences, Associate Professor

B. O. Mayer

Deputy of Editor-in-Chief, Doctor of Philosophic Sciences, Professor

V. I. Panarin

Academic Secretary, Doctor of Philosophic Sciences, Associate Professor

- Eduard A. Afonin.** doctor of sociological Sciences, Professor, academician of the Ukrainian technological Academy, President of the Ukrainian society for the promotion of social innovation (*Kiev, Ukraine*)
- Tamara A. Artashkina** Doctor of Philosophical Sc., Candidate of Pedagogical Sc., professor, Far Eastern Federal University (FEFU) (*Vladivostok, Russian Federation*)
- Kalimash K. Begalino** Doctor of Philosophical Sc., Professor of Al-Farabi Kazakh National University (*Almaty, Kazakhstan*)
- Rosa V. Gurina** Doctor of Pedagogical Sc., Professor at Ulyanovsk State University (*Ulyanovsk, Russian Federation*)
- Almazbek Sh. Irgashev** Doctor of Veterinary Sc., Professor, Vice-Rector of Kyrgyz National Agrarian University named after K. I. Skryabin (*Bishkek, Kyrgyzstan*)
- Evgeny V. Kamalidinov** doctor of Biological Sciences, Associate Professor, Acting Vice-Chancellor for Scientific and International Activities of Novosibirsk State Agricultural University (*Novosibirsk, Russian Federation*)
- Edgar O. Klose** Doctor of Natural Sc., Professor, Member of the European Academy of Natural Science (*Berlin, Germany*)
- Stefan Konstanczak** Doctor of Philosophical Sc., Professor, Head of the Department of Ethics, Institute of Philosophy, University of Zielona Gora (*Zielona Gora, Poland*)
- Viacheslav I. Kudashov** Doctor of Philosophical Sc., the Head of the Department of Philosophy at Siberian Federal University (*Krasnoyarsk, Russian Federation*)
- Nina A. Kornienko** doctor of psychological Sciences, the Professor, learning technologies, Department of pedagogy and psychology of the Novosibirsk State Agrarian University (*Novosibirsk, Russian Federation*)
- Karl G. Kiazimov** Doctor of Pedagogical Sc., Professor of Academy of Labour and Social Relations (*Moscow, Russian Federation*)
- Elena G. Maksimenko** doctor of psychological Sciences, the Professor, Department of Psychology Pedagogical Institute Donetsk (*Donetsk, Ukraine*)
- Hanna Liberska** Doctor of psychological Sciences, the Professor, the Director of the Division for social psychology and research of youth at the Faculty of pedagogy and psychology, University of Bydgoszcz IM. Casimir The Great. (*Bydgoszcz, Poland*)
- Tatiana S. Panina** Doctor of Pedagogical Sc., Professor, Chief of the Institute of Further Training (Centre) of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (*Kemerovo, Russian Federation*)
- Vladimir I. Parshikov** Doctor of Philosophical Sc., professor, Vice-Chancellor, Chief of the Institute of Further Training in Novosibirsk state Agrarian University (*Novosibirsk, Russian Federation*)
- Periklis Pavlidis** Candidate of philosophical Sciences, assistant Professor Salonnikov University. Aristotle (*Thessaloniki, Greece*)
- Nadezda Pelcova** Doctor of Philosophical Sc., Professor of Karlov University (*Prague, Czech Republic*)

Founder:

Federal State State-Funded Institution of Higher Education
«Novosibirsk State Agrarian University»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Communications, Information Technologies and
Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate PI FS 77–45 179 of May 18, 2011.

© NSAU, 2020. All rights reserved

The Journal is included into the list of peer-reviewed scientific
papers that contain the basic scientific results of Candidate theses
and Doctor theses (No. 1089, 2015).

The journal is found in Novosibirsk e-Library; it is included into
the data base of Russian Science Citation Index and has Russian
Science Citation Index (RSCI).

The journal is included in the international databases of periodicals
Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO Publishing and ERIH PL

Evgeny V. Rudoy	member-correspondent of the Russian Academy of Sciences, doctor of economics, professor, interim rector of Novosibirsk State Agricultural University (<i>Novosibirsk Russian Federation</i>)
Nadezhda N. Savina	Doctor of Pedagogical Sc., leading researcher in the laboratory of informational methods of Novosibirsk State University research, (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>)
Raisa K. Serezhnikova	Professor of theory and methods of continuing professional education St. Petersburg military Institute National Guard troops of the Russian Federation (<i>St. Petersburg, Russian Federation</i>)
Oleg N. Smolin	Doctor of Philosophical Sc., Professor, Corresponding Member of RAE, Vice-Chairman of Education Committee of State Duma RF (<i>Moscow, Russian Federation</i>)
Valery V. Sobolnikov	the doctor of psychological Sciences, Professor of the Department of General Psychology and the history of psychology of Novosibirsk State Pedagogical University (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>)
Natalia O. Tovuu	Doctor of psychological Sciences, Professor, Chief researcher of the Tuvan Institute of integrated development of natural resources of Siberian branch of Russian Academy of Sciences (<i>Kyzyl, Russian Federation</i>)
Iakov S. Turbovskoy	Doctor of Pedagogical Sc., Professor, Academician of the Academy of Pedagogical and Social Sciences at the Institute for Strategy and Education Development of the RAE (<i>Moscow, Russian Federation</i>)
Elena V. Ushakova	Doctor of Philosophical Sc., Professor of Altai State Medical University (<i>Barnaul, Russian Federation</i>)
Vitalii V. Tselishchev	Doctor of Philosophical Sc., Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law in Siberian Branch of Russian Academy of Science (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>)
Marzhanna Farnika	Doctor of psychology, Professor at the Institute of pedagogy, sociology, health sciences, University of Zielona Góra (<i>Zielona Góra, Poland</i>)
Elena V. Ushakova	Doctor of Philosophical Sc., Professor of Altai State Medical University (<i>Barnaul, Russian Federation</i>)
Alexander N. Chumakov	Doctor of Philosophical Sc., Professor, Lomonosov Moscow State University, Financial University under the Government of the Russian Federation, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, First Vice-President of Russian Philosophical Society (<i>Moscow, Russian Federation</i>)
Nikolay P. Chupahin	Doctor of Philosophical Sc., Professor at Tomsk State Pedagogical University (<i>Tomsk, Russian Federation</i>)
Valeriy E. Shteynberg	Doctor of Pedagogical Sc., Professor of Bashkir State Pedagogical University n. a. M. Akmulla (<i>Ufa, Russian Federation</i>)
Nikolay. S. Shadrin	Doctor of psychology, Professor, Pavlodar state pedagogical University. (<i>Pavlodar, Kazakhstan</i>)

CONTENTS

Editor's intro	3399
Part I. PHILOSOPHY	
Chernykh S. I. (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>). Education as fictitious capital	3400
Segal A. P. (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Humboldt school reform as a standard of social strategy (experience of retrospective project analysis)	3409
Mikidenko N. L., Storozheva S. P. (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>). Digital educational space: problems and practices of application of information educational resources	3418
Polyankina, S. Yu. (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>). Online-education: reontologisation or deontologisation?	3428
Rakhinskiy D. V. (<i>Krasnoyarsk, Russian Federation</i>). Digitalization as a basis for universalization of educational space	3438
Vihman V. V. (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>). Digital discourse of constructing a theoretical image of the phenomenon of education	3447
Lvov D. V. (<i>Krasnoyarsk, Russian Federation</i>). Online-education as a way to harmonize the archetypes of self, corporativity and hierarchy	3456
Panarin V. I. (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>), Puchkov O. E. (<i>Krasnoyarsk, Russian Federation</i>). Digital education in the information society: features of transformations of management mechanisms	3465
Yakovleva, I. V., Kosenko, T. S. (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>). Competence and knowledge approaches: philosophical and educational problems of understanding and application	3474
Yatsenko, M. P., Maximov S. V. (<i>Krasnoyarsk, Russian Federation</i>). Limits and prospects of the digital space in humanitarian education	3481
Maximov S. V. (<i>Krasnoyarsk, Russian Federation</i>). Reflection of military subjects in the educational digital space	3490
Kruglova N. R., Sartakov I. V. (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>). Some aspects of analysis of the experience of digitalization of higher education	3499

Gladyshev A. A., Gladysheva A. A. (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>). The philosophy of contemporary education: the fundamental nature or competence of the digital space	3508
--	------

Part II. PEDAGOGICS

Legan M. V., Royak M. E., Gorbunov M. A. (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>). DiSpace 2.0 e-learning system – a fundamental element of the digital educational environment (ecosystem) of NSTU	3520
Sergienko I. V., Krymova M. A. (<i>Ufa, Russian Federation</i>). Design and implementation of an electronic distance learning course to form the teacher's readiness to implement additional education with using e-learning technologies	3532
Molotkov Yu. I. (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>). Online course «Project management system in the government agencies of the Russian Federation»	3543
Kazimov K. G. (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Digital education environment as a condition for the application of digital educational technologies in vocational education institutions	3556
Gavrilova, I. A. (<i>Chelyabinsk, Russian Federation</i>). «Flipped classroom» technology in teaching a foreign language to Master of Laws degree candidates	3566
Gaag A. V., Medensev A. A. (<i>Tomsk, Russian Federation</i>). On the creation of a career-oriented mini-ecosystem «TIA-general education schools – institutions of agrarian vocational education» through the integration of educational offline and online platforms	3575
Artemyeva, E. B., Vikhрева, G. M., Fedotova, O. P. (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>). Scientific library in the regional vocational education system	3583

Part III. PSYCHOLOGY

Menshikov P. V. (<i>Kaluga, Russian Federation</i>). Modern modifications of the constructivist approach in the context of didactic communication research	3594
Sobolnikov, V. V. (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>). Digital transformation as a factor of virtual personality development	3601
Arpentieva M. R. (<i>Kaluga, Russian Federation</i>). Social and psychological problems of the score-rating system for evaluating the work of employees in educational institutions	3611
Fedotov B. V. (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>). Ideology of a healthy lifestyle in modern Russia	3620

Reports on conferences, notes, letters

International scientific and practical conference on the theme «Victory in the Great Patriotic War as a historical phenomenon and worldview orientation» (devoted to the 75 th anniversary of the victory in the Great Patriotic War)	3633
All Russia conference with international participation «Education in XXI century: national goals and strategic tasks»	3637
Information about errors and typos	3639
Provision on submitting the manuscripts	3640

The journal is founded in 2011

Journal is published quarterly

Editor: E. V. Talalaeva

Layout editor: O. V. Mamonov

Translator: N. A. Shvetsova

Desktop publishing: I. V. Tokarev

Address: 630 039, Novosibirsk,

149 Nikitina Str., tel.: (383) 267–34–10

E-mail: journal-idpo@mail.ru

Size is 60 × 84^{1/8}. Offset paper is used. Printer's sheets: 29,57.

Publisher's sheets: 27,28. Circulation is 350 issues. Order № 2272.

Free price. Passed for printing 16.03.2020. Release date 25.03.2020

Siberian Department of Russian Academy of Science Publishers

2 Morskoy Avenue, 630 090, Novosibirsk

Printed in «Zolotoy Kolos»

Publ. of Novosibirsk State Agrarian University

160 Dobrolyubova Str., office 106, Novosibirsk 630 039.

Tel.: (383) 267–09–10. E-mail: 2 134 539@mail.ru

Editorial of journal «Professional education in the modern world» follows the requirements of scientific publication ethics and declares of no conflicts of interest.

DOI: 10.15372/PEMW20200101

Слово редактора

Уважаемые коллеги!

Вашему вниманию предлагается первый номер журнала за 2020 год. На его страницах Вы найдёте много интересных статей, посвящённых различным аспектам отечественного профессионального образования. Содержание этих статей в основном соответствует тематике недавно проведённой конференции, организованной на базе Новосибирского государственного аграрного университета при самом активном участии авторов нашего журнала. Однако время идёт очень быстро. Темпы, набранные страной, ещё более ускоряют необходимость осознания происходящих перемен. Рефлексия по поводу образовательных реформ всегда была основанием для материалов, размещаемых на страницах нашего журнала. Эта стратегическая линия будет продолжаться и в дальнейшем. Те устойчивые позиции и авторитет журнала, которые он приобрёл за девять лет своего существования, укрепляются и расширяются. И это не только география авторов. Это и улучшение качества статей, и актуализация проблематики, и значительный «прирост» социологической базы в публикуемых статьях. Всё это говорит о том, что журнал приобретает выраженную практическую, а не только теоретическую направленность. Это ставит перед редакцией, в качестве насущной, проблему организации, наряду с печатным, ещё и электронного номера журнала, имеющего электронный ISSN. Работа в этом направлении началась. Уже подписан договор о сотрудничестве с крупнейшей за Уралом библиотекой – ГПНТБ СО РАН, которая станет нашим новым партнёром и издателем с лета 2020 года. Устоявшиеся кластеры наших авторов на базе университетов Москвы, Красноярска, Барнаула, Уфы, Томска, Казани, Воронежа, Калуги и других университетских центров, оказывают редакции большую помощь в расширении авторской базы и рецензировании поступающих материалов. Журнал оказывает информационную поддержку в проведении научно-практических конференций. Это новый тренд в развитии журнала. Первый опыт в этом отношении (информационная поддержка конгресса «Степная цивилизация» – 2019) показал достаточную эффективность этого нового в развитии журнала направления. В первом номере Вы увидите информационное письмо о Международной конференции, которая заявлена Новосибирским военным институтом имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии и в проведении которой журнал также будет оказывать информационную поддержку.

В заключение я хотел бы ещё раз обратиться к нашим уважаемым авторам, особенно к их прекрасной составляющей! Редакция поздравляет всех наших авторов-женщин с прошедшим праздником и желает всего-всего самого лучшего и доброго! Ну и как обычно мы рассчитываем на Вашу всемерную поддержку в деле развития нашего сотрудничества.

Главный редактор, доктор философских наук, доцент – С.И. Черных.

УДК 378.1

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФИКТИВНЫЙ КАПИТАЛ

С. И. Черных

Новосибирский государственный аграрный университет

Новосибирск, Россия, e-mail: 2560380@ngs.ru

ORCID: <http://org/0000-0001-6644-8295>

Аннотация. Изменение процессов формирования социального капитала и его человеческого компонента в условиях, когда ИТ и биотехнологии (в своем синтезе) становятся способны изменить сознание, а не только биологическую природу человека, качественным образом изменяют функционал образования. Его определяющей характеристикой становится непрерывность. А качество непрерывности как процессу (с его субъективной стороны, во всяком случае) придает перманентность постоянства и изменчивости, их борьба, непрерывно требующая и порождающая новые и новые качества действующего субъекта. Тотально заорганизованные общества (в пределе – диктатуры), а равно и гражданские неолиберальные государственно-формальные структуры (например, семья) уже не в силах «регулировать» алгоритмы «борьбы» постоянства и изменчивости, в которых индивидуализируется социальный капитал общества и, соответственно, социализируется индивидуальный человеческий капитал. Индивидуальные ценности и смыслы явно динамичнее традиционных общественных, а мотивация и вовлеченность индивида в их формирование зависит от качества разнообразного спектра услуг, которые общество может предоставить индивиду, а индивид обществу. Образование, приобретая функционал услуги, капитализируется в новых условиях иначе, чем раньше. Необходимость его как самодостаточного ресурса успешности индивида «размывается» динамизмом общественных и научных перверсий и, понимая (или не понимая) это индивид «торопится» приобрести самостоятельность (свободу), пробуя себя в том пространстве, которое кажется ему более устойчивым, по сравнению с образовательным и даже семейным пространством. Это пространство трудовых отношений. Однако здесь его встречает другая проблема. Развитость его интеллекта (как способности решать трудовые задачи) оказывается напрямую детерминированной уровнем профессиональной, а зачастую общей культуры. И здесь мы опять возвращаемся к необходимости системного профессионального образования, которое обеспечивает реальный потенциал индивида с необходимостью должного носить символический характер (аттестат, диплом, свидетельство о повышении квалификации, сертификат и т. д.). праву собственности индивида на обладание символическими регалиями предшествует некий процесс, который и именуется образованием. Он (этот процесс) фиксируется одновременно как право и как обязанность индивида, а процесс реализации этого права и этой обязанности составляет своего рода «внешность» для объективации потенциала индивида. Реализация образовательных услуг как потребление, реализация образовательных услуг как распределение, реализация образовательных услуг как производство и даже как обмен – в условиях тотальной коммерциализации образования имеют различную динамику. Это является базисным основанием диспропорций в смыслах (относительно образования формирующихся) у бизнеса рынка; самой системы науки образования; семьи и гражданского общества; и самого индивида. По мере роста общественных затрат и массовизации образования предельная отдача образовательного ресурса снижается. Эта экономическая максима ведет к ряду формирования таких потребностей (у индивида), которые реализуются не действительным, но фиктивным образом, не воспроизводят капитал и стоимость, но перераспределяют их. Согласно методологии воспроизводственного подхода индивидуальный человеческий капитал можно рассматривать как интеграцию трех составляющих: биологической (природной), стационарной (постоянной), динамической (адаптивно-инновационной). Смысл воспроизводства биологической компоненты в воспроизводстве и оптимизации природных способностей как залога лабильности и успешности; смысл воспроизводства стационарной компоненты (образование, профессионализм, компетенции) и, соответственно, воспроизводства динамической компоненты (адаптивность, инновационность, конкурентозамосможность и конкурентоспособность) в создании эффективной личностной экосистемы, оптимально сочетающей фиктивные и действительные её элементы. Место образования в этой оптимизации и будет предметом рассмотрения в этой статье. Основные проблемы подобного рассмотрения фиксируются следующими вопросами: что такое фиктивный образовательный капитал?; как он формируется системой современного образования?; как можно сократить негативные эффекты его воспроизводства? Методологической основой ответа на эти вопросы (автор

не претендует на полноту ни в коем случае) будут являться функциональный и воспроизводственный подходы, позволяющие рассматривать обучение как товар, а образование как специфическую экосистему для формирования и применения индивидом своего человеческого потенциала. Результаты анализа следует рассматривать как личную позицию автора и приглашение к дискуссии.

Ключевые слова: образование, фиктивный капитал, субъект образования, воспроизводство индивида, личностная экосистема.

Для цитаты: Черных С. И. Образование как фиктивный капитал // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 1. С. 3400–3408. DOI: 10.15372/PEMW20200102

DOI: 10.15372/PEMW20200102

EDUCATION AS FICTITIOUS CAPITAL

Chernykh, S. I.

Novosibirsk State Agrarian University

Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: 2560380@ngs.ru

ORCID: <http://org/0000-0001-6644-8295>

Abstract. *Changing the processes of formation of social capital and its human component in conditions when IT and biotechnologies (in their synthesis) are becoming capable of changing not only the biological nature of a person, but also consciousness, qualitatively change the functionality of education. Continuity becomes its defining characteristic. And continuity as a process (from its subjective side, in any case) gets its quality from the permanence of constancy and variability, their «fight», constantly demanding and generating new qualities of the acting subject. Totally bureaucratized societies (at the extreme – dictatorships), as well as civil neo-liberal state-formal structures (e.g. the family) are no longer able to «regulate» the algorithms of «struggle» of constancy and variability, in which the social capital is individualized and, accordingly, individual human capital is socialized. Individual values and meanings are obviously more dynamic than the traditional social ones, and the motivation and involvement of the individual in their formation depends on the quality of the diverse range of services which the society can provide to the individual, and the individual to the society. Education, acquiring the functionality of a service, is capitalized under new conditions in a different way than it was before. Its necessity as a self-sufficient resource of the individual's success is «blurred» by the dynamism of social and scientific perversions and the individual, understanding (or not understanding) this, «hurries» to obtain independence (freedom), trying himself in a space which seems more reliable to him, compared to the educational or even family space. This is the space of workplace relations. However, here he faces another problem. His intellectual development (as the ability to solve work issues) appears to be directly determined by the level of professional and very often general culture. And here we again return to the necessity of systematic professional education which provides the real potential of the individual with the need to have a proper symbolic character (a certificate, a diploma, a certificate of advanced training, etc.). The individual's right for owning symbolic regalia is preceded by a certain process called education. This process is simultaneously fixed as a right and a duty of the individual, and the process of exercising this right and duty forms a kind of «appearance» for the individual's potential objectification. The implementation of educational services as consumption, the implementation of educational services as distribution, the implementation of educational services as production and even as exchange in the conditions of total commercialization of education have different dynamics. This is a basic ground for the disproportions in meanings (forming in relation to education) for the business market; the system of the educational science itself; the family and civil society; and the individual. While social expenses and massification of education are growing, the marginal return of the educational resource is decreasing. This economic maxim leads to forming a number of such needs (in the individual), which are not realized in a real way, but in a fictitious one, do not reproduce capital and value, but redistribute them. According to the methodology of the reproductive approach, individual human capital can be considered as integration of three components: biological (natural), stationary (permanent), dynamic (adaptive-innovative). The value of the reproduction of the biological component is in the reproduction and optimization of natural abilities as a foundation of lability and success; the meaning of the reproduction of the stationary component (education, professionalism, competence) and, accordingly, reproduction of the dynamic component (adaptability, innovation, ability to compete and competitiveness) is in creating an effective*

personal eco-system which optimally combine its fictitious and real elements. The place of education in this optimization will be the subject of consideration in this article. The main problems of such consideration become fixed by the following questions: what is fictitious educational capital? how is it formed by the system of modern education? how is it possible to reduce the negative effects of its reproduction? The methodological basis for answering these questions (the author by no means claims to be complete) will be presented by the functional and reproductive approaches which allow us to consider learning as a commodity and education as a specific eco-system for forming and applying the individual's human potential. The results of the analysis should be considered as the author's personal position and as an invitation to a discussion.

Keywords: *education, fictitious capital, subject of education, reproduction of the individual, personal ecosystem.*

For quote: *Chernykh S.I. [Education as fictitious capital]. Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 3400–3408. DOI: 10.15372/PEMW20200102*

Введение. Человеческий капитал сегодня зачастую рассматривается как основной компонент происходящих трансформаций. Это породило многообразие подходов к его пониманию. Различный исторический контекст развития человеческого капитала, различные школы и области знания, терминологические запутанности и неопределенности этих представлений сами уже стали предметом анализа. Ниже представлена одна из самых полных классификаций представлений о сущности человеческого капитала, которая хорошо иллюстрирует вышесказанное (табл. 1).

Таблица 1

Классификация представлений о сущности человеческого капитала¹

Год	Источник	Определение
1961	Schultz T.	Он указывает, что человеческий капитал, т.е. образование и здравоохранение могут быть связаны с экономическим ростом
1964	Becker G.	Человеческий капитал – это совокупность «знаний, информации, идей, навыков и здоровья человека». Он определяет, что процесс труда человека является основным производственным фактором наряду с землей и капиталом
1970	Thurow L.	«Человеческий капитал – способность индивида к производству благ, его производственные способности, дарования и знания»
1978	Bowen	Определяет человеческий капитал как приобретенные знания, навыки, энергия и мотивация, которыми обладает человек. Эти характеристики могут использоваться в целях производства услуг и товаров в течение определенного периода времени
1991	Критский М. М.	Рассматривается человеческий капитал через его структуру – называет его «авансированный человеческий капитал». Авансированный человеческий капитал определяется как инвестиции в образование и воспитание человека, накапливающиеся в самом начале производственной деятельности
1998	Stewart, T. A.	Человеческий капитал в контексте интеллектуального капитала, формируется с учетом таланта, навыков, способностей и идей. Самым ценным является восприятие, создание и развитие взаимоотношений
1998	Edvinsson and Malone	Состоит из следующих факторов: навыки, знания, творчество и инновации

¹ Источник: Владимирова Ц.Д. [1, с. 2674–2675]

1999	Bontis N.	Дает определение понятию «человеческий фактор организации» – объединенные вместе специальные знания, навыки и интеллект, которые отличают организацию от других. Именно знания, навыки и способности человека создают стоимость организации. Важным является умение привлечь, развивать, удержать и сохранить человеческий капитал, который они собой представляют
1999	Davenport T.	По его мнению, люди обладают врожденными способностями, поведением и личной энергией. Эти элементы формируют человеческий капитал, и сотрудники приносят их в свою работу. Именно сотрудники, которые владеют этим капиталом, могут им распоряжаться
1999	А. Н. Добрынин, С. А. Дятлов и Е. Д. Цыренова	Рассматривает человеческий капитал как результат инвестиций и накопленный у индивида определенный запас знаний, навыков, здоровья, способностей и мотиваций. Эти компоненты используются в процессе труда, содействуя росту его производительности и заработка
2000	Симкина Л. Г.	Определяет человеческий капитал как производственную форму, которая базируется на двух составных частях – непосредственного труда и интеллектуальной деятельности. Эти части могут выступать как организационно-экономические формы разных индивидов или как функции одного и того же индивида; они вступают друг с другом в обменные отношения
2000	Баженова В. С.	Человеческий капитал включает в себя квалификационные характеристики (знания, навыки, уровень образования, производственный опыт, интеллектуальный потенциал) и личностные характеристики, такие как физиологические и социально-психологические особенности (состояние здоровья, инициативность, талант, умственные способности). Эти характеристики формируются в зависимости от инвестиций в формальное и неформальное образование, здравоохранение. При этом они имеют способность накапливаться и приносят доход человеку, владеющему человеческим капиталом, на протяжении его трудовой деятельности и по окончании ее
2004	Yussoff, Jantan and Ibrahim	Определяют человеческий капитал как категорию интеллектуального капитала, в который входят комбинации таких характеристик, как знания, навыки, поведение и взаимоотношения, принадлежащие индивиду
2007	Генкин Б. М.	Человеческий капитал – это совокупность качеств, определяющих производительность, которые являются источниками дохода для индивида, предприятия, семьи и общества. Такими качествами являются здоровье, профессионализм, образование, мобильность и природные способности
2009	Ермоченко О. Н.	Человеческий капитал совокупность врожденных, генетически обусловленных, природных способностей, приобретенных знаний, опыта и мотиваций человека, с помощью которых он может приносить доход
2011	Ployhart and Moliterno	Определяет человеческий капитал как знания, умения, способности и другие характеристики, которые могут быть использованы для повышения производительности. Кроме того, человеческий капитал разделяют на когнитивный (знания, навыки, способности и опыт) и не когнитивный (личность, ценности и интересы)
2012	Стукач Ф. В., Лалова Е. Ю.	Выделяют составляющие человеческого капитала – базовый и развитый. Они различаются по способам формирования, содержанию и по применяемым методам оценки
2013	Носкова К. А.	Человеческий капитал – это запас знаний, навыков, способностей и компетенций человека, которые позволяют создавать социальное, личное и национальное благосостояние

2016	Бощева Н. Л.	Определяет человеческий капитал как совокупность взаимосвязанных компонентов, таких как знания, интеллектуальная и креативная деятельность, профессиональные способности, нравственность, здоровье и др. Создаются условия, в которых человеческий капитал развивается, формируется, используется для обеспечения воспроизводства интеллектуально-инновационной деятельности организации и инновационного развития экономики
------	--------------	--

Разнообразие точек зрения, присутствующих в таблице, акцентируют два обстоятельства: все квалификации, представленные как характеристики человеческого капитала, имеют в качестве исходного основания либо биологическую, либо социальную природу индивида. Учитывая то, что сегодня разительно изменяется классическое представление о человеке вообще и его идентичности (как биологической, так и социальной), в частности, ревизии подвергнуто и само понятие человеческий капитал. Если идентичность (в классике подходов Эриксона – Фромма через бинарный подход П. Рикера приходит в своей трактовке к идеализированным моделям Другого Дж. Мида и пониманию её как «неизбежно разрозненного множества» П. К. Гречко и Ю. Н. Харари, то человеческий капитал также эволюционирует как понятие в сторону дифференциации [2; 3; 4], биологические и социальные составляющие человеческого потенциала рассматриваются как в дискурсе институционального и функционального анализа, что позволяет классифицировать и дифференцировать человеческий капитал по его экспликации через социальные институты (в первую очередь через образование) и по видам предметной деятельности (экономический, рабочий и т.д.). Структурный анализ видов капитал в основном определяется как функционирование и развитие конкретных видов капитала в различных социальных институтах. В этом варианте обсуждается человеческий капитал как образовательный капитал или интеллектуальный капитал (Г. Беккер, Э. Денисон, А. И. Добрынин, С. А. Дятлов, Дж. Кендрик, Г. Б. Критский, Р. Лукас, Б. С. Рябушкин, А. Я. Савельев, А. П. Колядин, Ю. Б. Рубин и др.). В последнее время обозначился спектр работ и диссертаций, посвященных анализу возникновения, развития и функционирования фиктивного капитала как объективно необходимой составляющей человеческого капитала (Е. Н. Геворкян, К. Н. Ермолаев, И. В. Скоблякова, В. П. Щетинин и др.). Однако следует указать в качестве ограничительного момента на то обстоятельство, что подавляющее большинство исследований фиктивного капитала выполнено в «Экономическом ключе», а «непроизводящие реальный товар» сферы практически не рассматривались, а если и рассматривались, так с методологических позиций менеджмента. Устойчивый интерес к проблематике фиктивности образования возник тогда, когда образование перешло в разряд услуги, что позволило применить экономические категории и анализу процессов трансформации образования [5; 6]. Человеческий капитал в этом смысле рассматривался как ресурсный потенциал. При этом физический капитал определяется зачастую как неотчуждаемый ресурс и личное благо, а образовательный (академический, интеллектуальный) как общественное благо. Деятельностный подход, основанный на концепте активного развития и непрерывного динамического изменения отчуждаемого и неотчуждаемого капитала интерпретирует человеческий капитал как воспроизводящийся ресурс индивидуального развития, что позволяет рассмотреть его как целостного социально-экономическую экосистему, как для индивидов, так и для формализованных и неформализованных социальных институтов различной степени организованности.

Рыночные трансформации образования и образовательного капитала реанимировали тот интерес и проблеме «фиктивизации капитала», который явственно проглядывался с середины XIX века в трудах экономистов (К. Маркс, А. Маршалл, В. Парето, Дж. Кларк, Дж. Кейнс, И. Шумпетер и др.), российскими исследователями М. М. Марковым, Л. Е. Гринина, В. А. Мау, А. И. Субетто, А. П. Колядина, А. А. Ермоленко, З. В. Хохоевой, П. В. Худякова и др. Появляются в конце XX – начале XXI века исследования, проблематика которых связана с фиктивизацией образования как реального социального капитала (Н. Боброва, А. В. Резаев, В. С. Стариков, А. П. Колядин, Д. В. Пивоваров и др.). В основном фиктивная составляющая в образовании рассматривалась как следствие его рыночных трансформаций и некомпетентный менеджмент, проводимый в сфере образования. Однако в начале XXI века резко усилилась тенденция в основе которой лежит сомнение пользы высшего образования в принципе. Сомнения эти проявляются не только в «пустой трате времени и денег», но и в самой форме организации всего образовательного процесса. Об этом говорит расширение сети альтернативного образования. Здесь и актуализация семейного обучения и феномен «футоко» в Японии и многое другое [7; 8]. Возрастание «фиктивизации» образовательного капитала по всему образовательному пространству становится фактом, который требует не только качественного, научного анализа, но и принятия мер по минимизации последствий этого явления.

Цель. В данной статье ставятся задачи уточнения понятия «фиктивный капитал», выяснения воз-

возможностей его прогрессии на образовательном пространстве России и прогнозные меры по минимизации его дальнейшего развития.

Методика и методология исследования. Базис изучения различных форм материальных и нематериальных форм общественных отношений был заложен в работах экономистов У. Петти, Д. Рикардо, К. Маркса, Ж. Б. Сэя и др. Само понятие «капитал», его структура, формы, механизм движения позволили различить его реальные и фиктивные стороны, однако сама категория фиктивного капитала была обозначена в неявном виде. А. Маршалл, В. Парете, Дж. Маклеод, М. Сальвадоре, П. Самуэльсон рассматривали движение различных форм капитала более подробно, а П. Бурдьё, Дж. Роджеро, Дж. Коумен, Р. Патнэм и другие исследователи человеческий капитал как особую форму его существования и развития. Их методологические установки послужили основой для углубленного изучения как фиктивного капитала, так и взаимного влияния на развитие движения капитала и социальных отношений. Сегодня отечественными авторами уделяется большое внимание как концепту фиктивного капитала, так и его проявлениям в образовательном пространстве. (А. П. Колядин, А. А. Ермоленко, З. В. Хохоева, Н. Н. Дмитриева, В. А. Май, А. И. Субетто, Р. И. Капелюшников и др.). Наиболее значимым выводом, сделанным из анализа литературы может служить заключение о том, что объем и роль фиктивного капитала в большинстве сфер общественной жизни оказывают значительное влияние на процессы воспроизводства, а опережающие темпы его развития серьезно препятствуют оптимизации темпов роста реального капитала. Это в немалой степени касается человеческого капитала и образовательного капитала как его инварианта. Соответственно, подобная динамика приводит к деформации основного образовательного субъекта – индивида и требует изменений в государственном регулировании процессов развития образовательного пространства, изменения институциональной среды (экосистемы) самого образования и формирования оптимального баланса установок, ценностей и смыслов таких субъектов образовательных взаимодействий как индивид, семья, гражданское общество и государство.

Результаты и обсуждение. В одной из серии «Белых книг», изданных ВШЭ и посвященных различным проблемам образования, дана интересная характеристика современного понимания значимости и сути человеческого капитала. «Необходимо признать, – пишут авторы, – что в условиях фундаментальной неопределенности и институциональной неустойчивости никто не может с точностью определить весь набор характеристик человеческого капитала, которые будут иметь особое значение для социально-экономического развития общества на горизонте 2030 г. и далее. Поэтому человеческий капитал общества – это инвестиционный портфель с определенной долей рискованных активов. Весьма вероятно, что не все инвестиции в человека окажут прямой эффект для экономического роста» [9, с. 30]. Другими словами инвестиции в человеческий капитал несут в себе неопределенные риски, которые не могут качественно и количественно определяться. Если говорить еще проще, то приходится признать то, что неопределенность такого высокого порядка становится онтологическим основанием увеличения фиктивного компонента человеческого капитала. Один из исследователей процессов современной капитализации человеческого капитала. А. П. Колядин, акцентируя эту позицию в применении к образованию, пишет следующее: «Концептуально идея объективности формирования фиктивного компонента человеческого капитала основывается на том, что в условиях перехода к массовому образованию, как неизбежному требованию экономики знаний, наряду с приращением действительного (реального) человеческого капитала, порождается его фиктивная (мнимая, декомпенсированная или неадекватная общественным потребностям) составляющая ... При этом фиктивный компонент человеческого капитала возникает объективно как результат противоречия между перманентно изменяющимися потребностями бизнес-общества и относительной консервативностью образовательной сферы» [10, с. 95–96]. Стремление понять природу возникновения и развития фиктивного капитала является исторической прерогативой экономической науки. «Денежная форма «капитала-труда» (У. Петти, Д. Рикардо, Ж. Сэй); «Специфические социальные отношения, овеществленные в капитале как собственности (марксистская традиция); фиктивный капитал как «функция воздержания» и как «функция благосостояния» (К. Менгер, Ф. Визер и затем Дж. М. Кейнс и Дж. Р. Хикс); понимание и представление фиктивного капитала как «неосязаемой собственности» Т. Вебьяном и У. Митчеллом положили начало пониманию реальной отделенности и самостоятельности функционирования фиктивного капитала. «Проявленность» фиктивного капитала практически во всех сферах жизнедеятельности индивида и общества актуализируется с конца XIX века и, особенно, в XX веке в теориях общественного экономического равновесия (В. Шарп, Дж. Пинтнер), монетаризма (М. Фридмен, А. Шварц, К. Бруннер), в теории рационального ожидания (Дж. Мут, Т. Саргент) и теории свободного предпринимательства (А. Пигу) [11].

В рамках анализа, проводимого экономистами сегодня установлено несколько позиций, определяющими среди которых являются: объективность возникновения фиктивного капитала по мере роста затрат и массовизации производства капитала; возрастание его объема по мере возрастания противо-

речей и неопределенности в общественном развитии и между различными сферами общественной жизнедеятельности, которые порождаются разновекторностью и разными темпами их развития; накопление фиктивного капитала происходит по своим законам и в итоге «под фиктивным капиталом... экономической науки понимается капитал, который сам по себе не создает стоимость, а лишь участвует в её распределении» [10, с. 96]. Подмена традиционного «вещного» товара его «виртуальной» финансовой разновидностью – активами (особенно в форме ценных бумаг) – это наиболее показательное «явление» фиктивизации капитала. Можно ли наблюдать нечто подобное в образовании? Несомненно, так как сам механизм различных типов рынков (в том числе и образования как рынка образовательных услуг) определяется спросом и предложением экономических агентов. Образование, представляемое как внешний фактор формирования индивидуального человеческого капитала, превращается сегодня (в силу требования его непрерывности) в субъективируемый элемент человеческого бытия. Поэтому требуется различение двух интегрированных в действительности феноменов – обучения и образования. Обучение – это отношение, возникающее при передаче информации (знания). Оно может быть полезным или бесполезным, организованным или стохастичным, целенаправленным или бесцельным, принятым или непринятым (как «футоку»), но в нем всегда есть связана «учитель – ученик». Образование – это система, возникающая как взаимодействие множества обучаемых. Это социальная сеть, социальный институт со своими вертикальными и горизонтальными структурами, подчиняющийся правилам (законам), которые формализуются в деятельности основных субъектов образования – индивида, семьи, гражданского общества и государства. Как показывает практика обучение может носить перманентный, дискретный характер и оно всегда лично. Но есть часть образования, которое всегда перманентно. Как вектор в развитии человеческого капитала и как специфический товар скорее может рассматриваться обучение (программы, люди с определенными навыками как профессионалы, технологии), а образование как таковое (целиком) продано (капитализировано) быть может только элементарно (например, продажа лицензии на ведение образовательной деятельности или платное обучение, покупка формы или учебников и т.д.).

Мы уже ссылались на статью Брайана Александера (который в свою очередь ссылается на статью в ИНЕ, представляющую собой анализ отчета компании EDMIT). EDMIT – это аналитическая компания, консультирующая образовательные и другие стар таксы. На этот раз осуществлялся анализ финансового состояния популярных американских колледжей, активно участвующих в процессе коммерческо-образовательных взаимодействий. Анализ осуществлялся на основании четырех переменных: возврат инвестиций в благотворительные фонды, цены на обучение (в том числе и государственные субсидии), скидки на плату обучение и затраты преподавателей и сотрудников. Цель: выяснение того как долго чистые расходы 946 колледжей превышали их чистые активы. Эта «долгота» была приблизительным временем до закрытия каждого колледжа. В этом анализе (особенно с учетом того, что кредитных долгов за обучение в США сегодня насчитывается около 1,5 триллиона долларов) прогноз был таким печальным, что сам отчет так и не был опубликован [5]. Этот частный пример (для образования одной из передовых стран в этой сфере) вполне демонстрирует «фиктивизацию образовательного капитала». «Соккрытие информации» о реальном капитале учебного учреждения – это один из первых шагов к фиктивизации того человеческого контингента, который придет в него учиться. Следующий шаг – невозможность адекватной оценки качества процесса обучения в школе и постшкольном обучении. Так называемые аккредитационные показатели больше напоминают проверку документооборота и «вывесок», а не качества знаний, умений и навыков. То же самое обстоит и с ЕГЭ, в котором «аккредитуются» хорошая память и интуиция и, значительно реже, способности к аналитике и критическому мышлению. Этот перечень фиктивизации образовательного капитала можно «упрется» в две проблемы: образование для производства (бизнеса) и управление образованием как специфической экосистемой. И то и другое – это основные детерминанты (поля), представления о которых рожают «смыслы и ценности» для разработки образовательных технологий, «бытийственности» педагогов (кстати, тоже фиктивизированный функционал, сочетающий учителя и преподавателя, мастера и воспитателя «в одном стакане») и, наконец, для «ищущего себя» индивида – основного субъекта образовательного пространства и актора образовательного взаимодействия.

Выводы. Можно ли минимизировать риски фиктивизации образовательного капитала, если их не удастся ликвидировать совсем? И что для этого надо сделать? Первое, на наш взгляд, необходимо сократить (преодолеть не удастся) «управленческую кампанейщину», когда «кампании по проверкам», «кампании по открытию вузов» и т.д. сменяются самыми противоположными кампаниями («изгнания «вузов-пустышек» или закрытия Европейского университета). Второе – вернуть достоинство системе российского образования (речь не о «квасном патриотизме», а о прекращении или, по крайней мере, разумном применении индикаторов качества труда учителей и, особенно, ученых и преподавателей вузов). Третье –

решение первых двух задач требует рационализации и креативности в образовательном менеджменте. И речь здесь идет в основном о двух вещах – бюрократизации как отрицании академических свобод и региональном неравенстве в статусах школ и вузов. Экосистема российского образования перевыполнена противоречивыми тенденциями, многие из которых «рождены» управленческими решениями. Сегодня по индексу образования (данные ОЕСД на 2018 г.) Россия занимает 24 место среди 188 стран. Это значит, что реальный образовательный капитал весьма значителен и еще эффективен как ресурс общественно-го развития. Однако в условиях сегодняшнего перехода к экономике сервисов и услуг, к миру, который основан на цифре и индивидах, наполненных другими ценностями и смыслами (поколение Z и поколения – альфа), нехватка соответствующих образовательных ресурсов (как частный пример, специалистов среднего уровня) может привести к окончательной потере реноме России как великой державы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Владимирова Ц. Д.** Развитие теории человеческого капитала организации в цифровой экономике // Российское предпринимательство. 2018. Т. 19. №9. С. 2671–2690. DOI:10.18334/rp.19.9.39307.
2. **Тлостанова М. В.** Человек в современном мире: проблемы множественной идентичности // Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2010. Т. IV. Человек в поисках идентичности / Ин-т философии РАН; под ред. Ю. Н. Резника и М. В. Тлостановой. – М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. 528 с.
3. **Назарова М. А., Черных С. И.** Трансформация идентичности в обществе // Профессиональное образование в современном мире. 2017. Т. 7, №3. С. 1163–1168. DOI: 10.153/PEM W20170304.
4. **Нестик Т.** Культурный, социальный и символический капиталы (обзорный материал). [Электронный ресурс]. URL: http://www.sitation.ru/app/j_art_325.htm (Дата обращения: 15.02.2020).
5. Подобные проблемы стоят и перед аналитиками развития и состояния системы образования в США. См.: Brayan Alexander. The most dangerous report in higher education. URL: <https://bryanalexander.org/future-of-education/the-most-dangerous-report-in-higher-education/> (Дата обращения: 07.02.2020).
6. **Angulo A. J.** Diploma Mills: How For-Profit Colleges Stuffed Students, Taxpayers, and the American Dream. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2016; Резаев А. В., Стариков В. С. Академический капитализм и «фабрики дипломов» // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. №3. С. 355–363. Рец. на кн.: Angulo A. J. Diploma Mills: How For-Profit Colleges Stuffed Students, Taxpayers, and the American Dream. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2016. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.19> (Дата обращения: 07.02.2020)
7. **Caplan B.** The Case Against Education: Why the Education System is a waste of Time and Money? Eg.: Princeton University Press. 2018. 416 p. URL: <https://pres.princeton.edu/books/hardcover/9780691174655/the-case-against-education> (Дата обращения: 07.02.2020)
8. **Керантола А.** Почему японские дети не хотят ходить в школу. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/Russian/features-50895110> (Дата обращения: 05.01.2020).
9. Как сделать образование двигателем социально-экономического развития? / Я. И. Кузьминов, И. Д. Фрумен, П. С. Сорокин, И. В. Абанкина и др. – М.: Высшая школа экономики, 2019. 284 с.
10. **Колядин А. П.** Влияние образовательной сферы на соотношение действительного и фиктивного компонентов человеческого капитала // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. №1. С. 95–99.
11. **Дмитриева Н. Н.** Закономерности эволюции фиктивного капитала в воспроизводственном механизме рынка: дисс.... канд. экон. наук. Краснодар: КГТУ, 2010. 14 с.

REFERENCES

1. **Vladimirova Ts. D.** Developmet of the theory human capital in the digital economy. *Russian journal of entrepreneurship*, 2018, vol. 19, no. 9, pp. 2671–2690. DOI:10.18334/rp.19.9.39307 (in Russ)
2. **Tlostanova M. V.** Man in the modern world: problems of multiple identity. *Questions of social theory. Scientific almanac*. 2010. Vol. IV. Man in search of identity. Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences. (Ed.: Reznik Yu. N., Tlostanova M. V.). Moscow, Mezhdistsiplinarnoe obshehestvo sotsial»noy teorii Publ., 2010, 528 p. (in Russ)
3. **Nazarova M. A., Chernykh S. I.** Transformation of identity in society. *Professional education in the modern world*, 2017, vol. 7, no. 3, pp. 1163–1168. DOI:10.153/PEM W20170304 (in Russ)
4. **Nestik T.** Cultural, social and symbolic capitals (review). Available at: http://www.sitation.ru/app/j_art_325.htm (accessed Februar 15, 2020). (in Russ)

5. **Alexander B.** The most dangerous report in higher education. Available at: <https://bryanalexander.org/future-of-education/the-most-dangerous-report-in-higher-education/> (Accessed February 07, 2020). (in Eng.)
6. **Angulo A. J.** Diploma Mills: How For-Profit Colleges Stiffed Students, Taxpayers, and the American Dream. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2016; Rezaev A. V., Starikov V. S. Academic Capitalism and «Diploma mills». A book review on «Diploma mills: How for-profit colleges stiffed students, taxpayers, and the American dream». A. J. Angulo. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2016. *Monitoring of Public Opinion: Economic and social changes*, 2018, no. 3, pp. 355–363. DOI <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.19> (in Russ.)
7. **Caplan B.** The Case Against Education: Why the Education System is a Waste of Time and Money? Eg.: Princeton University Press. 2018. 416 p. Available at: <https://pres.princeton.edu/books/hardcover/9780691174655/the-case-against-education> (in Eng.)
8. **Kerantola A.** Why Japanese children do not want to go to school. Available at: <https://www.bbc.com/Russian/features-50895110> (Accessed January 05, 2020). (in Russ.)
9. How to make education the engine of social and economic development? Kuzminova A., Frumini I., Sorokin P., Abankina I. and other. Moscow, Higher School Economics Publ., 2019, 284 p.
10. **Kolyadin A. P.** The educational domain influence over correlation of actual and fictitious components of human assets. *State and municipal government. Scientific notes SKAGS*, 2016, no. 1, pp. 95–99. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/>. (Accessed February 17, 2020). (in Russ.)
11. See more details: Dmitrieva N. N. Patterus of evolution of fictitious capital in the reproductive mechanism of the market. Diss. Cand. economics. Krasnodar, KGTU Publ., 2010, 14 p.

Информация об авторе

Черных Сергей Иванович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии, Новосибирский государственный аграрный университет (Российская Федерация, 630 039, г. Новосибирск, ул. Никитина 149, e-mail: 2chernych@mail.ru)

ORCID: <http://org/0000-0001-6644-8295>

Статья поступила в редакцию 25.02.20. После доработки 27.02.20. Принята к публикации 27.02.20.

Information about the author

Sergey I. Chernykh – Doctor of Philosophical Sc., Associate Prof., the Head of the Chair of History and Philosophy at Novosibirsk State Agrarian University (149 Nikitina Str., 630 039, Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: 2chernych@mail.ru).

ORCID: <http://org/0000-0001-6644-8295>

The paper was submitted 25.02.20. Received after reworking 27.02.20. Accepted for publication 27.02.20.

УДК 141.3

ГУМБОЛЬДТОВСКАЯ РЕФОРМА ШКОЛЫ КАК ОБРАЗЕЦ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ (ОПЫТ РЕТРОСПЕКТИВНОГО ПРОЕКТНОГО АНАЛИЗА)

А. П. Сегал

Московский Государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
e-mail: segal.alexander@gmail.com

Аннотация. Автор с позиций современной практики стратегирования и проектной деятельности анализирует историю «Больших прусских реформ» Штайна – Гайденберга 1807–1814 гг. в целом и масштабную реформу среднего и высшего образования (гумбольдтовской реформы) в частности. В качестве исследовательской задачи автор видит вычленение системных признаков прусских реформ как социальных проектов и поиск инвариантов, позволяющих сравнивать их с современными социальными проектами. Краткий экскурс в историю реформ Штайна – Гайденберга и реформы Гумбольдта позволяет автору выделить определенные системные черты и определить эти реформы как социальные проекты в современном понимании этого термина. Автор делает оговорку, что такой подход является в значительной мере компаративистским, поскольку сопоставляются во многом разнокачественные объекты, существовавшие в разное время и при разных исторических обстоятельствах. Именно поэтому в первую очередь обращается внимание на сопоставление обстоятельств осуществления реформ и степени их осуществления по мере изменения обстоятельств. Автор рассматривает среднесрочные и долгосрочные результаты гумбольдтовских реформ и делает вывод, что, несмотря на изменение обстоятельств и на достаточно быстрое решение ряда задач, ради которых реформы затевались, изменения в системе образования и в обществе в целом продолжались достаточно долго. Это свидетельствует о присущей им внутренней логике и, соответственно, внутренней целостности и системности. Автор кратко касается причин неудачного опыта применения прусской системы образования в других странах и делает вывод о возможности и даже необходимости системного применения значительной части такого опыта, особенно в его проектной части, в связи со значительным качественным совпадением обстоятельств и проблемного поля.

Ключевые слова: Гумбольдт, социальный проект, стратегия, субъект, объект, будущее.

Для цитаты: Сегал А. П. Гумбольдтовская реформа школы как образец социальной стратегии (опыт ретроспективного проектного анализа) // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 1. С. 3409–3417. DOI: 10.15372/PEMW20200103

DOI: 10.15372/PEMW20200103

HUMBOLDT SCHOOL REFORM AS A STANDARD OF SOCIAL STRATEGY (EXPERIENCE OF RETROSPECTIVE PROJECT ANALYSIS)

Segal, A. P.

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation
e-mail: segal.alexander@gmail.com

Abstract. The author analyzes the history of the «Great Prussian reforms» by Stein-Heidenberg in 1807–1814 in general and the large-scale reform of secondary and higher education (the Humboldt reform) in particular, from the standpoint of modern practice of strategizing and project activity. As a research task, the author sees the identification of systemic features of Prussian reforms as social projects and the search for invariants that allow them to be compared with modern social projects. A brief overview of the history of the Stein-Heidenberg reforms and the Humboldt reforms allows the author to identify certain systemic features

and define these reforms as social projects in the modern sense of the term. The author does a caveat that this approach is to a large extent comparativistic, since a lot of objects of different quality that existed at different times and under different historical circumstances are compared. That is why attention is primarily drawn to the comparison of the circumstances in which reforms are carried out and the degree of their implementation as circumstances change. The author considers the medium- and long-term results of Humboldt's reforms and concludes that, despite the changing circumstances and the fairly rapid solution of a number of tasks for which the reforms were initiated, changes in the education system and society as a whole continued for a long time. This indicates their inherent internal logic and, consequently, their internal integrity and consistency. The author briefly discusses the reasons for the unsuccessful experience of applying the Prussian education system in other countries and concludes that it is possible and even necessary to systematically apply a significant part of such experience, especially in its design part, due to the significant qualitative coincidence of circumstances and the problem field.

Keywords: *Humboldt, social project, strategy, subject, object, future.*

For quote: *Segal A. P. [Humboldt school reform as a standard of social strategy (experience of retrospective project analysis)]. Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 3409–3417. DOI: 10.15372/PEMW20200103*

Введение. Традиция заимствований прусского опыта имеет у нас давнюю историю. Павел Первый, как известно, пошел в отца – в том смысле, что стал большим поклонником всего прусского, а в особенности короля Фридриха Великого. Придя к власти после смерти нелюбимой им матери, Павел Петрович издал указ о введении нового воинского устава и новой военной формы – опять по прусскому образцу. На это А. В. Суворов едко отреагировал знаменитой рифмованной фразой: «Пудра не порох, букли не пушки, коса не тесак: я не немец, а природный русак!». [1]

Будущему генералиссимусу было чем возмущаться: новый устав слепо копировал порядки прусской армии, форма была не приспособлена для русского климата, солдаты мёрзли зимой и мокли осенью. «Русские прусских всегда бивали, что ж тут перенять?» [1] – говаривал граф Рымникский. Впрочем, как выяснилось, парик с буклями и косой имел вполне утилитарный смысл и оказался весьма полезным, ибо защищал голову солдата от удара саблей или тем же самым тесаком. Жестко завитые букли пружинили при скользящем ударе, а в косу был вставлен железный прут, предохранявший шею от кавалерийского палаша.

Как видим, прусский опыт в определенной мере мог быть и полезным – вопрос в мере его освоения. Какова эта мера? Насколько сегодня можно сопоставлять и перенимать опыт разных стран и эпох – причем не в форме единичных актов, действий, решений, а на более глубоком уровне, системно, так сказать? Хорошим поводом для постановки такого вопроса стало 250-летие со дня рождения Александра фон Гумбольдта. Братья Гумбольдты оставили огромный след в истории науки Нового времени. Александр Гумбольдт, кроме всего прочего, был тесно связан с Россией, его естественнонаучные и инженерные разработки активно использовались и у нас. (Хотя не всегда удачно: известна история осушения озера Шарташ близ Екатеринбурга¹. По совету Гумбольдта, чтобы предотвратить затопление шахт водами Исети, горные инженеры осуществили сброс воды, Шарташ обмелел, но шахты все же остались затопленными.) Старший из братьев, Вильгельм, был в большей степени склонен к гуманитарным наукам и политической деятельности. Он прожил на 22 года меньше Александра, но оставил после себя память ничуть не меньшую. В первую очередь речь идет о философских и лингвистических работах Вильгельма фон Гумбольдта в области сравнительного языкознания и учения об индивидуальности. Эти исследования, как нам кажется, в значительной мере повлияли на его практически-политические действия – и легли в основание его самого знаменитого детища: прусской образовательной системы и её вершины – Берлинского (Гумбольдтовского) университета. Именно эту реформу мы и намереемся рассмотреть в настоящей статье.

Постановка задачи и формулировка цели. О масштабной реформе среднего и высшего образования в Пруссии начала XIX века написано много, и всякий автор, обратившись в этой теме, рискует впасть в описательное повествование и «повторение пройденного». Поэтому первая задача, которую мы поставим еще до формулировки цели, заключается в отсечении описательной части – насколько это возможно при рассмотрении исторической ретроспективы.

1 Ныне это озеро находится в городской черте Екатеринбурга.

Целью нашей статьи является рассмотрение названной реформы с позиций современной практики стратегирования и проектной деятельности. Зачем это делается? Затем, что любое иное рассмотрение будет представляться как «примеивание» *элементов* тогдашнего процесса к *процессам* сегодняшним, – то есть чисто эмпирическая процедура, не рассматривающая системности *обоих процессов* и их инвариантности именно в *системном смысле*.

Для реализации названной цели нам предстоит решить ряд *задач*, а именно:

- Описать предысторию проекта
- Описать условия его реализации
- Проанализировать инструментарий проекта и его эффективность

Методология и методика исследования.

Поскольку мы проводим определенную параллель, аналогию между современными социальными проектами и общественными процессами двухсотлетней давности, постольку методологически мы апеллируем в первую очередь к традициям компаративистики. Задачей сравнения становится поиск инвариантов, на основании которых, собственно, и можно проводить сравнение по существу. Таковое будет осуществляться на основании логического подхода, поскольку мы рассматриваем прошлое через призму настоящего и в «оптике» настоящего, то есть применяем к нему критерии и «когнитивную сетку» современных методик.

В то же время нынешние процессы общественного развития рассматриваются нами как становящиеся и незавершенные в данном качестве, а посему мы представляем их исторически. Таким образом, в основе нашего исследования лежит *единство исторического и логического подходов*. Как и в предыдущих статьях, мы ориентируемся на методику и методологию исследования будущего, поскольку речь идет о текущих задачах социального проектирования и стратегирования современного общества.

Результат. Результатом нашего исследования явилось описание гумбольдтовской реформы образования в терминах современной методики социального проектирования и прогнозирования [2].

Термин «проект», по нашим наблюдениям, широко распространился на рубеже второго и третьего тысячелетий и стал своего рода концептуальной модой: любое запланированное хотя бы на день вперед мероприятие называют проектом – от похода к дантисту до строительства моста. Напомним, что проект (от лат. *projectus* – брошенный вперед) изначально означал видение результата, то есть «брошенную вперед», в будущее, реализованную цель.

Здесь мы не будем разворачивать этот тезис, надеясь в ближайшее время специально и подробно высказаться по поводу соотношения категорий цели, прогноза, проекта и плана. Ну а пока лишь заметим, что рассматриваем социальный проект не только как отдельный (начальный) этап *разработки*, но и как *процесс реализации* этих разработок. Иными словами, мы рассматриваем проект *в широком смысле*, как единство постановки цели (целей), разработки средств ее (их) осуществления, определения объектов, подлежащих преобразованию, и методов (технологий) таких преобразований.

В любом случае следует согласиться с тезисом Ж. Т. Тощенко, что социальное проектирование осуществляется «при реконструкции, принципиальной перестройке существующих общественных связей, когда изменяется вся схема управления, обеспечивающая достижение намеченных целей (полная модернизация)» [2, с. 32].

Несколько забегаая вперед, скажем, что для рассмотрения нашего случая в наибольшей мере применим «проблемно-ориентированный» подход, разрабатывавшийся, например, Т. М. Дридзе [3; 4] и Э. А. Орловой [5; 6].

Предыстория реформ

Знаменитая «двойная» битва при Йене и Ауэрштедте 14 октября 1806 г. закончилась для Пруссии сокрушительным поражением.

Здесь, быть может, стоит сделать небольшое историко-философское отступление, поскольку сопоставление хронологии различных событий – вообще чрезвычайно интересное занятие. Выясняется, что жизненные траектории исторических персонажей время от времени пересекаются в самых неожиданных обстоятельствах...

В те дни 36-летний приват-доцент Йенского университета Георг Вильгельм Фридрих Гегель спешно дописывал последнюю главу «Феноменологии духа»: её рукопись он должен был отправить своему издателю Гебхардту не позднее 13 октября (Понятий «дедлайн» и «прокрастинация» в то время еще не было, но проблемы, ими обозначаемые, как видим, вечны!).

Утром 13 октября передовые части французской армии вошли в Йену. Начались грабежи. «Наступает, по словам Гегеля, «час страха». ... В дом к философу врываются запыленные пехотинцы...» [7, с. 50–51] – пишет А. В. Гулыга в известной художественной биографии

Гегель уходит, забрав лишь рукопись и кое-какие личные вещи, и укрывается сначала у проректора университета Габлера, а затем в доме комиссара Хелльфельда на рыночной площади. «При зареве костров и по-

жарищ философ приводит в порядок спасенную рукопись и дописывает ее. Впоследствии он будет гордиться тем, что «Феноменология духа» была завершена в ночь накануне битвы под Иеной» [7, с. 50–51].

Гегель в тот момент симпатизирует Наполеону. 13 октября в письме Иммануила Нитхаммеру, своему другу и посреднику в общении с издателем, он живописует ужасные «форс-мажорные» обстоятельства, могущие привести к нарушению договора с издателем, но, тем не менее, не удерживается от восхищенной характеристики Бонапарта: «Самого императора – эту мировую душу – я увидел, когда он выезжал на коне на рекогносцировку. Поистине испытываешь удивительное чувство, созерцая такую личность, которая, находясь здесь, в этом месте, восседая на коне охватывает весь мир и властвует над ним...» [8, с. 255]. А. Кожев считал, что именно в этот день, «как бы там ни было, История закончилась»... «Если Наполеон – это являющийся Бог (der erscheinende Gott), то являет (révèle – раскрывает) его не кто иной, как Гегель. ...» [9, с. 197] – заявлял он в своих лекциях 1933–1939 гг. в Высшей практической школе.

При всех внешних печальных обстоятельствах Гегель не изменил симпатий к Наполеону. Во-первых, подтверждались его идеи, которые затем легли в основу философии истории: Наполеон воплотил идею всемирного государства. Во-вторых, в конкретных обстоятельствах октября 1806 года Наполеон дал ему возможность, говоря современным языком, сослаться на «форс-мажор» и в итоге, при содействии Нитхаммера, получить от Гебхардта согласие на полную выплату гонорара за «Феноменологию духа».

А вот для Пруссии ситуация сложилась катастрофическая. Это уже потом, после поражения Наполеона, Гегель объявит прусскую монархию воплощением мирового духа. А в 1806 году она вышла из войны с огромными потерями (они более чем в два раза превышали французские) и оказалась на грани исчезновения.

- 7 июля 1807 г. Наполеон и Александр I подписали первый Тильзитский мирный договор, 9 июля – Была потеряна военная мощь – как за счет разгрома армии, так и вследствие отложения богатых ресурсами территорий.
- Экономика пришла в упадок, притом, что и в лучшие времена система хозяйства зиждилась на архаичных феодально-крепостнических порядках.
- По той же причине система власти была слабой – и тоже еще задолго до наполеоновских войн. Как заметил Себастьян Хаффнер, «Пруссия не была королевским государством, а была ... все еще юнкерским» [10]. Недаром еще за сто лет до описываемых событий прадед Фридриха Вильгельма III «король-солдат» (Soldatenkönig) Фридрих Вильгельм I (1688–1740) говорил: «Я разрушаю власть юнкеров» [9, с. 197].
- В это же время в Европе набирает обороты промышленная революция, составляющие которой – паровые двигатели и металлургическая промышленность, переходящая на каменноугольный кокс, – нуждались в каменном угле Вестфалии.
- У Пруссии же остался чрезвычайно малый ресурс, урезанный более чем в два раза: потеря территории, огромные контрибуции, оккупация. Резко снизило и без того слабые шансы Пруссии возвратиться на позиции в Европе, которые она занимала во времена Фридриха II Великого.

В таком состоянии страна попала в «догоняющий» режим без видимых шансов кого-либо догнать. Казалось, что восстановление невозможно...

Решение

В условиях «схлопнувшей» экономики потребовалась *иная модель управления*, которую, собственно, и предложили Генрих фон унд цум Штайн и Карл фон Гарденберг: знаменитые реформы 1807–1814 гг. получили их имена.

Оба реформатора по-своему влияли на «нерешительного и ограниченного Фридриха Вильгельма III, склоняя его к постепенным изменениям хозяйственного строя» [11, с. 86]. Это было нелегко: король, которому на тот момент исполнилось 37 лет, был, что называется «ленив умом», нерешителен, консервативен и «обладал менталитетом, далеким от реформаторского» [11, с. 86].

Биографы характеризуют Штайна как «злого реформатора» [11, с. 83]: за тринадцать месяцев премьерства он успел поссориться со всеми дворцовыми партиями, будучи упрямым, несговорчивым и недипломатичным. В конце концов, в одном из писем он резко высказался о Наполеоне – и был вынужден уйти, навсегда затаив обиду. Но именно благодаря этим качествам ему удалось сделать главное, – проломить стену сопротивления со стороны феодальных сословий и запустить процесс создания модели капитализма, как потом скажет В. И. Ленин, по «прусскому пути» [12, с. 216]. Именно усилиями кабинета под руководством Штайна был разработан и принят рескрипт 1807 года, отменивший крепостное право и разрешивший добровольное отчуждение земли. Таким образом, и первое, и третье сословия оборвали родовую «пуповину», привязывавшую их к земле.

Более дипломатичного, осторожного и либерального Гарденберга по типу характера можно было бы сравнить со Сперанским. И ему удалось продержаться на своей должности (премьер, а затем и канцлер) до самой смерти в 1822 г.

Цели реформ. Их было две:

1. **Экономическая:** восстановить хозяйство, не отстать в развитии при сложившейся «догоняющей экономике».

2. **Военно-политическая:** вернуть территории, или, попросту говоря, — осуществить *реванш*.

Через 7 лет, в 1814 г., территории были возвращены с лихвой: Пруссия прихватила еще и изрядный кусок польской территории (Силезию). Но в момент начала реформ было сложно даже представить, что такое может произойти.

Методы реформ

В присутствии оккупационной армии и при отсутствии материальных ресурсов было принято единственно правильное решение:

- принципиально реформировать государство;
- создать либеральную экономику в тех размерах, что остались;
- создать общество достаточно свободных и образованных людей, способных вписаться в технические, хозяйственные и социальные изменения, происходящие в Европе.

Последний пункт оказался *ключевым*, поскольку

- в условиях недостатка ресурсов упор мог быть сделан на единственный самовоспроизводящийся ресурс — человека;
- результатом трансформации человека как *объекта* в данном процессе становится человек как *субъект* новых общественных отношений.

Итак, необходимо было изменить *самых людей*. «Государство должно заместить духовной силой то, что оно потеряло в физической» — эта фраза, которую, как считается, произнес Вильгельм Гумбольдт при открытии Берлинского университета, выразила *главную идею преобразований*.

Два базовых шага были прописаны и осуществлены в рамках «больших реформ»: отмена крепостного права и замена рекрутского набора всеобщей воинской повинностью.

Но центральным пунктом «больших реформ» стала реформа образования, разработанная и реализованная Вильгельмом фон Гумбольдтом.

Она стала «проектом в проекте», и описанные выше проблемы и решения стали для нее как бы внешней, «физической» (в гумбольдтовском смысле) оболочкой, обстоятельствами её реализации.

Итак, **целью реформы**, если ее рассматривать как социальный проект, стало формирование современного **субъекта** общественных отношений. Этого предполагалось достигнуть через реформирование *системы образования*.

Проблемное поле.

Комплекс проблем, побудивших к формированию и реализации этого проекта, состоял в следующем.

1. «Исходный материал», люди как *объекты* преобразования, были социально неоднородны:

- Крепостные крестьяне, отмена личной зависимости которых от помещиков произошла в 1807 году в рамках «большой» реформы по эдикту, принятому правительством Г. фон Штайна.
- Городские жители, получавшие разноразное по качеству и содержанию образование в разноплановых школах, при огромном влиянии церкви.
- Тонкая прослойка богатых бюргеров и представителей высшего сословия, обучавшая детей на дому или в латинских школах.

2. Стандарты обучения отсутствовали не только в школах, но и в учебных заведениях, занятых подготовкой самих учителей.

3. Потеря главного высшего учебного заведения — университета в Халле.

Решение

1. Создана *структура* школ, опирающаяся на идеи Фихте и Песталоцци об *общей* школе вне условий и профессий:

- широкая сеть народных школ (Volksschule) для получения начальных знаний;
- гимназии — для углубленного изучения классических дисциплин в гуманистическом ключе, с опорой на гумбольдтовские идеи формирования человека (Bildung).

2. Разработана четкая школьная программа, опирающаяся на принципы неогуманизма.

3. После окончания школ и гимназий введены экзамены (абитуры).

4. Преподавателей стали централизованно готовить в педагогических семинариях. Для преподавателей гимназий вводится квалификационный экзамен.

5. Создано министерство образования (бывшее сначала департаментом министерства внутренних дел, а потом выделившееся в отдельное ведомство).

6. И, наконец, в августе 1809 г. основан Берлинский университет, принявший первых 256 студентов в 1810 году.

Реальный ход реформ и «эксцессы исполнения»

После 1814 года сама причина, по которой вводилась реформа, потеряла актуальность. Пруссия вошла в число держав-победительниц Наполеона, вернула и даже расширила свои владения.

Но реформы были запущены в совершенно другом режиме. Авторы проекта решали задачу *долгосрочную*, ибо никто не предполагал, что крах «всемирного однородного Государства» [9, с. 197] Наполеона произойдет всего через 8 лет после поражения Пруссии! Это был поколенческий проект с горизонтом планирования порядка 20–30 лет. И поэтому сама *внутренняя логика* реформ толкала к их продолжению. Кроме того, продолжалась борьба короля с юнкерской верхушкой. Освобождение крестьян привело к росту крупных юнкерских поместий, и противопоставить им можно было бюрократический слой в городе и *гроссбауэров*² в деревне. [13, с. 27] И та и другая социальная группа были заинтересованы в получении образования и интеграции в формирующееся (хоть и «сверху») капиталистическое хозяйство. И, наконец, промышленность, работающая в том числе на военные заказы, требовала грамотных исполнителей. Здесь стоит вспомнить выведенный Жюлем Верном (правда, уже после другого поражения Франции) в романе «Пятьсот миллионов Бегумы» образ приват-доцента Йенского университета, химика Шульце, построившего милитаризованный город-завод Штальштадт. [14]

Все эти факторы в совокупности уравнивали (или, по крайней мере, компенсировали) «ненужность» реформ и недовольство реакционной юнкерской верхушки. Как в старой сказке, – топор из каши был вынут, но каша продолжала вариться. Ну, или говоря словами Фридриха фон Лорай: «*Gottes Mühlen mahlen langsam / mahlen aber trefflich klein*»³

Результаты

Первый промежуточный итог

В 1848 году Европу охватила волна революций. Последовавшая за ними эпоха реакции сказалась и на ходе образовательных реформ. В адрес школьных учителей прозвучали обвинения в том, что революционеры – плоды их трудов. (Это в определенной мере было правдой: наиболее активное участие в революции приняло поколение 30–40-летних – то есть тех, кто застал начало и расцвет школьной реформы.) Учителям открыто заявили, что они «*übergebildet*» (в переводе буквально: «шибко грамотные» – именно в негативной коннотации) – и приняли меры к устранению этого «недостатка». В 1854 г. министр образования, науки и медицины Пруссии Карл Отто фон Раумер выпустил «Регулятивы», расширяющие преподавание в «*фольксшule*» религиозных предметов и ограничивающие образование в учительских семинариях, вплоть до запрета чтения немецкой классики. Здесь стоит отметить практически полное совпадение по времени этого процесса и «Мрачного семилетия» в России (1848–1855), ознаменовавшегося деятельностью «Бутурлиновского комитета» («Комитета 2 апреля»), усилением цензуры, закрытием философских факультетов и расширением преподавания богословия и иных религиозных дисциплин в университетах.

Однако, несмотря на *общеευропейскую* тенденцию к сворачиванию просвещения, процесс, запущенный Гумбольдтом, продолжал идти по инерции, ибо инерция социума гораздо серьезнее, чем даже инерция приливной волны. И вскоре вторая поколенческая волна заставила власти предрержащие убедиться в силе гумбольдтовского проекта.

Второй промежуточный итог

В июле 1866 г. – без малого через 60 лет после поражения при Йене и Ауэрштедте – прусская армия в ходе австро-прусской войны наголову разбила неприятеля при Садовой. Именно тогда Оскар Пёшель – профессор географии из Лейпцига, редактор газеты «Заграница», произнес знаменитую фразу, которую потом приписали Отто фон Бисмарку. В оригинале она звучала так: «*«Народное образование играет решающую роль в войне... когда пруссаки победили австрийцев, то это была победа прусского учителя над австрийским школьным учителем»* (Цитируется по источнику) [15].

Говорят, что Хельмут Карл фон Мольтке (Мольтке-старший), генерал-фельдмаршал Германской и Российской империй, начальник прусского Генерального штаба и один из трех реальных основателей Германской Империи, довольно резко выступил против утверждения Пешеля, заявив: «*Говорят, что школьный учитель выиграл наши сражения. Одно знание, однако, не доводит еще человека до той высоты, когда он готов пожертвовать жизнью ради идеи, во имя выполнения своего долга, чести и родины; эта цель достигается его воспитанием... Не ученый выиграл наши сражения, а воспитатель....*» [15].

Прошло всего четыре года, и Мольтке собственными действиями фактически опроверг свои слова. В июле 1870 года Наполеон III объявил Пруссии войну. Прусский генштаб смог по заранее составлен-

2 Богатые, зажиточные крестьяне; «кулаки».

3 Медлят жернова Господни, / Да мелка идет мука...

ному плану быстро мобилизовать почти полумиллионную армию, которая по железным дорогам была переброшена к границе и в самые короткие сроки начала вторжение во Францию. Благодаря отличной выучке персонала железных дорог, качеству вооружения и обмундирования, организации и, как бы мы сейчас сказали, логистике, строго по плану «в одиннадцать дней Германия мобилизовала 450 тыс. солдат; 2 августа был дан первый бой; 6 августа, т.е. через 18 дней после начала войны, разразилось одно из кровопролитнейших сражений всей кампании. А 2 сентября, спустя 45 дней после объявления войны, Наполеон со своей армией был разгромлен при Седане, взят в плен и отвезен в Германию» [16]. Автор этих строк, Гаррингтон Эмерсон, подчеркивал, что участники событий с германской стороны были хорошо обучены и действовали *ohne Hast, ohne Rart* (без торопливости и без промедления).

Что это было, как не следствие прусской системы обучения? Как отмечает автор «Военного обозрения», прусская гимназическая система, конечно же, формировала у своих выпускников вполне определенные качества: «дисциплинированность, аккуратность, почтительность к старшим (не по возрасту, а по положению), «патриотизм» (в смысле абсолютного доверия правительству и полного принятия его внешней и внутренней политики)» [15]. Но чего не заметил (и не мог из того времени заметить) Мольтке – так это более широкий, *стратегический* «образовательный и социальный смысл прусской системы». А он заключался в том, «чтобы дать **всему населению** необходимый базовый уровень культуры, без чего невозможно нормальное, а тем более, ускоренное научно-техническое развитие» [15].

Как видим, реформы приносят плоды, оценить которые не в состоянии не только современники, но и ближайшие потомки. Возникает вопрос: думали ли сами отцы прусских социальных проектов о будущем? Безусловно, да. О таком ли будущем они думали? Вряд ли. Другими словами, проект дал результат, который не прогнозировали.

Впрочем, возможен вариант: сам Гумбольдт вполне осознавал последствия реформы и силу просвещения, когда говорил: «Свобода увеличивает силу и вызывает, как это всегда делает большая сила, настроение либеральное и человеческое» [17, с. 197]. И был прав.

Выводы

О применимости прусского опыта «тогда»

Успех прусской системы образования, как это ни парадоксально, был замечен тогда, когда на родине от нее уже начали поэтапно отказываться. Показательно, что все тот же Г. Эмерсон вспоминал, как будучи 17-летним юношей следил по газетам за действиями Мольтке в 1870 году и как его «притягивало спокойное, беспощадное уменье» немцев. Однако успех прусских образовательных проектов не смогли в полной мере *повторить* ни Австрия, ни Россия, ни другая европейская страна. Почему? Во-первых, известно, что «кейсы» обычно не применимы целиком – только их элементы и/или принципы – именно в силу того, что опыт перенимается в *иных обстоятельствах* и что неизвестна статистика *неуспешного опыта* (это называют «ошибкой выжиших»). [18] Во-вторых, и это, пожалуй, наиболее важный момент, попытки перенять прусский опыт игнорировали главный принцип реформы: внепрофессиональность и внесловность образования, его массовость, создающую базу для воспитания фронтиров-интеллектуалов. Прусский опыт пытались распространить на узкий элитарный слой [15].

О применимости прусского опыта сейчас

К сожалению, общая ситуация «тогда у них» и «сейчас у нас» пугающе похожа. В особенности ситуация сходна в части отставания и «догоняющего развития». В первую очередь в нашем времени применим один, но важнейший принцип: необходим *общий*, в массе своей высокий, уровень подготовки, отвечающий темпам развития. Это касается и общего, и профессионального образования, и даже спорта. Совершенно очевидна, например, задача подготовки учителей, не развращенных натаскиванием детей на задания ЕГЭ – и отучения от этого тех, кто уже привык.

При этом трещин в государственном устройстве, которых так боялись и тогдашние, и наши охранители, от «шибко умных» не пошло и не пойдет. Именно *благодаря* выпускникам университетов, гимназий и «фольксшULE» к началу объединения Германии в наиболее продвинутых землях работали и железные дороги, и тяжелая промышленность, и система связи.

Может, и у нас получится?

К сожалению, ныне, как и в период распространения прусского опыта в конце XIX века, в выражении «интеллектуальная элита» предпочитают переносить акцент на второе слово, предлагая остальным «дрессировку» под стандартный набор тестов. К счастью, все больше людей понимают: пора выходить из замкнутого круга, в том числе опираясь на опыт великих гуманистов, каковыми были братья Гумбольдты.

Что же касается реальных стратегических ходов, следующих из рассмотренного здесь материала – то это уже отдельный проект, и достаточно понятны его основные очертания. Дело за малым: решиться, не дожидаясь Йены и Ауэрштедта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Раковский Л.** Генералиссимус Суворов. М.: Военное издательство, 1959.
2. **Тощенко Ж. Т.** Прогнозирование, проектирование и планирование в социальном управлении // *Социология власти*. 2005. №5. С. 23–45.
3. **Дридзе Т.** Станет ли социология «наукой наук об обществе»? // *Социологические исследования*. 2001. №3. С. 19–20.
4. **Дридзе Т. М.** «Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии» // *Социологические исследования*. 2000. №2. С. 20–28.
5. **Дридзе Т., Орлова Э.** Основы социокультурного проектирования. М., 1995.
6. **Орлова Э.** Концепция социального взаимодействия в контексте изучения социокультурной микродинамики // *Обсерватория культуры*. 2014. №6. С. 4–16.
7. **Гулыга А. В.** Гегель. М.: Молодая Гвардия, 2008. 263 с.
8. **Гегель Г. В. Ф.** Работы разных лет: в 2 томах. Т. 2. М.: Мысль, 1971.
9. **Кожев А.** Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003. 792 с.
10. **Хаффнер С.** Пруссия без легенд. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=174197&p=23>. (дата обращения: 29.12.2019).
11. **Травин Д., Маргания О.** Штейн и Гарденберг. – реформатор «злой» и реформатор «добрый» // Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. СПб.: Норма, 2016. С. 392.
12. **Ленин В. И.** Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов // Полное собрание сочинений. Т. 13. С. 216.
13. **Персидская Н. Ю.** Отмена крепостного права в России и Германии (сравнительная характеристика) // *Социально-политические науки*. 2011. №1. С. 25–28.
14. **Verne J.** «Les Cinq Cents Millions De La Bégum,» 1879. URL: <http://www.gutenberg.org/files/4968/4968-h/4968-h.htm>. (дата обращения: 04.01.2020).
15. **Державин В.** Война, которую выиграл прусский учитель // Военное обозрение. 27 декабря 2013. URL: <https://topwar.ru/37776-voyna-kotoruyu-vyigral-prusskiy-uchitel.html>. (дата обращения: 28.12.2019).
16. **Эмерсон Г.** Двенадцать принципов производительности. М.: Экономика, 1992. С. 224.
17. **фон Гумбольдт В.** О пределах государственной деятельности. Челябинск-Москва: «Социум», «Три Квадрата», 2003. С. 196.
18. **Taleb N. N.** The Black Swan: the impact of the highly improbable. 2nd ed. London: Penguin, 2010.

REFERENCES

1. **Rakovskii' L.** Generalissimus Suvorov. Moscow, Voenizdat publ, 1959.
2. **Toshchenko Zh. T.** Forecasting, design and planning in social management. *Sotciologiya vlasti*, = *The Sociology of Power*, 2005, no. 5, pp. 23–45. (In Russian)
3. **Dridze T.** Will sociology become the «science of social Sciences»? *Sotciologicheskie issledovaniya* = *Sociological research*, 2001, no. 3, pp. 19–20. (In Russian)
4. **Dridze T. M.** Ecoanthropocentric model of social cognition as a way to overcome the paradigm crisis in sociology. *Sotciologicheskie issledovaniya* = *Sociological research*, 2000. no. 2, pp. 20–28. (In Russian)
5. **Dridze T., Orlova E.** *The foundations of socio-cultural design*. Moscow, 1995.
6. **Orlova E.** The concept of social interaction in the context of the study of socio-cultural microdynamics. *Obseratoriya kul'tury* = *Observatory of culture*, 2014, no. 6, pp. 4–16. (In Russian)
7. **Gulyga A.** *Hegel*. Moscow, Molodaia Gvardiya publ., 2008, 263 p.
8. **Hegel G. W. F.** *Works of different years*. In 2 volumes, vol. 2, Moscow, Mysl publ., 1971.
9. **Kozhev A.** *Introduction to the reading of Hegel*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, 792 p.
10. **Haffner S.** Prussia without legends. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=174197&p=23>. (accessed: 29.12.2019).
11. **D. Travin and O. Margania** Stein and Gardenberg. reformer «evil» and reformer «good. *Modernization: from Elizabeth Tudor to Yegor Gaidar*. St. Petersburg, Norma publ., 2016, 392 p.
12. **Lenin V. I.** The agrarian program of social democracy in the first Russian revolution of 1905–1907. In *Complete works*, vol. 13, p. 216.
13. **Persidskaya N. Yu.** Abolition of serfdom in Russia and Germany (comparative characteristics). *Sotcialno-politicheskie nauki* = *Social and political Sciences*, 2011, no. 1, pp. 25–28. (In Russian)
14. **Verne J.** *Les Cinq Cents Millions De La Bégum* 1879. Available at: <http://www.gutenberg.org/files/4968/4968-h/4968-h.htm>. (accessed: 04.01.2020). (In French)

15. **Derzhavin V.** The War won by a Prussian teacher. *Voennoe obozrenie = Military Review*, December 27, 2013. Available at: <https://topwar.ru/37776-voyna-kotoruyu-vyigral-prusskiy-uchitel.html>. (accessed 28 December 2019). (In Russian)
16. **Emerson G.** *Twelve principles of productivity*. Moscow, Economics publ., 1992, 224 p.
17. **von Humboldt V.** *On the Limits of State Activity*. Chelyabinsk-Moscow, Society&Three Squares publ., 2003, 196 p.
18. **Taleb N.N.** *The Black Swan: the impact of the highly improbable*. 2nd ed., London, Penguin Publ., 2010.

Информация об авторе

Сегал Александр Петрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник кафедры философии языка и коммуникации философского факультета Московского Государственного университета имени М. В. Ломоносова», (Российская Федерация, 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, 1, МГУ имени М. В. Ломоносова, Учебно-научный корпус «Шуваловский», философский факультет. mail: segal.alexander@gmail.com)

Статья поступила в редакцию 22.01.20. После доработки 24.01.20. Принята к публикации 27.02.209.

Information about the author

Segal, A. P. – PhD in Philosophy, Senior researcher of the Chair of Philosophy of Language and Communication of the Faculty of Philosophy at Lomonosov Moscow State University, (Training and Research Block «Shuvalov», 1, Lenin Hills, Moscow, 119991, Russian Federation, e-mail: segal.alexander@gmail.com)

The paper was submitted 22.01.20. Received after follow-up revision 24.01.20. Accepted for publication 27.02.20.

УДК: 004:37

ЦИФРОВОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ

Н. Л. Микиденко

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики,
Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: nl_nsk@sibsutis.ru

С. П. Сторожева

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики,
Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: s.storozheva@sibsutis.ru

Аннотация. Информационные образовательные ресурсы в условиях формирования и развития цифрового образовательного пространства становятся неотъемлемым элементом образовательных технологий и обеспечивают повышение доступности и качества образования, преодоление неравенства доступа к качественному образованию, представляют интересы различных образовательных субъектов, а также предлагают возможность выбора образовательных траекторий. В такой ситуации проблемы и практики применения информационных ресурсов, их тематическое содержание, размещение и оформление становится значимым вопросом. Методологической основой исследования принята концепция цифрового общества, развиваемая современной социологией, в рамках которой изменения, происходящие в обществе, объясняются влиянием цифровых технологий на социальное пространство и уровнем включенности людей в цифровизацию, качественной характеристикой которого является соединение знаний и людей. Цель исследования выявить проблемы и практики применения информационных образовательных ресурсов, на основе выявления факторов, влияющих на цифровизацию образовательного процесса в учебном заведении. Основная гипотеза сводилась к тому, что цифровой индекс студента (а именно, возможности доступа к сети Интернет, практики пользования Интернетом, уровень развития человеческого капитала) определяет применение информационных образовательных ресурсов и готовность к их использованию и выстраиванию на их основе образовательных траекторий непрерывного образования. Позиции студентов по вопросам выбора образовательных ресурсов, представлений о структуре ресурсов, оценки и удовлетворенность ресурсами, которыми они пользуются в образовательных практиках, выявлены на основании проведенного авторами анкетного опроса студентов. При интерпретации результатов использованы методы описания, сравнения, классификации и интерпретации данных. Результаты: выявлены круг проблем, обусловленных образовательной средой и цифровым индексом потребителя образовательных услуг/студента, практики применения информационных образовательных ресурсов. Практическая значимость результатов состоит в том, что исследование факторов, выявляющих на цифровой индекс студента, позволяет определять направления и формы воздействия на готовность студента к выбору стратегии образования через всю жизнь на основе применения цифровых технологий.

Ключевые слова: цифровое образование, электронная образовательная среда, информационные образовательные сервисы, информационные образовательные ресурсы.

Для цитаты: Микиденко Н. Л., Сторожева С. П. Цифровое образовательное пространство: проблемы и практики применения информационных образовательных ресурсов // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 1. С. 3418–3427. DOI: 10.15372/PEMW20200104

DOI: 10.15372/PEMW20200104

DIGITAL EDUCATIONAL SPACE: PROBLEMS AND PRACTICES OF APPLICATION OF INFORMATION EDUCATIONAL RESOURCES

Mikidenko, N. L.

*Siberian state University of telecommunications and informatics,
Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: nl_nsk@sibsutis.ru*

Storozheva, S. P.

*Siberian state University of telecommunications and informatics,
Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: s.storozheva@sibsutis.ru*

Abstract. *Information educational resources in the conditions of formation and development of digital educational space become an integral element of educational technologies and provide the increase of education availability and quality, overcoming the inequality of access to quality education, represent interests of various educational subjects, and also offer the opportunity to choose an educational trajectory. In this situation, the problems and practices of information resources, their thematic content, placement and design become a significant issue. The methodological basis of the research is the concept of digital society, developed by modern sociology, in which the changes occurring in society are explained by the influence of digital technologies on social space and the level of inclusion of people in digitalization, the qualitative characteristic of which is the connection of knowledge and people. The purpose of the study is to identify the problems and practices of the use of information educational resources, based on the identification of factors affecting the digitalization of the educational process in an educational institution. The main hypothesis was that the digital index of a student (namely, the possibility of access to the Internet, the practice of using the Internet, the level of human capital development) determines the use of information educational resources and readiness to use them and build educational trajectories of lifelong education on their basis. Students' positions on the choice of educational resources, ideas about the structure of resources, evaluation and satisfaction with the resources they use in educational practices were revealed on the basis of the questionnaire survey of students conducted by the authors. The methods of description, comparison, classification and data interpretation were used in the interpretation of the results. Results: the study reveals the range of problems caused by the educational environment and the digital index of the consumer of educational services/student, as well as practice of application of information educational resources. The practical significance of the results is that the study of factors that identify the digital index of the student, allows you to determine the directions and forms of influence on the readiness of the student to choose the strategy of education through life on the basis of digital technologies.*

Keywords: *digital education, electronic educational environment, information educational services, information educational resources.*

For quote: *Mikidenko N. L., Storozheva S. P. [Digital educational space: problems and practices of application of information educational resources]. Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 3418–3427. DOI: 10.15372/PEMW20200105*

Введение. Широкое проникновение цифровых технологий в самые разные сферы жизнедеятельности человека поставило вопрос о цифровой революции, в результате которой происходят качественные и широкомасштабные изменения всех сфер общественной жизни. Цифровые технологии становятся двигателем развития общества на данном этапе, трансформируя традиционные модели экономических и социальных отношений. Появляются новые рынки, новые бизнес-модели, изменяется запрос рынка труда на профессиональные digital-компетенции соискателя, изменяется структура экономики. В контексте цифрового развития происходят качественные изменения в системе образования. С одной стороны, система образования, чтобы соответствовать запросу общества и рынка, должна освоить цифровую технологию, с другой стороны, освоение цифровой технологии меняет содержание и технологии образовательного процесса, формирует новые стратегии выбора образовательных траекторий. С. И. Черных обращает внимание на тот факт, что «и старые, и новые образовательные парадигмы, прокламируя единую по форме цель (обучение) достаточно явственно различаются по принципам и методам дости-

жения этой цели... Образование 2.0 и 3.0 все более приходит в конфликт с образованием 4.0 Это происходит по всем структурным элементам экосистемы: технологиям, услугам, стандартам, нормативным требованиям» [1, с. 251–253].

Вместе с проникновением цифровых технологий в образовательное пространство возник целый класс понятий, связанных с цифровизацией образования. Вопросы экспликации этих понятий, получивших широкое распространение, таких как «он-лайн образование», «Е-образование», «образовательные платформы» (Learning Platform)» представлены в работах И. М. Курдюмовой [2, с. 114–117], «цифровая трансформация образования» в работе Г. Л. Тульчинского [3], «цифровое образование» в работах М. Е. Вайндорф-Сысоевой, М. Л. Субочевой [4], Р. Сулейманова [5], «дистанционное обучение», «электронное обучение» в работах Е. А. Черной [6], Л. А. Пожарской, О. А. Расторгуевой [7], «образование 3.0» как личностно-ориентированное образование на основе web-технологий описано в работах С. С. Лучинина. Автор указывает, что стимулом для развития «образования 3.0» выступает наличие: технической платформы, программной платформы и педагогической образовательной среды [8, с. 144]. Т. В. Никулина рассматривает сущностные характеристики электронного и дистанционного обучения (образовательная среда без границ, интерактивная коммуникация между педагогом и учащимся, разнообразие форм), определяет критерии и показатели качества обучения (качество содержания образования, качество технического обеспечения, качество технологий обучения, качество результата обучения, удовлетворенность субъектов образовательного процесса) [9, с. 134–135, 137].

Целый ряд работ посвящен вопросам развития массовых открытых онлайн-курсов. И. Ю. Храмова выделяет основные тенденции, проблемы и достижения в сфере образовательных методик и технологий массовых открытых онлайн-курсов, которые, как отмечает автор, будут определять вектор развития образовательного пространства в ближайшее десятилетие. Распространение открытых образовательных систем и онлайн-обучения – тренд в развитии системы образования [10, с. 136]. С. Л. Тимкин рассматривает динамику и эволюцию системы MOOK, дает их классификацию и определяет тренды развития западных и отечественной национальной платформ открытого образования [11]. Е. А. Голубкова анализирует преимущества MOOC в сравнении с традиционными моделями образования [12], М. С. Готовкина обращает внимания на такие преимущества MOOC как бесплатность, возможность привлечения лучших специалистов, наличие множественной коммуникации, наличие постоянно доступных банков информации) [13].

В. Н. Цыганкова обращается к вопросам состояния и условий развития массовых образовательных курсов в России, определяет сложности внедрения онлайн-технологий обучения [14]. О. А. Кондрашихина, С. А. Медведева приводят оценки экспертов о развитии MOOK, рассматривают сложности их внедрения в образовательную среду российского вуза [15].

Сравнивая российскую и зарубежную практику, Н. Г. Соснина анализирует предпосылки развития системы открытого образования в Канаде и в России, действующие образовательные платформы (университет Атабаска и Уральский государственный экономический университет), образовательные программы, состав обучающихся, формирует предложения по развитию MOOK в России с привлечением зарубежного опыта [16]. А. В. Баранов, А. В. Тагаев, О. В. Котлярова анализируют опыт развития MOOK в системе образования республики Южная Корея, факторы, способствующие широкому распространению онлайн-образования (фактор приоритета государственной политики в сфере образования) [17].

Вопросы возможностей применения информационных технологий в образовательном процессе рассмотрены рядом исследователей. Н. В. Тимошкина обращается к анализу сервисов Web 2.0, дает характеристику преимуществ web-ресурсов в сравнении с традиционными образовательными технологиями (открытость, бесплатность, свобода, простота, надежность, возможность создания индивидуального и/или коллективного контента, возможность использования он- и оффлайн) [18]. Е. И. Тупикин, Э. Ф. Матвеева, П. Д. Васильева рассматривают комплекс методических вопросов, связанных с внедрением, организацией и проведением вебинаров, отвечают на вопрос о необходимых социально-педагогических условиях, позволяющих эффективно внедрять данную форму в дистанционное образование [19]. Вопросы мотивации в сфере электронного обучения поднимают А. Г. Тяглый [20], И. Л. Арефьева, Т. В. Лазарев [21]. Исследователи отмечают, что вопросы мотивации учебной деятельности в формате электронного образования относятся к числу актуальных, как и для традиционных форм обучения.

В исследовании С. Л. Лобачева, В. И. Солдаткина отражены вопросы состояния и тенденций внедрения и применения интернет-технологий в западных и отечественных образовательных системах, представлен анализ содержательного наполнения отечественных образовательных информационных ресурсов и их принадлежность [22].

Существует немало публикаций посвященных вопросам методологии и методам преподавания отдельной дисциплины в рамках дистанционного образования, методам тестирования с применением элек-

тронных сервисов, что нашло отражение в работах С. А. Молодякова [23], Е. Л. Макаровой, О. И. Пугача [24], А. Л. Мазелиса [25], О. М. Карпенко, А. В. Лукьянова, А. В. Абрамова, В. А. Басова [26].

Проблемам онлайн-образования, вопросам качества цифрового обучения, электронным технологиям в образовании посвящена, проводимая ежегодно с 2015 года в УлГТУ, научно-практическая, конференция «Электронное обучение в непрерывном образовании» (г. Ульяновск, Российская академия наук, Министерство образования и науки РФ, 2019 г.) [27].

В образовательной среде в настоящее время активно ведутся дискуссии, затрагивающие проблемы замены некоторых традиционных очных курсов на онлайн-курсы. Возможно ли такая замена и как это может отразиться на преподавателях, студентах и в целом на образовательном процессе. В связи с этим в 2016 году Национальным исследовательским университетом ВШЭ совместно с Аналитическим центром Ю. Левады было проведено исследование, посвященное перспективам использования массовых открытых онлайн-курсов в учебном процессе на основе опроса студентов и преподавателей российских вузов [28]. Исследование свидетельствовало о весьма незначительной степени внедрения MOOC в учебный процесс. При этом в ведущих вузах доля студентов, которые ничего не знают о таких курсах, составляет 68%, а в обычных вузах 75%, интересовались курсами 11% и 25%, проходили обучение – 4% и 2%, получили диплом – 2% и 1%. Подводя итоги, можно отметить, что исследования онлайн-образования затрагивают широкий круг вопросов и проблем, включая качество, модели, технологии, возможности и ограничения использования его ресурсов. В исследованиях по данной теме используются разные понятия, характеризующие электронные ресурсы, которые используются для образовательных целей. Цифровое образовательное пространство продолжает развиваться и усложняться. Образовательные субъекты (организации, участники образовательного процесса активно включены в его формирование и освоение. Эти новые практики требуют осмысления и оценки, как с позиции специалистов, создающих технические, программные и методические решения для таких ресурсов, так и с позиции пользователей (учеников, студентов, слушателей).

Постановка задачи. Цель исследования выявить проблемы и практики применения информационных образовательных ресурсов, на основе выявления факторов, влияющих на цифровизацию образовательного процесса в учебном заведении. К ним могут быть отнесены электронные ресурсы, дистанционные курсы, образовательные порталы, электронная информационная образовательная среда университета, библиотечная среда или система и т.д. Задачи исследования: выявить цифровой индекс студента, рассмотреть предпочтения студентов в выборе образовательных ресурсов (представление о возможностях информационных образовательных сервисов; наиболее востребованные информационные образовательные сервисы; причины, по которым студенты используют информационные образовательные сервисы), выявить представления о структуре ресурсов, оценки и удовлетворенность ресурсами, которые используются в образовательных практиках.

Основная гипотеза: цифровой индекс студента, включающий возможности доступа к сети Интернет, практики пользования Интернетом, уровень развития человеческого капитала, определяет применение информационных образовательных ресурсов и готовность к их использованию и выстраиванию на их основе образовательных траекторий непрерывного образования.

Методика и методология исследования. Методологической основой исследования принята концепция цифрового общества, развиваемая современной социологией, в рамках которой изменения, происходящие в обществе, объясняются влиянием цифровых технологий на социальное пространство и уровнем включенности людей в цифровизацию, качественной характеристикой которого является соединение знаний и людей. В. Ф. Ницевич высказывает мнение, что потенциал теорий основных социологических парадигм (натуралистической, интерпретирующей и оценивающей) оказался недостаточным для описания процессов и явлений, происходящих под давлением цифровых технологий [29, с. 20], что определило появление новых направлений в социологии: исследование информационных, телекоммуникационных процессов. По мнению автора, «накопленный исследовательский потенциал закладывает основы новой парадигмы – парадигмы цифрового общества» [29, с. 20], предметной областью которой станет использование цифровых технологий в повседневной жизни и их влияние социальные отношения, публичные и приватные модели поведения.

Метод исследования: анкетный опрос студентов дневной формы обучения разных типов программ (бакалавриата, специалитета и магистратуры).

Исследование проводилось в форме анкетного опроса среди студентов г. Новосибирска (бакалавриата (90,5%), специалитета (5%) и магистратуры (4,5%) очной формы обучения (N = 178 человек) осенью 2019 г. Среди респондентов 51% юноши, 49% девушки; по курсу обучения 1 курс (30%), 2 курс (18,5%), 3 курс (21,9%), 4 курс (5%), 5 курс (2,8%). Проведение исследования на неслучайной доступной выборке, с одной стороны, является ограничением исследования, в то же время представленность в выборке групп,

различных по полу, курсу, виду образовательной программы и профилю обучения позволяет выявлять типичные проблемы и практики использования образовательных информационных сервисов. Анкета включала вопросы открытого и закрытого типов и содержала вопросы о видах образовательных информационных ресурсов, которые студенты применяют в своих образовательных практиках, частоте их использования, оценке обучающих материалов с точки зрения их оформления, организации, информативности для получения теоретических знаний и выработки практических навыков, возможности коммуникации с преподавателем, а также достоинства и недостатки информационных образовательных сервисов.

Результаты. Современное образовательное пространство насыщено различными образовательными ресурсами и сервисами, которые имеют как открытый доступ, так и размещены на площадках университетов или коммерческих ресурсов. Однако на вопрос «Используете ли Вы информационные образовательные сервисы?» ответили «да» только 84% студентов. Ежедневно обращаются к ним 21%, 35,4% используют электронные ресурсы 2–3 раза в неделю, 22,5% несколько раз в месяц. Среди информационных образовательных сервисов, которые используют студенты названы электронно-образовательная система университета, электронные и онлайн-библиотеки (IPR-books, ЛитРес, e-library, КиберЛенинка), образовательные ресурсы Coursera, платформа Мультиуроки, онлайн-курсы по программированию, лекции с IT-конференций, образовательные порталы ПостНаука и Arzamas, сетевая энциклопедия Википедия, КонсультантПлюс для студентов, а также сервисы Степик, дуолинго, матпрофи, Смартия, Хабр, StudFiles, образовательные и исследовательские ресурсы Яндекса и ряд других.

Наиболее важными достоинствами образовательных информационных сервисов по мнению студентов является их доступность (отмечено 66,9% респондентов) и обучение в индивидуальном темпе (59%). Наиболее значимыми недостатками студенты считают недостаток общения с преподавателем (56,7% отметили этот ответ) и высокую вероятность бросить обучение (47,7%). Распределение ответов на эти вопросы представлено на рисунках 1 и 2.

Рис. 1. Оцените достоинства, которыми обладают информационные образовательные сервисы? (Выберите не более 3 наиболее значимых для Вас вариантов ответа), (N респондентов=178, % респондентов, выбравших вариант ответа)

Рис. 2. Оцените недостатки, которыми обладают информационные образовательные сервисы? (Выберите не более 3 наиболее значимых для Вас вариантов ответа), (N респондентов=178, % респондентов, выбравших вариант ответа)

Структура курсов остается серьезной методической проблемой. Студенты склонны оценивать образовательные информационные ресурсы с позиции актуального и интересного содержания курса, способов систематизации и представления материала. В условиях современной визуальной культуры для 87% студентов значимо включение в курс видеоматериалов, рисунков и презентаций. Использование образовательных информационных ресурсов как макетов и тренажеров определяет их возможности по отработке практических навыков.

Рис. 3. Оценки значимости элементов в структуре курса, который изучается с использованием образовательных информационных сервисов (N=178 респондентов, %)

Представляют интерес предпочтения студентов в выборе формы освоения образовательных программ (рис. 4). Более 28% выбирают традиционную форму обучения, 56,7% делают выбор в сочетании традиционной формы обучения с дистанционными образовательными технологиями. Использование образовательных информационных сервисов рассматривают как более эффективную для себя около 10% студентов.

Рис. 4. Если бы Вы могли выбрать форму получения образования, то Вы бы предпочли... (Nреспондентов=178, %)

Эти результаты указывают на то, что среди студентов формируется группа, проявляющая готовность к организации своих образовательных практик самостоятельно, с опорой на информационные и методические материалы информационных образовательных ресурсов, что является условием формирования качеств саморазвивающейся личности, которая требуется экономике будущего.

Выводы. Значимость цифрового образовательного пространства как многозадачной реальности в ближайшее время в связи с развитием цифровых технологий и задачами принятой программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (2017), будет возрастать. Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы.

1. Востребованность исследований влияния цифровых технологий на социальные отношения и повседневные практики, в том числе образовательные, актуализируют поиск и консолидацию методологических основ подобных исследований.

2. Исследования влияния цифровых технологий на социальные отношения актуализируют значимость исследований по определению и уточнению показателей индекса цифровизации.
3. Наблюдаемое противоречие между высоким уровнем цифровизации молодого поколения (доступ к Интернету и количество устройств, имеющих выход в Интернет, которыми обладают студенты) и отставанием в материально-техническом оснащении образовательного пространства, отмечаемого исследователями [5] объясняет низкий уровень сформированности компетенций в использовании образовательных информационных ресурсов.
4. Наличие обратной связи от обучающихся, потребителей образовательных услуг, использующих образовательные информационные сервисы, должно способствовать наполнению цифровой образовательной среды качественными ресурсами, осуществлению психолого-педагогической и методической поддержки действующих образовательных информационных ресурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Черных С.И.** Экосистема образования в условиях цифровых технологий // Современные тенденции развития системы образования Сборник трудов Международной научно-практической конференции. 2018. (Чебоксары, 27 март 2018 г.). Чебоксары: Среда, 2018. С. 251–253. DOI: 10.31483/r-559. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34978791>
2. **Курдюмова И.М.** Современные он-лайн-платформы в образовании за рубежом: направления развития понятия // Приоритетные направления развития науки и образования: сборник статей VI Международной научно-практической конференции: в 2-х частях. 2019. С. 114–117. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37216384>
3. **Тульчинский Г.Л.** Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе // Философские науки. 2017. №6. С. 121–136.
4. **Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л.** «Цифровое образование» как системообразующая категория: подходы к определению // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2018. №3. С. 25–36. DOI: 10.18384/2310-7219-2018-3-25-36.
5. **Сулейманов Р.** Правда и ложь о цифровом образовании [Электронный ресурс] // Учительская газета. № 27 от 3 июля 2018 года. URL: <http://www.ug.ru/archive/75140> (дата обращения 10.11.2019).
6. **Черная Е.А.** Понятия дистанционного и электронного (дистанционного) обучения, опыт применения в Великобритании // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2011. №1 (4). С. 171–174. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16753457>
7. **Пожарская Л.А., Расторгуева О.А.** Дистанционное образование: дефициты и перспективы // Совет ректоров. 2013. № 10. С. 69–75. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21056541>
8. **Лучинин С.С.** Технология образование 3.0 и ее использование в корейском институте передовых технологий KAIST [Электронный ресурс] // Электронная информационно-образовательная среда вуза: проблемы формирования, контекстного наполнения и функционирования IV Всероссийская методическая конференция. под ред. Е.А. Ходыревой. 2015. С. 143–146. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25010549> (дата обращения 10.11.2019).
9. **Никулина Т.В.** Электронное и дистанционное обучение: сущность и качество // Theoretical & Applied Science. 2015. №1 (21). С. 134–138. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22893246> (дата обращения 10.11.2019).
10. **Храмова И.Ю.** Модели интеграции массовых открытых онлайн-курсов в основные образовательные программы вузов [Электронный ресурс] // Архитектура университетского образования: современные университеты в условиях единого информационного пространства сборник трудов III Национальной научно-методической конференции с международным участием. Под редакцией И.А. Максимцева, В.Г. Шубаевой, Л.А. Миэринь. Санкт-Петербург, 2019. С. 135–141. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39574036> (дата обращения 10.11.2019).
11. **Тимкин С.Л.** Эпоха МООК: новый этап развития открытого образования в России и мире [Электронный ресурс] // Современные проблемы информатизации образования. Омск, 2017. С. 211–266. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30083555> (дата обращения 10.11.2019).
12. **Голубкова Е.А.** Открытое образование: поиск новой парадигмы [Электронный ресурс] // Устойчивое развитие России: вызовы, риски, стратегии: материалы XIX Международной научно-практической конференции: к 25-летию Гуманитарного университета. 2016. С. 451–455. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26338441> (дата обращения 10.11.2019).
13. **Готовкина М.С.** Массовые открытые онлайн курсы как инновационная тенденция в непрерывном образовании педагогов // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2015. №2. С. 1099–1102. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25779124>

14. **Цыганкова В.Н.** Перспективы использования массовых открытых он-лайн курсов в российских вузах [Электронный ресурс] // Модернизация российского общества: стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров: материалы XX Всероссийской научной конференции (национальной с международным участием) / ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики». 2019. С. 564–568. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37614006> (дата обращения 10.11.2019).
15. **Кондрашихина О.А., Медведева С.А.** Проблемы готовности преподавателей вуза к разработке и внедрению MOOK [Электронный ресурс] // Теория и методика обучения и воспитания в современном образовательном пространстве: сборник материалов III Международной научно-практической конференции. 2018. С. 114–120. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32541219> (дата обращения 10.11.2019).
16. **Соснина Н.Г.** Анализ тенденций развития открытого образования в России и Канаде // Открытое образование. 2018. Т. 22, №6. С. 65–72. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36765359>
17. **Баранов А.В., Тагаев А.В., Котлярова О.В.** Система открытого образования в республике Корея: перспективы внедрения // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12, №6. С. 40–55. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32486188>
18. **Тимошкина Н.В.** Интернет-сервисы в работе педагога: монография. Ульяновск, 2019. 102 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38552218>
19. **Тупикин Е.И., Матвеева Э.Ф., Васильева П.Д.** Вебинары как инновационное средство образовательного процесса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2014. №4. С. 109–116. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22862808>
20. **Тяглый А.Г.** Мотивация в сфере E-learning // На путях к новой школе. 2015. №4. С. 50–53. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25911194>
21. **Арефьева И.Л., Лазарев Т.В.** Мотивация в дистанционном обучении. [Электронный ресурс]: научная статья // И. Арефьева, Т. Лазарев. Образовательный проект «Мой университет», МИР «Эко-Про». 2015. URL: <http://prazdnik.moi-universitet.ru/blog/9086.html> (дата обращения: 10.11.2019).
22. **Лобачев С.Л., Солдаткин В.И.** Интернет-обучение: тенденции и проблемы // Телекоммуникации и информатизация образования. 2004. №2. С. 18–39. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9229260>
23. **Молодяков С.А.** Преподаватель в вузе: из опыта повседневной жизни // Высшее образование в России. 2016. №3 (199). С. 91–98. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25682809>
24. **Макарова Е.Л., Пугач О.И.** Особенности разработки и внедрения курсов образовательной области «математика» в системы дистанционного обучения // Самара: Самарский научный вестник. 2016. №2 (15). С. 165–171. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26110655>
25. **Мазелис А.Л.** Геймификация в электронном обучении // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2013. №3 (21). С. 139–142. URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=33847337>
26. **Карпенко О.М., Лукьянова А.В., Абрамова А.В., Басов В.А.** Геймификация в электронном обучении // Дистанционное и виртуальное обучение. 2015. №4 (94). С. 28–43. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23134014>
27. **Международная научно-практическая конференция «Электронное обучение в непрерывном образовании 2019»** [Электронный ресурс]. URL: <http://conf-el.ido.ulstu.ru/?q=node/3> (дата обращения: 10.11.2019).
28. **Рудаков В.Н.** Перспективы массовых открытых онлайн-курсов в Российской Федерации: опрос преподавателей и студентов вузов [Электронный ресурс] // Мониторинг экономики образования: Информационно-аналитические материалы по результатам социологических обследований. 2018. № 11 (77). 4 с. URL: [https://memo.hse.ru/data/2018/04/19/1150470091/iam_11_2018\(77\).pdf](https://memo.hse.ru/data/2018/04/19/1150470091/iam_11_2018(77).pdf) (дата обращения: 10.11.2019).
29. **Ницевич В.Ф.** Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания // Цифровая социология/Digital Sociology. 2018. №1. С. 18–28. DOI: <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2018-1-18-28>

REFERENCES

1. **Chernykh S. I.** Ecosystem of education in digital technology. *Modern trends in the development of the education system Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. 2018. (Cheboksary, March 27, 2018). Cheboksary, Wednesday Publ., 2018, pp. 251–253. DOI: 10.31483/r-559. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34978791>
2. **Kurdyumova I. M.** Modern online platforms in education abroad: directions for the development of concepts. *Priority areas for the development of science and education*. Collection of articles of the VI International Scientific and Practical Conference, in 2 parts, 2019. pp. 114–117. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37216384>

3. **Tulchinsky G.L.** Digital Transformation of Education: Challenges to Higher School. *Philosophical Sciences*, 2017, no. 6, pp. 121–136.
4. **Vayndorf-Sysoeva M.Ye., Subocheva M.L.** «Digital education» as a system-forming category: approaches to definition. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Pedagogy*, 2018, no. 3, pp. 25–36. DOI: 10.18384/2310-7219-2018-3-25-36.
5. **Suleymanov R.** The truth and the lie about digital education. *Teacher's newspaper*. No. 27 dated July 3, 2018. Available at: <http://www.ug.ru/archive/75140> (accessed November 10, 2019).
6. **Chernaya E.A.** The concepts of distance and electronic (distance) learning, experience in the UK. *Vector Science of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology*, 2011, no. 1 (4), pp. 171–174. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16753457>
7. **Pozharskaya L.A., Rastorgueva O.A.** Distance education: deficits and prospects. Council of Rectors, 2013, no. 10, pp. 69–75. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21056541>
8. **Luchinin S.S.** Technology education 3.0 and its use at the Korean Institute of Advanced Technologies KAIST. *Electronic information and educational environment of the university: problems of formation, contextual*. Content and functioning of the IV All-Russian Methodical Conference under the editorship of E.A. Khodyreva. 2015, pp. 143–146. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25010549> (accessed November 10, 2019).
9. **Nikulina T.V.** Electronic and distance learning: essence and quality. *Theoretical & Applied Science*, 2015, no. 1 (21), pp. 134–138. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22893246> (accessed November 10, 2019).
10. **Khramova I.Yu.** Models for the integration of mass open online courses in the main educational programs of universities. *Architecture of university education: modern universities in a single information space*. Collection of works of the III National Scientific and Methodological Conference with international participation. Edited by I.A. Maksimtsev, V.G. Shubaeva, L.A. Mierin. St. Petersburg, 2019, pp. 135–141. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39574036> (accessed November 10, 2019).
11. **Timkin S.L.** The era of MOOCs: a new stage in the development of open education in Russia and the world. *Modern problems of the informatization of education*. Omsk, 2017, pp. 211–266. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30083555> (accessed November 10, 2019).
12. **Golubkova E.A.** Open education: the search for a new paradigm. *Sustainable development of Russia: challenges, risks, strategies: materials of the XIX*. International Scientific and Practical Conference: on the 25th anniversary of the Humanitarian University. 2016, pp. 451–455. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26338441> (accessed November 10, 2019).
13. **Gotovkina M.S.** Massive open online courses as an innovative trend in lifelong education of teachers. *ASOU Conference: collection of scientific papers and materials of scientific and practical conferences*. 2015, no. 2, pp. 1099–1102. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25779124>
14. **Tsygankova V.N.** Prospects for the use of mass open online courses in Russian universities. *Modernization of Russian society: management strategies, enforcement and training*. Materials of the XX All-Russian Scientific Conference (national with international participation). ChOU VO «Taganrog Institute of Management and Economics». 2019, pp. 564–568. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37614006> (accessed November 10, 2019).
15. **Kondrashikhina O.A., Medvedeva S.A.** Problems of readiness of university teachers for the development and implementation of MOOK. *Theory and methodology of training and education in the modern educational space*. Collection of materials of the III International Scientific and Practical Conference. 2018, pp. 114–120. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32541219> (accessed November 10, 2019).
16. **Sosnina N.G.** Analysis of development trends of open education in Russia and Canada. *Open education*, 2018, vol. 22, no. 6, pp. 65–72. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36765359>
17. **Baranov A.V., Tagaev A.V., Kotlyarova O.V.** The system of open education in the Republic of Korea: prospects for implementation. *Central Russian Journal of Social Sciences*, 2017, vol. 12, no. 6, pp. 40–55. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32486188>
18. **Timoshkina N.V.** Internet services in the work of the teacher: a monograph. Ulyanovsk, 2019, 102 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38552218>
19. **Tupikin E.I., Matveeva E.F., Vasilyeva P.D.** Webinars as an innovative means of the educational process. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Pedagogy*, 2014, no. 4, pp. 109–116. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22862808>
20. **Tyagly A.G.** Motivation in the field of E-learning. *On the way to a new school*, 2015, no. 4, pp. 50–53. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25911194>

21. **Arefieva I. L., Lazarev T. V.** Motivation in distance learning: scientific article. I. Aref'eva, T. Lazarev. Educational project «My University», MIR «EcoPro». 2015. Available at: <http://prazdnik.moi-universitet.ru/blog/9086.html> (accessed November 10, 2019).
22. **Lobachev S. L., Soldatkin V. I.** Internet-training: trends and problems. *Telecommunications and informatization of education*, 2004, no. 2, pp. 18–39. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9229260>
23. **Molodyakov S. A.** Lecturer at the university: from the experience of everyday life. *Higher education in Russia*, 2016, no. 3 (199), pp. 91–98. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25682809>
24. **Makarova E. L., Pugach O. I.** Features of the development and implementation of courses in the educational field «mathematics» in distance learning systems. Samara: Samara Scientific Herald, 2016, no. 2 (15), pp. 165–171. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26110655>
25. **Mazelis A. L.** Gamification in e-learning. *Territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service*, 2013, no. 3 (21), pp. 139–142. URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=33847337>
26. **Karpenko O. M., Lukyanova A. V., Abramova A. V., Basov V. A.** Gamification in e-learning. *Distance and virtual learning*, 2015, no. 4 (94), pp. 28–43. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23134014>
27. International scientific-practical conference «E-learning in continuing education 2019» [Electronic resource]. Available at: <http://conf-el.ido.ulstu.ru/?q=node/3> (accessed November 10, 2019).
28. **Rudakov V. N.** Prospects for mass open online courses in the Russian Federation: a survey of teachers and university students. *Monitoring the education economy: Information and analytical materials based on the results of sociological surveys*. 2018, no. 11 (77), 4 p. Available at: [https://memo.hse.ru/data/2018/04/19/1150470091/iam_11_2018\(77\).pdf](https://memo.hse.ru/data/2018/04/19/1150470091/iam_11_2018(77).pdf) (accessed November 10, 2019).
29. **Nitsevich V. F.** Digital sociology: theoretical and methodological sources and foundations. *Digital sociology / Digital Sociology*, 2018, no. 1, pp. 18–28. DOI: <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2018-1-18-28>

Информация об авторах

Микиденко Наталья Леонидовна – кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии, политологии психологии, Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, (Российская Федерация, 630 102, г. Новосибирск, ул. Кирова, 86, e-mail: nl_nsk@sibsutis.ru)

Сторожева Светлана Петровна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры социологии, политологии психологии, Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, (Российская Федерация, 630 102, г. Новосибирск, ул. Кирова, 86, e-mail: s.storozheva@sibsutis.ru)

Статья поступила в редакцию 11.11.19. После доработки 21.01.20. Принята к публикации 27.02.20.

Information about the authors

Natalia L. Mikidenko – candidate of sociologie sciences, associate professor, Head of the Cair of sociology, political science and psychology, Siberian state university of telecommunications and information sciences (86, Kirov street, Novosibirsk, 630 102, Russian Federation, e-mail: nl_nsk@sibsutis.ru)

Svetlana P. Storozheva – candidate of culturologie, associate professor, associate professor of sociology, political science and psychology, Siberian state university of telecommunications and information sciences (86, Kirov street, Novosibirsk, 630 102, Russian Federation, e-mail: s.storozheva@sibsutis.ru)

The paper was submitted 11.11.19. Received after reworking 21.01.20. Accepted for publication 27.02.20.

УДК 37.011 + 111.1

ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЕ: РЕОНТОЛОГИЗАЦИЯ ИЛИ ДЕОНТОЛОГИЗАЦИЯ?

С. Ю. Полянкина

Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: polyankina@corp.nstu.ru

Аннотация. Проблемная цель статьи заключается в выявлении направления вектора развития современных образовательных систем в цифровую эпоху в сторону реонтологизации или деонтологизации образования. Целенаправленная цифровизация и коммодификация образования, способствующие воплощению в реальность положений этики трансгуманизма, влекут за собой трансформацию представлений о сущности образования, по масштабам сравнимую с внедрением массового образования в XX веке. Возникают новые способы построения онтологий образования, направленные на поиски основополагающих оснований данного феномена. Веками под образованием понимался процесс трансляции знаний, ценностей, норм поведения, способов деятельности от человека к человеку, вовлечение в локальные и международные социокультурные и профессиональные практики, принятые в конкретном человеческом сообществе. В настоящее время речь идёт о перепоручении в будущем данной миссии искусственному интеллекту и исключительно персонализированным, но, по сути, дегуманизированным компьютерным программам, мобильным приложениям и онлайн-курсам. Таким образом, проводится политика очередной реонтологизации образования как социокультурного феномена, в которой отдельные исследователи видят деонтологизацию, т. е. подрыв фундаментальных основ в социальном устройстве образования как социокультурного феномена и модуса бытия. Возникает вопрос о том, настолько ли деструктивны по своим последствиям вышеозначенные тенденции, или же речь идёт о смене отдельных онтологем (т. е. положений онтологии образования). Автор статьи выявляет направления реонтологизации образования в XXI веке и проводит социально-философскую экспертизу онтоаксиологии онлайн-образования. Делается вывод о наличии у онлайн-образования как позитивного реонтологизирующего, так и деструктивно деонтологизирующего потенциале в совокупности с другими трансформировавшимися онтологемами современного образования. Среди фундаментальных сущностных основ образования, утрата которых будет означать конец для социокультурного феномена и рождение новой практики, названы личностное взаимодействие участников образовательного процесса и баланс интеграции и дифференциации в образовании.

Ключевые слова: онтология образования, реонтологизация, деонтологизация, цифровизация, онлайн-образование.

Для цитаты: Полянкина С. Ю. Онлайн-образование: реонтологизация или деонтологизация? // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 1. С. 3428–3437. DOI: 10.15372/PEMW20200105

DOI: 10.15372/PEMW20200105

ONLINE-EDUCATION: REONTOLOGISATION OR DEONTOLOGISATION?

Polyankina, S. Yu.

Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: polyankina@corp.nstu.ru

Abstract. The problematic goal of the article is to identify the direction of the vector of development of modern educational systems in the digital age towards reontologization or deontologization of education.

Purposeful digitalization and commodification of education, which contribute to the implementation of the provisions of transhumanist ethics, entail the transformation of ideas about the nature of education, comparable in scale to the introduction of mass education in the 20th century. New ways of constructing ontologies of education are emerging, aimed at finding the foundations of this phenomenon. For centuries, education has been understood as the process of transmitting knowledge, values, norms of behavior, and ways of doing from person to person, involvement in local and international sociocultural and professional practices adopted in a particular human community. Currently, we are talking about entrusting this mission to artificial intelligence and exclusively personalized, but, in fact, dehumanized computer programs, mobile applications and online courses. Thus, the policy of the next re-ontologization of education as a sociocultural phenomenon is being carried out, in which certain researchers see deontologization, i.e. undermining the foundations in the social structure of education as a sociocultural phenomenon and mode of being. The question arises as to whether the aforementioned trends are so destructive in their consequences, or whether it is a question of changing individual ontologemes (i.e., the provisions of the ontology of education). The author of the article identifies the directions of re-ontologization of education in the 21st century and conducts a socio-philosophical examination of the onto-axiology of online education. The conclusion is drawn that online education has both a positive re-ontologizing and destructively deontologizing potential together with other transforming ontologemes of modern education. Among the fundamental essential foundations of education, the loss of which will mean the end for the sociocultural phenomenon and the birth of a new practice, personal interaction of participants in the educational process and the balance of integration and differentiation in education are singled out.

Keywords: *ontology of education, reontologisation, deontologisation, digitalization, online-education.*

For quote: Polyankina, S. Yu. [Online-education: reontologisation Or deontologisation?]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 3428–3437. DOI: 10.15372/PEMW20200105

Введение. Онлайн-образование открывает невиданные возможности для перестройки национальных систем образования и создания глобального виртуального образовательного пространства. Очевидно, что цифровизация – не просто модное веяние, а важнейший вектор целенаправленной политики по модернизации систем образования в России и за рубежом.

Так, в марте 2017 г. рабочая группа Аналитического центра при Правительстве РФ, состоящая из более сотни экспертов (представителей высших учебных заведений, разработчиков образовательных технологий, основателей проекта «Открытое образование», чиновников и предпринимателей) приняла решение о создании до конца 2017 г. нормативной базы, позволяющей университетам беспрепятственно включать открытые онлайн-курсы в свои образовательные программы. Решение принято в рамках осуществления приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации», целью которого является подготовка «к 2018 году условий для системного повышения качества и расширения возможностей непрерывного образования для всех категорий граждан за счет развития российского цифрового образовательного пространства и увеличения числа обучающихся образовательных организаций, освоивших онлайн-курсы до 11 млн человек к концу 2025 года» [1]. В тексте паспорта проекта подчёркивается его важность как для формального (освоение основных профессиональных компетенций), так и неформального образования (обеспечение профессиональной ориентации учащихся, выявление талантливых детей, образования на протяжении всей жизни во всех сферах научного знания и самоопределения личности).

В среднем общем образовании с 2018 по 2025 гг. планируется запуск национального проекта «Цифровая школа», реализация которого, по словам министра Просвещения О. В. Васильевой, «повлечёт за собой обновление содержания образования и изменение роли учителя, который станет куратором, ориентирующим ребёнка в соответствии с его запросами и приоритетами, максимально индивидуализирует траектории обучения школьников» [2].

Данные отечественные инициативы находятся в авангарде мировых образовательных практик, к примеру, предложенных ЮНЕСКО в Инчхонской декларации и рамочной программе действий по обеспечению всеохватного и справедливого качественного образования и поощрения возможности обучения на протяжении всей жизни для всех на период до 2030 г. (см. пункт 45) [3].

Компьютеризация образовательного пространства названа С. И. Черных онтологической основой изменения образовательного взаимодействия [4]. Если ранее веками под образованием понимался процесс трансляции знаний, ценностей, норм поведения, способов деятельности от человека к человеку, вовлечение в локальные и международные социокультурные и профессиональные практики, приня-

тые в конкретном человеческом сообществе, то в скором будущем речь идёт о перепоручении данной миссии искусственному интеллекту и исключительно персонализированным, но, по сути, дегуманизированным компьютерным программам, мобильным приложениям и уже упомянутым онлайн-курсам. Останется ли подобная практика научения человека от машины образованием?

Для ответа на поставленный вопрос необходимо в первую очередь очертить контуры онтологии образования и лишь затем понять, является ли происходящая трансформация его основ реонтологизацией под влиянием технического прогресса (не раз происходившей за историю становления и развития образования как социального института и его формирования как социокультурного феномена), или же мы имеем дело с более деструктивным процессом, покушающимся на сущностные основы образования, подмена которых грозит его деонтологизацией и превращением в новый феномен.

Постановка задачи. Среди задач исследования – определение онтологии и онтологизации образования, выявление направлений реонтологизации образования в XXI веке, формулировка предварительных выводов о неизменных сущностных основаниях образования, не подлежащих реонтологизации, а также проведение социально-философской экспертизы онтоаксиологии онлайн-образования с целью обнаружения её деонтологизирующего потенциала.

Методика и методология исследования. В ходе исследования были использованы *структурно-функциональный подход*, рассматривающий образование как воспроизводящий и структурирующий общество процесс и как подсистему общества, и *философско-антропологический подход* к рассмотрению гуманистической сущности образования, отдающий приоритет формированию всесторонне развитой личности специалиста как ответственного субъекта глобальной цивилизации в качестве результата образования. Элементы *абстрактно-исторического метода* применены при обнаружении направлений реонтологизации образования в XXI веке. *Аксиологический подход* положен в основу проведения социально-философской экспертизы онтоаксиологии онлайн-образования.

Результаты. Под онтологией в философии изначально понимается учение о сущности объекта, допускающее, что предмет определяется детерминирующей его сущностью, задающей все его атрибуты и признаки. *Онтология* служит объяснительным принципом, инструментарием для понимания и прогностики. Неотъемлемую роль онтологии в приближении к Истине отмечал ещё Аристотель: ««из тех, кто по-разному знает один и тот же предмет, больше, по нашему мнению, знает тот, кто знает, что такое этот предмет по его бытию, а не по его небытию; из тех же, кто обладает таким знанием, знает больше, чем другой, и больше всего тот, кто знает суть вещи, а не тот, кто знает, сколь велика она, или какого она качества, или что она способна по своей природе делать или претерпевать...» [5, с. 63]. В настоящее время онтологией также называют модель действительности, таковой, какой мы её мыслим [6] или схему, совокупность обобщенных суждений о мире и человеке, выраженную в формах понятий, образов и метафор (Красиков, 2007) [7]. Онтологии переводят материал опыта в смыслы сознания средствами следующих мыслительных процедур: обобщения, очеловечивания мира, формирования онтологической схемы из предельных понятий для определения границ сущего и, наконец, объективирования. Конструирование онтологий – осознанные и большей частью неосознанные процессы формирования подобных обобщенных суждений, последующего оперирования и манипулирования с ними в создании картины мира. Онтологии в данном понимании могут обнаруживаться на различных уровнях сознания: индивидуальном, групповом, профессиональном, общественном, национальном и глобальном.

С. Дацюк подчёркивает, что онтологией можно назвать лишь самые фундаментальные представления в той или иной области мышления и деятельности [8]. Онтологии не обязательно быть сформированной в строгой таксономии понятий. С этой ролью, по его мнению, может справиться метафора и даже язык бытовых описаний. Однако через когнитивные метафоры онтологию можно лишь указать или задать, а выразить только в понятиях или категориях. Такое выражение онтологии в таксономии понятий он называет *содержательной онтологизацией*, а её положения – онтологемами. Онтологические основания, таким образом, состоят из онтологических единиц и схем их сборки. При этом данный процесс не лишён этических оснований, для чего Дацюк вводит понятие «онтоаксиология» – теоретические и ценностные положения, которые выражают опыт онтологизации и реонтологизации.

Онтологизация в программировании – практика по повышению уровня строгости концептуальных представлений об исследуемом феномене, формализация результатов исследования, максимальное опредмечивание, оформление концептуальной схемы (онтологического каркаса).

Онтологизация также тесно связана с пониманием в коммуникации – формированием общего пространства смыслов у её участников. А. О. Карпов считает важным в определении онтологизации то, что она проясняет основополагающие начала локальных сфер бытия, которые порождают социокультурные феномены и практики [9]. Онтологизация образования невозможна без учёта духовной жизни общества, его социальной структуры, экономики и производства, политики и власти.

А. О. Карпов также выделяет три главных параметра онтологизации: полноту (выявление всех критичных в сущностном плане контекстов влияния на онтологическом уровне); функциональность (учёт структуры управления, доктринальных групп, общественных институтов, антагонизма идей, конъюнктуры и личностных пристрастий) и глубину (достижение предельной дескрипции феномена – его форм, способов бытия, функций) [9].

Национальное образование строится на основании трёх фундаментальных элементов: концептуальных основ, законе об образовании и программе развития. Концептуальные основы определяют реальное содержание образования и смысл построения и развития системы образования. Они зиждутся на онтологии образования, доминирующей в конкретную эпоху в конкретном обществе и могут артикулироваться в виде манифестов, эдиктов, деклараций, директив, доктрин, стратегий, программных докладов и выступлений, стратегических правительственных решений. В настоящее время в России отсутствует национальная образовательная доктрина, которая бы содержала установки, определяющие вектор развития отечественного образования, а именно его цели, смыслы, содержание, организацию, направления развития, приоритеты, условия и т. п. Отчасти эти установки прописаны в законе об образовании (к примеру, определение понятия «образование» и его цели), который юридически кодифицирует и легитимизирует эти онтологические положения в качестве правовой базы для образовательной политики государства, но не является самодостаточной концептуальной системой. Таким образом, закон об образовании – лишь форма для содержания, выражающего онтологию образования. Программы развития, в том числе национальный проект «Образование», являются организационно-практической базой для образовательной политики.

При формировании образовательной политики, составлении проекта реформ образования принципиальной будет их соотнесенность с предельными основаниями бытия данного феномена, а не его наличествующего существования. Только в этом случае проект феномена при его реализации будет подлинным и успешным, хотя абсолютная соотнесённость на практике весьма проблематична. В случае же подмены оснований реформа образования или образовательная политика обречены на провал. В современной России трудно говорить о полноте, функциональности и особенно глубине онтологизации образования в виду отсутствия национальной образовательной доктрины или аналогичного ей формализованного документа, выражающего положения онтологии образования на национальном уровне.

В период онтологического кризиса, когда применение наличной онтологии не отвечает вызовам новой ситуации, требуется *реонтологизация*.

За историю развития социокультурного феномена образования и его утверждения в качестве социального института под действием социальных, научных и технических революций произошла не одна реонтологизация, отмеченная также сменой педагогических парадигм.

В рамках статьи нам удастся охарактеризовать лишь самые значительные примеры реонтологизации формального образования в XX веке по выделенным нами направлениям.

Во-первых, сущность образования была переосмыслена на основании его **доступности**: от образования для избранных к образованию для всех. До XX века образование было привилегией избранных (ценностью не для всех), к которым по большей части относились выходцы из обеспеченных семей. С увеличением доступности образование начинает пониматься как благо и даже неотъемлемое право человека (ценность, доступная всем в разной степени). Эта самая значительная реонтологизация образования за всю его историю, итогом которой в большинстве стран мира стало практически всеобщее среднее образование, продолжающая свершаться в ряде развитых стран намечая вероятность всеобщего высшего образования (Россия, Канада, Израиль, Япония и др.), обязана научно-промышленной революции на Западе и социалистической революции в России. Онлайн-образование призвано расширить круг обучающихся дистанционно, сняв практически любые ограничения по доступу к образовательному контенту, сохранив при этом плату за получение квалификации и/или сертификацию.

Во-вторых, если в прошлом образование можно было получить лишь в специально отведённое для это время в стенах образовательного учреждения, то реонтологизация образования по его **организации** с помощью ИКТ сняла территориальные и временные границы. Больше не обязательно посещать школу или Академию Платона, университет Аль-Карауин или МГУ им. Ломоносова, достаточно записаться на курсы по обязательным для изучения или интересующим направлениям на интернет-портале «Фоксфорд» или «Coursera» и проходить их в удобное время в любом месте. Более того, эти курсы могут быть созданы образовательным учреждением другой страны, куда не требуется переезжать для того, чтобы приобщиться к иной образовательной практике и стать обладателем сертификата о прохождении зарубежного курса.

В-третьих, неотъемлемым элементом, завершающим очередную итерацию получения формального образования, важным для всех участников процесса как никогда ранее является **аттестация** с последу-

ющей сертификацией или дипломированием. В настоящее время получение формализованных и валидных свидетельств о получении основного и дополнительного образования и повышении квалификации культивируются у обучающихся ещё в средней школе, когда пополняется образовательное портфолио. Данное основание реонтологизации образования в сторону фиксации на формальном признаке результата зачастую является и основанием *деонтологизации образования*, т.е. «элиминацией фундаментальных основ в социальном устройстве феномена» образования как социального института и модуса бытия (пространства духовного становления человека) [9, с. 36]. Причиной столь высокой роли формального, а не фактического доказательства соответствия квалификационным признакам (в том числе стремление попадания в различные мировые рейтинги) стала всё растущая менеджеризация образования, руководствующаяся «ключевыми показателями эффективности» (KPI) в управлении социальной сферой [10].

В-четвёртых, наиболее ярким примером реонтологизации образования, проходящей на наших глазах, является его **коммодификация** – последовательная политика, предполагающая «включение в феноменальное пространство образования ряда продуктов доктринального проектирования, онтология которых задаётся метафорами «деньги следуют за учеником», «экономическая свобода», «критерии эффективности» и т.д.» [9, с. 35]. Задача XXI в. – повысить «производительность» образования, поиск рентабельных способов удовлетворения образовательных потребностей, снижение себестоимости (чему как-раз-таки служит онлайн-образование, в частности, упомянутые в начале статьи массовые открытые онлайн-курсы) [11]. В высшее образование проникает модель франшизы, например создание в Киргизии, Катаре, Болгарии и др. странах университетов по американскому образцу, что несёт угрозу культуросообразным национальным традициям в педагогике. Эту реонтологизацию ряд исследователей также признаёт деонтологизацией.

Так, Е. В. Брызгалина отмечает, что отношение к образованию как к услуге неизбежно провоцирует её «потребителя» на отказ от всего «лишнего», чтобы не переплачивать деньгами и своими временем и усилиями за освоение невостребованных у работодателя знаний, умений и навыков [12]. Это, в свою очередь, порождает феномен «поп-образования» или *edutainment* (англ. education + entertainment – образование + развлечение), полезность которого на форуме «Образование в России» (2017 г.) пытались обосновать тем, что такое образование: «создаёт высокий уровень востребованности образовательных продуктов у большого числа потребителей (курсив наш. – С. П.)». Его задача состоит в том, чтобы обучающийся и заказчики образования были нацелены на такой результат, который не укладывался бы в известные апробированные варианты, кардинально менял представление о процессе и результате образования» [13, с. 130]. Онлайн-образование, предоставляющее неограниченные возможности геймификации, обладает потенциалом превращения в поп-образование, как ничто другое.

При этом о неадекватности подобной политики говорят не только педагоги, но и экономисты. В частности, И. В. Павлюткин доказывает, что «специфика образования с точки зрения экономического обмена заключается в сильной неопределённости его качественных характеристик, что ограничивает его калькулятивную способность и не позволяет произвести чистый рыночный обмен» [14]. Именно этот факт позволяет объяснить максимально простую из существующих оценок качества образования, применяемую на настоящий момент – рейтинги и индексы цитирования. Отдельной проблемой, по его мнению, становится и вопрос о процедуре ценообразования для подобной «рыночной услуги». Нам же представляется неуместным возводить образование в ранг «услуг», поскольку ни одна из известных услуг на рынке не меняет её потребителя так же, как образование, даже на органическом уровне нейронных связей, поэтому правомерно говорить об уникальности и несводимости процесса образования к процессу «рыночного обмена».

Кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник МГТУ им. Н.Э. Баумана, А. О. Карпов более категоричен и доказывает, что «товаризация» образования исключает познавательную и духовную стороны обучения и порождает его дисфункциональность и, наконец, разрушает само общество как сообщество [15; 16]. Это происходит, как нам кажется, из-за того, что Д. А. Севостьянов и А. Р. Гайнанова называют «инверсией ценностей»: «На рынке услуг, как известно, предложение определяется спросом, а функция рекламы (в данном случае – рекламы образовательных услуг) сводится к тому, чтобы формировать у потенциальных потребителей образовательных услуг те потребности, которые *выгодно* удовлетворять производителю (в данном случае – вузам). Спрос же на те или иные услуги определяется ценностями, которые превалируют в общественном сознании» [17]. Это возвращает нас к тезису о аксиологичности любой онтологизации. Онтологизация – это всегда процесс обеспечения истинного, неискаженного бытия социокультурного феномена в отражении проекта его трансформации или устройства.

Предшествующие основания реонтологизации порождают пятое – переосмысление бенефициаров, т.е. **степени полезности для общества**: от образования на благо обществу к образованию во благо ин-

дива. Образование, понимаемое как товар или услуга, должны служить интересам потребителя. То, что конечным потребителем услуги является общество, подвергается сомнению. Отсюда наблюдается возвращение к осмыслению образования как одной из практик «заботы о себе» [18]. Этим же можно и объяснить парадокс, при котором столь высоко ценимая формальная квалификация не совпадает с реальной должностью работника. Полезное и желанное для индивида направление образования может быть невостребованным на рынке труда, что делает его получение возможным лишь «для себя». Онлайн-образование в данном отношении открывает горизонт возможностей для каждого приблизиться к идеалу универсала (polymath), сведушего в нескольких несмежных областях науки и практики (так называемого человека Нового Возрождения) [19] без необходимости тратить на продолжение формального или экстенсивное дополнительное образование в институциях несколько лет.

В-шестых, экспоненциальный рост знания и его доступность в онлайн-образовании приводят к **трансформации структуры** получаемых знаний, навыков и умений (компетенций): от образования системного и фундаментального к образованию фрагментарному и практикоориентированному. Востребованность микро-курсов онлайн, лёгкость записи на такие курсы и отсутствие последствий их незавершения приводят к тому, что всё труднее выстроить последовательный учебный план и придерживаться его. В отношении формального высшего образования не утихают дебаты о целесообразности перевода всех лекционных курсов в онлайн-формат и выделения аудиторного времени на лабораторные работы, семинары и практические занятия (так называемый перевёрнутый класс [20]).

В-седьмых, в тех же условиях информационного изобилия **процессуальная сторона образования** не может больше пониматься, как только передача знания или навыка, а всё больше приравнивается к научному поиску и генерации нового знания. Отход же от фундаментальности вызван тем, корпоратизация академического мира всё больше поощряет прикладные исследования, дающие т.н. «быстрые знания» (fast knowledge) [21] и скорейшую прибыль от внедрения. Проблемно-ориентированное и проектное обучение стали распространены как в школах, так и высших учебных заведениях, а осуществлять поиск необходимой информации онлайн, проводить опросы и презентовать свои результаты широкой общественности становится необыкновенно удобно.

И, наконец, в своём **воспитательном аспекте** образование в XXI веке всё больше стремится отмежеваться от индоктринации, основываясь на объективных и научно доказанных теориях, фактах и данных и избегая заидеологизированности, характерной для некоторых стран в XX веке, что, однако, не свидетельствует о полной свободе от идеологий. При этом создаётся впечатление, что образовательные институты всё меньше внимания уделяют воспитанию молодёжи, делая упор на обучении. Полагаем преждевременным сетовать на упразднение воспитательной миссии образовательных учреждений, поскольку образование по своей неотчуждаемой сущности является триединством обучения, воспитания и развития, пусть и без чётко декларируемой воспитательной программы. Воспитательная ценность онлайн-образования видится в поощрении самостоятельности, личной ответственности за результаты обучения и, в отдельных случаях, в формировании умения налаживать онлайн-коммуникацию.

Предыдущий пассаж позволяет нам перейти к определению **фундаментальных сущностных основ образования**, поскольку все вышеперечисленные этапы реонтологизации не исказили образование как социокультурный феномен и институт, тем не менее, значительно трансформировав его отдельные онтологемы: доступность, организацию, требования к результатам, конвертируемость в рыночное понятие, степень полезности для общества, структуру, процессуальный и воспитательный аспекты.

Бесспорным остаётся тот факт, что образование – один из самых важных элементов антропосоциогенеза, т.е. общественного производства и воспроизводства самого человека. Образовательные отношения имеют личностный, а не функциональный характер [22]. Невозможно представить полноценное образование (обучение, воспитание и развитие) без общения человека с человеком. Это всегда диалог сознаний и подсознательного, пусть зачастую посредством источников носителей информации (таких как книга, журнальная статья и т.д.), непрекращающаяся личностная интерпретация узнанного в ходе такого диалога.

Ряд западных экспертов [23] выступает с критикой онлайн-образования, считая, что оно не приводит к ожидаемой демократизации данной сферы и общества в целом, поскольку его настоящая модель, напротив, поддерживает механизацию, технократизацию и рационализацию; индивидуализация же образовательной траектории и контента по тематике и уровню сложности в виртуальном образовательном пространстве достигается за счёт деперсонализации и утраты личностного, минимально опосредованного педагогического взаимодействия между обучающим и обучающимся. Возникает парадокс: при технической возможности собрать и проанализировать всевозможные массивы данных о физических, психологических параметрах и успеваемости обучающихся (Big data в образовании), за счёт чего максимально персонализировать и адаптировать образование, в неповторимой уникальной

личности каждого из них никто не заинтересован, ведь это просто неосуществимо в условиях массового онлайн-образования! Более того, при создании т.н. «университета миллионов» в виртуальном образовательном пространстве установится монополия ведущих мировых университетов, создающих свои MOOC и тиражирующих свой образовательный контент. Недалёк час появления своих Google, Facebook и Amazon от высшего образования, и стремлением занять ниши, недалёкие от университетов-лидеров, объясняются проекты, подобные «5–100».

Однако XXI век готовит для нас активное привлечение к образованию искусственного интеллекта (ИИ) для минимизации затрат [24; 25]. Соответственно для того, чтобы выдержать конкуренцию со стремительно совершенствуемым ИИ, интеллекту естественному, по уверению экспертов, необходимо быть творческим, иметь целостное мировоззрение, критическое и системное мышление, предпринимательскую жилку и гибкость в работе с различными культурными контекстами [26]. Очевидно, что подобные качества и навыки, присущие на настоящий момент только людям, невозможно воспитать во взаимодействии человек – ИИ, а образование посредством исключительно ИИ будет являться дегуманизированным по своей природе.

По рассмотрению всех пересмотренных к XXI в. онтологом образования, автор убеждён, что двумя непреложными целями образования являются **социализация**, т.е. обеспечение воспроизводства существующей социальной структуры и интеграция в неё индивида, и **дифференциация**, а именно, реализация индивидуальных запросов, интересов и развитие творческих проявлений конкретной личности [27]. Р. Райхенбах выразил это немного иначе, подчеркивая объективную и субъективную составляющие образования: «Образование (Bildung) – это создание «я» в пределах некоего «мы», поэтому не может сводиться к (систематическому) обучению или тренажу» [28, с. 204].

Иными словами, процесс, не обеспечивающий интеграцию индивида в социум (посредством общения его к национальным и мировым науке, искусству и культуре в целом и профессионализации с последующей квалификацией) или не отдифференцирующий его от остальных членов этого социума (не обеспечивающий формирование личностного знания, осмысления этого знания и выражения овладения им в разного рода социокультурных практиках), образованием считаться не может. В идеале образование обеспечивает единство сообщества (нации), даря его членам свободу самовыражения и самоопределения. Именно образование призвано отвечать за поддержание хрупкого равновесия между интересами индивида и общества, между рациональным и иррациональным.

За обе стороны данного образовательного процесса отвечали и отвечают субъект-субъектные личностные отношения между обучающим и обучающимся. Как только образование начнёт упускать из виду одну из двух целей или утратит субъект-субъектную основу педагогического взаимодействия, оно окончательно деонтологизируется и превратится в нечто иное.

Таким образом, деонтологизирующими по своей сути онтоаксиологами онлайн-образования на современном этапе представляются корпоратизация и коммодификация, стремление к гипертрофированной персонализации на фоне стандартизации и унификации контента и способов взаимодействия с ним, и минимизация личного общения в образовательном процессе.

Положительными аспектами реонтологизации образования в цифровую эпоху являются, бесспорно, увеличение доступа к образовательному контенту, широкие возможности для экстенсивного дополнительного образования и самообразования, повышение виртуальной академической мобильности и воспитание ответственного отношения к формированию и прохождению индивидуальной образовательной траектории.

Педалирование первых онтоаксиологом способствует продвижению идеалов трансгуманизма. При этом любопытно, что мировая элита в образовании собственных детей отдаёт предпочтение традиционным подходам и методам [29], отводя онлайн-образованию роль так называемого «Макдональдса» для большинства [30].

Выводы. Проведённое исследование позволило определиться с понятиями онтологизации, реонтологизации и деонтологизации и установить, что именно онтология образования образует концептуальные основы развития образования как в отдельно взятой стране, так и в глобализованном мире. Реонтологизация наблюдается на протяжении всей истории становления образования как социального института и социокультурной практики. В начале XXI века стало возможным выделить и осмыслить отдельные онтологемы, подвергшиеся трансформации: доступность образования, его организация, требования к результатам, конвертируемость образование в рыночное понятие, степень его полезности для общества, структуру образования, его процессуальный и воспитательный аспекты. Все обозначенные атрибуты, хоть и обладают революционным потенциалом при смене образовательных парадигм, не затрагивают основополагающих фундаментальных основ образования как социокультурного феномена, позволяя нам проследить его единую историю развития на протяжении веков. Онлайн-образо-

вание, будучи во многом позитивно реонтологизирующим практику явлением, в совокупности с коммодификацией и менеджеризмом обладает значительным деонтологизирующим потенциалом для феномена образования в целом, особенно с внедрением в систему искусственного интеллекта. Утрата образованием баланса между интеграцией и дифференциацией как результатов данного процесса, а также субъект-субъектных личностных педагогических отношений грозит феномену деонтологизацией и превращением в новую трансгуманистическую практику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/8SiLmMBgjAN89vZbUUtmuF5lZYfTvOAG.pdf>. (дата обращения: 30.10.19).
2. «Цифровая школа» изменит роль педагогов в образовательных организациях [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.gov.ru/press/35/cifrovaya-shkola-izmenit-rol-pedagogov-v-obrazovatelnyh-organizatsiyah/> (дата обращения: 30.10.19).
3. Инчхонская декларация и рамочная программа действий по осуществлению цели в области устойчивого развития [Электронный ресурс]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000245656_rus. (дата обращения: 31.10.19).
4. **Черных С. И.** Образовательное пространство в условиях информатизации общества. Новосибирск: Изд-во НГАУ, 2011. 254 с.
5. **Аристотель.** Метафизика. М.: Эксмо, 2019. 480 с.
6. **Красиков В. И.** Онтологии // Вопросы философии. 2013. №9. С. 43–51.
7. **Красиков В. И.** Конструирование онтологий. Эфмериды Его во времени и другие эссе. М.: Водолей Publishers, 2007. 304 с.
8. **Дацик С.** Онтологизация [Электронный ресурс]. Киев, 2009. 417 с. URL: <http://www.uis.kiev.ua/xyz/o.htm>. (дата обращения: 31.10.19).
9. **Карпов А. О.** Онтологизация, «онтологизации» и образование // Вопросы философии. 2013. №9. С. 31–42.
10. **Altbach P. G.** Global Perspectives on Higher Education. Baltimore: JHU Press, 2016. 332 p.
11. **Bowen W.** Higher Education in the Digital Age. Princeton NJ: Princeton University Press, 2013. 232 p.
12. **Брызгалина Е. В.** Управление образованием как сложным социальным институтом: философские проблемы // Вестник ТГУ. Серия Философия. Социология. Политология. 2012. №4 (20). Вып. 1. С. 12–19.
13. **Брызгалина Е. В., Смирнова А. А.** Российское образование: от локальных практик к глобальным трендам (заметки о форуме «Образование России / EDU Russia») // Проблемы современного образования. 2017. №3. С. 126–136.
14. **Павлюткин И. В.** Рынок как метафора: критический анализ маркетинга образования [Электронный ресурс] // Материалы семинара ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/data/271/107/1225/2009-02-24.doc>. (дата обращения: 30.10.19).
15. **Карпов А. О.** Коммодификация образования в ракурсе его целей, онтологии и логики культурного движения // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 85–96.
16. **Карпов А. О.** «Товаризация» образования против общества знаний // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84, №5. С. 434–440.
17. **Севостьянов Д. А., Гайнанова А. Н.** Ценности образования: инверсия смыслов // Высшее образование в России. 2014. №2. С. 43–48.
18. **Пичугина В. К., Безрогов В. Г.** Образование и забота о себе в эпоху метамодерна // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. 2015. №3 (38). С. 116–128.
19. **Ahmed W.** The Polymath. Unlocking the Power of Human Versatility. Chichester: Wiley, 2018. 228 p.
20. **The Flipped Classroom. Practices in Higher Education** / ed. by C. Reidsema, L. Kavanagh, R. Hadgraft, N. Smith. Singapore: Springer, 2017. 307 p.
21. **Peters M. A.** The university in the epoch of digital reason. Fast knowledge in the circuits of cybernetic capitalism // Universities in the time of flux: An exploration of time and temporality in university life. London: Routledge, 2014. P. 9–31.
22. **Смолин О. Н.** Контуры новой образовательной политики России // Экономика и управление. 2011. № 11 (73). С. 41–43.
23. **Keehr G., Anderson M., Boyles D.** Neoliberalism, Technology, and the University: Max Weber's Concept of Rationalization as a Critique of Online Classes in Higher Education // Contemporary Philosophical Proposals for the University. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. P. 47–66.

24. Artificial Intelligence in Education: Supporting Learning through Intelligeny and Socially Informed Technology / ed. by Ch.-K. Looi, G. McCalla, B. Bredeweg, J. Breuker. Amsterdam: IOS Press, 2005. 1012 p.
25. Artificial Intelligence in Education. 19th International Conference, AIED 2018 London, UK, June 27–30, 2018 Proceedings, Part II / ed. by C. Penstein Rose, R. Martinez-Maldonado, H. U. Hoppe, R. Luckin, M. Mavrikis, K. Porayska-Pomsta, B. McLaren, B. du Boulay. Cham: Springer, 2018. 580 p.
26. **Aoun J. E.** Robot-Proof. Higher Education in the Age of Artificial Intelligence. Cambridge: The MIT Press, 2017. 187 p.
27. **Полянкина С. Ю.** Проблемное поле социальных интеграции и дифференциации в системе отечественного образования=The problem field of social integration and differentiation in the system of domestic education // Философия образования. 2017. №3. С. 17–27.
28. **Reichenbach R.** Beyond sovereignty: The twofold subversion of Bildung // Educational Philosophy and Theory. 2003. № 35 (2). P. 201–209.
29. **Bowles N.** The Digital Gap between Rich and Poor Kids Is Not What We Expected [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2018/10/26/style/digital-divide-screens-schools.html> (дата обращения: 05.12.19).
30. **Ritzer G.** The McDonalidization of Society. London: Pine Forge Press, 2000. 278 p.

REFERENCES

1. Passport of the priority project «Modern Digital Educational Environment in the Russian Federation». Available at: <http://government.ru/media/files/8SiLmMBgjAN89vZbUUtmuF5lZYfTvOAG.pdf>. (accessed: 10.30.19).
2. «Digital School» will change the role of educators in educational organizations. Available at: <https://edu.gov.ru/press/35/cifrovaya-shkola-izmenit-rol-pedagogov-v-obrazovatelnyh-organizatsiyah/> (accessed: 10.30.19).
3. Incheon Declaration and Framework for the Implementation of the Sustainable Development Goal. Available at: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000245656_rus. (accessed: 10.31.19).
4. **Chernykh S. I.** *Educational space in the conditions of informatization of society*. Novosibirsk, NSAU Publ., 2011, 254 p.
5. Aristotle. *Metaphysics*. Moscow, Eksmo Publ., 2019, 480 p.
6. **Krasikov V. I.** Ontology. *Questions of philosophy*, 2013, no. 9, pp. 43–51.
7. **Krasikov V. I.** *Construction of ontologies. Efmerids Ego in time and other essays*. Moscow, Aquarius Publ., 2007, 304 p.
8. **Datsyuk S.** *Ontologization*. Kiev, 2009, 417 p. Available at: <http://www.uis.kiev.ua/xyz/o.htm>. (accessed: 10.31.19).
9. **Karpov A. O.** Ontologization, «ontologization» and education. *Problems of Philosophy*, 2013, no. 9, pp. 31–42.
10. **Altbach P. G.** *Global Perspectives on Higher Education*. Baltimore, JHU Press Publ., 2016, 332 p.
11. **Bowen W.** *Higher Education in the Digital Age*. Princeton NJ, Princeton University Press Publ., 2013, 232 p.
12. **Bryzgalina E. V.** Education management as a complex social institution: philosophical problems. *Bulletin of TSU. Philosophy Series. Sociology. Political science*, 2012, no. 4 (20), vol. 1, pp. 12–19.
13. **Bryzgalina E. V., Smirnova A. A.** Russian education: from local practices to global trends (notes on the forum «Education of Russia / EDU Russia»). *Problems of modern education*, 2017, no. 3, pp. 126–136.
14. **Pavlyutkin I. V.** Market as a metaphor: a critical analysis of the marketing of education. *Materials of the HSE seminar*. Available at: <https://www.hse.ru/data/271/107/1225/2009-02-24.doc>. (accessed: 10.30.19).
15. **Karpov A. O.** Commodification of education in the perspective of its goals, ontology and logic of the cultural movement. *Questions of Philosophy*, 2012, no. 10, pp. 85–96.
16. **Karpov A. O.** «Tovarization» of education against the knowledge society. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 2014, vol. 84, no. 5, pp. 434–440.
17. **Sevostyanov D. A., Gaynanova A. N.** The values of education: inversion of meanings. *Higher education in Russia*, 2014, no. 2, pp. 43–48.
18. **Pichugina V. K., Bezrogov V. G.** Education and self-care in the era of metamodern. *Vestnik PSTGU. Series 4: Pedagogy. Psychology*, 2015, no. 3 (38), pp. 116–128.
19. **Ahmed W.** *The Polymath. Unlocking the Power of Human Versatility*. Chichester: Wiley, 2018, 228 p.
20. The Flipped Classroom. Practices in Higher Education / ed. by C. Reidsema, L. Kavanagh, R. Hadgraft, N. Smith. Singapore, Springer Publ., 2017, 307 p.

21. **Peters M.A.** The university in the epoch of digital reason. Fast knowledge in the circuits of cybernetic capitalism. *Universities in the time of flux: An exploration of time and temporality in university life*. London, Routledge Publ., 2014, pp. 9–31.
22. **Smolin O.N.** The contours of the new educational policy of Russia. *Economics and Management*, 2011, no. 11 (73), pp. 41–43.
23. **Keehr G., Anderson M., Boyles D.** Neoliberalism, Technology, and the University: Max Weber's Concept of Rationalization as a Critique of Online Classes in Higher Education. *Contemporary Philosophical Proposals for the University*. Cham, Palgrave Macmillan Publ., 2018, pp. 47–66.
24. Artificial Intelligence in Education: Supporting Learning through Intelligeny and Socially Informed Technology. ed. by Ch.-K. Looi, G. McCalla, B. Bredeweg, J. Breuker. Amsterdam, IOS Press Publ., 2005, 1012 p.
25. Artificial Intelligence in Education. 19th International Conference, AIED 2018 London, UK, June 27–30, 2018 Proceedings, Part II. ed. by C. Penstein Rose, R. Martinez-Maldonado, H. U. Hoppe, R. Luckin, M. Mavrikis, K. Porayska-Pomsta, B. McLaren, B. du Boulay. Cham, Springer Publ., 2018, 580 p.
26. **Aoun J.E.** Robot-Proof. Higher Education in the Age of Artificial Intelligence. Cambridge, The MIT Press Publ., 2017, 187 p.
27. **Polyankina S. Yu.** The problem field of social integration and differentiation in the system of domestic education = The problem field of social integration and differentiation in the system of domestic education. *Philosophy of Education*, 2017, no. 3, pp. 17–27.
28. **Reichenbach R.** Beyond sovereignty: The twofold subversion of Bildung. *Educational Philosophy and Theory*, 2003, no. 35 (2), pp. 201–209.
29. **Bowles N.** The Digital Gap between Rich and Poor Kids Is Not What We Expected. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/10/26/style/digital-divide-screens-schools.html> (accessed: 12.05.19).
30. **Ritzer G.** The McDonaldisation of Society. London, Pine Forge Press Publ., 2000, 278 p.

Информация об авторе

Полянкина Софья Юрьевна – аспирант, старший преподаватель кафедры философии факультета гуманитарного образования, ФБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет», (Новосибирск, 630073, Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20, e-mail: polyankina@corp.nstu.ru)

Статья поступила в редакцию 6.11.19. После доработки 23.01.20. Принята к публикации 27.02.20.

Information about the author

Sophia Yu. Polyankina – postgraduate student, Senior Lecturer of the Department of Philosophy of the Faculty of Humanities at Novosibirsk State Technical University, (20, K. Marks Ave., 630073, Novosibirsk, e-mail: polyankina@corp.nstu.ru)

The paper was submitted 6.11.19. Received after reworking 23.01.20. Accepted for publication 27.02.20.

УДК 37.034:004

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК БАЗИС УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Д. В. Рахинский

*Красноярский государственный аграрный университет
Красноярск, Российская Федерация
siridar@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме, которая затрагивает многие научные направления, поскольку в ней раскрываются основные направления развития образовательной системы в условиях господства новейших информационных технологий. Автор показывает, что процессы цифровизации создают основу для формирования единого образовательного пространства. Раскрываются основные направления развития образовательной сферы, обусловленные появлением новых форм коммуникации в среде обучающихся. Доказывается, что расширение образовательной среды посредством появления новых методик обусловлено возможностью цифровизации значительной части обучающего материала. Кроме того, использование новейших информационных технологий приводит к серьезным трансформациям в субъект-объектных отношениях в образовании. В статье показаны не только положительные, но и проблемные последствия цифровизации образования. В частности, погоня за оперативной информацией приводит к тому, что в жертву приносится ее достоверность. В статье приводятся примеры искажения исторической картины, что ставит под сомнение роль истории как мировоззренческого базиса в учебном познании. Исследуются глобальные тенденции в образовании, детерминированные внедрением цифровых технологий. Доказывается, что они свидетельствуют об универсализации образовательного пространства, что создает условия для социальных трансформаций, последствия от которых общество почувствует через десятилетия.

Ключевые слова: цифровизация, образовательное пространство, глобализация, информационное общество, информационные технологии.

Для цитаты: Рахинский Д. В. Цифровизация как базис универсализации образовательного пространства // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 1. С. 3438–3446. DOI: 10.15372/PEMW20200106

DOI: 10.15372/PEMW20200106

DIGITALIZATION AS A BASIS FOR UNIVERSALIZATION OF EDUCATIONAL SPACE

Rakhinskiy, D. V.

*Krasnoyarsk State Agrarian university
Krasnoyarsk, Russian Federation
siridar@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the actual problem which affects many areas of research as it reveals the main directions of the education system development in the conditions of domination of the latest information technologies. The author shows that the processes of digitalization create the basis for the formation of a single educational space. The main directions of development of the educational sphere, caused by the emergence of new forms of communication among students, are revealed. It is proved that the expansion of the educational environment through the emergence of new techniques is due to the possibility of digitalization of a significant part of the teaching material. In addition, the use of the latest information technologies leads to serious transformations in subject-object relations in education. The article shows not only positive, but also problematic consequences of digitalization of education. In particular, the pursuit of operational information leads to the

sacrifice of its reliability. The article presents examples of distortion of the historical picture which casts doubt on the role of history as a worldview basis in educational knowledge. Global trends in education determined by the introduction of digital technologies are investigated. It is proved that they testify to the universalization of the educational space, which creates conditions for social transformations, the consequences of which the society will feel in decades.

Keywords: digitalization, educational space, globalization, information society, information technologies.

For quote: *Rakhinskiy D. V.* [Digitalization as a basis for universalization of educational space]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 3438–3446. DOI: 10.15372/PEMW20200106

Введение. Цифровизация, представляющая собой одну из важнейших составляющих базиса универсализации образовательного пространства, обостряет вопрос о необходимости сохранения социокультурной идентичности конкретных народов. В связи с чем, прогресс в этой области может быть достигнут за счет программируемости современных социальных технологий, начало которому должно быть положено уже в школе.

Активное формирование информационного общества свидетельствует о том, что глобальные телекоммуникационные сети создают определенный базис социальной универсализации мирового пространства. Важную роль в этом процессе играют интеллектуальные компьютерные системы, способствующие расширению диапазона средств, которыми располагает Интернет. Подобные тенденции в полной мере ощущают на себе все субъекты образовательного процесса, поэтому актуализируется вопрос об оптимизации влияния современных информационных технологий на все социальные слои.

Исследование роли цифровых технологий в современном мире дает возможность определить важные тенденции будущего образования в современном обществе, а также возможности преодоления имеющихся кризисных явлений в образовательной сфере. В условиях кризиса однополярного мира и политики мультикультуризма актуализируются теоретические и практические подходы к выявлению приоритетных направлений развития образования, среди которых приоритетное место занимает смарт-технологии. Анализируя проявления мультикультурализма в образовательной системе, важно учитывать тот факт, что история представляет собой процесс идеализации человека на практике. Имеется в виду тот факт, что общечеловеческие черты, которыми наделяют различные исторические поколения, выступают как исключительно положительные, поэтому исторический процесс, отраженный в учебниках, представляет собой последовательное ослабление отрицательных черт человечества и усиление его положительных характеристик [3, с. 1495].

В свете новых социальных реалий возникает необходимость выработки эффективного противодействия неконструктивной реформаторской деятельности в области образования, потому что в результате непродуманных реформ часто формируется виртуальное образовательное пространство. «Развитие и усложнение организации социума, переход от индустриального типа общества к информационному, к новым технологическим укладам обуславливает нелинейность его развития, выраженную в противоречивых социальных процессах, носящих циклический, волновой характер» [7, с. 1625]. Неоднозначность информационных процессов в образовании тесным образом связана с ролью личности преподавателя, которая традиционно крайне высока. Кроме того, функциональная направленность информационных процессов касается всех, поскольку это определяет будущее образования, которое в той или иной мере связано со всеми слоями любого общества.

Особенности современной политики в области образования обусловлены амбивалентностью процессов, характеризующих социальную действительность. С одной стороны, информационные технологии стимулируют проникновение в другие образовательные системы, что создает условия для формирования единого глобального образовательного пространства. С другой, особо актуализируется проблема сохранения социокультурной идентичности, от которой образовательная сфера не может остаться в стороне. Именно эти тенденции во многом детерминируют сущность информационной политики в образовании, однако решение большинства новых проблем, возникших в результате засилья новейших информационных технологий, обусловлены гносеологическими традициями, сложившимися на региональном образовательном уровне конкретного общества. Современная социальная практика свидетельствует, что информационная политика в образовательной области предполагает неотлагательную необходимость выработки эффективного противодействия реформам, которые носят неконструктивный характер, ведь конечная цель подобных реформ состоит в том, чтобы навязать чуждые стандарты и нормы.

Постановка задачи. В современном мире всестороннее влияние информатизации социальных систем, формирующего базис для универсализации мирового пространства, является необходимым условием развития общества. Кроме того, информатизация сегодня представляет собой глобальную стандартизацию, которая объективно ведет нивелированию этнополитической идентичности [11, с. 591]. Результат подобной политики – уязвимость национальных образовательных системы, которые не в состоянии остановить проникновение чуждых данному социуму традиций, несущих в себе хаотические потоки неконтролируемой информации, хотя государство пытается регулировать информационную политику путем закрепления на законодательном уровне, например, допустимые информационные технологии в образовании [17, с. 48]. Данный вектор развития образовательной системы можно также рассматривать в качестве предпосылки для возвращения в отечественное образование важного принципа, который не допускает разрыва между процессами обучения и воспитанием. Трансформация образовательного пространства и потенциальная виртуализация вызывает необходимость использования соответствующей методологии для оптимального функционирования образования. Проблема состоит в том, что смена социальных ориентиров предполагает корректировку образовательного процесса в нужном направлении, что включает в себя, в частности, отбрасывание тех методик, которые не в состоянии дать полноценную характеристику для конкретной образовательной системы.

Методология и методика исследования. Исследования трансформаций в современном отечественном образовании, предполагает анализ роли цифровизации, выступающей в качестве основы для расширения образовательного пространства. Новейшие информационные технологии оказывают влияние на общество, однако они пока носят односторонний характер, поскольку преобладает технократический уклон. Если подходить к процессам цифровизации как основе, на которой формируются универсалистские процессы в современном мировом сообществе, то можно проследить определенную специфику инновационной информации. Традиционное структурное значение в поле образовательного управления трансформируется в логику информационного сетевого пространства. Здесь большое значение имеет единица социального информационного взаимодействия, которую А. Ю. Шеховцев назвал «квантом информации» [20], рассматривая его в качестве гносеологического понятия.

Цифровизация в роли базиса для универсализации образовательного пространства особо проявляет свою сущность в историческом познании, поскольку подобная информация максимально пригодна для формирования мифологического сознания. Подобные тенденции проявляются в различных социальных структурах, однако именно учащиеся становятся первыми жертвами манипуляций с историческим прошлым. «Особенность мифа обусловлена тем, что в целом он является не познавательной, а поведенческой моделью, то есть образом не мира, а действия. Несмотря на то что миф в качестве формы знания полностью устарел, однако приходится согласиться с А. В. Гулыгой, который справедливо отмечает, что как побуждение к действию он сохраняет свое значение» [8, с. 36]. Однако в эпоху цифровизации происходит второе возрождение мифа, поскольку он выходит на более высокий уровень гносеологической шкалы, а его разрушение создает условия для замены его рациональностью, выступающей антиподом мифологического осознания. Мифы советского периода (классовая борьба; коммунизм и др.) постепенно были вытеснены противоположными примерами мифологического сознания. Важно подчеркнуть, что мифы призваны охватить максимальное количество населения, создавая таким образом основу для универсализации социального пространства. Пребывание в мифологическом пространстве многим представителям подрастающего поколения кажется более удобным, хотя это противоречит сложившейся картине мира. Одновременно возникает потребность в дополнении картины мира элементами вненаучного знания [2, с. 351]. Постепенно происходит стирание исторических фактов из памяти, в то время как легенды продолжают жить на протяжении многих столетий [13, с. 86], поэтому столь востребованными представляются новые методики в образовательном процессе. Цифровизация позволяет устранять противоречия в историческом познании и конструировать из отдельных элементов одно историческое целое [10, с. 17].

Еще одна проблема, обусловленная цифровизацией образовательного пространства, проявляется в замене историзма презентизмом. При всей внешней привлекательности этот метод не позволяет учащимся осознать все проявления глубинных истоков универсалистских тенденций в мировом сообществе.

В историческом познании все большее влияние приобретают сторонники презентизма, которые уверены, что историческое событие и соответствующий ему текст принадлежат к различным гносеологическим ситуациям, обладая различными закономерностями. Ф. Артог подчеркивает, что последовательность и непрерывность являются качествами нарратива, которые относятся не к самим моментам, а исключительно к репрезентации исторических моментов [5]. При таком подходе создается впечатление, что настоящее поглощает не только прошлое, но также и будущее, приобретая уникальные черты,

возвращая философии истории динамизм, который отсутствует в структуралистской версии гносеологии истории. Этот динамизм характеризует не целостный процесс, а отдельные не связанные между собой процессы мутаций и трансформаций [19, с. 311].

Результаты. Ведущим вектором современной образовательной системы является учет социально-экономических, географических и культурных особенностей образовательной системы конкретной страны. «Вызовы времени заставляют переосмыслить роль системы образования в процессах реконструкции индустрии и перехода к шестому технологическому укладу, что требует по-новому взглянуть на задачи построения «цифровой» экономики и специфику подготовки современных трудовых ресурсов, в том числе инженерных и гуманитарных кадров. Наиболее востребованными в ближайшем будущем станут профессии в области высоких технологий, среди них – индустрия больших чисел и их обработка, искусственный интеллект... В будущем наибольшего результата следует ожидать тех, кто работает на стыке наук, так как границы между отраслями знаний размываются» [21, с. 2447].

Любой целостный образ должен в своем историко-информационном плане охватывать весь путь без различения его темпоральных конструкторов на прошлое, настоящее и будущее [1, с. 145]. Например, учитывая особую мобильность молодежной аудитории, актуализируется разработка алгоритма динамической адаптируемости, что способствовало бы встраиванию подрастающего поколения в новое информационное общество. Именно поэтому особую актуальность приобретают ведущие направления расширения границ социального пространства. Цифровизация всех проявлений образовательного процесса не только расширяет коммуникационный диапазон, но и создает условия для моделирования будущей общественной жизни. Однако на этом пути встречается множество проблем, что обусловлено неоднозначностью процессов формирования информационного общества. Трансформация образовательного пространства в современном информационном обществе во многом связана с обезличиванием, деперсонализацией учебного процесса, а также с функциональной направленностью информационных процессов в образовании, с тенденцией к компьютеризации и виртуализации.

Цифровизация, выступающая основой универсалистских процессов в образовании, значительно расширяет образовательное пространство, ставя под сомнение классические субъект-объектные отношения. На первый план выходит проблема использования современных цифровых технологий для эффективного формирования целостного образовательного пространства при учете особенностей, характерных для данного региона.

В качестве основной социальной ценности в информационном обществе выступает информация, приводя к серьезным изменениям в образовательной сфере, она потенциально трансформирует все социальные институты. Принципиальное значение новейшие информационные технологии приобретают в образовательных процессах, поскольку в результате глобализации формируется новая реальность, включающая также виртуальные процессы. Резко повышается эффективность учебного процесса, а также скачкообразно растут возможности учащихся, однако резко падает ответственность [9, с. 7].

Важная особенность цифровизации, выступающей базисом универсалистских тенденций, состоит в том, что образовательные процессы могут приобретать виртуальные черты. Кроме того, проявляются следующие преимущества цифровизации образовательного пространства: а) активируются все контексты жизнедеятельности обучающейся личности; б) продвижение цифровой техники даже в гуманитарную сферу; в) расширение образовательной среды за счет информационно-телекоммуникационных компьютерных сетей; г) раскрытие творческих способностей индивида посредством компьютерных технологий; д) формирование в среде учащихся особого информационного мировоззрения. Все эти особенности приводят к значительным изменениям в современной научной картине, актуализируя новые методы познания не только в науке, но и в образовании.

Использование современных информационных технологий в образовательном процессе создает более приемлемые условия для консолидации молодых людей посредством новых коммуникаций. Проблема состоит в том, что новые возможности могут быть направлены не только на благие, но и деструктивные цели. Усиление универсалистских тенденций в образовании посредством цифровизации предполагает обоснование совокупности методов и технических механизмов сбора, обработки и передачи учебной информации. В последние десятилетия появились новые образовательные технологии, предоставляющие новые возможности для эффективной и непрерывной коммуникации. Молодыми людьми в этом случае приобреталась способность преодолевать многие методологические ограничения, которые трудно было преодолеть с помощью традиционных форм коммуникации.

Проблема преобразования смысловой информации в некоторый текстовый вид часто приводила к его искажению, что не позволяло использовать конкретный текстовый материал. Учебное познание, которое фиксируется в искусственных и естественных языках, также попадает в зону указанной проблемы, поскольку она оказывает существенное влияние на социальные коммуникации. При помощи

средств массовой коммуникации в сети интернет, в IT среде активизируется манипуляция индивидуальным и массовым сознанием, потому что там создается иллюзия пространства, которая основана на свободном общении. Как показывает практика последних десятилетий, средства массовой информации, которые используют IT технологии, несут в себе основную часть недостоверной информации. В. Ю. Кузнецов отмечает взаимопроникновение синхронного и диахронного подходов, горизонтального и вертикального видения, а также линий регионального и глобального объема всего социокультурного комплекса [12, с. 31].

Ведущие футурологи бьют тревогу по поводу потенциальных проблем человечества, обусловленных так называемым «сетевым тоталитаризмом», поскольку постепенно создается принципиально новая виртуальная сфера образования будущего, отличающаяся от традиционных методик.

На современном этапе государство выступает как соперник сетей, потому что отличительной чертой сетей является ориентированность на отдельные фрагменты социальной действительности, где роль государственных институтов минимизируется. В то же время полноценное государство может существовать как суверенное, контролирующее максимальное количество социальных проявлений в любой форме. Однако кризис национальной государственности классического типа проявляется и на образовательном уровне, поскольку современное западное государство теряет свои классические формы, находясь в постоянном противостоянии с гражданским обществом. Происходит перестройка образовательного пространства и возникновение новых гносеологических стратегий, а также появление новых познавательных конфигураций со своей сложной структурой [14].

Вследствие универсализации массовые коммуникации проявляются на новом уровне, видоизменяя традиционные субъект-объектные отношения в учебном учреждении, что обусловлено развитием технических средств, обслуживающих глобальные компьютерные сети. Образующееся в результате цифровизации новое образовательное пространство аккумулирует в себе все виды публичной, массовой и межличностной коммуникаций [14; 18]. Таким образом, формируется виртуальную реальность, проявляющаяся в качестве своеобразного дополнения существующей действительной реальности.

Л. И. Рыженко вполне резонно подчеркивает, что растущий разрыв между массой информации, которая с ускорением накапливается за единицу времени, и способностью человека осмысленно использовать ее в образовательной деятельности является одной из самых острых проблем современности [15, с. 114]. Неспособность личности и социальных групп эффективно противостоять информационному давлению приводит к манипулированию индивидуальным и массовым сознанием при помощи современных технических средств.

Цифровизация не может пока выполнять роль окончательной универсализации не только в силу несовершенства средств оформления информации, но также из-за чисто символического участия субъектов образовательного процесса в самом процессе накопления информации в интернете. Это закономерно, поскольку изначально IT среда была задумана ради оперативного получения информации и предполагала упрощенный вариант коммуникаций в образовательной среде. Предположение о потенциально большом количестве участников учебного процесса в итоге привело к резкому падению качества накапливаемой учащимися информации. Более того, все чаще появляется информация, смысл которой не поддается восстановлению, поскольку в погоне за оперативностью часто теряется научная основа носителей информации. Вот почему ученые все чаще приходят к выводу о том, что характерной чертой современности является усиление дисбаланса между смысловым и информационным компонентами, хотя информационная составляющая, как правило, является преобладающей [6, с. 164].

Универсалистское образовательное пространство предполагает единую систему ценностей, где окружающий мир позиционируется не таким, каковым он является на самом деле, а каким ему следует быть. Можно утверждать, что уже на уровне школьной скамьи учащиеся должны отказаться от настоящего и перейти к идеальному миру, который в свою очередь приобретает виртуальные характеристики. Преобразование систем ценностей связаны с мировоззренческо-парадигмальными конструкциями жизнеустройства конкретных социумов.

Цифровизация, выступающая в роли базиса универсализации образовательного пространства, проходит стихийно, что приводит к потере преемственности не только в науке, но и в образовании. Дело в том, что универсалистская идеология опирается не на устойчивые знания, а на определенный уровень информационной культуры. Для понимания роли цифровых технологий в формировании единого образовательного пространства важно учитывать, что информация как мощный инструмент формирования знания сама по себе не является знанием. Тем не менее при определенных условиях информация может стать знанием, если появляется возможность ее критической оценки и анализа. Несмотря на противоречивость и фрагментарность современной картины мира в ее знаниево-языковых срезам, окружающий мир при всех трансформациях должен обладать целостностью. Однако навязывание единственной,

универсальной истины на уровне образовательной системы приводит к потере творческого подхода в работе с учащимися.

Полноценные знания вряд ли возможны, если не происходит процесс включенности учащегося в информационные потоки, однако цифровизация приводит к тому, что процесс познания сводится к набору поисковых операций. Не всегда молодые люди осознают, что получение знаний требует определенных усилий, без чего приобретение молодым человеком профессии вряд ли возможно. Вот почему творческое отношение к информации, полученной в результате цифровизации, может и должно привести к формированию устойчивых знаний. Полученная и обработанная таким образом информация в виде комплекса знаний, характеризующих личность, используется в качестве ресурса развития, способствуя механизму управления развитием социальных систем.

Полноценное исследование роли цифровизации в формировании универсалистских тенденций современности обязано учитывать такие факты, что информация приобретает статус доминирующего фактора технологического, экономического и социального развития, потому что научные знания всегда выступали ключевыми детерминантами только научного и социально-технического прогресса. Социальная практика подтверждает, что значимые открытия в современной науке прямо пропорциональны распространению новых информационных технологий.

Социальная структура отдельных социумов в конкретные исторические периоды могла представляться расчлененной, однако целостность всегда оставалась ведущей характеристикой мировой системы. Можно утверждать, что социальная универсализация в различных исторических ситуациях сохраняется, хотя ее формы часто меняются. Необходимость системного анализа социальных проблем возникает тогда, когда их масштаб выходит на такой уровень, что их решение возможно только при глобальном подходе. В этом случае методология подобных решений становится дорогостоящей для обоснования тех явлений, которые являются предметами системного анализа. Роль цифровых технологий резко возрастает, а более востребованными становятся технологии, рассчитанные на длительный период, хотя они берут свое начало в образовательной системе.

Цифровые технологии в образовательной системе способствуют формированию единой аксиологической системы, без чего становление единого универсального мироустройства вряд ли возможно. Появляются новые коммуникации и ускоряется социальная мобильность, что в полной мере отражается уже на уровне школы. Подобная мировоззренческая парадигма максимально проявляется в конкретных политических и социокультурных реальностях, выступая базисом для защиты определенной модели жизнеустройства, которая включает в себя вполне определенные институты, пригодные только для конкретной социальной системы. Однако приверженность подобным принципам, как правило, идет в противовес национальным интересам конкретного социума и его социальной системы.

Цифровизация образования способствует созданию информационных ресурсов, на базе которых у учащихся постепенно складывается система общечеловеческих ценностей. Универсалистские концепции, детерминированные идеей единства мира, подтверждают известный диалектический принцип «единство в многообразии». В диалектике базисом внутреннего единства, а также взаимодействия, составляющих целое частей, выступает субстанция [14]. «Обучающийся в идеале должен учиться «для себя», имея в виду собственное становление и развитие для дальнейшей продуктивной деятельности. И вот цели саморазвития (то, ради чего, собственно, и стоит учиться) откладываются в неопределенное будущее, в то время как на первый план выходят иные цели, касающиеся формальной стороны образования» [16, с. 2440].

Значение информации усиливается во всех сферах социального пространства, поскольку в современном мире ее всеобщий характер максимально проявляется в информатизации общества, где она кардинальным образом изменяет традиционные формы и методы во всех сферах человеческой деятельности [14]. Современный этап в этом смысле типичен: как и в прежние века, человечество ищет истину, «однако университеты и школы как специфические для каждого времени пространства диалога поколений, творческого диалога человека и культуры продолжают развиваться. Изменяются их формы и уточняются в сражении с консьюмеризмом и коммодификацией их приоритеты, функции» [4, с. 2415].

Информационные ресурсы современного образования приводят к актуализации проблем, обусловленных универсалистскими тенденциями, господствующими в современном мире. Однако противоречивый характер их проявлений в современном мире приводит к активному поиску более эффективных и совершенных форм управления образовательными процессами.

Выводы. Цифровизация, выступающая в качестве базиса универсализации образовательного пространства, создает условия для понимания целостности окружающей действительности. Дело в том, что современный мир предстает в виде фрагментов, которые часто соперничают между собой, поэтому так важно дать молодым людям стойкие представления об универсальных ценностях, без чего

у человечества нет будущего. Только на таком мировоззренческом фундаменте можно теоретически формировать и реализовывать на практике такие важные концепции, гарантирующие человеческому сообществу будущее, как стабильность и устойчивость. Цифровизация способствует выработке подобных общечеловеческих универсалий, поскольку на всех уровнях ускоряет все социальные процессы. Однако система подобных взглядов может вступать в противоречие с проявлениями самобытности и самодостаточности составных частей этой социальной целостности.

Цифровизация выступает в качестве базиса для расширения образовательного пространства, стимулирует социальные мобильности, в результате которых активизируется множество различных технологий, проблематизируя устойчивость общества. В этом случае осложняется проблема управления обществом, поскольку социальная мобильность проявляется в сложных временных и пространственных координатах, поднимаясь на более высокий уровень структуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Kudashov V.I., Chernykh S.I., Yatsenko M.P., Grigoreva L.I., Pfanenshtil I.A., Rakhinsky D.V.** Historical reflection in the educational process: an axiological approach // *Analele Universitatii din Craiova – Seria Istorie*. 2017. Т. 22. №1. P. 139–147.
2. **Musat R.P., Mineev V.V., Neskryabina O.F., Panasenکو G.V., Maksimov S.V., Rakhinsky D.V.** The artistic worldview in the context of sociocultural realia // *Amazonia Investiga*. 2019. Т. 8. № 23. P. 350–357.
3. **Pfanenshtil I.A., Yatsenko M.P., Kudashov V.I., Mongush A.L., Rakhinsky D.V.** Multiculturalism and educational practice: problems of socio-cultural identity preservation // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS Conference: SCTCGM 2018 – Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism*. Conference Chair (s): Bataev Dena Karim-Sultanovich – Doctor of Engineering Sciences, professor, director of the Complex Scientific Research Institute n. a. H. I. Ibragimov of the Russian Academy of Sciences, 2019. – P. 1493–1502.
4. **Арпентьева М.Р., Ташёва А.И., Гриднева С.В.** Коммодификация образования: процессы и результаты // *Профессиональное образование в современном мире*. 2019. Т. 9. №1. С. 2406–2420.
5. **Артог Ф.** Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени // *Отечественные записки*. 2004. №5. С. 214–225.
6. **Власкин А.В.** Проблема утраты смысла и ее влияние на современные информационные коммуникации // *Современная философия в России: междисциплинарные исследования в контексте традиций и инноваций: Четвертый Сибирский философский семинар (Омск, 15–17 октября 2014 г.) Омск*, 2014. С. 162–165.
7. **Горин С.Г.** Промежуточные результаты образовательных трансформаций: постнеклассический подход // *Профессиональное образование в современном мире*. 2018. Т. 8. №1. С. 1624–1630.
8. **Гулыга А.В.** Творцы русской идеи. М.: Молодая гвардия, 2006. 314 с.
9. **Делягин М.** Глобализация как стержневая проблема грядущего мирового развития // «Круглый стол» в редакции «Международная жизнь». *Международная жизнь*. 2000. № 11. С. 7.
10. **Копалов В.И.** Историзм как принцип социально-философского исследования // Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 172 с.
11. **Кудашов В.И., Черных С.И., Яценко М.П., Рахинский Д.В.** Влияние информационных технологий на формирование нравственных основ глобализационного образования // *Профессиональное образование в современном мире*. 2016. Т. 6. №4. С. 583–592.
12. **Кузнецов В.Ю.** Мир единства. М.: Академический Проект, 2010. 207 с.
13. **Лыскова М.И.** Исторический китч как источник формирования знания о прошлом // *Теория и история*. 2006. №2. С. 83–90.
14. **Рахинский Д.В.** Глобальная информатизация как базис современного универсализма: социально-философский анализ: дисс. ... д-ра философ. наук, 2018. 338 с.
15. **Рыженко Л.И.** Сети трансфера технологий, основанные на смысловых экспертных системах // *Вестник СибАДИ*, 2012. №2 (24). С. 114–118.
16. **Севостьянов Д.А.** Инверсивный анализ в современном образовании // *Профессиональное образование в современном мире*. 2019. Т. 9. №1. С. 2433–2442.
17. **Трашкова С.М.** Информационные технологии в образовании: теоретико-правовые аспекты // *Современные образовательные технологии в мировом учебно-воспитательном пространстве*. 2016. №3. С. 47–51.
18. **Трашкова С.М., Рахинский Д.В.** Образовательная политика и вопросы качества образования // *Современное образование в условиях реформирования: инновации и перспективы: сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции*, 2012. С. 254–258.

19. Хапаева Д. Прошлое как вызов истории. Франция-Память. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та., 1999. С. 292–323.
20. Шеховцев А. Ю. Информационная парадигма в структуре современного мышления. Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 1998. 176 с.
21. Яковлева И. В. Безопасность российского образовательного пространства: аксиологическое содержание концепции // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9. №1. С. 2443–2450.

REFERENCES

1. Kudashov V.I., Chernykh S.I., Yatsenko M.P., Grigoreva L.I., Pfanenshtil I.A., Rakhinsky D.V. Historical reflection in the educational process: an axiological approach. *Analele Universitatii din Craiova – Seria Istorie*, 2017, vol. 22, no. 1, pp. 139–147.
2. Musat R.P., Mineev V.V., Neskryabina O.F., Panasenkov G.V., Maksimov S.V., Rakhinsky D.V. The artistic worldview in the context of sociocultural realia. *Amazonia Investiga*, 2019, vol. 8, no. 23, pp. 350–357.
3. Pfanenshtil I.A., Yatsenko M.P., Kudashov V.I., Mongush A.L., Rakhinsky D.V. Multiculturalism and educational practice: problems of socio-cultural identity preservation. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS Conference: SCTCGM 2018 – Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism*. Conference Chair (s): Bataev Dena Karim-Sultanovich – Doctor of Engineering Sciences, professor, director of the Complex Scientific Research Institute n. a. H. I. Ibragimov of the Russian Academy of Sciences, 2019, pp. 1493–1502.
4. Arpentieva M.R., Tashcheva A.I., Gridneva S.V. Commodification of education: processes and results. *Vocational education in the modern world*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 2406–2420.
5. Arthog F. Types of historical thinking: presentism and forms of perception of time. *Domestic notes*, 2004, no. 5, pp. 214–225.
6. Vlaskin A.V. The problem of loss of meaning and its impact on modern information communications. *Modern Philosophy in Russia: Interdisciplinary Studies in the Context of Traditions and Innovations: Fourth Siberian Philosophical Seminar (Omsk, October 15–17, 2014)*. Omsk, 2014, pp. 162–165.
7. Gorin S.G. Intermediate results of educational transformations: a post-non-classical approach. *Vocational education in the modern world*, 2018, vol. 8, no. 1, pp. 1624–1630.
8. Gulyga A.V. *Creators of the Russian idea*. Moscow, Young Guard Publ., 2006, 314 p.
9. Delyagin M. Globalization as the core problem of future world development. «Round table» in the editorial staff of «International Life». *International life*, 2000, no. 11, pp. 7.
10. Kopalov V.I. *Historicism as a principle of socio-philosophical research*. Sverdlovsk: Publishing House Ural. University Publ., 1991, 172 p.
11. Kudashov V.I., Chernykh S.I., Yatsenko M.P., Rakhinsky D.V. Influence of information technology on the formation of the moral foundations of globalization education. *Professional Education in the Modern World*, 2016, vol. 6, no. 4, pp. 583–592.
12. Kuznetsov V. Yu. *The world of unity*. Moscow, Academic Project Publ., 2010, 207 p.
13. Lyskova M. I. Historical kitsch as a source of knowledge about the past. *Theory and History*, 2006, no. 2, pp. 83–90.
14. Rakhinsky D.V. *Global informatization as the basis of modern universalism: a socio-philosophical analysis*. Diss.... Dr. philosopher. Sciences, 2018, 338 p.
15. Ryzenko L. I. Technology transfer networks based on semantic expert systems. *Vestnik SibADI*, 2012, no. 2 (24), pp. 114–118.
16. Sevostyanov D.A. Inverse analysis in modern education. *Professional education in the modern world*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 2433–2442.
17. Trashkova S.M. Information technologies in education: theoretical and legal aspects. *Modern educational technologies in the world educational space*, 2016, no. 3, pp. 47–51.
18. Trashkova S.M., Rakhinsky D.V. Educational policy and the quality of education. *Modern education in the context of reform: innovations and prospects: a collection of materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference*, 2012, pp. 254–258.
19. Hapaeva D. *The past as a challenge to history. France-Memory*. St. Petersburg, St. Petersburg. Univ. Publ., 1999, pp. 292–323.
20. Shekhovtsev A. Yu. *Information paradigm in the structure of modern thinking*. Saratov, Saratov State University Publ., 1998, 176 p.
21. Yakovleva I. V. Safety of the Russian educational space: axiological content of the concept. *Professional education in the modern world*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 2443–2450.

Информация об авторе

Рахинский Дмитрий Владимирович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса юридического института ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет», (Российская Федерация, 660 049, г. Красноярск, ул. Ленина, д.117, e-mail: siridar@mail.ru)

Статья поступила в редакцию 14.01.20. После доработки 23.01.20. Принята к публикации 2.03.20.

Information about the author

Rakhinskiy, D. V—Doctor of Philosophy, Associate professor, professor of the Department of Civil law and process of the Law institute of Krasnoyarsk State Agrarian university, (117, Lenin str., Krasnoyarsk, 660 049, Russian Federation, e-mail: siridar@mail.ru)

The paper was submitted 14.01.20. Received after reworking 23.01.20. Accepted for publication 2.03.20.

УДК 167.7

ЦИФРОВОЙ ДИСКУРС КОНСТРУИРОВАНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ФЕНОМЕНА ОБРАЗОВАНИЯ

В. В. Вихман

Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: vvv@smc.nstu.ru

Аннотация. Цифровизация охватила все стороны и институты современного общества, включая образование. Повсеместное внедрение в последнее новых информационных технологий; смена форматов подачи учебной информации, а также методов трансляции учебных материалов; преобразование роли и приоритетов учебных дисциплин; возникновение онлайн/офлайн доступов к методическим ресурсам – уже стали реальностью. Налицо – информационно-технологический синтез традиции и новаций в образовательной среде. Научно-образовательное пространство «отвечает» на этот цифровой вызов в образовании разнообразными рефлексиями исследователей. Данные теоретические интерпретации направлены, в основном, на рассмотрение отдельных аспектов цифрового образования, например, дистанционного обучения, открытого образования, массовых онлайн курсов, электронной образовательной среды. Фактически можно констатировать наличие фрагментарности теоретического контекста относительно феномена образования в цифровую эпоху. Автором предложен методологический инструментарий, с одной стороны генерализирующий массив теоретизаций феномена образования, в том числе с цифровым контекстом; с другой – позволяющий сконструировать теоретический образ феномена образования, отражающий основные атрибутивные характеристики последнего в цифровой реальности. Под теоретическим образом феномена образования, в наиболее общем виде, подразумевается теоретический конструкт, служащий синтезирующим репрезентантом реальных и/или потенциальных теоретизаций феномена образования и выступающий, с одной стороны, в роли связующего звена между исследователем с его методологическими предпочтениями и разнородными теоретическими представлениями о феномене образования; с другой – основанием необходимого и достаточного для интерпретации феномена образования в контексте того или иного типа научной рациональности. Утверждается, что данный способ познания феномена образования в его теоретизациях (посредством конструирования теоретических образов), позволяет зафиксировать наиболее значимые атрибутивные характеристики исследуемого феномена, выведя за скобки сопутствующие.

Ключевые слова: теоретический образ феномена образования, конструирование теоретического образа феномена образования, цифровая трансформация общества, цифровизация образования, онлайн образование.

Для цитаты: Вихман В. В. Цифровой дискурс конструирования теоретического образа феномена образования // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 1. С. 3447–3455. DOI: 10.15372/PEMW20200107

DOI: 10.15372/PEMW20200107

DIGITAL DISCOURSE OF CONSTRUCTING A THEORETICAL IMAGE OF THE EDUCATION PHENOMENON

Vihman, V. V.

Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: vvv@smc.nstu.ru

Abstract. Digitalization has embraced all aspects and institutions of modern society, including education. The widespread introduction of new information technologies in Russia; the change of formats for the presentation

of educational information, as well as methods of broadcasting educational materials; the transformation of the role and priorities of academic disciplines; the emergence of online / offline access to methodological resources have already become a reality. There is an information-technological synthesis of tradition and innovations in the educational environment. The scientific and educational space «responds» to this digital challenge in education with diverse researchers' reflections. These theoretical interpretations are aimed mainly at the consideration of certain aspects of digital education, for example, distance learning, open education, massive online courses, e-learning environment. In fact, we can state the fragmentary theoretical context regarding the phenomenon of education in the digital age. The author proposes methodological tools, on the one hand generalizing the array of theorizations of the phenomenon of education, including the digital context; on the other hand, allowing constructing a theoretical image of the education phenomenon, reflecting the main attributive characteristics of the latter in digital reality. Under the theoretical image of the education phenomenon, in the most general form, is meant a theoretical construct that serves as a synthesizing representative of real and / or potential theorizations of the education phenomenon, and acts, on the one hand, as a link between the researcher with his methodological preferences and heterogeneous theoretical ideas about the phenomenon of education; on the other hand, as a basis necessary and sufficient for the interpretation of the education phenomenon in the context of a certain type of scientific rationality. It is argued that this method of cognition of the education phenomenon in its theorizations (through the construction of theoretical images), allows you to fix the most significant attribute characteristics of the phenomenon under study, phasing out the concomitant ones.

Keywords: *theoretical image of the education phenomenon, construction of the theoretical image of the education phenomenon, digital transformation of society, digitalization of education.*

For quote: *Vihman V.V. [Digital discourse of constructing a theoretical image of the phenomenon of education]. Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 3447–3455. DOI: 10.15372/PEMW20200107*

Введение. Цифровая трансформация нашего общества уже не миф, а злободневная реальность, которая занимает лидирующие позиции в жизнедеятельности современного человека, в силу того обстоятельства, что цифровые технологии стали реальным драйвером изменений всех сфер современного общества. Происходящая цифровая трансформация общества побуждает к социально-технологическим изменениям всех его институтов, как в структурно-организационном формате, так и на материально-техническом уровне. Не для кого уже не новы введенные в общественно-коммуникационный оборот понятия «интернет», «искусственный интеллект», «социальные сети», «робототехника» и т.д. Не вдаваясь в детали социально-технологических последствий глобальной цифровизацией современного социума зададимся вопросом: каковы следствия вышеперечисленных технологических изменений для развития современного образования как социального института. Вопрос отнюдь не праздный, ибо последствия цифровизации системы образования обещают нам одни из самых радикальных трансформаций за всю историю становления человечества. Приходится признать, что мы имеем дело с системой революционных изменений в силу того обстоятельства, что образование, как один из значимых социальных институтов общества вряд ли могло оставаться в стороне от «цифровых скачков». Развитию «цифрового терминологического поля» в образовании способствовало активное внедрение разнообразных технологий и инструментариев. Образовательное пространство в настоящее время пропитано цифровыми «обвесами»: «электронное обучение», «дистанционное образование», «онлайн образование», «электронная образовательная среда», «сетевое обучение», «массовые открытые курсы» и т.д. Массив цифровой информации и терминологии буквально обрушился на сферу образования. Обучение из учебных аудиторий, лабораторий, где во главе учебного процесса был ранее поставлен педагог-наставник перемещается в «электронную образовательную среду» насыщенную «тьюторами», «майнерами» и т.д. Возникают крупные государственные проекты по цифровизации образования от детских дошкольных учреждений до высшей школы, призывающие сменить формат образовательной деятельности и всех целевых участников процесса вывести из стен учебного заведения и вовлечь в цифровой мир. Все это движение системы образования можно было бы сопроводить тезисом *всех в «цифровое образование», всем «цифровая грамотность»*. Основные надежды в образовании возлагаются на цифровые «блага» в лице разнообразного программного и аппаратного обеспечения, оцифрованных учебно-методических пособий, «оцифрованных» высококвалифицированных преподавателей, способных погрузиться в цифровую образовательную среду.

Но оставим за рамками данной работы рефлексию над последствиями массовой цифровизации образования иным работам и исследователям. Сосредоточим наш дискурс на теоретическом познании феномена образования в эпоху цифровых перемен. Интерес к теоретическому познанию феномена образования вообще в науке никогда не угасал и всегда способствовал формированию множественности его

теоретических представлений, порождая тем самым трудности в интерпретации исследуемого феномена. Интерпретативное пространство в междисциплинарной теории и философии образования можно охарактеризовать состоянием непояснённости либо отсутствия существующих представлений по поводу исторического генезиса, специфики социального конструирования, социальных конструкций, встречающихся и обсуждаемых в науке теоретизаций образования. В цифровой трансформирующейся реальности возникает проблемная ситуация, при которой ни сам феномен образования, ни разнообразные его теоретизации не обладают нужной и достаточной теоретической фундированности и концептуальной пояснённости. Актуальность данной работы определяется в реализации попытки конструирования теоретического образа феномена образования, отвечающего вызовам цифровой реальности.

В создавшейся ситуации предложенный исследовательский инструмент (теоретический конструкт) анализа теоретических представлений о феномене образования, позволит, с одной стороны, выявить все сущностные генерализирующие атрибуты феномена образования, а с другой стороны, сформировать такую конструкцию, которая смогла бы выступить «познавательной линзой», фокусируя перед исследователем картину всех возможных проявлений феномена образования вообще, и в эпоху цифровых трансформации реальности в частности.

Постановка задачи. Исходя из обозначенной актуальности, налицо явное противоречие между присутствием в научном пространстве массива теоретизаций феномена образования, полученных с использованием разнообразных научных подходов и практик и отсутствием унифицированного теоретико-методологического инструментария, способного лечь в основу конструирования «теоретического образа феномена образования» соотносённого с цифровой реальностью.

Нельзя отрицать тот факт, что в научном пространстве имеются в наличии корпус работ, посвященных осмыслению отдельных аспектов цифрового трансформирования системы образования, в частности дистанционного образования, непрерывного образования, онлайн образования и т.п. Но это к сожалению, носит фрагментированный характер, а потребность в целостной теоретической рефлексии феномена образования в цифровую реальность явно назрела.

Методика и методология исследования. Ведущей методологической концепцией положенной в основание исследования выступает и направлена на решение отдельных задач концепция теории конструирования феноменов социальной реальности (П. Бергер, Т. Лукман, Ж. Пиаже, Н. Луман, М. В. Ромма). Ключевая идея применения данной концепции в исследовании заключается в том, что феномен образования в контексте его теоретизаций как часть социальной реальности принципиально конструируем, и это открывает нам возможности привлечения нового научного инструментария его познания в процессе конструирования, придания им форм, отражающих социальную реальность и практики.

Сопутствующими к ведущей методологией, к которой обращаемся в данной работе, выступает научный метод – типологизация, способствующий через сформированные типы теоретических образов феномена образования обнаружить, выявить, установить основные тенденции и перспективы развития феномена образования в рамках научной рациональности.

Результаты. Продолжим ранее нами начатый дискурс о познаваемости феномена образования через рефлексию его теоретических представлений посредством конструирования теоретических образов такового, заострив ход наших размышлений на цифровизации социальной реальности [1; 2].

Процесс рефлексии над интерпретациями результатов теоретических знаний об исследуемом феномене образования поливариантный в зависимости от научной дисциплины, в ракурсе которой оно рассматривается и, безусловно, под оптику, какого методологического подхода попадает. Научное исследование социального феномена всегда находится в тесной взаимосвязи с теоретико-методологической основой в призме, которой оно конструируется. Рефлексия над теоретическим знанием посредством обращения к конструированию теоретических образов занимает одну из ведущих тем не только в естественнонаучном, техническом познании, но и в социально-гуманитарных науках. С позиции социально-философской рефлексии, в общем исследовательском подходе, *теоретический образ феномена образования* – это и исследовательский инструментарий и результат конструирования феномена образования через введенный теоретический конструкт, отражающий основные атрибутивные признаки исследуемого феномена, выраженный во взаимосвязи абстрактных объектов идеально-типического характера, семантически формализованных, методологически-обоснованных в процессе его научного познания.

Опираясь на вышеизложенное, осуществим конструирование теоретических образов феномена образования посредством введенного теоретического конструкта. Теоретический конструкт выступает как формализованная когнитивная абстрактная структура, в которой теоретико-методологическая основа, а также тип научной рациональности выносятся во внешние операторы. С этой точки зрения, данный подход позволяет нам, независимо от смены научной парадигмы не «разрушать» исследовательскую конструкцию, создавая ее заново. Мы приобретаем устойчивый «когнитивный каркас» внешних

операторов в виде оптики научного подхода с одной стороны, и типа мышления с другой, а также вложенный в него систему внутренних операторов (атрибутивных характеристик), отражающих сущностные признаки исследуемого феномена образования. Изменяя внешние воздействия на процесс конструирования теоретического образа феномена образования с помощью введенного нами *теоретического конструкта*, мы «переключаемся» между его «когнитивными каркасами» с четко формализованной структурой, отслеживая траекторию формирования теоретических образов феномена образования.

Процедура конструирования теоретических образов феномена образования видится нам в выявлении междисциплинарного массива теоретических представлений об исследуемом феномене и «встраивании» их в теоретический конструкт, соотнеся теоретические данные с выделенными атрибутивными признаками феномена образования. Атрибутивными признаками конструирования феномена образования, положенными в основу теоретического образа с нашей точки зрения являются:

- **Общественный уровень:** тип научной рациональности, тип общества.
- **Методологический уровень:** научная парадигма, основные категории, уровень конструирования социальной реальности.
- **Позиционный уровень:** позиция «объекта», «субъекта»; позиция социального мира; модель социального феномена; организационная структура управления.
- **Описательный уровень:** структурные компоненты теоретического образа (целевой, содержательно-технологический, ценностно-функциональный).

Процедуру конструирования можно осуществлять с любых точек зрения. Вариант 1. Если наше конструирование осуществлять, ставя во главу угла *методологический уровень*, то траектория конструирования выводит нас на следующее.

Все многообразие теоретизаций феномена образования в научных трудах отечественных и зарубежных ученых может быть сведено к двум научным парадигмальным концепциям: «нормативной» и «интерпретативной» парадигмам [3]. Не погружаясь детально в недра социально-философского анализа, проведенного М. В. Роммом, относительно процесса соотнесения многообразия экспликаций социального феномена к выделенным им парадигмальным позициям, оттолкнемся от этой концепции и примем за основу в рамках данного исследования¹. Парадигма, в данном контексте, понимается нами как исходная концепция, идеология постановки и поиска решения, образцы, схемы познания. Следуя за воплощенной идеей М. В. Ромма о парадигмальном дуализме зарождения экспликаций социального феномена, выделим основные признаки отнесения теоретических представлений о феномене образования к той или иной парадигмальной позиции. Иными словами, ранжируем научные подходы по двум парадигмальным концепциям, выделим признаки отнесения теоретических знаний о феномене образования к «нормативной» или «интерпретативной» парадигме изучения. Под признаками будем понимать основные, значимые понятия, концепты которыми оперирует тот или иной научный подход. Например, системный подход оперирует категориями – *система, подсистема, элементы системы, системные взаимоотношения* и т. д. Теоретические рефлексии о феномене образования построенные в логике познания сущности исследуемого феномена как системы, оценки ее элементов, мы будем рассматривать как наглядный пример нормативной экспликации понятия социального феномена, если на первый план выходит личность и все что с нею связано, то мы видим рождение интерпретативного образа.

Нормативный теоретический образ феномена образования. В эпоху классической рациональности, период монодисциплинарного подхода доминирующей научной парадигмой был «нормативизм». Основная особенность нормативного подхода заключалась в том, что он выводил личность «за рамки» познания, а во главе угла ставил социум, его нормы, ценности. Таким образом, классической научной рациональности мы поставим в соответствие *нормативный теоретический образ феномена образования*, который консолидировано можно представить следующим образом:

НОРМАТИВНЫЙ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ФЕНОМЕНА ОБРАЗОВАНИЯ

- **Общественный уровень**

Тип научной рациональности: *Классическая*

Тип общества: *Индустриальное*

¹ Всем заинтересованным исследователям относительно процесса ранжирования и процесса соотнесения научных подходов к двум парадигмальным позициям «нормативной» и «интерпретативной» рекомендуем подробнее ознакомиться в ранее упомянутом научном труде (см.: Ромм М. В. Адаптация личности в социуме: теоретико-методологический аспект. Издательство «Наука» Новосибирск, 2002 – С.49–53.)

- **Методологический**

Научная парадигма: *Нормативизм (структурно-функциональный, системный подход, системно-структурный подход, информационный подход)*

Основные категории: *Социальный институт, структура, функция, общество, правила, социальные нормы и образцы поведения*

Уровень конструирования: *Макроуровень (общество, институты и т. п.)*

- **Позиционный уровень:**

Позиция «объект», «субъект»: *Объект доминирует. Личность детерминирована социальными условиями*

Позиция социального мира: *Внешне заданная система для всех участников социальных взаимоотношений*

Модель: *Классическая модель образования; Ведущая модель – «конвейерная»*

Управление: *Вертикальное (иерархическое)*

- **Описательный уровень**

Структурные компоненты теоретического образа:

Целевой компонент *(Приобретение научных знаний; Передача знаний «классического типа»)*

Содержательно-технологический компонент *(Иерархические и авторитарные методы обучения, Структурная стабильность учебных дисциплин, Статичные формы организации учебного процесса, Основное средство обучения – книга)*

Ценностно-функциональный компонент *(Образование для общественного производства)*

Интерпретативный теоретический образ феномена образования. Неклассическая рациональность в свою очередь в след за классической, также имела свою господствующий научную парадигму и в отличии от классической рациональности в ней превалировал междисциплинарный научный подход. Парадигма носила антропоцентрический характер, и ее смело можно назвать «интерпретативной», т. е. понимающей. Интерпретативная парадигма на первую позицию в исследованиях ставила личность и все, что с ней было связано. Социум и его нормы, как в случае нормативизма, не учитывались и опускались, как незначительное. В этот период особая роль придается конструктивизму и месту личности в конструировании социальной реальности [4]. Меняется в этот период и способ управления от жесткого давления к принципу «мягкой силы», «мягкого воздействия». Итак, неклассическая рациональность и интерпретативизм порождают на наш взгляд, конкурирующий нормативному теоретическому образу феномена образования – *интерпретативный*.

ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЙ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ФЕНОМЕНА ОБРАЗОВАНИЯ

- **Общественный уровень**

Тип научной рациональности: *Неклассическая*

Тип общества: *Индустриальное*

- **Методологический**

Научная парадигма: *Интерпретативная (культурологический подход, антропологический подход, деятельностный подход, личностный и т. д.)*

Основные категории: *Личность, межличностные отношения, поведения индивидов, взаимоотношение индивида и среды*

Уровень конструирования: *Микроуровень (личность и т. п.)*

- **Позиционный уровень:**

Позиция «объект», «субъект»: *Субъект доминирует. Имеют значение субъективные смыслы личности.*

Позиция социального мира: *Смена социальных ситуаций, выработка адаптивных стратегий. Ситуации уникальны, единичны.*

Модель: *Неклассическая модель образования; Ведущая модель – «проектная».*

Управление: *Неклассическое. Принцип «мягкой силы», «мягкое воздействие»*

- **Описательный уровень**

Структурные компоненты теоретического образа:

Целевой компонент *(Обучение – это «запас на всю жизнь»)*

Содержательно-технологический компонент *(Стабильность структуры учебных дисциплин, Статичность форм организации учебного процесса, Основное средство обучения – книга)*

Ценностно-функциональный компонент *(Образование для общественного производства (сохраняется)).*

Вариант 2. Если сместить акцент процедуры конструирования на *содержательно-технологический компонент*, то мы наблюдаем зарождение теоретического образа феномена образования, характеризующего технологическое развитие эпохи и трансформацию содержания образования в это время. Можно предположить, что в предшествующем нынешнему индустриальном обществе, где превалировали машинное производство, массовое производство, по нашей логике мог бы соответствовать *индустриальный теоретический образ феномена образования*, который характеризовал его основные атрибутивные характеристики.

Развивая дискурс о познании феномена образования в информационном мире, и конструируя его теоретический образ с позиции *содержательно-технологического компонента*, выдвинем следующее предположение. В настоящее время, в эпоху цифровой реальности и повсеместное внедрение цифровых технологий, мы наблюдаем не что иное, как зарождение *цифрового теоретического образа феномена образования*. В подтверждение цифровых трансформаций в образовании, изменении его содержательных, методологических и технологических аспектов в научном пространстве встречается ряд интересных работ посвященных этому.

Так, В. Н. Кузнецов выдвигает тезис об изменении содержательной части образовательного процесса и пишет «современная образовательная программа должна представлять собой «конструктор», состоящий из отдельных мини-курсов, каждый из которых направлен на раскрытие конкретной темы (обучение конкретному навыку). То или иное сочетание деталей этого «конструктора» будет формировать того или иного специалиста» [5].

Ряд авторов осмысливает трансформацию образования как в общем контексте, например, И. В. Вешнева, Р. А. Сингатулин [6], так аспекты применения дистанционных технологий, сущность образовательной информационной среды и место субъекта в ней, онлайн курсов, управления дистанционными курсами, например, С. А. Молодяков, С. Э. Сараджишвили [7], В. С. Третьяков, В. А. Ларионова [8], Т. Н. Андрияшина [9], В. С. Галаев, З. А. Гасанов [10] и др.

Например, Т. Н. Андрияшина акцентирует внимание на изменении форм обучения с традиционной на дистанционную и выдвигает мысль о том, что «в дистанционной форме обучения отражены общие закономерности педагогики, педагогической психологии, дидактики и частных методик, что обуславливает наличие всех компонентов (цели, задачи, содержание, методы, организационные формы, средства обучения), но реализуются они специфичными средствами интернет-технологий, отличающимися от традиционных средств обучения». С. А. Молодяков, С. Э. Сараджишвили утверждают «возможна постоянная модернизация обучения, что исключает элементы застоя, как в методиках преподавания, так и в комплексе используемых материалов. За счет дистанционных курсов облегчается введение новых дисциплин, возможно создание пула новых дисциплин, из которых изучается, например, одна по выбору».

Отдельного интереса заслуживают работы раскрывающие аспекты виртуализации образовательного пространства, например авторов И. Г. Борисенко и С. И. Черных [11], Т. Т. Везилов [12] и др.

В философии образования в эпоху цифровизации сложилось целое научное течение рефлексирующее трансформации в образовании с философской позиции. Особого внимания заслуживают работы научного коллектива данного направления. Это работы таких ученых, как Н. В. Наливайко [13], С. И. Черных [14–16], В. И. Панарин [17], В. И. Паршиков [18], Б. О. Майер [19] и др.

Анализируя корпус открытых научных работ заточенных под цифровизацию образования, хочется отметить тот факт, что основные постулаты в них касаются: изменения устаревшей базы, как методологической составляющей, так и технологической; изменение формата учебной информации, не только в текстовой форме, но и аудиовизуальной; смещение авторитета педагога в сторону горизонтального взаимодействия и принятия решения в выборе учащимися дисциплин с помощью тьютора; трансформация способа доступа и обработки информации. Исходя из вышесказанного, интерпретация *цифрового теоретического образа феномена образования* могла бы выглядеть, опираясь на выдвинутую нами процедуру конструирования, следующим образом.

ЦИФРОВОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ФЕНОМЕНА ОБРАЗОВАНИЯ

• Общественный уровень

Тип научной рациональности: *Постнеклассическая*

Тип общества: *Постиндустриальное (информационное, цифровое, сетевое)*

• Методологический

Научная парадигма: *Нормативно – Интерпретативная*

Основные категории: *Категориальная Интеграция (Социальный институт, структура, функция, общество, правила, социальные нормы и образцы поведения; Личность, межличностные отношения, поведения индивидов, взаимоотношение индивида и среды)*

Уровень конструирования: Мезоуровень (общество, институты, личность и т. п.)

• **Позиционный уровень:**

Позиция «объект», «субъект»: Субъектность меняет формат (под субъектом воспринимают как живое, так и материальное)

Позиция социального мира: Среда приобретает свойства «субъектности».

Модель: постнеклассической модели образования; зарождение «сетевой» модель образования

Управление: Горизонтальное (сетевое); Вертикальное, иерархическое (сохраняется)

• **Описательный уровень**

Структурные компоненты теоретического образа:

Целевой компонент (Обучение «через всю жизнь»; Противостояние между «нравственно-духовным развитием личности» и обеспечение его конкурентоспособности на современном рынке труда).

Содержательно-технологический компонент (Структурная динамичность учебных дисциплин; Развитие индивидуальной образовательной траектории; Внедрение независимых модулей дисциплин; Введение новых образовательных технологий (онлайн курсы, MOOC-курсы; Применение смешанных форм организации учебного процесса (традиционные + распределенные: дистанционные в режимах онлайн/офлайн доступа); Основное средство обучения – электронные учебно-методические комплексы, ресурсы и т. д.; Внедрение электронно-библиотечных систем; Роль педагога переходит от ментора к тьютору).

Ценностно-функциональный компонент (Образование для самостоятельного развития; Средство «продвижения по социальной карьерной лестнице»; Практико-ориентированное; Движение в сторону «персонализированной кратической мотивации»).

Выводы. Процесс познания феномена образования в процессе конструирования его теоретических образов напрямую зависит от трех основных аспектов: типа общества, в рамках которого осуществляется конструирование, типа научной рациональности (типа научного мышления), присущей данному обществу и научной парадигмы, в призме которой осуществляется непосредственно конструирование. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что конструирование не является жесткофиксированным по основным выделенным аспектам. Процесс познания феномена образования пластичен в предлагаемой нами концепции, его можно осуществлять с любой позиции, прописанной в методологическом инструментарии, представленном нами в данной работе. В зависимости от доминирующей позиции, например, «Тип общества» или «Ценностно-функциональный компонент», мы каждый раз можем получать различные теоретические образы феномена образования, призванные всеобщее оценить исследуемый нами феномен. Вся совокупность рождаемых нами теоретических образов может претендовать на генерализирующую концепцию выстраивания целокупленного теоретического образа феномена образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вихман В.В. Теоретические образы образования: интерпретативный дискурс // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Т. 8, №1 А. С. 181–190.
2. Вихман В.В. Визуальные коннотации теоретизаций социальных феноменов // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9, №1. С. 2476–2483. DOI: 10.15372/PEMW20190110.
3. Ромм М.В. Адаптация личности в социуме: Теоретико-методол. аспект: монография / М-во образования Рос. Федерации, Новосиб. гос. техн. ун-т. Новосибирск: Наука, 2002. 272 с.
4. Князева Е.Н. Проблема субъекта в философском конструктивизме. /Е.Н. Князева // Проблемы субъектов в постнеклассической науке. М.: Когито-Центр. 2007. С. 70–78.
5. Кузнецов Н.В. Онлайн-образование: ключевые тренды и препятствия // E-Management. 2019. №1. С. 19–25.
6. Вешнева И.В., Сингатулин Р.А. Трансформация образования: тенденции, перспективы // Высшее образование в России. 2016. №2. С. 142–147.
7. Молодяков С.А., Сараджишвили С.Э. Применение дистанционных технологий для расширения возможностей образовательной деятельности в институте // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, №4. С. 127–136.
8. Третьяков В.С., Ларионова В.А. Открытые он-лайн-курсы как инструмент модернизации образовательной деятельности в вузе // Высшее образование в России. 2016. №7 (203). С. 55–66.
9. Андрияшина Т.Н. Дистанционное обучение в вузе // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2015. №2. С. 6–10.
10. Галяев В.С., Гасанова З.А. О классификации моделей дистанционного обучения // Высшее образование в России. 2012. №4. С. 103–108.

11. **Борисенко И. Г., Черных С. И.** Виртуализация отечественного образовательного пространства: монография / М-во образования и науки Российской Федерации, Сибирский федеральный ун-т, [Политехнический ин-т]. Красноярск: СФУ, 2016. 170 с.
12. **Везиров Т. Т.** Применение виртуальной информационно-образовательной среды вуза в подготовке бакалавров // Педагогический журнал. 2016. №3. С. 98–113.
13. **Наливайко Н. В.** Функции философии как основы рассмотрения глобальных вопросов российского образования // Профессиональное образование в современном мире. 2012. №4 (7). С. 41–48.
14. **Черных С. И., Наливайко Н. В.** Образовательное взаимодействие как объект философского анализа // Философия образования. 2012. №1 (40). С. 186–191.
15. **Черных С. И.** Идентификация образовательного субъекта в условиях современного образовательного пространства // Философия образования. 2012. Т. 40. №1. С. 134–140.
16. **Черных С. И.** Образовательное пространство в условиях информатизации общества. Новосибирск: Изд-во НГАУ, 2011. 254 с.
17. **Наливайко Н. В., Панарин В. И.** О современной специфике развития отечественного образования // Философия образования. 2009. №2 (27). С. 17–24.
18. **Наливайко Н. В., Паршиков В. И.** Профессиональное образование в современном мире: концептуальное осмысление тенденций развития // Профессиональное образование в современном мире. 2011. №1. С. 4–10.
19. **Майер Б. О.** Образование в условиях глобальных изменений: методологическая функция философии образования // Философия образования. 2012. №6 (45). С. 117–124.

REFERENCES

1. **Vihman V. V.** Theoretical images of education: interpretive discourse. *Context and reflection: philosophy about the world and man*, 2019, vol. 8, no. 1A, pp. 181–190.
2. **Vihman V. V.** Visual connotations of theorizing social phenomena. *Professional education in the modern world*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 2476–2483. DOI: 10.15372/PEMW20190110.
3. **Romm M. V.** adaptation of personality in society: Theoretical and methodological. aspect: monograph. Novosibirsk, Nauka Publ., 2002, 272 pp.
4. **Knyazeva E. N.** The problem of the subject in philosophical constructivism. *Problems of subjects in post-non-classical science*, Moscow, Kogito-Center, 2007, pp. 70–78.
5. **Kuznetsov N. V.** Online education: key trends and obstacles. *E-Management*, 2019, no. 1, pp. 19–25.
6. **Vasneva I. V., Singatulin R. A.** the Transformation of education: tendencies, prospects. *Higher education in Russia*, 2016, no. 2, pp. 142–147.
7. **Molodyakov S. A., Saradzhishvili S. E.** Application of remote technologies for expansion of opportunities of educational activity in Institute. *Scientific and technical sheets of SPbSPU. Humanities and social Sciences*, 2017, vol. 8, no. 4, pp. 127–136.
8. **Tretyakov V. S., Larionova V. A.** Open on-line courses as a tool of modernization of educational activity in the University. *Higher education in Russia*, 2016, no. 7 (203), pp. 55–66.
9. **Andryukhina T. N.** Distance learning in high school. *Bulletin of Samara state technical University. Series: Psychological and pedagogical Sciences*, 2015, no. 2, pp. 6–10.
10. **Gulyaev V. S., Hasanov Z. A.** On the classification of models of distance learning. *Higher education in Russia*, 2012, no. 4, pp. 103–108.
11. **Borisenko I. G., Chernykh S. I.** *Virtualization of domestic educational space*: monograph. Krasnoyarsk, SFU Publ., 2016, 170 p.
12. **Vezirov T. T.** The use of virtual information and educational environment of the University in the preparation of bachelors. *Pedagogical journal*, 2016, no. 3, pp. 98–113.
13. **Nalyvayko N. V.** Functions of philosophy as a basis for consideration of global issues of Russian education. *Professional education in the modern world*, 2012, no. 4 (7), pp. 41–48.
14. **Chernykh S. I., Nalyvayko N. V.** Educational interaction as an object of philosophical analysis. *Philosophy of education*, 2012, no. 1 (40), pp. 186–191.
15. **Chernykh S. I.** Identification of the educational subject in the conditions of modern educational space. *Philosophy of education*, 2012, vol. 40, no. 1, pp. 134–140.
16. **Chernykh S. I.** *Educational space in the conditions of Informatization of society*. Novosibirsk, Novosibirsk state agrarian University Publ., 2011, 254 p.
17. **Nalyvayko N. V., Panarin V. I.** On modern specifics of development of domestic education. *Philosophy of education*, 2009, no. 2 (27), pp. 17–24.

18. **Nalyvayko N. V., Parshikov V. I.** Vocational education in the modern world: conceptual understanding of development trends. *Vocational education in the modern world*, 2011, no. 1, pp. 4–10.
19. **Mayer B. O.** Education in the conditions of global changes: methodological function. *Philosophy of education*, 2012, no. 6 (45), pp. 117–124.

Информация об авторе

Вихман Виктория Викторовна – кандидат педагогических наук, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры философии (факультет гуманитарного образования), начальник отдела (учебное управление) Новосибирского государственного технического университета (Российская Федерация, 630073, Новосибирск, проспект Карла Маркса, 20, оф. 225, e-mail: vvv@smc.nstu.ru)

Статья поступила в редакцию 7.11.19. После доработки 21.01.20. Принята к публикации 27.02.20.

Information about the author

Viktoria V. Vihman – candidate of Pedagogical Sciences, candidate of Technical Sciences, Associate Professor at Novosibirsk State Technical University, Associate Professor at the Department of Philosophy of the Faculty of Humanities), Head of the Academic department at Novosibirsk State Technical University (20, Karl Marx Ave., OFF 225, Novosibirsk, 630073, Russian Federation; e-mail: vvv@smc.nstu.ru)

The paper was submitted 7.11.19. Received after reworking 21.01.20. Accepted for publication 27.02.20.

УДК: 37.01

ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЕ КАК СПОСОБ ГАРМОНИЗАЦИИ АРХЕТИПОВ САМОСТИ, КОРПОРАТИВНОСТИ И ИЕРАРХИИ

Д. В. Львов

Сибирский федеральный университет
Красноярск, Российская Федерация
e-mail: devlal86@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрено взаимовлияние архетипов Самости, корпоративности и иерархии на образовательный процесс в онлайн-среде. Отмечено усиление иерархических тенденций в социальном институте образования в результате появления национальных государств и запущенных ими реформ на примере Австро-Венгерской империи. Проанализировано влияние присущей архетипу иерархии абстрагирующей безличности на проявления архетипа корпоративности. Даны указания на влияние архетипов корпоративности, иерархии и Самости на процесс возникновения коллективной идентичности в тесной связи с дифференциацией и специализацией внутри группы. Отмечена роль архетипов в реализации функции воспроизводства, налагаемой обществом на образовательные институты. Высказана идея о роли архетипа Самости в снятии противоречий между архетипами корпоративности и иерархии. Перечислены проблемы, вызванные усилением архетипа иерархии в образовании. Проанализированы отличительные черты онлайн формы образования по сравнению с привычным офлайн форматом в развитии иерархических, корпоративных, а также индивидуационных феноменов. Показаны разнонаправленные возможности электронных форматов, которые могут быть использованы как для подкрепления, так и для ослабления тенденций архетипов Самости, корпоративности и иерархии. Указано на противоречие между инновационной формой электронного образования и консерватизмом коллективного бессознательного. Отмечена принципиальная дополняемость бессознательных схем архетипов на сознательном уровне разработки культурой их наполнения вариативными символами и образами. Приведены некоторые примеры образовательных и просветительских проектов в сети Интернет. Делается вывод, что ребалансировка влияния архетипов в пользу Самости и корпоративности открывается прежде всего в онлайн-проектах, не находящихся под управлением традиционных иерархических организаций.

Ключевые слова: архетип корпоративности, архетип иерархии, Самость, университет, онлайн-образование.

Для цитаты: Львов Д. В. Онлайн-образование как способ гармонизации архетипов самости, корпоративности и иерархии // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 1. С. 3456–3464. DOI: 10.15372/PEMW20200108

DOI: 10.15372/PEMW20200108

ONLINE EDUCATION AS A WAY TO HARMONIZE THE ARCHETYPES OF SELF, CORPORATIVITY AND HIERARCHY

Lvov, D. V.

Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation
e-mail: devlal86@gmail.com

Abstract. The article considers the mutual influence of the archetypes of Self, corporativity, and hierarchy on the educational process in the online environment. The increase of hierarchical trends in the social institution of education as a result of the emergence of national states and the reforms launched by them, is noted on the example of the Austro-Hungarian Empire. The influence of abstractive impersonality, inherent

for a hierarchy, on the manifestations of corporativity is analyzed. Indications are given on the influence of the corporativity, hierarchy, and Self archetypes on the process of emergence of collective identity, in close connection with differentiation and specialization within the group. The role of archetypes in the implementation of the reproduction function imposed by society on educational institutions is noted. The article expresses the idea of the Self archetype's role in removing contradictions between the archetypes of corporativity and hierarchy. It also lists the problems caused by strengthening the hierarchy archetype in education. The author analyzes the distinctive features of the online form of education in comparison with the usual offline format in the development of the hierarchical, corporate and individual phenomena. The multidirectional possibilities of the electronic format are shown, which can be used both to reinforce and to weaken the tendencies of the archetypes of Self, corporativity, and hierarchy. It is pointed out that there is a contradiction between the innovative form of e-education and the conservatism of the collective unconscious. It is also noted that unconscious schemes of archetypes can be supplemented at the conscious level of culture by filling them with variable symbols and images. Some examples of educational projects on the Internet are given. It is concluded that the rebalancing of the influence of archetypes in favor of Self and corporativity is revealed primarily in online projects that are not controlled by traditional hierarchical organizations.

Keywords: archetype of corporativity, archetype of hierarchy, Self, university, online education.

For quote: Lvov D. V. [Online-education as a way to harmonize the archetypes of self, corporativity and hierarchy]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 3456–3464. DOI: 10.15372/PEMW20200108

Введение. Как было обозначено ранее [1], многие современные проблемы в сфере образования связаны с усилением фигуры администратора, которая вносит существенные изменения в процесс взаимодействия учителя и ученика.

Ещё М. Вебер, провозгласивший рационализацию основным вектором социального развития, считал именно бюрократию наиболее рациональным способом организации труда [2, с. 261].

Бюрократизация образования per se явилась следствием становления такого мощного социального института, как национальное государство, что происходит лишь в Новое время. В наиболее яркой форме, пожалуй, это зафиксировано в австро-венгерских реформах университетов второй половины XVIII века, в результате которых профессора по сути превратились в чиновников [3].

При этом перед университетами фактически была поставлена задача по подготовке единообразного типа личности выпускника, который в качестве нового госслужащего должен был воплощать в себе идеал преданного многонациональной Империи подданного, своими устремлениями и усилиями направленного на благо объединяющего несколько народов государства.

Тут вспоминаются идея Х. Арендт о замещении национализмом понятия «о человечестве как семье наций» на «иерархическую структуру» [4, с. 322]. Её философское осмысление тоталитаризма продемонстрировало опасность индуцируемого архетипом иерархии сравнения различных народов между собой.

В то же время присущее архетипу иерархии отвлечение от индивидуальных личностных характеристик позволяет приблизиться к искомому идеальному типу бюрократической машины. О «притягательности бюрократических процедур» и акценте в них на безличности обстоятельно писал Д. Гребер [5, с. 137].

Парадоксально, но таким образом, присущее бюрократии и архетипу иерархии абстрагирование работает против архетипа корпоративности (уничтожая участие и приязненное отношение индивидуальное жизненной ситуации) и одновременно на благо того же архетипа (закладывает основание для равенства индивидов в социокультурной общности). Как указал Р. Инглхарт обезличивание уравнивает через достижение взаимозаменяемости [6, с. 10]

В таком противоречивом взаимодействии архетипов корпоративности и иерархии выявляется объединяющая их в общем направлении воздействия равнодействующая по усилению коллективных аспектов в личности над индивидуальными. Тут очевидно возникает противопоставление подробно освещённому ещё самим К. Г. Юнгом архетипу Самости [7].

Но в то же время человек как существо социальное может полноценно реализоваться только в разнообразных интеракциях с другими людьми, которые в идеале также будут самостями, идущими по аналогичному пути индивидуации. Как заметил сам К. Г. Юнг: «Самость – это полный расцвет не только отдельно взятого индивида, но и целой группы» [8, с. 516].

Таким образом, архетип Самости, даже не смотря на всю свою индивидуализирующую направленность имеет также интенцию к коллективности. Гармонизация трёх обозначенных архетипов обуславливает полноценное развитие как социокультурной общности, так и состоящих в ней индивидов. Это отражается в известной концепции всестороннего развития личности, функция по которому в гуманистической традиции возлагается как раз на социальный институт образования (см. например: [9, с. 139]).

Вместе с тем с образования не может быть снята также и задача социализации «подростающего поколения». В этом можно усмотреть воспроизводство социокультурного ДНК. Именно архетип корпоративности содержит само требование по регулярному возобновлению в сообществе смысло-ценностного ядра.

При этом одинаковый социокультурный ДНК «таких-же-как-я-самостей» вместе с интеграцией общества приводит к естественной установке на восприятие его членов как равных, в пределе – тождественных, а значит, взаимозаменяемых. Но закрепившейся социокультурной адаптацией стала горизонтальная и вертикальная функциональная дифференциация. Управление обществом разделённого труда стало столь типичной жизненной ситуацией для совокупностей людей, что получило отражение в коллективном бессознательном в форме архетипа иерархии.

В системе образования влияние архетипа иерархии неразрывно связано с сегрегационной функцией. В той или иной форме именно образовательные институты содержат в себе каналы специализации и сопутствующей сегрегации поступающих в них индивидов, которые на выходе получают признанное всем сообществом право на занятие той или иной социальной позиции в иерархии. Но это неизбежно ведёт к социальной дезинтеграции и неравенству среди членов общности. Зато они перестают быть так легко взаимозаменяемы. Это уже содержит потенциал к индивидуализации.

К тому же, требования поддерживаемого архетипом корпоративности смысло-ценностного ядра группы и навязываемые архетипом иерархии требования социальной роли в некоторых конкретных ситуациях могут вступать в противоречие.

Конфликты, имеющие столь глубинные архетипические основания, неизбежно приводят к психологической фрустрации. На помощь приходит архетип Самости. В этом контексте процесс индивидуации может пониматься как освобождение личности от тенденций более коллективистских архетипов.

Отмеченный нами ранее [1] в образовании перекося в сторону архетипа иерархии проявился в нескольких живо обсуждаемых проблемах.

1. Уменьшение самостоятельности социального института образования, который всё больше подчиняется требованиям внешних агентов.
2. Искажение мотивов участников образовательного процесса с переориентировкой на формальные показатели, заданные внешней средой.
3. Взаимоотношения участников образовательного процесса приобретают всё более формализованный характер.
4. Предыдущий пункт приводит к снижению чувства единения и сопричастности участников образовательного процесса, формируемого архетипом корпоративности.
5. Глобализация с присущей ей возросшей социальной мобильностью приводит к усилению конкуренции между образовательными организациями, стремящимися занять как можно более высокое место в глобальной иерархии.
6. Нивелировка межличностного взаимодействия между учителем и учеником вместе с переориентировкой на получение формального статуса-ярлыка.

Последний пункт вместе с углубляющейся информатизацией социальных процессов приводит к расцвету различных форм дистанционного образования. Онлайн-образование в своих различных проявлениях становится попыткой разрешить данные проблемы, связанные с усилением воздействия архетипа иерархии. В контексте архетипического подхода интересно взглянуть на то, как в этом новом феномене отражается диалектика архетипов корпоративности, иерархии и Самости.

Само по себе онлайн-образование сущностно не является принципиально новым феноменом. Поэтому совершенно естественно, что в онлайн-образовании проявляется влияние древних архетипов коллективного бессознательного. Так, дистанционность не является совершенно не имевшей место ранее характеристикой. Ещё со второй половины 20-х гг. XX в. широкое распространение получило заочное образование.

М.Г. Мацибора считает: «В основе идеи создания заочного образования лежит осознанная самостоятельная деятельность индивида» [10, с. 51]. Эти слова справедливы для всякого дистанционного образования, в том числе и онлайн-формата. При этом особый акцент делается на повышении самостоятельности ученика, тем самым актуализируя архетип Самости ещё сильнее. Онлайн-образование характеризуется той же ключевой ролью самого студента [11, р. 80]

Постановка задачи. В отмеченной установке на САМОобразование даже на лингвистическом уровне «торчат уши» архетипа Самости. В этом смысле представляется интересным обсудить гипотезу, что онлайн-образование тесно связано с повышением влияния архетипа Самости на социокультурную реальность. Здесь возникает ряд вопросов. Как именно онлайн-среда позволяет проявляться архетипу Самости? Каковы здесь особенности взаимодействия различных архетипов? Связано ли онлайн-образование с индивидуалистическими ценностями? И самое важное в контексте обозначенной выше проблемы: может ли архетип Самости сбалансировать взаимовлияние архетипов иерархии и корпоративности в образовании?

Методика и методология исследования. В качестве методологического базиса для анализа онлайн-образования выбран архетипический подход. Его использование является логичным продолжением упомянутого и произведённого ранее рассмотрения современных проблем образования.

Стремление к объединению в социальные корпорации и идентификации «своих» и «чужих», равно как и потребность определения себя лично и определяемой как «свои» социальной общности относительно иерархической структуры в связях с другими индивидами и их группами прослеживаются во всех культурах независимо от географического и исторического положения. Эти потребности рассматриваются через призму архетипов корпоративности и иерархии.

При этом важными составляющими соответствующих архетипических схем являются идентификационный код общности, а также иерархический канон, определяющий нормы взаимоотношений внутри сообщества.

Кроме того, для выявления роли тенденций, обусловленных процессом индивидуации, используется разработанная ещё К. Г. Юнгом концепция архетипа Самости.

Результаты. Интернет, вообще цифровая среда, по сути являются новой оболочкой для межличностных и – более широко – социальных коммуникаций. Пророческое прозрение М. Маклюэна о «глобальной деревне» [12] на рубеже XX и XXI веков с широчайшим и всепроникающим распространением Всемирной паутины воплотилось ещё зримее, чем в электронных СМИ середины прошлого столетия. При этом сама отсылка к образу деревни даёт коннотации консерватизма. Виртуальное пространство – лишь новая арена для разворачивания природы человека и общества. Здесь осуществляются столь же древние, как и само человечество межличностные и коллективные практики. Соответственно, вполне устоявшиеся элементы психики, в том числе и коллективного бессознательного, также продолжают играть свою роль.

Однако виртуальность инновационной для древних практик среды неизбежно накладывает свой отпечаток. Предоставляемые Интернетом возможности снимают многие ограничения.

Так, онлайн нам даны инструменты по значительно более широкому спектру характеристик в конструировании собственного образа. Например, на многих требующих регистрации сайтах, вы самостоятельно выбираете собственные имя, пол, возраст, загружаете любое изображение, какое захотите – совершенно независимо от их соответствия реальности. Даже кровно заинтересованные в определённых механизмах идентификации коммерческие провайдеры игровых сайтов сталкиваются порой с проблемой определения возраста собственных клиентов [13].

Такое влияние виртуальной среды на механизм символического заполнения архетипической схемы Самости ведёт к повышению осознанности в процессе выстраивания личной и социальной идентичности. Отсюда возникают недоступные ранее перспективы для более свободного творчества в «социальном конструировании реальности» [14].

Разделённые в физическом мире люди могут находить друг друга в интернете намного легче. Естественно, в полном соответствии с индуцируемыми архетипом корпоративности тенденциями, такие индивиды устремятся к объединению друг с другом, а почувствовав себя как групповую целостность, более уверенно будут отстаивать собственные позиции и офлайн.

Такое взаимопроникновение реального и виртуального имеет ощутимый офлайн потенциал. Инициированная изначально онлайн-сообществами публичная активность может повлиять на актуальную политическую повестку. Естественно, что и традиционные социальные агенты теперь используют онлайн среду как инструмент для достижения собственных целей [15, p. 16].

Применительно к сфере образования также можно говорить о том, что вполне традиционные игроки (те же университеты) уже активно осваивают цифровую среду для осуществления своей вполне привычной по содержанию деятельности. Интересно в этой связи посмотреть, как это отражается на влиянии архетипов.

Так, имевшееся прежде переформатирование образования с усилением роли национального государства привело к возникновению в образовательном пространстве фигуры внешнего администратора. Это усилило влияние тенденций архетипа иерархии. И это само по себе поспособствовало возник-

новению некоторых проблем. Возможно ли, что отмеченное возникновение новых степеней свободы на пути индивидуации в онлайн-среде и сопутствующее усиление влияния архетипа Самости, ослабит роль архетипа иерархии в том числе и в образовании?

Некоторые тенденции по ослаблению архетипа иерархии в онлайн-образовании по сравнению с традиционным офлайн вполне наблюдаемы. Так, можно говорить о снятии части барьеров в доступе к образованию. Даже на уровне физической географии. В виртуальном пространстве человек может стать слушателем онлайн-курсов, предоставляемых ведущими образовательными организациями. Причём такие возможности отчасти даются даже бесплатно.

В этом смысле при наличии стабильного доступа в Интернет и достаточно продвинутом владении английским языком любой житель даже глухой сибирской деревни в принципе может приобщиться к некоторым курсам разработанным ведущими профессорами университетов, занимающих самые высокие позиции в международных рейтингах. Такая возможность ещё пару десятилетий тому назад в принципе отсутствовала.

Сама идея так называемых массовых открытых онлайн курсов (MOOK) во многом была исполнена пафосом по расширению доступности самого продвинутого образования для тех слоёв населения, которые в силу недостатка ресурсов были исключены из потенциальной аудитории элитных университетов.

Тем не менее исследователи показывают, что развивающиеся страны недопредставлены в аудитории MOOK [16, р. 1]. Так, анализ MOOK Гарварда и MIT выявил положительную корреляцию между количеством полученных сертификатов на душу и Индексом человеческого развития Всемирного банка [17].

Таким образом, хотя сама по себе онлайн-оболочка MOOK и могла бы поспособствовать ослаблению архетипа иерархии, в смысле воспроизводства социальной структуры инерция его воздействия продолжает действовать. Вероятно, это связано с тем, что существует языковой барьер: английский является доминирующим в Интернете [18, р. 3]. А требуемые на изучение иностранного языка финансовые и временные ресурсы остаются запретительным цензом именно для наиболее низкостатусных слоёв.

Кроме того, исследователи говорят о цифровом неравенстве [19, р. 2]. Иными словами, не обладающие в силу тех или иных причин информационными компетентностями люди оказываются отрезанными от любых возможностей онлайн-образования.

В этом смысле социальный институт образования даже в онлайн-форме продолжает выполнять отмеченную П. Бурдьё и Ж.-К. Пассроном [20] функцию по воспроизводству и легитимации существующего иерархического status quo с сохранением преимуществ за и так привилегированными классами.

Ещё одним проявлением инерционного влияния архетипа иерархии можно считать активизацию администраций образовательных учреждений, которые видят в интернете в первую очередь инструмент по продвижению собственных интересов. В последние годы проводится политика по созданию MOOK. Причём это приобретает всё более навязчивые формы побуждения профессорско-преподавательского состава к разработке и организации онлайн-курсов. Это вполне привычная для иерархических отношений схема по постановке вышестоящими задач, исполнителями которых становятся подчинённые.

Такая политика во многом инициируется даже не самими администрациями университетов, а спускается сверху Правительством. Вызвано это очевидно стремлением обрести такие иерархические признаки, как по возможности максимально высокие места в тех же международных рейтингах образования и университетов. MOOK же улучшают учитываемые такими рейтингами показатели. Само по себе стремление оказаться на как можно более высокой позиции присуще любой социокультурной общности. В этом пункте тенденции архетипов корпоративности и иерархии совпадают.

Тем не менее сама иерархическая модель, используемая в постановке задачи по разработке MOOK имеет в себе потенциал к вырождению, отмеченному и в традиционной офлайн-форме. Так, административная бюрократия воспринимает выполнение поставленных ею задач только на собственном языке формальных показателей. Соответственно, переориентация на таковые формальные показатели искажает мотивы участников образовательного процесса.

Кроме того, сама по себе онлайн-форма требует от преподавателя несколько иных компетентностей, чем привычный аудиторный формат. Далеко не все обладают ими в равной мере. Таким образом, навязывание онлайн-формата «сверху» без поддержки «снизу» ничуть не ослабит перекося о корпоративности в пользу иерархии.

Сама инновационность канала образовательного процесса в случае опоры на интернет и информационные технологии даже сугубо стилистически противопоставлена традиционности содержания. Образование даже в онлайн-форме выполняет важнейшую для общества функцию по ретрансляции некоего устоявшегося и принимаемого как базовый набор мировоззренческих представлений и установок. Таким образом, происходит поддержание здорового функционирования смысло-ценностного ядра, вокруг которого в соответствии с архетипом корпоративности объединяются индивиды.

Само по себе коллективное бессознательное консервативно по своей природе. Оно противится резким изменениям. Наполнение архетипических схем производится на символическом, то есть сознательном уровне. И здесь модификации происходят значительно быстрее, благодаря чему социокультурные целостности имеют пространство для адаптационного манёвра. Например, деление на «своих» и «чужих», формирование социокультурного ДНК общности из некоего набора ценностей, смыслов и норм и неизбежное требование к «своим» по защите и поддержке этого смысло-ценностного ядра – всё это составляющие архетипической схемы корпоративности. Эта структура не изменяясь воспроизводится во всякой социокультурной общности. В то же время содержание такого ядерного набора смыслов и ценностей исторически и географически вариативно.

При этом людьми это происходящее из глубин коллективного бессознательного требование по заполнению архетипических схем ощущается как важнейший императив. Успешное решение такой задачи позволяет избежать остро чувствующейся коллективной фрустрации. И потому становится экзотразначимым. Любые попытки изменить это содержание будят в массовом сознании чувство тревоги и маркируются в качестве опасной угрозы.

Дополнительный консерватизм такому смысло-ценностному идентификационному коду придаёт сам индуцируемый всё тем же архетипом корпоративности процесс коллективного согласования и принятия. Большим совокупностям индивидов заведомо сложнее «договориться», чем малым. Соответственно, всякий результат состоявшегося коллективного согласования (которое к тому же во многих аспектах принципиально не отрефлексировано участниками) оказывается самоценным уже в силу завершения процесса, который заново начинать не вызывает никакого желания. Тем более, с непредсказуемыми последствиями, одним из которых может стать распадение коллективной целостности на меньшие принципиально не согласные друг с другом группы.

Ещё одним интересным моментом в этом же ключе является то, что и канал коммуникации (в обсуждаемом случае – онлайн-среда) и архетипическая схема по сути сходны в том, что являются формами для символического содержания. В случае же с онлайн-образованием предполагается модификация именно формы. Коллективное бессознательное в этом смысле ставится под угрозу: требуется провести изменение формы, которому архетипы как формы неизменно противятся.

Таким образом, инновационность формы онлайн-образования в разных аспектах вступает в противоречие с консервативностью архетипов как форм и символического наполнения социокультурным кодом как содержанием. На бессознательном уровне эти противоречия рождают тревожную фрустрацию, что потенциально приводит к смутному сопротивлению со стороны участников.

При этом простота и ширящаяся доступность интернета как инструмента для взаимодействия и распространения информации открывает возможности для новых форм институционализации образования. Заметный рост спроса на свободные от вступительных цензов просветительские ресурсы в последнее время получает ответ в широком ассортименте запускаемых онлайн-проектов. В пространстве Рунета можно привести примеры запущенного в 2012 году сайта Постнаука (<https://postnauka.ru/>) или проекта Арзамас 2015 года (<https://arzamas.academy/>). Оба проекта являются примерами успешной самоорганизации и инициированы не какими-либо традиционными образовательными институтами, которые обычно имеют довольно жёсткую иерархическую структуру.

В этом можно увидеть адекватный ответ как раз на запрос по возрождению духа корпоративности, который был характерен для первых университетов. Имеющий уже почти тысячелетнюю историю социальный институт университета, в своё время также был социокультурной инновацией, формировавшейся усилиями «снизу» со стороны инициативных групп самоорганизующихся интеллектуалов – тех самых «universitas magistrorum et scholarium».

К тому же такие проекты дают инструменты для удовлетворения потребностей, продуцируемых не только архетипом корпоративности, но и Самостью, которая мотивирует людей идти по пути индивидуации. Одним из вариантов этого является в том числе развитие собственной эрудиции и овладение разнообразными, а не только задаваемыми узкой профессиональной специализацией областями знаний.

Ещё одним интересным примером удачного объединения коллективистских мотивов корпоративности с индивидуализирующим усилением Самости можно назвать различные онлайн-объединения по изучению языков. Одной из самых ярких иллюстраций является международное сообщество Italki. Здесь индивиды со всего мира самостоятельно договариваются о языковых уроках. Конкретные формы и условия зависят только от самих договаривающихся. В принципе это могут быть и платные уроки, и взаимные бесплатные беседы поочерёдно на родных языках двух уже продвинувшихся в овладении иностранным носителей. Последняя опция к тому же снимает финансовый барьер, являющийся одной из опор иерархического разделения.

Кроме того, архетипически корпоративные мотивы альтруизма поддерживают создание различных бесплатных образовательных продуктов. Конечно, этот феномен может быть лишь маркетинговым инструментом по привлечению целевой аудитории и установлению отношений с потенциальными клиентами, которые затем, уже «распробовав», окажутся более расположенными к оплате аналогичных, но «более продвинутых» предложений. В качестве примера можно привести различные частично бесплатные приложения для смартфонов. Или сайт русской школы по изучению английского языка Puzzle English, регулярно публикующий бесплатные материалы, но рекламирующий также и собственные платные курсы. Тем не менее сама по себе ранее в принципе не встречавшаяся бесплатность (хотя бы частичная) образовательных и просветительских материалов и сервисов делает их доступными значительно большей аудитории.

Такого рода бесплатные предложения не заходят так далеко, чтобы полностью ликвидировать статусные иерархические признаки. Отсутствие официального диплома снижает вовлеченность онлайн-курсов в большие социальные иерархии. В этом смысле традиционные иерархии не оставляют закреплённые за ними позиции. Только традиционные образовательные организации остаются легальными провайдерами, официально выполняющими инициации неофитов в формализованные социальные роли.

В то же время сама концепция «личностного саморазвития» ориентирована не на формальные, а на содержательные показатели, вырабатываемые к тому же самим индивидом, а не навязанные ему извне со стороны каких бы то ни было коллективистских по своей природе организованных иерархий. Вместе с расширением ассортимента отчасти бесплатных образовательных возможностей онлайн эта концепция уменьшает роль формальных иерархических признаков в сфере образования. Тем самым закладывается база для возвращения внимания участников образовательного процесса прежде всего к содержанию образования и реальным компетентностям. Последние заменяют формальные «дипломы» в качестве значимых иерархических признаков, на которые люди ориентируются при определении собственного или чужого места в социальной структуре.

Такая конкуренция канонов значимых иерархических признаков становится важнейшим полем борьбы в массовом сознании, в которую вовлекаются стоящие за разными канонами альтернативные образовательные организации. На этой ярмарке устоявшиеся модели университетов оказываются лишь одним из возможных вариантов.

Выводы. Таким образом, проведённый анализ показал, что уже имеющиеся в коллективном бессознательном архетипы продолжают оказывать своё влияние на человеческое поведение как внутри самой онлайн-среды, так и – что, возможно, является даже более важным – по поводу этого нового феномена. Так онлайн-образование становится просто ещё одним инструментом для реализации тех интересов, которые продуцируются архетипами корпоративности, иерархии и Самости.

При этом архетип Самости в большей степени ориентирован на индивидуалистические ценности, чем коллективистские архетипы корпоративности и иерархии. Но если потенциальная анонимность в Интернете и работает на усиление Самости, то влияние онлайн-среды на коллективистские архетипы не так однозначно. В большей степени (за счёт расширяющегося доступа) онлайн усиливает корпоративность в противовес иерархии. С другой стороны, сама необходимость наработки новых компетентностей для эффективного взаимодействия в международной во многом системе онлайн-образования выстраивает дополнительные иерархические барьеры.

Ребалансировка влияния архетипов иерархии и корпоративности при усилении Самости имеет продуктивный потенциал прежде всего в проектах, находящихся вне управления старых иерархических структур. Устоявшиеся организации, в которых наблюдается перекося в сторону архетипа иерархии, имеют тенденцию по встраиванию онлайн-образования в ряд собственных инструментов по упрочению своих иерархических позиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Грицков Ю. В., Львов Д. В.** Учитель, ученик и администратор в образовательном процессе: усиление архетипа иерархии // Профессиональное образование в современном мире. 2019. №9 (2). С. 2654–2662.
2. **Вебер М.** Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии: В 4 т. Т. I: Социология / пер. с нем.; под общ. ред. Л. Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 445 с.
3. **Андреев А. Ю.** Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.
4. **Арендт Х.** Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева, Ю. Б. Мишкенене, Л. А. Седова; послесл. Ю. Н. Давыдова; под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.

5. Гребер Д. Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии / пер. с англ. А. Дунаева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 224 с.
6. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. №4. С. 6–32.
7. Юнг К. Г. Эон: Исследования о символической самости / пер. с нем. В. М. Бакусева. М.: Академический Проект, 2009. 340 с.
8. Якоби И. Психологическое учение К. Г. Юнга // Карл Густав Юнг: дух и жизнь: сборник: пер. с нем. М.: Практика, 1996. С. 385–514.
9. Саркисян Т. Н. Педагогический процесс как целостное явление // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6, №6, Часть 1. С. 139–143.
10. Мацибора М. Г. Самообразование как фактор возникновения и исторического развития заочного образования в России // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2009. №3 (Педагогика). С. 50–55.
11. Mahwish W. M. Factor Effecting Learner's Satisfaction Towards E-Learning: A Conceptual Framework (November 19, 2010). OIDA International Journal of Sustainable Development, Vol. 2, No. 3, pp. 77–82, 2010. URL: <https://ssrn.com/abstract=1711989> (дата обращения: 13.10.2019).
12. Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне / пер. с англ. И. Летберга. М.: АСТ: Астрель, 2012. 219 с.
13. Ahn D., Jeon S., Yoo B. What shows your age?: An empirical analysis of identity fraud in online game classification systems (May 28, 2014). GCCR Working Paper Series 14–8. 2019. URL: <https://ssrn.com/abstract=2442683> (дата обращения: 14.07.2019).
14. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевича. М.: Медиум, 1995. 323 с.
15. Maucio O. Politicization of the On-Line Worlds as a Problematic of a Private Space Publicized: Comparative Study of MMORPG and Second Life. In PCA ACA National conference. 2019. URL: <https://ssrn.com/abstract=1329345> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1329345> (дата обращения: 14.07.2019).
16. Christensen G., Steinmetz A., Alcorn B., Bennett A., Woods D., Emanuel E. The MOOC Phenomenon: Who Takes Massive Open Online Courses and Why? (November 6, 2013). DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2350964> URL: <https://ssrn.com/abstract=2350964> (дата обращения: 13.10.2019).
17. Chuang I., Ho A. HarvardX and MITx: Four Years of Open Online Courses – Fall 2012-Summer 2016 (December 23, 2016). DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2889436> URL: <https://ssrn.com/abstract=2889436> (дата обращения: 13.10.2019).
18. Kumar D. Information Communication Technologies and Its Challenges (July 27, 2009). DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1439751> URL: <https://ssrn.com/abstract=1439751> (дата обращения: 13.10.2019).
19. Lupton D. Digital Risk Society (October 19, 2014). Chapter for The Routledge Handbook of Risk Studies (2016), edited by Adam Burgess, Alberto Alemanno and Jens Zinn. London: Routledge, pp 301–309, Forthcoming. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2511717> URL: <https://ssrn.com/abstract=2511717> (дата обращения: 13.10.2019).
20. Бурдье П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М.: Промсвещение, 2007. 267 с.

REFERENCES

1. Gritskov Iu. V., Lvov D. V. Teacher, student and administrator in educational process: strengthening the archetype of hierarchy. *Professional education in modern world = Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire*, 2019, no. 9 (2), pp. 2654–2662 (In Russ.).
2. Weber M. *Economy and society: essays in understanding sociology*: V. I: Sociology. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2016, 445 p. (In Russ.).
3. Andreev A. Yu. *Russian universities of the XVIII – first half of the XIX century in the context of University history of Europe*. Moscow, Znak Publ., 2009, 640 p. (In Russ.).
4. Arendt H. *The origins of totalitarianism*. Moscow, CentrKom Publ., 1996, 672 p. (In Russ.).
5. Graeber D. *The Utopia of Rules On Technology, Stupidity, and the Secret Joys of Bureaucracy*. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2016, 224 p. (In Russ.).
6. Inglehart R. Postmodern: changing values and changing societies. *Polis*, 1997, no. 4, pp. 6–32 (In Russ.).
7. Jung C. G. *AION: Studies on the symbolism of the self*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2009, 340 p. (In Russ.).

8. **Jacobi J. C. G.** Jung's psychological teaching. *Carl Gustav Jung: the spirit and the life. Collector*. Moscow, Praktika Publ., 1996, pp. 385–514. (In Russ.).
9. **Sarkisyan T. N.** Pedagogical process as a whole phenomenon. *Historical and socio-educational thought*, 2014, vol. 6, no. 6, part 1, pp. 139–143. (In Rus).
10. **Matsibora M. G.** Self-education as a factor in the emergence and historical development of distance education in Russia. *Bulletin of Leningrad state University them. A. S. Pushkin = Vestnik LGU im. A. S. Pushkina*, 2009, no. 3 (Pedagogics = Pedagogika), pp. 50–55. (In Rus).
11. **Mahwish W. M.** Factor Effecting Learner's Satisfaction Towards E-Learning: A Conceptual Framework (November 19, 2010). *OIDA International Journal of Sustainable Development*, Vol. 2, No. 3, pp. 77–82, 2010. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1711989>
12. **McLuhan M., Fiore Q.** War and peace in the global village = *Voyna i mir v globalnoy derevne*. Moscow, AST Publ., Astrel Publ., 2012, 219 p. (In Russ.).
13. **Ahn D., Jeon S., Yoo B.** What shows your age?: An empirical analysis of identity fraud in online game classification systems (May 28, 2014). GCCR Working Paper Series 14–8. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2442683>
14. **Berger P., Luckmann T.** The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Moscow, Medium Publ., 1995, 323 p. (In Russ.).
15. **Mauco O.** Politicization of the On-Line Worlds as a Problematic of a Private Space Publicized: Comparative Study of MMORPG and Second Life. In PCA ACA National conference. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1329345> Available at: <https://ssrn.com/abstract=1329345>
16. **Christensen G., Steinmetz A., Alcorn B., Bennett A., Woods D., Emanuel E.** The MOOC Phenomenon: Who Takes Massive Open Online Courses and Why? (November 6, 2013). DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2350964> Available at: <https://ssrn.com/abstract=2350964>
17. **Chuang I., Ho A.** HarvardX and MITx: Four Years of Open Online Courses – Fall 2012-Summer 2016 (December 23, 2016). DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2889436> Available at: <https://ssrn.com/abstract=2889436>
18. **Kumar D.** Information Communication Technologies and Its Challenges (July 27, 2009). DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1439751> Available at: <https://ssrn.com/abstract=1439751>
19. **Lupton D.** Digital Risk Society (October 19, 2014). Chapter for The Routledge Handbook of Risk Studies (2016), edited by Adam Burgess, Alberto Alemanno and Jens Zinn. London: Routledge, pp. 301–309, Forthcoming. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2511717> Available at: <https://ssrn.com/abstract=2511717>
20. **Bourdieu P., Passeron R. J. K.** La reproduction éléments pour une théorie du système d'enseignement. Moscow, Prosveschenie Publ., 2007, 267 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Львов Денис Владимирович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии Сибирского федерального университета (660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79, ауд. 14–01 (Площадка № 1), e-mail: devlal86@gmail.com)

Статья поступила в редакцию 30.10.19. После доработки 16.01.20. Принята к публикации 27.02.20.

Information about the author

Denis V. Lvov – candidate of philosophical sciences, associate professor, associate professor, department of sociology, Siberian Federal University (79, auditorium 14–01 (Square No. 1), Svobodny avenue, Krasnoyarsk, Russian Federation, e-mail: devlal86@gmail.com)

The paper was submitted 30.10.19. Received after reworking 16.01.20. Accepted for publication 27.02.20.

УДК 130.132

ЦИФРОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИЙ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ

В. И. Панарин

Новосибирский государственный аграрный университет.
Новосибирск, Российская Федерация, e-mail: idpo@ngs.ru

О. Э. Пучков

Сибирский федеральный университет.
Красноярск, Российская Федерация, email: opop505@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию кардинальных изменений, который происходят в образовании под влиянием цифровых технологий. Решение этой проблемы возможно только на базе различных научных направлений, потому что образовательная политика в глобальном мире предполагает особую форму управления. Авторы показывают, что господства новейших информационных технологий в современном информационном обществе нарушает сложившуюся систему управления в современном образовании. В статье раскрываются потенциальные опасности, которые могут угрожать образовательной системе, если бесконтрольно использовать преимущества информационных технологий. Такие преимущества их, как оперативность, мобильность и дистанционность, могут сыграть отрицательную роль, если игнорировать традиции и исторический опыт общества. Всеобщая цифровизация основных образовательных процессов создает базис для формирования единого образовательного пространства. Авторы раскрывают основные принципы управления национальным образованием в глобальной образовательной среде. Кроме того, показаны основные направления образовательной политики в условиях рыночного хозяйства, а также появления новых форм коммуникаций в среде обучающихся. Авторы акцентируют внимание на том факте, что господство информационных технологий в образовательной сфере предполагает не только более совершенную систему управления, но и новых лидеров. Трансформация традиционных управленческих структур в отечественной образовательной системе предполагает выработку такой концепции, которая включала бы в себя не только преимущества глобального образования, но и традиционную педагогику данного социума.

Ключевые слова: образовательная среда, цифровизация, образовательное пространство, глобальное образование, информационное общество, новейшие информационные технологии.

Для цитаты: Панарин В. И., Пучков О. Э. Цифровое образование в информационном обществе: особенности трансформаций управленческих механизмов // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 1. С. 3465–3473. DOI: 10.15372/PEMW20200109

DOI: 10.15372/PEMW20200109

DIGITAL EDUCATION IN THE INFORMATION SOCIETY: FEATURES OF TRANSFORMATIONS OF MANAGEMENT MECHANISMS

Panarin, V. I.

Novosibirsk State Agrarian University.
Novosibirsk, Russian Federation,
e-mail: e-mail: idpo@ngs.ru

Puchkov, O. E.

Siberian Federal University.
Krasnoyarsk, Russian Federation,
email: opop505@gmail.com

The article is devoted to the study of the radical changes that occur in education under the influence of digital technologies. The solution to this problem is possible only on the basis of various research areas, because educational policy in the global world involves a special form of management. The authors show that the dominance of the latest information technologies in the modern information society violates the established management system in modern education. The article reveals the potential dangers that could threaten the educational system if the benefits of information technology are used uncontrollably. Their benefits, such as speed, mobility and distance, can play a negative role if the traditions and historical experience of the society are ignored. The universal digitalization of basic educational processes creates the basis for the formation of a single educational space. The authors reveal the basic principles of national education management in the global educational environment. In addition, the main areas of educational policy in the market economy, as well as the emergence of new forms of communication among students are shown. The authors emphasize the fact that the dominance of information technologies in the educational sphere implies not only a better management system, but also new leaders. The transformation of traditional management structures in the domestic education system involves the development of a concept that would include not only the advantages of global education, but also the traditional pedagogy of this society.

Keywords: *educational environment, digitalization, educational space, global education, information society, the latest information technologies.*

For quote: *Panarin V.I., Puchkov O.E. [Digital education in the information society: features of transformations of management mechanisms abstract]. Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 3465–3473. DOI: 10.15372/PEMW20200109*

Введение. Способность информации видоизменяться позволяет формировать массовое сознание на заданном для конкретных субъектов уровне. Этим в полной мере пользуются сторонники социальной унификации, ведь наднациональная власть только внешне выступает в качестве представительского имиджа, хотя на самом деле часто ее сущность скрыта в определенных информационных кодах. На подобном базисе общество создает свои социальные институты, которые вынуждены встраиваться в новые наднациональные институты. «Развитие и усложнение организации социума, переход от индустриального типа общества к информационному, к новым технологическим укладам обуславливает нелинейность его развития, выраженную в противоречивых социальных процессах, носящих циклический, волновой характер» [1, с. 1625]. Кроме того, в небольшом городе функции вуза не ограничиваются созданием условий для развития профессиональной компетентности студентов. Все более востребованной становится воспитательная миссия такого вуза, которая направлена на формирование целого ряда качеств у своих выпускников: выработки духовно-нравственных качеств; культурного развития определенного уровня; гражданского становления; постоянного обогащения личностного жизненного опыта; способности созидательного решения проблем, возникающих как на личностном, так и на общественном уровнях [2, с. 1056].

Постановка задачи. Все более острой представляется проблема управления российским образованием, что в значительной степени обусловлено отсутствием гармонии во взаимодействии права и морали в обществе. Кроме того, по мере использования новейших информационных технологий резко возрастает степень самостоятельности молодых людей, получающих знания. Осознание необходимости исправления ситуации в российском образовании все же появляется, что, в частности, подтверждает тот факт, что в школьную программу внедряется тезис о необходимости изучения права уже в школьном курсе. Естественно, что это потребует сделать важный шаг: дополнить этот курс изучением общественной морали. Тем не менее удача образовательных реформ зависит не столько от введения отдельных дисциплин, сколько от их гармонизации в обучении и жизни подрастающего поколения.

Методология и методика исследования. Одна из важных особенностей трансформации управленческих механизмов в информационном обществе, обусловленная внедрением цифровых технологий, проявляется в том, что образование «теряет свои аксиологические и экзистенциально значимые характеристики» [3]. С этим утверждением С.И. Черных трудно не согласиться, поскольку последние десятилетия показали серьезный разрыв между технологическим и нравственным уровнем учащихся.

Естественно, что внедрение современных информационных технологий в образовательный процесс вынуждает кардинально менять всю методологию современного образовательного процесса. Проблема усугубляется тем фактом, что новая образовательная парадигма принципиальным образом меняет коммуникации между всеми субъектами образовательного процесса. Непригодными становятся управленческие механизмы, которые были выработаны ранее и вполне справлялись с задачами, которые ста-

вились перед отечественным образованием в доцифровую эпоху. Изменение методологии включает в себя целый ряд изменений в методике: а) разработка электронных курсов; б) обновление методического сопровождения; в) использование новейших технических, компьютерных и других интерактивных средств в преподавании гуманитарных дисциплин. Все это позволяет внедрять активные методы обучения для повышения эффективности преподавания, развития познавательной и творческой деятельности обучающихся, подготовки их к самостоятельной профессиональной деятельности [4]. Подобные шаги, в своей совокупности, способствуют повышению компетентности будущего квалифицированного специалиста, который будет отвечать требованиям интенсивно развивающейся экономики и общества в целом.

Результаты. Реформирование управления российским образованием может достичь успехов только на пути гармоничного взаимодействия общественной морали и права, если при этом субъекты образовательного процесса будут иметь ориентацию на возрастание степени самостоятельности работника, воспринимая эти процессы как историческую закономерность [5, с. 2046]. Засилье цифровых технологий в образование информационного общества приводит к трансформации.

Как показало исследование особенностей трансформации управленческих механизмов в цифровом образовании, информационное общество имеет в этом плане свою специфику, понимание которой вряд ли возможно вне понятия «система». Мы исходим из того факта, что термин «система» в педагогике используется для обозначения качественного состояния различных явлений, возникающих в процессе субъект-объектных отношений в образовании. Важно подчеркнуть, что отличие педагогических систем состоит в том, что они всегда предполагают своей целью развитие всех участников образовательного процесса, т.е. не только обучающихся, но также и педагогов. Здесь мы полностью согласны с замечанием ряда авторов, которые указывают, что все указанные процессы ««строятся и действуют как системы, изменяющиеся под влиянием внешних воздействий и принимающие эти воздействия, нивелируя их» [6, с. 2050]. Хотя человечество, как в сотни лет назад, ищет истину, «однако университеты и школы как специфические для каждого времени пространства диалога поколений, творческого диалога человека и культуры продолжают развиваться. Изменяются их формы и уточняются в сражении с консьюмеризмом и коммодификацией их приоритеты, функции» [7, с. 2415].

Для реального оздоровления образования принципиальное значение имеет грамотно выстроенная информационная политика в образовательной системе. В данной связи информационная политика в любой образовательной системе позиционируется как изначально имеющая интеграционный характер, т.е. вне зависимости от направленности компьютерной информации она выйдет за пределы конкретной учебной дисциплины, что предполагает находить источники межпредметных связей и средств их реализации, предлагая авторские методики. Целью этого процесса является формирование у учащихся качеств, которые позволят им успешно адаптироваться, жить и работать в глобальном информационном обществе: системного научного мышления; информационной культуры; творческой активности; высокой нравственности. Особая роль в организации и реализации подобных подходов, по словам Колина К.К., «принадлежит информатике, как фундаментальной естественной науке» [8], располагающей особыми, во многом универсальными методами получения и использования информации в образовании. Подобные подходы максимально востребованы на фоне кризиса социокультурной идентичности. Социальная активность образовательной среды служит показателем ее социально-ориентированного созидательного потенциала и экспансии данной образовательной среды в среду обитания [9, с. 120–121].

Современная информационная политика в образовательной сфере, естественно, не может быть направлена только на решение стратегических целей, поскольку важно не упускать, по словам В. В. Выготского «зоны ближайшего развития» [10]. Данную мысль продолжает и Л. В. Хазова, которая отмечает, что, несмотря на отдаленную перспективу многих информационных технологий, работа по их созданию начинается уже сегодня [11, с. 16]. Качественное преобразование самого множества социальных групп знаменует собой переход от одного типа функционирования к другому, а их последовательность воплощается в процесс чередования организационных эпох, каждая из которых формирует динамику развития своей системы разделения труда, т.е. новых качественных форм социальных отношений и взаимодействий, отсутствовавших в рамках предшествующей эпохи [12].

Особую роль в глобальном образовании приобретают информационные ресурсы – это совокупность данных, организованных для получения достоверной информации, где данные – это информация, обработанная и представленная в формализованном виде для дальнейшей обработки. Использование этих ресурсов позволило повысить обоснованность и оперативность принимаемых решений на предприятиях, в промышленности, в банках и других видах деятельности за счет своевременного использования необходимой информации [13, с. 42].

В современном глобальном мире происходит трансформация всех социальных институтов, и поэтому вполне естественно, что данный процесс затрагивает и образовательную сферу. Большинство из них, по нашему мнению, связано с несоответствием традиционных управленческих механизмов в образовательной сфере современному технологическому уровню, большинство из которых обусловлено господством новейших информационных технологий. В частности, сегодня мы являемся свидетелями нетрадиционных гносеологических отношений в вузе детерминированных новым знанием, полученными с помощью компьютерных средств, что позволяет утверждать: обезличенная неформальность и спонтанность образовательного процесса в вузе является средством использования языка компьютерной коммуникации. Кроме этого компьютерные коммуникации формируют новый тип взаимоотношений, предполагающих анонимность, носящую амбивалентный характер: с одной стороны, ее положительные моменты, например, максимальная объективность при проверке знаний, опросе или в целях профилактики сложившейся неблагоприятной ситуации в конкретном случае. С другой стороны, анонимность может сыграть и отрицательную роль, провоцируя безнаказанность в размещении заведомо ложной информации, что подтверждает преподавательский опыт.

Амбивалентность информационных потоков в образовании предполагает изменения в функциональной направленности субъектов образования. Это, в частности, способствует решению еще одной важной проблемы, которая связана с негласным возникновением «аристократии информационного общества», которая, «игнорируя государственные законы, демократические принципы и ценности, готова сама устанавливать направления развития глобального информационного общества» [14]. Выражается это, в частности, в том, что ««образовательные услуги, в связи с переходом на рыночные отношения, получили конкретное стоимостное выражение. Что определило прагматический, утилизированный подход к образованию, который стал выражаться в «зацикленности», «заземленности» на решении практических задач. А ведь человек, живущий в современном мире, призван решать весьма сложные, разноплановые задачи, которые требуют не только профессиональной подготовки, но и качественного фундаментального и гуманитарного образования» [15, с. 134]. По нашему мнению, подобные тенденции противоречат отечественным традициям, в котором коллективистское начало в воспитании подрастающего поколения направлено не на потребление, а на созидание. Однако на сегодняшний день образовательные процессы, основанные на западных ценностях, приводят к тому, что потребление здесь органично вписывается в понимание раскрепощенной личности западного образца. С другой стороны, формируется система тотального управления людьми, подрастающим поколением, в особенности, и его потребностями.

«Новые социальные отношения», которые возникают вследствие использования информационных технологий в различных управленческих системах приводят к виртуализации социальных отношений в мире, влияя на образовательное пространство в самых разных аспектах. По мере углубления глобализационных процессов возникает проблема устойчивости образовательной системы, поскольку принципиально новые информационные технологии могут нарушить сложившуюся систему отношений между ее участниками: 1) преподавателем и студентом; 2) консервативными (докомпьютерными) и современными информационными технологиями; 3) традиционными и современными (ЕГЭ, тесты) критериями оценки знаний [16].

Исходя из сложившейся ситуации как в глобальном мире вообще, так и в образовательном пространстве отдельных стран, необходимо выделить специфику взаимоотношений между образовательной системой и информационными потоками.

1. Образование представляет собой изначально диалектический процесс, т.е. это всегда и при всех обстоятельствах движение информационных потоков.

2. Как передача знаний, так и передача информации имеет тесную привязку к менталитету, историческим и культурным традициям и т.д.:

а) процесс образования – это всегда обучение и воспитание, обучение жизни в глубоком смысле;

б) образовательный процесс представляет собой отражение индивидуалистических или коллективистских тенденций, характеризующих это общество;

в) проблема соотношений между гуманитарными и естественными научными блоками учебных дисциплин также имеет определенную специфику в зависимости от множества факторов, начиная от уровня экономического развития и заканчивая геополитическим положением, отсюда следует, что и соответствующие информационные потоки в большей степени ориентированы на тот или иной блок.

3. Проблема взаимоотношений личного и общественного с резким расширением доступа к информации во многом обострилась, т.е. конкретный учащийся стал мало нуждаться не только в конкретном преподавателе, как носителе информации, но и любом другом сообществе (учебной группе), поскольку не нуждается в коллективе как носителе информации.

4. Социально-философский анализ информации вряд ли возможен вне образовательной сферы, т. е. любые исследования, посвященные роли, месту и перспективам информации зависят от уровня решения социальных проблем вообще и образования как важнейшего социального института. Это означает, что любые действия по дозированию информации, а тем более ограничению ее, должны согласовываться с образовательным ракурсом проблем, поскольку система образования всегда является причиной и следствием всех социальных трансформаций.

Поскольку общество исторически постоянно меняет свое содержание и форму, возникает проблема соединения нового содержания с устоявшейся информацией. В этом контексте цифровое образование в информационном обществе выступает стимулом для обновления управленческих механизмов. Подобный синтез, являющий собой попытку нахождения форм реализации глобальных идей в обществе, является необходимым, так как определяет и выявляет формы связи объективного и субъективного, благодаря которым общество может восстанавливать свою целостность, полноту своего бытия на разных этапах развития [17, с. 197]. Ведущая роль в указанных процессах должна принадлежать именно образовательной системе. Осознание глобальных проблем способствует рассмотрению в научном дискурсе человечества как единого целого. Все более отчетливо вычерчиваются контуры наступающего общественного социума – информационного общества [18, с. 38]. Решение указанных проблем обусловлено решением целого комплекса, как глобальных, так и проблем иного (регионального, локального) уровня. В данной связи, как подчеркивает А. Д. Урсул, ориентация системы образования на устойчивость вряд ли возможна вне процесса систематизации соответствующих информационных потоков. Нами не только поддерживается этот тезис А. Д. Урсула [19], но мы его значительно развиваем в диссертационной работе. В частности, подобные тенденции обусловлены все большим включением в социально-гуманитарное образование основ и элементов информатики. Не случайно сети часто называют «электронными», стремясь, по-видимому, подчеркнуть способность сообщать знания на расстоянии. Однако для этого существует также устоявшееся понятие «дистанционное обучение», обозначающее деятельность, которая давно активизировалась во многих странах мира. В мире уже более десятилетия существуют системы дистанционного обучения, содержащие инструментальные средства подготовки обучающихся курсов, их предъявления учащимся, и содержащие средства контроля и лицензирования обученных специалистов. Идентичное ему понятие «электронное обучение» является столь же устоявшимся и широко применимым. Например, системы дистанционного обучения нашли применение не только в учебных заведениях, но и в многочисленных фирмах, которые используют современные информационные системы, специально ориентируя их на нужды и особенности своего бизнеса. Первая проблема лежит в плоскости взаимодействия такой системы с внешней средой [20, с. 36].

Функциональная направленность информационного взаимодействия во многом связана с оперативностью распространения массовой информации в новых глобальных информационных системах, которая оказалось существенно более высокой, чем это было ранее. Это свойство, является исключительно важным именно для образовательной системы, так как соответствует новым социальным потребностям общества, ведь все процессы жизнедеятельности реализуются в современном мире с существенно более высокими скоростями, чем десятилетия назад. Именно эта социальная потребность и является главным стимулом развития глобальных систем информационных коммуникаций, а также их влияния на образовательную сферу. Главной целью развития государства, общества выступает человек, его возможности и способности. Если прежде в качестве цели действий власти называлось укрепление государства или нации, то сегодня к ним прибавился человек – как личность, который является главным ресурсом развития социума.

Потенциальная трансформация информационных потоков в образовании проявляется также в некритическом использовании зарубежного опыта. Вместе с тем в современном учебном заведении использование новейших информационных технологий и сетей значительно оптимизировал процесс преподавания, однако это не способствовало решению проблем, которые стали традиционными для современного отечественного образования. Тем не менее общая тенденция, детерминированная цифровизацией основного учебного материала, остается ведущей, а основные направления развития образования обусловлены категориями, которые связаны с наиболее динамичным профессиональным сегментом населения. Они становятся все более перспективными, потому что студент должен видеть перед собой не только профессионала высокого класса, но и просто успешного, сильного человека, жизненный путь которого ему хотелось бы повторить. Вместе с тем важно учитывать те опасности, которые несут в себе безоглядные «обновления» и «реформирования» образовательной системы, происходящие вопреки реальной учебной практике. Преподаватель должен олицетворять собой увлеченную, творческую личность, поэтому нужно дать возможность преподавателю непосредственно, лицом к лицу, работать со студентом. Однако для того, чтобы студент это понял и почувствовал, он, вместе с преподавателем,

должен вырабатывать новые методики и нетрадиционные формы коммуникаций, вопреки сложившейся методике организации учебного процесса, как это происходит сейчас.

В информационном обществе знания выступают в качестве основных социальных ценностях, ведь информатизация образования влечет за собой радикальные изменения в системе образования. Проблемы повышения качества образования рассматриваются в контексте развития процесса формирования глобального информационного общества. В связи с указанными тенденциями появляется необходимость акцентировать внимание на следующих аспектах информации в образовательном процессе: а) особой роли новых информационных технологий в обновлении образовательной системы, как по форме, так и по содержанию; б) изменении роли преподавателя в среде учащихся; в) новых проблемах, связанных с использованием информационных технологий в образовательном процессе.

Внедрение новых информационных технологий в сфере образования ускоряют трансформацию всей образовательной системы. Отставание философского и теоретического осмысления проблем образования от интенсивно развивающихся информационных технологий во многом определяют проблемы информатизации образования, преодоление которых является насущно необходимым для становления образовательной системы информационного общества как устойчивого социального института. Образовательная практика показывает, что универсальность «по-болонски» приводит к потере конкретного специалиста в традиционном смысле этого понятия, который вряд ли реализует себя и в другой сфере. Реформы подобного толка стимулируют псевдореформаторство, т.е. реформу ради самой реформы, что, в конечном счете, приводит к дискредитации всей системы высшего образования. Все это постепенно порождает виртуальные тенденции и для преодоления нового «информационного взрыва», необходимо научиться рационально структурировать быстро растущие объемы информации, а научной основы для этого пока не создано.

В результате анализа роли информации в образовании проявилась их диалектическую взаимосвязь, а также возможности последнего оказывать существенное влияние на состояние духовной атмосферы в обществе, что делает сегодня особенно важной разработку теоретических и методологических основ реформирования образования. Актуализируется задача утверждения в общественном сознании понимания подлинной роли образования, которое является не только решающим фактором экономического процветания, но и основой духовной безопасности [21]. При этом в качестве наиболее перспективных направлений исследований в области философии информации, вероятнее всего, будут следующие: онтология информации; информационный эволюционизм; эпистемология информации; информационная этика. Все это способствует не только интенсификации процесса обучения, но и формируя мировоззренческий базис учащегося.

Трансформация управленческих механизмов под давлением информационных технологий проявляется также в том, что по уровню информационной культуры человечество оказалось не только не готово к переходу в состояние информационного общества, но также затрудняется правильно, разумно и эффективно воспользоваться продуктами своих интеллектуальных и технологических достижений. Это является причиной множества глобальных проблем и неразрешимых противоречий, создает базу для нарушений и даже преступлений. Информационная культура субъекта образовательного процесса включает информационное мировоззрение, предполагающее знание социально-экономической и научно-познавательной роли информации, информационных процессов для современного общества, структуры информационной сферы; представление об информатизации и о ее целях, средствах и ресурсах, свойствах информационной продукции и социальных признаках информационных технологий; информационную нравственность, которая характеризуется интеллектуально-духовным состоянием своего носителя и базируется на: 1) осознании им духовного единства всех людей в их разнообразии и индивидуальности, со стремлением к самовыражению и социальной интеграции; 2) знании им закономерностей и норм социально-информационной среды, на следовании им; 3) гуманистической направленности информационной деятельности, познания, использования результатов познания, информационных ресурсов.

Выводы. Современная управленческая политика в области образования предполагает определенные особенности, что связано, с одной стороны, с необходимостью встраивания в глобальное образовательное пространство при помощи современных информационных технологий, а, с другой – с важностью сохранения социокультурной идентичности. Сущность информационной политики в образовательной системе во многом связана с гносеологическими традициями, характерными для образовательно-воспитательной системы конкретного общества. Особенности информационной политики в образовательной области обусловлена необходимостью выработки эффективного противодействия неконструктивной реформаторской деятельности, поскольку задача подобных реформ часто представляет собой навязывание чуждых норм и стандартов. В связи с этим особо проявляется специфика инно-

вационной информации в образовательной системе, что определяются социально-экономическими, географическими, культурными и другими особенностями образовательной системы конкретной страны. Виртуализация образовательного пространства в современном информационном обществе во многом связана с обезличиванием, деперсонализацией учебного процесса, а также с функциональной направленностью информационных процессов в образовании, тяготеющей к виртуализации.

Таким образом, особенности трансформаций управленческих механизмов под влиянием информационных технологий в отечественном образовании проявляются в попытках сохранения традиционную педагогику в глобальном образовательном пространстве. Трансформация образовательного пространства в современном информационном обществе во многом связана с обезличиванием, деперсонализацией учебного процесса, а также с функциональной направленностью информационных процессов в образовании. Выработка новой системы управления образовательными процессами в информационном обществе должна опираться на принцип всеобщей связи явлений, чтобы оптимизировать преимущества глобального образовательного пространства и педагогические традиции конкретного общества, включенного в мировое сообщество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Горин С.Г.** Промежуточные результаты образовательных трансформаций: постнеклассический подход // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8. №1. С. 1624–1630.
2. **Мутных Т.А.** Особенности среды вуза в малом городе, обеспечивающие развитие общих и профессиональных компетенций // Профессиональное образование в современном мире. 2017. Т. 7. №2. С. 1055–1057.
3. **Черных С.И.** Изменение образовательного пространства в информационную эпоху: социально-философский анализ: автореферат дис.... доктора философских наук: 09.00.11. Новосибирск, 2012. 28 с.
4. **Колин К.К.** Информационные технологии – катализатор процесса развития современного общества // Информационные технологии. 1995. №1. С. 2–8.
5. **Кондратьев В.М.** Истоки проблем управления российским образованием // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8. №3. С. 2043–2047.
6. **Бережнова Л.Н., Сидорина Т.В., Зотов А.А., Тарасов Д.Ю.** Педагогические условия эффективного применения проектной деятельности в воспитательно-образовательной среде военного вуза // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8. №3. С. 2048–2053.
7. **Арпентьева М.Р., Ташёва А.И., Гриднева С.В.** Коммодификация образования: процессы и результаты // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9. №1. С. 2406–2420.
8. **Колин К.К.** Информационное общество и проблемы образования / К.К. Колин // Информационное общество. 1997. С. 18–20.
9. **Безукладникова И.П., Машанов А.А.** Антропология. Парадоксы эволюции человека. Красноярск: ИПЦ КГТУ, 2002. 243 с.
10. **Выготский Л.С.** Педагогическая психология. М. Педагогика. 1991. 480 с.
11. **Хазова Л.В.** Социально-философские основания неклассической гуманизации образования // Культура информационного общества: Сборник научных трудов. Красноярск: ИПЦ КГТУ, 2003. С. 16–20.
12. **Кушелев В.А.** Проблема глобализации истории // Диалог поколений и культур в контексте глобализации: материалы Международной конференции «Конфликт поколений в контексте информационной глобализации». СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2007. С. 401–407.
13. **Йоцене М.А.** Экономическая эффективность производства – основной фактор выхода из кризиса // современные трансформационные экономические и социально-политические процессы: тезисы докл. III междунар. научн.-практ. конф. (23–25 ноября 2011 г.). Абакан: Ред.-изд. сектор ХТИ – филиала СФУ. 2011. С. 40–47.
14. **Мельянцева В.А.** «Восточноазиатская модель» экономического роста: важнейшие составляющие, достоинства и изъяны. М.: ИСАА при МГУ. 1998. 52 с.
15. **Габинская А.А.** Гуманитарный смысл образования // Диалог поколений и культур в контексте глобализации: Материалы Международной конференции «Конфликт поколений в контексте информационной глобализации». СПб.: Изд-во политех. ун-та, 2007. С. 134–137; С. 130–137.
16. **Пфаненштиль И.А., Яценко М.П., Борисенко И.Г.** Проблемы образования в информационном обществе: социально-философский аспект // Профессиональное образование в современном мире. 2013. №4 (11). С. 60–65.
17. **Моисеева Н.А.** Самоосуществление нации как субъекта истории и национальной идеи // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования». 2011. №2 (16). С. 196–199.

18. **Гамзаев А. А.** Глобализация и информационное общество // Глобальная безопасность и устойчивое развитие гецивилизаций: материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 18–19 ноября 2011 г. / под ред. И. Ф. Кефели: Балт. гос. тех. Ун-т. СПб., 2012. С. 31–42.
19. **Урсул А.** От модернизации к футуризации образования: инновационно-опережающие процессы в интересах устойчивого развития. // Безопасность Евразии. 2008. №3. С. 7–44.
20. **Выходец Р. С.** Предмет глобальных исследований: локальная или глобальная цивилизация // Глобальная безопасность и устойчивое развитие гецивилизаций: материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 18–19 ноября 2011 г. / под ред. И. Ф. Кефели, Балт. гос. тех. Ун-т. СПб., 2012. С. 35–40.
21. **Хохрина З. В.** К вопросу становления образа конкурентоспособной личности // Теория и история. 2004. №3. С. 99–102.

REFERENCES

1. **Gorin S. G.** Interim results of educational transformations: post-classical approach. *Vocational education in the modern world*, 2018, vol. 8, no. 1, pp. 1624–1630.
2. **Mutnih T. A.** Features of the environment of the university in a small city, ensuring the development of general and professional competences. *Professional education in the modern world*, 2017, vol. 7, no. 2, pp. 1055–1057.
3. **Chernykh S. I.** Changing the educational space in the information age: socio-philosophical analysis: the author's dis.... PhD: 09.00.11. Novosibirsk, 2012, 28 p.
4. **Colin K. K.** Information Technology – catalyst for the development of modern society. *Information Technology*, 1995, no. 1, pp. 2–8.
5. **Kondratiev V. M.** Origins of the problems of managing Russian education. *Vocational education in the modern world*, 2018, vol. 8, no. 3, pp. 2043–2047.
6. **Berezhnova L. N., Sidorina T. V., Sotov A. A., Tarasov D. Y.** Educational conditions of effective application of project activities in the educational and educational environment of the military university. *Professional education in the modern world*, 2018, vol. 8, vol. 3, pp. 2048–2053.
7. **Arpentieva M. R., Tashcheva A. I., Gridneva S. V.** Education Commodification: Processes and Results. *Professional Education in the modern world*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 2406–2420.
8. **Colin C.** Information Society and Education Problems. *Information Society*, 1997, pp. 18–20.
9. **Besukladnikova I. P., Mashanov A. A.** Anthropology. The paradoxes of human evolution. Krasnoyarsk, CGTU CPI Publ., 2002, pp. 120–121.
10. **Vygotsky L. S.** *Educational Psychology*. Moscow, Pedagogue Publ., 1991, 480 p.
11. **Khazova L. V.** Social and philosophical grounds of non-classical humanization of education. *Culture of the information society: A collection of scientific works*. Krasnoyarsk, CGTU CPI Publ., 2003, pp. 16–20.
12. **Kushelev V. A.** The problem of the globalization of history. Dialogue of generations and cultures in the context of globalization: Materials of the International Conference «Generation Conflict in the Context of Information Globalization.» St. Petersburg, Published Polytechnic. Un-ta. 2007, pp. 401–407.
13. **Yozene M. A.** Economic efficiency of production is the main factor of the crisis. Modern transformational economic and socio-political processes: theses dokle. III Internar. science--practical conf. (November 23–25, 2011). Abakan: Ed.-ed. sector of THEC, a branch of the SFU. 2011, pp. 40–47.
14. **Melyanzen V. A.** The «East Asian Model» of economic growth: the most important components, virtues and flaws. M.: ISAA at Moscow State University. 1998. 52 p.
15. **Gabinskaya A. A.** Humanitarian Sense of Education. Dialogue of Generations and Cultures in the Context of Globalization: Materials of the International Conference «Generation Conflict in the Context of Information Globalization.» St. Petersburg, Published Polytechnics. Un-ta. 2007, pp. 130–137.
16. **Pfanestil I. A., Yatsenko M. P., Borisenko I. G.** Problems of education in the information society: socio-philosophical aspect. *Professional education in the modern world*, 2013, no. 4 (11), pp. 60–65.
17. **Moiseeva N. A.** Self-exercise of the nation as a subject of history and national idea. *The Herald of Orlov State University. Series: New humanitarian studies*, 2011, no. 2 (16), pp. 196–199.
18. **Gamzaev A. A.** Globalization and Information Society. Global Security and Sustainable Development of Geocivilizations: Materials from the International Scientific Conference. St. Petersburg, November 18–19, 2011 / under Ed. I. F. Kefeli: Balt. State. Those. Un-t. SPb., 2012, pp. 31–42.
19. **Ursul A.** From modernization to futurization of education: innovation-ahead processes for sustainable development. The security of Eurasia. 2008, no. 3, pp. 7–44.
20. **Vichodez R. S.** Global research: local or global civilization / Global security and sustainable development of geocivilizations: materials of the International Scientific Conference. St. Petersburg, November 18–19, 2011. under Ed. I. F. Kefeli: Balt. State. Those. Un-t. SPb., 2012, pp. 35–40.

21. **Hohrina S. W.** To the question of becoming an image of a competitive personality. *Theory and history*, 2004, no. 3, pp. 99–102.

Информация об авторах

Панарин Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор, заместитель директора Института дополнительного профессионального образования ИДПО ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный аграрный университет» (НГАУ) (Россия, 630 039, Новосибирск, ул. Никитина, 149, e-mail: idpo@ngs.ru)

Пучков Олег Эрнстович – аспирант кафедры глобалистики и геополитики, Сибирский федеральный университет (Российская Федерация, Красноярск, 660 041, пр. Свободный, 79, e-mail: opop505@gmail.com)

Статья поступила в редакцию 14.01.20. После доработки 24.01.20. Принята к публикации 27.02.20.

Information about the authors

Panarin, V. I. – Doctor of Philosophy, Professor, Vice-Director at the Institute of Further Training at Novosibirsk State Agrarian University (149, Nikitina str., 630 039, Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: idpo@ngs.ru)

Puchkov, O. E. – Chairman of the Department of Global Studies and Geopolitics at Siberian Federal University (79, Svobodny Ave., 660 041, Krasnoyarsk, Russian Federation, e-mail: opop505@gmail.com)

The paper was submitted 14.01.20. Received after reworking 24.01.20. Accepted for publication 27.02.20.

УДК 13+37.0

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ И ЗНАНИЕВЫЙ ПОДХОДЫ: ФИЛОСОФСКО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ

И. В. Яковлева

Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Российская Федерация, e-mail: uhova2005@mail.ru

Т. С. Косенко

Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Российская Федерация, e-mail: tany0879@mail.ru

Аннотация. В аспекте понимания системных, сущностных и практико-прикладных основ знаниевого и компетентностного подходов обсуждается философско-образовательная методология организации образовательного процесса. Онтологические, эпистемологические и инструментальные способы исследования данных подходов рассматриваются как интегративные качества индивида. На основе соотношения смысловых и структурно-содержательных параметров показаны противоречия и взаимосвязь знаний и компетенций в аспекте их влияния на теоретическую и практическую составляющую содержания образования.

Ключевые слова: знания, компетенции, образовательный процесс, компетентностный подход, знаниевый подход, интегративные качества индивида, праксиология образования.

Для цитаты: Яковлева И. В., Косенко Т. С. Компетентностный и знаниевый подходы: философско-образовательные проблемы понимания и применения // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 1. С. 3474–3480. DOI: 10.15372/PEMW20200110

DOI: 10.15372/PEMW20200110

THE COMPETENCE AND KNOWLEDGE APPROACHES: PHILOSOPHICAL AND EDUCATIONAL PROBLEMS OF UNDERSTANDING AND APPLICATION

Yakovleva, I. V.

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: uhova2005@mail.ru

Kosenko, T. S.

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: tany0879@mail.ru

Abstract. The philosophical and educational methodology of the educational process organization is discussed in the aspect of understanding the system, essential and practical-applied principles of the knowledge and competence approaches. Ontological, epistemological and instrumental methods of research of these approaches are considered as integrative qualities of the individual. Contradictions and interrelation of knowledge and competences in the aspect of their influence on the theoretical and practical component of the content of education are shown on the basis of the ratio of semantic and structural-content parameters.

Keywords: educational process, competence approach, knowledge approach, integrative qualities of an individual, praxiology of education.

For quote: *Yakovleva, I. V., Kosenko, T. S.* [The competence and knowledge approaches: philosophical and educational problems of understanding and application]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire* = *Professional education in the modern world*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 3474–3480. DOI: 10.15372/PEMW20200110

Введение. Работа над решением задачи когнитивных подходов в образовательном взаимодействии требует умелой интеграции компетентностных и знаниевых моделей, учитывающих уникальность творческой активности индивида как поиска основ рациональности, столь необходимых для выбора стратегий развития образования в аспекте новых требований технологизации знаний и компетенций. Анализ позиций Б. Д. Эльконина [1], М. Полани [2], С. В. Бобрышова, Л. А. Саенко [3], Н. В. Чекалевой [4], Т. А. Разуваевой [5], Н. С. Рыбакова [6] в отношении к реализации компетентностных и знаниевых моделей в образовательном процессе указывает на многогранность и неоднозначность данного феномена, поэтому разработка методологии, форм, содержания и ценностных критериев требует комплексных онтологических, эпистемологических и инструментальных объективных оценок и интерпретаций.

Постановка задачи. Для специалистов, занимающихся проблемами понимания и применения в образовательном процессе компетентностного и знаниевого подходов, существует необходимость критериальной оценки сформированности того, что современные государственно-образовательные стандарты определяют, как «знания» и «компетенции» в их соотношении.

Методология и методика исследования построена на комплексе онтологического, эпистемологического, инструментального способов исследования компетентностного и знаниевого подходов в образовании. Данная методология создаст возможности для рационального выбора и реализации стратегий развития образовательных систем (информатизации, экологизации, этизации и воздействия философии образования на педагогическую практику).

Сущностные характеристики таких понятий, как «образовательный процесс», «знание», «знаниевый подход», «компетентность», «компетентностный подход», «праксиология образования», «рациональность» будут способствовать раскрытию методологического содержания компетентностных и знаниевых подходов в рамках образовательного процесса.

Результаты исследования. Успешное творческое применение профессиональных знаний и жизненных сил в трудовой деятельности обусловлено социально адаптированным *образовательным процессом*, или последовательной сменой состояний в развитии (трансформации, реформировании, преобразовании, модернизации и др.) образования, зависимой от потребностей индивида в самостоятельной институционализации. В этой связи выделяют две модели организации образовательного процесса: *знаниевую* (консервативную) и *компетентностную* (инновационную).

Знаниевая модель образования предполагает приоритет знания, направленное на их воспроизведение в действии, верное их отражение в мышлении с целью передачи новому поколению наиболее существенных элементов научного и культурного наследия опыта человеческой цивилизации. Используя традиционные формы обучения передача знаний осуществляется на основе нравственных идеалов и жизненных ценностей, способствующих развитию и совершенствованию индивида и общества.

Компетентностная модель образования основана на способности и готовности использовать знания, умения и навыки, как внутренние ресурсы индивида, так и внешние материальные ресурсы для самореализации в сложных условиях реальности (в том числе в нестандартных ситуациях). Компетентность базируется на содержании нескольких дисциплин, но не равнозначна им, ее способность решать определенные виды задач в смежных областях профессиональной сферы создает основание для права принимать решения. Подобная метапредметность компетенций формируется посредством специально организуемых интегральных образовательных пространств, где изучается не конкретная дисциплина или даже их комплекс, а научное явление, событие, феномен технической деятельности, культурной или общественной жизни, воссоздаваемый с помощью теоретической модели. В данном случае сознание индивида выступает фактором интеграции комплекса учебных курсов коррелирующих с деятельностным подходом в образовании в аспекте понимания и применения.

Существенное изменение образовательной среды (в учебном процессе сегодня востребованы высокая степень субъективности и нацеленность на достижение обратной связи между преподавателем и учеником), потребовало использования практико-ориентированных форм обучения, которые уже строятся по принципу: действие – анализ – знание, то есть направлены на проблемное осмысление материала с целью изменения взглядов на цели, задачи и результат образовательного процесса. Поэтому, учитывая традиционно-общую значимость знаний, существует необходимость рассмотреть данное понятие с онтологической точки зрения как «средство преобразования ситуа-

ций действия» [1, с. 27] и как его репродуктивную направленность. *Знание* в онтологическом измерении – отражение объективных характеристик действительности в сознании человека. В этом случае происходит отождествление знания с истиной как содержанием сознания, сопровождающимся осознанием его достоверности. Ценностные критерии истинности, достоверности, сомнения, доказательства оказываются фундаментальными и рациональными основами знания. Онтологический аспект знания обнаруживает себя во «взаимоотношении внутринаучных и социальных ценностей, что обращает внимание на проблематику критерия научного идеала, его соотношения с верой, интуицией, сомнением» [7, с. 293]. Рациональные моменты этого подхода мы обнаруживаем в марксистской трактовке знания, рассматривающее его как социально-культурный феномен, продукт исторически развивающейся деятельности отражения в той или иной степени присущей всем формам практического и духовного отражения мира [8]. В сферу знания Г. Гегель включил донаучные его виды, и знание присущее разнообразным формам духовной культуры.

Традиционно считается, что знание и наука – западноевропейские интеллектуальные архетипы, в ситуации же российского просветительского проекта («Всенаука»), существует необходимость доступа к знаниям, которые сгенерировало человечество. Отсюда, российской специфике развития знаний присущи эпистемологические характеристики (кумулятивность и энциклопедизм). Кумулятивной форме организации знаний характерно постоянное добавление новых к сумме априорных (каждый последующий элемент включает в себя предыдущий, новая теория включает предыдущую) в силу чего увеличивается/аккумулируется их рост за счет увеличения эмпирического содержания; энциклопедической форме (вариант кумулятивизма, основанный на аксиомах) свойственно предварительное собирание знаний или научного материала, имеющегося в распоряжении на данный момент, при этом истинным (положительно верифицированным) является обоснованное утверждение, а ложным – утверждение противоречащее энциклопедии [9].

Для установления продуктивного соотношения компетентностного и знаниевого подходов необходимо раскрыть ценность личностного знания, обладающего инструментальными характеристиками. Это знание предполагает интеллектуальную самоотдачу, переживания, что, в целом, требует активного постижения познавательных объектов, действий, требующих особого искусства и особых инструментов, – это означает, что «индивида нельзя отделить от производимого им знания или механически заменять другим индивидом» [2]. Английский физик, химик и философ М. Полани выделяет два типа личностного знания: *явное*, артикулированное, выраженное в понятиях, суждениях, теориях, и других формах рационального мышления и *неявное*, имплицитно-неподдающееся полной рефлексии, слой человеческого опыта, не артикулированный в языке и воплощенный в непосредственном общении и личных контактах, восприятии, практическом мастерстве, манере исследования, навыках экспериментирования и передается «из рук в руки». Ценность личностного знания представлена, в значительной степени, неявным знанием, которое остается за пределами того исследовательского поля, на котором происходят интеллектуальные дискуссии. Оно оказывает существенное воздействие на их содержание и характер [10].

В современных условиях электронно-цифровой информации человек привыкает усваивать знания не последовательно, а мозаично или эклектически сочетая несовместимое. По сути дела, «мозаично» мыслящий индивид не столько мыслит, рефлексиирует, сколько «потребляет» информацию. При этом его цели далеки от поиска истины, то есть соответствия своих знаний предмету [11]. Данная ситуация указывает на свободное развитие человека, прерогативу творческой инициативы и самостоятельности. К сожалению, подобная индивидуальная направленность практически не формирует навыков, носящих надпрофессиональный характер. Это проблема понимания, смысловых и сущностных, содержательных основ знания, а также организации работы по их практической реализации [3]. Именно этим целям и должен служить компетентностный подход в образовании.

Онтологическое содержание понятия «компетенция» по многим параметрам дублирует понятие «знание». В идеале, понятие «компетентность» включает весь комплекс накопленных знаний и опыта профессионала, детально разбирающегося в многообразном организационно-трудовом процессе, что называется «отработавший на данном предприятии с нуля», имеющий системные (онтологические) представления о всем технологическом процессе, его связях в локальном и глобальном масштабах. По сути – это подготовка управленца, разбирающегося во всех тонкостях обширного технологического процесса, плюс к этому совокупность индивидуально-значимых качеств, обусловленных опытом деятельности в определенной социально значимой сфере (ценностно-смысловых ориентаций, способностей, талантов).

Сегодня общественные отношения, общество и индивид стали более рациональными, предприимчивыми под влиянием постоянно сменяемой модели мира, поэтому требуется разработка

методологии и механизмов компетентностного обучения с учетом и признанием результатов неформального, спонтанного обучения, а также более широкий взгляд на результаты обучения, которые выражаются не только в знаниях, умениях, навыках, но и в субъективном опыте, ценностях, ориентациях, мотивациях, предпочтениях, потребностях, стиле мышления, ожиданий от профессиональной деятельности, лидерские качества [4]. Подобная интегративная характеристика наиболее полно заявляет о себе в понятии «образовательный продукт», «интеллектуальный капитал», «человеческий капитал».

Компетентностный подход в образовательном процессе – это инновация, заимствованная из европейского опыта. Инновация необходимая и объективная, соответствующая требованию времени, поскольку конкуренция в экономике требует принципиальных изменений в подготовке современных специалистов. По мнению основоположников компетентностного подхода в образовании (Дж. Равен, В. В. Давыдов, В. В. Краевский, И. Я. Лернер, М. Н. Скаткин, Ю. П. Сокольников, Д. Б. Эльконин, А. В. Хуторской и др.), *компетенция* – это, по сути, то же знание, но содержащая лишь образ или описание того, что идеально представлено в знании. В образовательных проектах – это перечень требований к будущему специалисту. Поэтому группы компетентностей: обеспечивающие жизнедеятельность человека в социокультурной среде; профессиональные и учебные, сформированные для успешного овладения знаниями и умениями; социокультурные, характеризующие взаимодействие человека с обществом и другими людьми; информационно-коммуникативные для успешного взаимодействия в открытом глобальном профессионально-образовательном пространстве – имеют эпистемологический (системно-синтезирующий, практико-ориентированный) характер. В целом, компетентностная модель представлена общими (инструментальными) и специальными (профессиональными) компетенциями [5]. Данная потребность различать теоретическое и практическое познание, сводится к различению теории и практики, понимаемой как утилитарная деятельность, связанная с удовлетворением материальных потребностей. В этой связи необходимо установить соотношение между теоретической и практической философией. В последней, инструментально-компетентностный подход обеспечивается праксиологией, изучающей исходные основы, природу и сущность успешной человеческой деятельности, ее активно-преобразующий характер, виды и формы общественной практики, направленность, цель и смысл человеческой деятельности [12, с. 5–12]. Обсуждая механизмы эффективной организации практической деятельности человека, ученые, занимающиеся «теорией успешного действия» (А. Н. Чашин, Д. Зулумханов, Е. Егоров, А. А. Павлович и др.) анализируют формы организации труда, его специализации, субъективные и объективные факторы изменения организации и экономической степени эффективности труда. В отличие от менеджера, который создает условия для успешной деятельности других, праксиолог (от термина «праксиология» – наука действия) является знатоком дела, мастером. Основателями праксиологии можно считать философа-марксиста А. А. Богданова (1873–1928) и польского логика Т. Котарбиньского (1886–1981), а также знаменитого английского писателя-сатирика С. Н. Паркинсона (автора «Законов Паркинсона») и американского социолога Д. Карнеги, который разрабатывал не теоретические проблемы праксиологии, а практические приемы работы управляющих (менеджмент).

Современная *праксиология образования* оформляется в контексте поиска универсальных принципов всеобщей организационной науки об образовании (философии образования), конкретными исследованиями интегративных методов (онтологических, эпистемологических и инструментальных), поэтому сущность праксиологического метода заключается в практическом исследовании результативной деятельности индивидов и коллективов. Отсюда, в аспекте праксиологии образования инструментальное отличие компетентностной модели образования от знаниевой достаточно велико, поскольку компетенция требует анализа определенных результатов. Таким образом практическая философия ставит вопрос о применимости классических знаний к практической деятельности. От практической философии (праксиологии) традиционно ожидают четких рекомендаций, инструкций, ориентиров в жизни, поскольку рациональная практика опирается на знание объективного характера, то есть компетенции. В сравнении с разумностью, который связан с индивидуальными поступками, волей и добродетелью, знанием всеобщего и необходимого.

Реальная возможность использования рациональных основ знаниевой и компетентностной моделей в образовании, при соответствующих условиях может превратиться в действительность. Поэтому поиску рациональных основ в соотношении компетентностных и знаниевых подходов в рамках образовательного процесса должна помочь философско-образовательная методология, основанная на интерпретациях онтологического, эпистемологического и инструментального содержания компетентностного и знаниевого подходов (см. Таблицу).

Таблица

**Методологическое содержание компетентностных и знаниевых подходов
в рамках образовательного процесса**

Компетентностный подход	Знаниевый подход
<i>Онтологическое содержание</i>	
Главная задача компетентностного познания заключается в том, чтобы «раскрыть содержание мира в значении, которое существенно для реализации технологий, в том числе и образовательных» [13, с. 218]	Главная задача – развертывание в процессе образования «когнитивной перспективы»: понимание связи действий, места в новой целостной картине мира
Компетентностный стандарт образования соответствует социальности индивидуалистического общества	Знаниевый стандарт образования соответствует социальности коллективистского общества
Интеграция компетентностного знания с наукой (слияние науки с искусством, правом, экологией, экономикой, этикой, общественными ценностями и др.)	Знание ценностное, логос-содержащее, конвергентное, значимое (не только как информация)
Воспроизведение знаний в динамике (знание – понимание – действие).	Кумулятивизм, энциклопедизм, широкий кругозор, эрудиция, чувство нового.
Направленность на индивидуальный успех, самореализацию, самоактуализацию.	Направленность на консолидацию, на преодоление мировоззренческой, ментальной несовместимости культур и цивилизаций.
<i>Эпистемологическое содержание</i>	
Технологическая самостоятельность приобретения информации (электронное, дистанционное обучение).	Рефлексия (понимание как образуется знание в прошлом), обеспечение понимания в диалоге, интерпретации
Компетентностные стандарты противоречивы, сменяемы, заменяемы, обновляемы, являются отображением материальной действительности	Знаниевые стандарты стремятся к доказательности, понятий, принципов, процедур поступательного характера, а также различий и связей между элементами разных форм знания
Компетентности как отражение формы деятельности. Превалирование содержания и смысла компетенции над способами передачи знания	Знание как отражение содержания деятельности (диалектичность).
Компетентностный подход	Знаниевый подход
Компетентность как трансформация сознания.	Знание как мера сознания (явное/неявное, опытное/внеопытное, знаковое, символическое)
Целевая конкретизация полученной информации	Широта, соответствующая разнообразию способов мышления, отвечающее смысло-жизненным ценностям
<i>Инструментальное содержание</i>	
Активное использование инновации (прибыль, опережение, лидерство, приоритет, коренное улучшение, качественное превосходство, креативность, прогресс)	Встраивание знаний в реальные общественные способы общения, коммуникации и деятельности, социокультурный контекст взаимодействия
Практическая ориентированность (концентрация и систематизация знаний, умений, навыков) – способность решать практические «подручные» задачи, выходящие за границы вузов	Творчество, экспериментирование, направленные на интеллектуально-ценностную составляющую образования
Профессионализм, основанный на синтезе двух культур (технической и гуманитарной) с целью смены результативно целевой основы образования; появление нового типа обучения и воспитания	Профессионализм, основанный на теории и ценностном освоении традиционного опыта
Ориентация на индивидуализм, активную социальную адаптацию, самообразование, самосовершенствование	Ориентация на массовость, индустриально-экономические потребности государства

Поиск рациональных основ в образовательном процессе обнаруживает широкий спектр его значений. В нашем исследовании, это разработка аксиоматики как совокупности выводов, которые можно сделать на основе соотношения нескольких формальных гипотезо-дедуктивных структур, не прибегая к эмпирическим данным. Рассматривая рациональность и разумность или общие условия возможности нравственной жизни (информатизация, экологизация, этизация, близкие добродетели или благо; компетентность, расчетливость, бережливость, определяемые в терминах современной экономики), необходимо признать, что *рациональность* предполагает не только следование нормам и образцам, но и обоснование, логическую аргументацию, а так же практическую проверку их истинности [14], так необходимых для современной системы образования. Ценность аксиоматического подхода заключается в его результативности, целесообразности и практической направленности.

Выводы. Компетентностная модель образования в сравнении со знаниевой более материалистична, ценностно ориентирована на рациональность и экономический успех. Знаниевая модель идеально ориентирована. Тем не менее именно последняя представляет для профессионального становления (особенно гуманитарного) более значимой и целесообразной. Соединение в современном образовании обеих форм познания предполагает возможность рефлексии, то есть способность контролировать и улучшать стандарты рациональности. Таким образом, в понятии «образовательный процесс» должны органично соединиться рационально-познавательный и ценностный аспекты бытия человека в мире. Это создаст условия сохранить положительное содержание рационализма в профессиональном образовании, исходя из его конкурентоспособности на рынке труда, которая складывается из знаний и компетентностей как ответственности, свободного владения навыками и умениями в профессиональной деятельности и в смежных областях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эльконин Б. Д. Понятие компетентности с позиций развивающего обучения // Современные подходы к компетентностно ориентированному образованию. Красноярск, 2002. С. 22–36.
2. Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии / под ред. В. А. Лекторского, В. А. Аршинова; пер. с англ. М. Б. Гнедовского, Н. М. Смирновой, Б. А. Старостина. М.: Прогресс, 1995. 286 с.
3. Бобрышов С. В., Саенко Л. А. Компетентностный и знаниевый подходы в профессиональном образовании: проблемные вопросы понимания и реалии применения // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Педагогические науки. 2016. №5 (109). С. 16–22.
4. Чекалева Н. В. Проблемы оценки компетенций студентов вуза // Философия образования. 2015. №1 (58). С. 146–155.
5. Разуваева Т. А. Компетентностная модель образования: краткий анализ ключевых понятий и проблем // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 28. С. 986–989.
6. Рыбаков Н. С. Компетентность сквозь призму антропологии // Профессиональное образование в современном мире. 2011. №1. С. 20–27.
7. История и философия науки: учебное пособие / под ред. А. С. Мамзина. СПб.: Питер, 2008. 304 с.
8. Философский энциклопедический словарь. 2 изд. / ред. коллегия: С. С. Аверинцев и др. М.: Советская энциклопедия, 1989. 815 с.
9. Философия науки: учебное пособие / под ред. А. И. Липкина. М.: Эксмо, 2007. 608 с.
10. Философия науки в вопросах и ответах: учебное пособие / под ред. В. П. Кохановского. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 352 с.
11. Мареева Е. В., Мареев С. Н., Майданский А. Д. Философия науки: учебное пособие. М.: Инфра-М, 2010. 333 с.
12. Григорьев Б. В., Чумакова В. И. Праксиология, или как организовать успешную деятельность: учебное пособие. М.: Школьная пресса, 2002. 142 с.
13. Чуринов Н. М. Совершенство и свобода. 3-е изд., доп. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. 712 с.
14. Марков Б. В. Философия: учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. –2-е изд. СПб.: Питер, 2017. 464 с.

REFERENCES

1. Elkonin B. D. the Concept of competence from the standpoint of developmental learning. *Modern approaches to competence-oriented education*. Krasnoyarsk, 2002, pp. 22–36.
2. Polani M. Personal knowledge: on the way to post-critical philosophy. Ed. M. B. Gnedovsky, N. M. Smirnova, B. A. Starostina. Moscow, Progress Publ., 1995, 286 p.

3. **Bobryshov S. V., Saenko, L. A.** Competency-based knowledge and approaches in vocational education: issues of understanding and the realities of application. *Proceedings of Volgograd state pedagogical University. Pedagogical science*, 2016, no. 5 (109), pp. 16–22.
4. **Chekaleva N. V.** Problems of competence assessment of University students. *Philosophy of education*, 2015, no. 1 (58), pp. 146–155.
5. **Razuvaeva T. A.** Competent model of education: a brief analysis of key concepts and problems. *Izvestiya pgpu. V. G. Belinsky*, 2012, no. 28, pp. 986–989.
6. **Rybakov N. S.** Competence through the prism of anthropology. *Professional education in the modern world*, 2011, no. 1, pp. 20–27.
7. *History and philosophy of science: a textbook*. ed. SPb., Peter Publ., 2008, 304 p.
8. *Philosophical encyclopedic dictionary*. 2 ed. editorial Board: S. S. Averintsev et al. Moscow, Soviet encyclopedia Publ., 1989, 815 p.
9. *Philosophy of science: a textbook*. ed. Moscow, Eksmo Publ., 2007, 608 p.
10. *Philosophy of science questions and answers: textbook*. under the editorship of V. P. Kochanowski. Rostov-on-Don, Phoenix Publ., 2006, 352 p.
11. **Mareeva E. V., Mareev S. N., Maidansky A. D.** *Philosophy of science: a tutorial*. Moscow, Infra-M Publ., 2010, 333 p.
12. **Grigoriev B. V., Chumakova V. I.** *Praxiology, or how to organize a successful activity: a textbook*. Moscow, School press Publ., 2002, 142 p.
13. **Churinov N. M.** *Perfection and freedom*. 3rd ed., additional. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2006, 712 p.
14. **Markov B. V.** *Philosophy: textbook for universities. The standard of the third generation*. 2nd ed. SPb., Peter Publ., 2017, 464 p.

Информация об авторах

Яковлева Ирина Владимировна – кандидат философских наук, доцент, Новосибирский технологический институт (филиал) ФГБОУВО «Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», научный сотрудник Научного центра РАО при ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» (630 126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, д. 28, e-mail: uhova2005@mail.ru)

Косенко Татьяна Сергеевна – кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Научного центра РАО при ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» (630 126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, д. 28, e-mail: tany0879@mail.ru)

Статья поступила в редакцию 11.12.19. После доработки 14.02.20. Принята к публикации 2.03.20.

Information about the authors

Irina V. Yakovleva – candidate of philosophy, Associate professor at Novosibirsk Institute of technology, branch of A. N. Kosygin Russian state University (Technologies. Design. Art), research associate at the RAE Scientific center at the Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyuyskaya str., Novosibirsk, 630 126, Russian Federation, e-mail: uhova2005@mail.ru)

Tatyana S. Kosenko – candidate of philosophy, Associate professor, Deputy Director of the RAE Scientific center at the Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyuyskaya str., Novosibirsk, 630 126, Russian Federation, e-mail: tany0879@mail.ru)

The paper was submitted 11.12.19. Received after reworking 14.02.20. Accepted for publication 2.03.20.

УДК 165.3

ПРЕДЕЛЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА В ГУМАНИТАРНОМ ОБРАЗОВАНИИ

М. П. Яценко

Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Российская Федерация, e-mail: mikhailyatzenko@yandex.ru

С. В. Максимов

Сибирский федеральный университет
Красноярск, Российская Федерация, e-mail: marxserge@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются особенности использования новых информационных технологий в процессе преподавания гуманитарных учебных дисциплин. Автор показывает не только положительные, но и отрицательные последствия глобальной цифровизации в отечественной образовательной системе. Господства информационных технологий в гуманитарном познании создает новые проблемные ситуации. В частности, трансформируются традиционные коммуникации, характерные для отечественной образовательной системы. Автор обращает внимание на такую важную особенность российского образования, как неразрывность учебного и воспитательного процесса. Реализация подобных тенденций традиционно была возложена на гуманитарный учебный блок. Основополагающим базисом для формирования социокультурного мировоззрения всегда выступала история. Несмотря на то что внедрение цифровых технологий в гуманитарную сферу позволило расширить визуальное учебное пространство, однако все чаще встречаются случаи фальсификации исторического прошлого России. Автор показывает, что достоверность информации часто приносится в жертву оперативности. Военно-исторические компьютерные игры часто искажают истинную картину истории, которая является намного сложнее и требует глубокого осмысления. К сожалению, учащиеся привыкают к наглядным пособиям, однако отучаются при этом анализировать учебный материал, поскольку надеются на интернет-ресурсы. Чрезмерное использование современных информационных технологий в учебном процессе значительно трансформирует субъект-объектные отношения. Это связано с значительным изменением функций учителя, которого уже не воспринимают как носителя истины. В статье показаны пути оптимизации учебного процесса с учетом новых информационных технологий. Автор доказывает, что гуманитарное образование может выиграть, если цифровизация учебного процесса будет иметь пределы, обусловленные авторскими методиками.

Ключевые слова: цифровое пространство; информационная среда; гуманитарное образование; оптимизация учебного процесса; новейшие информационные технологии.

Для цитаты: Яценко М. П., Максимов С. В. Пределы и перспективы цифрового пространства в гуманитарном образовании // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 1. С. 3481–3489. DOI: 10.15372/PEMW20200111

DOI: 10.15372/PEMW20200111

LIMITS AND PROSPECTS OF THE DIGITAL SPACE IN HUMANITARIAN EDUCATION

Yatsenko, M. P.

Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russian Federation, e-mail: mikhailyatzenko@yandex.ru

Maximov, S. V.

Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation, email: marxserge@mail.ru

Abstract. *The article reveals the peculiarities of the use of new information technologies in teaching humanitarian subjects. The author shows not only the positive, but also the negative consequences of global digitalization in the domestic education system. The dominance of information technology in humanitarian cognition creates new problematic situations. In particular, traditional communications, characteristic of the domestic educational system, are being transformed. The author draws attention to such an important feature of Russian education as the inseparability of the educational process and the upbringing. The implementation of such trends has traditionally been entrusted to the humanitarian training unit. History has always been the basis for the formation of the sociocultural worldview. Despite the fact that the introduction of digital technologies in the humanitarian sphere has allowed to expand the visual learning space, there are more and more cases of falsification of Russia's historical past. The author shows that the reliability of information is often sacrificed to efficiency. Military-historical computer games often distort the true picture of history, which is much more complex and requires deep reflection. Unfortunately, students get used to visual aids, but they unlearn to analyze educational material because they rely on Internet resources. Excessive use of modern information technologies in the educational process significantly transforms subject-object relations. This is due to a significant change in the functions of the teacher, who is no longer perceived as the bearer of truth. The article shows how to optimize the learning process with new information technologies in mind. The author argues that humanitarian education can benefit if the digitalization of the educational process has limits conditioned by the author's methods.*

Keywords: *digital space, information environment, humanitarian education, optimizing the learning process, the latest information technologies.*

For quote: *Yatsenko, M. P., Maximov S. V. [Limitations and perspectives of the citosin in humanity]. Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 3481–3489. DOI: 10.15372/PEMW20200111*

Введение. Актуальность исследования перспектив цифрового пространства в гуманитарном отечественном образовании обусловлена социальными трансформациями, которые характеризуют глобальное мироустройство. Противоречия в развитии современного образования, а также неоднозначность информационных процессов актуализирует вопросы, связанные с многоплановостью новейших информационных технологий на образовательный процесс. Более того, под влиянием указанных тенденций существенно обострились традиционные для отечественного образования проблемы, затрагивая практически всех субъектов образовательного процесса, которые представляют различные уровни учебно-воспитательного процесса. Многообразие современных социальных систем детерминирует значительное количество концепций, описывающих их, что в полной мере затрагивает образовательные системы. Социально-философский анализ пределов и перспектив цифровизации в учебном процессе приобретает особую актуальность, поскольку философия информации играет все большую роль благодаря разворачиванию процесса становления глобального информационного общества.

Ускоренное развитие процессов информатизации в образовательной сфере на базе цифровизации чаще всего представляется как позитивный пример научно-технический прогресса в социогуманитарной сфере общества. Однако не все проявления этих тенденций и их широкое внедрение в общественные процессы требует специальных антропосоциальных экспертиз [1, с. 2460]. В современном образовании на базе новых информационных технологий формируются новые субъект-объектные отношения, что в перспективе влечет за собой кардинальные изменения во взаимоотношениях человека и общества, где связь поколений часто оказывается эфемерной. Развернувшаяся в последние десятилетия информационная революция все больше обостряет проблему неоднозначной сущности роли информации для последующих поколений. Все более активно проникая во все социальные институты. Современные гаджеты все чаще провоцируют виртуализацию самого процесса образования, что вызывает к жизни вопрос о насущной необходимости изменения традиционной информационной политики в образовательной сфере. Кроме того, исследование роли современных информационных технологий в образовании затруднено тем фактом, что эти явления имеют интеграционный характер, находясь на стыке различных наук. Тем более что образование имеет многоуровневую структуру, поскольку, с одной стороны, выступает как довольно консервативный институт, где происходит передача устоявшихся знаний, т. е. образование базируется на традициях. С другой стороны, образовательная система направлена в будущее, поскольку готовит потенциальных специалистов к новой, еще неведомой реальности. Как показывает практика, самореализации современных молодых людей довольно затруднена, поскольку современное поколение вынуждено приспосабливаться к новой информационной реально-

сти. Подобные тенденции приводят к нарушению традиционных отношений в образовании, что влечет за собой новые социальные трансформации.

Главная проблема состоит в том, что образование, выступающее в качестве важнейшего социального института, подвергается значительным воздействиям. Они в значительной степени детерминированы информационными технологиями, которые приводят к изменению традиционных субъект-объектных отношений, а также размыванию критериев образовательного процесса из-за виртуализации конкретных гносеологических процедур. Все чаще не только теоретики педагогической науки, но и преподаватели-практики приходят к выводу о обесмысливании сложившихся ценностей, что является одной из самых больших катастроф современного человечества, ведь в этом случае ставится под сомнение базис, формирующий социокультурную идентичность. «Все это приводит к утрате всего спектра чувств по отношению не только к прошлому, но и к настоящему» [2, с. 969].

При рациональном подходе, в противоположность эмпирическому, исследователь имеет концепцию о природе ВР, причем, зачастую, главной эпистемологической характеристикой рационального подхода является априоризм и волюнтаризм – априорное, до начала исследования эмпирического материала, и произвольное приписывание некоторой совокупности явлений определенного «объяснительного» механизма [3]. Новый тип рациональности в науке и технологической деятельности, который утверждает в настоящее время, имманентно включает аксиологическую рефлексию, поднимая на новый уровень представления о связи истинности и нравственности, что традиционно было свойственно традиционным восточным культурам. Несмотря на то что тип научной рациональности изменяется, сама рациональность остается востребованной для понимания сущности образовательного процесса в новых, цифровых условиях, потому что его полноценное понимание вряд ли возможно вне рефлексивного отношения к базисным ценностям конкретного социума. Рациональное понимание позволяет молодому человеку выработать конструктивную позицию равноправного восприятия всех базовых ценностей и открытости различных культурных миров для диалога. Здесь трудно не согласиться с В. С. Стёпиным, утверждающим, что «у человечества есть шанс найти выход из глобальных кризисов, но для этого придется пройти через эпоху духовной реформации и выработки новой системы ценностей» [4, с. 24–25].

В каждой сфере эти стратегии обладают своеобразием, в том числе в образовательном пространстве, в котором наличествуют свои коммуникативные сети, сообщества, развиваются коммуникативные стратегии в области управления. Здесь можно привести множество хороших примеров: развитие дистанционного обучения, обсуждение законопроектов и каких-либо концепций через электронное обсуждение, создание положительных сетевых сообществ, способствующих совершенствованию деятельности как отдельных объектов и субъектов образовательного пространства, так и в целом его развитию [5]. К сожалению, сетевое сообщество, включающее в себя различные коммуникативные стратегии в процессе гносеологических актов, характеризующих учебный процесс, часто представляют собой манипулятивные практики различного толка, включая и негативные. Подобные ресурсы создаются в различных форматах, однако часто это делается без учета особенностей учебного процесса, а также потребностей пользователей. Предоставление подобных информационных ресурсов приводит к тому, что качество учебного процесса страдает от отсутствия единых принципов представления учебного материала, а также эффективных методик ведения учебного процесса и технологий накопления соответствующей информации. Рассмотрение образовательного пространства в социокультурном аспекте требует постоянного внимания исследователей к вопросам влияния различных факторов на образовательное пространство. Оно изменяется и при специфической геополитике в глобальном мире это влияние может иметь как положительные свойства, так и отрицательные вплоть до утраты государством собственного образовательного пространства: полной или частичной. Собственную политику в области формирования образовательного пространства и реализации целей образования каждое государство выстраивает не только с учетом своей специфики, но и с учетом того факта, что образовательное пространство является поликультурным, социально-ориентированным, открытым для формирования международной образовательной среды. Однако оно все чаще выступают в качестве наднациональных по характеру знаний и приобщению человека к мировым ценностям [6]. Это подтверждает высказанный академиком В. С. Степиным тезис о том, что обсуждение и исследование в рамках самой науки и техники социальных и этических вопросов является характерной отличительной чертой так называемой постнеклассической науки. Постнеклассический тип научной рациональности учитывает соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Этот факт наглядно демонстрирует нанотехнология, где даже в специальных справочных изданиях обязательно предусмотрены разделы, связанные с социальными и этическими проблемами [7]. Пределы использования цифровых технологий в учебном процессе обусловлены тем фактом, что современный этап научно-технического развития характеризуется

появлением новых продуктивных идей и направлений, как правило, на границе различных научных и технических областей. Можно утверждать, что важнейшей отличительной чертой последних десятилетий стало стремление к междисциплинарности. Это нормальное и даже необходимое состояние, одна из важнейших черт которого заключается в стремлении к демократизации и плюрализации порядка знания в исследовании и обучении [8]. Образовательный процесс носит сквозной характер внутри автоматизированной системы управления вузом. Процесс обучения, выступающий как специально организованная целенаправленная и управляемая совместная деятельность всех субъектов образовательной деятельности, направленной на формирование знаний, умений и навыков, должна обеспечить поддержку процесса обучения в единой информационной среде и в реальном масштабе времени. Образование обладает многоуровневой структурой, поскольку оно, с одной стороны, является довольно консервативной сферой жизнедеятельности, где происходит процесс передачи подрастающим поколениям устоявшихся знаний. С другой стороны, цель любой образовательной системы состоит в подготовке подрастающего поколения, способного выживать в будущем, отличном от нынешнего, мироустройства, где происходит самореализации молодых специалистов в условиях господства информационной реальности. Ситуация в современных условиях усугубляется процессами виртуализации, которые все глубже проникают в систему отечественного образования. Именно здесь заложены не только перспективы, но и проблемы современного гуманитарного образования, вынуждающие говорить о пределах цифровизации не только в теоретическом плане (учебные программы, учебники и т. п.), но и в сугубо практическом смысле, когда обучение проводится по скайпу и т. п. Все более насущной становится постановка вопроса о необходимости изменения традиционной информационной политики в образовательной системе. Кроме того, проблема виртуализации в образовании детерминирована ее диалектической взаимосвязью учебных дисциплин, выступающих как система. Исходя из усиления виртуальных тенденций, характерных для современных вузов, особо востребованными представляются те исследования, где ведущие дисциплины находятся на стыке не только различных наук, но и блоков: гуманитарного и естественнонаучного познания. В свою очередь, виртуальные тенденции сегодня встроены в многоуровневую структуру образования, создавая иллюзию «успешности» молодого человека в современном рыночном мире, где господствуют либеральные ценности. Здесь важно подчеркнуть, что образование как форма общественного сознания по своей сути тяготеет к виртуализации, потому что конечный продукт образовательного процесса все чаще проявляется как виртуальный из-за фрагментарности и нестабильности полученных знаний. По мнению В. В. Миронова, нестабильность всегда сопровождается деформацией системы ценностей, оказывая значительно влияние на духовное состояние личности. Это приводит к негативному воспроизводству в реальной жизни, потому что позже заметно влияет на саму систему ценностных предпочтений учащихся, от которых зависит будущее [9].

Неоднозначность процессов цифровизации все больше проявляется не только на уровне современной науки, но и в образовательной практике. В частности, дистанционное образование как один из самых важных результатов использования современных информационных технологий может приобретать форму виртуализации. Обучающаяся личность в этом случае становится более разнообразной в своем онтологическом наполнении, поскольку при помощи информационных технологий расширяет свои мировоззренческие горизонты посредством различных гаджетов. Вместе с тем виртуальные тенденции приводят к трансформации субъект-объектных отношений в образовательной сфере, которые были столь характерны для России. Имеется в виду тот факт, что использование новейших информационных технологий снижает роль учителя как авторитета, потому что в гносеологическом плане ученик в состоянии обходиться без него. Происходит постепенное размывание глубинной сущности таких понятий, как «преподаватель», «познание», «учебник», без которых становление полноценной личности вряд ли возможно. Дело в том, что воспитательная миссия образовательного учреждения в любой социальной среде заключается в том, чтобы создать максимально приемлемые условия для развития профессиональной компетентности обучающихся, а также их духовно-нравственного и культурного развития. Также образование выполняет такие важные миссии, как гражданское становление профессионального опыта и созидательное решение не только личностных, но и общественных проблем. Принципиальное значение в этом плане приобретает роль образования в содействии социальной и творческой самореализации учащихся посредством приобщения их к здоровому образу жизни [10].

Социально-философский анализ роли новейших информационных технологий в образовании и пределы ее использования в будущем приобретает особое значение также в контексте универсализации мирового пространства. Потенциальная виртуализация многих коммуникаций в образовательной системе предполагает всестороннее рассмотрение ее как устойчивого социального феномена в связи с другими вполне реальными явлениями и отношениями. В частности, подобные проблемы тесным образом соотносятся с контекстом отражения в социально-философской мысли вопросов, обусловленных взаимо-

отношениями в системе: человек-общество-техника. Более того, технический прогресс, максимально опирающийся на информационные технологии, с неизбежностью поставил вопросы цивилизованного развития, включающие ряд дискуссионных моментов, связанных с природой информации; ее адекватным описанием и проявлениями информационных коммуникаций в обществе, а также влияние данных вопросов на сферу образования и его качество [11, с. 153].

Использование разных концепций развития социума формирует различные концептуально-методологические основы философии образования, а также теории и практики организации российского образования в глобальном мире, что обуславливает разработку принципиально разных стратегий образования, включенных в мировой контекст [12].

Особенности использования методологии, базирующейся на цифровых носителях, сферы во многом определяют потенциальные направления развития гносеологии вообще и учебного познания, в частности. Пределы цифрового образовательного пространства в гуманитарной области имеют свою специфику, потому что в значительной мере обусловлены субъективным фактором, определяющим гносеологические особенности социально-гуманитарной сферы не только науки, но и образования.

Особенности взаимодействия информации и образования подчиняется законам диалектики. Набор составных устойчивых элементов, частей в содержании того или иного процесса постоянен. Постоянен и общий характер их взаимосвязей. В этом и заключается качественная определенность процесса во всех его формах. Но внутренняя организация содержания имеет свойство изменяться в своих обеих частях. Изменяются, в частности, место и роль устойчивых элементов содержания относительно друг друга. Указанные изменения во внутренней организации содержания процесса как раз и обуславливаются влиянием (воздействием) на него соответствующих факторов и условий, которых имеет место быть процесс [13].

Термин «среда» довольно многозначителен в зависимости от весьма значительного числа предметных областей, где он может употребляться, поэтому среда – это то, что окружает, и это общее значение влечет за собой широкий круг способов употребления. Виртуальная образовательная среда, по нашему мнению, представляет собой гносеологическое пространство, основанное на использовании компьютерной техники и формирующая программно-телекоммуникационную среду. Она реализуется единичными технологическими средствами, опираясь на взаимосвязанное качественное информационное обеспечение студентов, педагогов, администрацию вуза, где за формой не должно теряться содержание. Подобная среда включает в себя не только организационно-методические условия, но и совокупность технических и программных средств, связанных с хранением, обработкой и передачей информации. Такой гносеологический алгоритм гарантирует оперативный доступ к педагогически значимой информации и создающую возможность для новых коммуникаций внутри подобных образовательных пространств. Важно подчеркнуть, что «понятия «среда» и «пространство» не тождественны, при этом среда рассматривается как данность, которая не является результатом конкретной деятельности конкретного человека, а пространство, напротив, появляется в результате освоения субъектом этой данности». В таком случае образовательное пространство представляет собой системную совокупность реальных взаимодействий человека с действительностью, данную субъекту через восприятие и действие. Кроме того, получило распространение новое понятие – мировое образовательное пространство, под которым понимается совокупность всех образовательных и воспитательных учреждений, научно-педагогических центров, правительственных и общественных организаций по просвещению в разных странах, геополитических регионах и в планетарном масштабе, их взаимовлияние и взаимодействие в условиях интенсивной интернационализации и глобализации разных сфер общественных жизни.

Виртуалистика представляет собой новую мировоззренческую систему, что дает основание рассматривать ее в качестве предмета научных исследований и конкретных практических преобразований. Как пример постнеклассического мировоззрения виртуалистика расширяет поля действия в виде образовательного пространства. Поскольку виртуалистика вводит в мировоззрение новую реальность, то это можно рассматривать как новый взгляд на мир, однако базовой идеей для виртуалистики является идея виртуальной реальности. Виртуальная реальность в образовательной деятельности обладает следующими свойствами: актуальность, автономность, интерактивность, стимулируя при этом разработку новой методологии в учебном познании. Проблема возникает в формировании целостного мировоззренческого базиса, поскольку виртуальная реальность является актуальной до тех пор, пока активной является порождающая ее реальность. В этом и состоит неоднозначное отношение к цифровым технологиям в образовании и порожденной ими виртуальной реальностью, потому что виртуальная реальность взаимодействует с другими реальностями, что приобретает особое значение в процессе преподавания отдельных учебных дисциплин.

Смена парадигм значительно изменяет главную функцию системы образования. От подготовки к жизни подрастающего поколения главная функция системы образования трансформируется в непо-

средственное включение подрастающих поколений в саму жизнь, что находит отчётливое отражение в акценте на формирование компетенций как результата освоения определённой ступени образования. Среди традиционных функций образования помимо функции обучения (передача знаний от поколения к поколению) присутствовали: функция обеспечения социального порядка посредством социального контроля, выражающегося в социализации индивидов, и подготовка кадров для различных отраслей экономики. В дополнение к этим функциям в рамках новой парадигмы образования складываются: инновационная (ориентация на развитие инновационной экономики), что проявляется в появлении новых специальностей, в способствовании освоению новых социальных ролей, а также внедрение новых методов и технологий обучения.

Создание единого образовательного пространства связывают с прозрачностью образовательных систем разных стран по отношению друг к другу. Прозрачность означает, что из документов об образовании каждой страны, начиная с законодательной базы и заканчивая приложениями к диплому у конкретного выпускника, должно быть ясно, чему именно, как именно и на каком уровне обучился человек. «Развитие и усложнение организации социума, переход от индустриального типа общества к информационному, к новым технологическим укладам обуславливает нелинейность его развития, выраженную в противоречивых социальных процессах, носящих циклический, волновой характер» [14, с. 1625].

Однако сегодня явно не хватает именно сформулированной цели. Превалирует процессуальный подход к управлению образованием как социальной системой, когда акцентируется внимание на процессе изменений, приоритетным является оперативное управление и контроль за промежуточными результатами. Во многом в силу этого процесс реформ образовательной системы затягивается, приобретает фактически непрекращающийся характер [15].

Принципиальная особенность виртуальных сообществ заключается в том, что использование Интернет-технологий в процессе совместной деятельности людей позволяет осуществлять ее регулирование не только на основе прямых информационных обменов, но также и активных взаимодействий между всеми членами сообщества. Возможности, возникшие в результате господства цифровых технологий, создают новые правила для членов этих сообществ, конструируя соответствующие регулирующие институциональные механизмы.

Исследования показывают, что современная информационная революция характеризуется в области образования формированием информационного мировоззрения, которые не только создают новое образовательное пространство, но и существенным образом изменяют традиционную вещественно-энергетическую картину мира, научную парадигму и методологию научных исследований [16].

Под образованием понимается единый процесс физического и духовного становления личности, процесс социализации, сознательно ориентированный на некоторые идеальные образы, на исторически зафиксированные в общественном сознании социальные эталоны. В таком понимании образование выступает как неотъемлемая сторона жизни всех обществ и всех без исключения индивидов. Поэтому оно и есть, прежде всего, социальное явление, представляющее собой целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества и государства.

Современный подход к образованию предполагает формирование широкого научного и гуманистического мировоззрения обучающегося, а в качественном – высокий уровень формирования у него не только целостных профессиональных знаний, но и качеств гражданина и духовно-нравственной личности данного общества [17]. В образовательном процессе используются устаревшие знания и ценности, которые не всегда и не в полной мере можно использовать в дальнейшей деятельности. Кроме того, учебно-методические материалы информируют о том, что уже установилось в науке, а гипотезы и предположения, как правило, не рассматриваются. В этом плане вполне состоятельным представляется тезис, касающийся особенностей сознания, в основе которого лежит идея перманентного обновления, определяющая гносеологическую потребность человека о постоянной новизне.

Образование, выступающее одновременно, как форма обществ сознания с одной стороны, и социальный институт – с другой, обусловлено конкретной социокультурной ситуацией. В этом контексте принципиальное значение имеют такие понятия, как «образовательная среда» и «образовательное пространство». Однако указанные выше понятия являются принципиальными и в плане анализа особенностей информационной политики в образовательной системе.

Единое информационно-образовательное пространство, построенное с помощью интеграции информации на традиционных и электронных носителях, компьютерно-телекоммуникационных технологиях взаимодействия, включающее в себя не только расширенный аппарат дидактики, но также виртуальные библиотеки, информационные базы данных и учебно-методические комплексы. Здесь подразумевается целый спектр новых отношений внутри образовательного сообщества, обусловленных как доступностью до программного обеспечения, так и оперативностью освоения новых технологий.

В конечном счете, на этом базисе формируются условия для виртуальных тенденций в образовании. «Вызовы времени заставляют переосмыслить роль системы образования в процессах реконструкции индустрии и перехода к шестому технологическому укладу, что требует по-новому взглянуть на задачи построения «цифровой» экономики и специфику подготовки современных трудовых ресурсов, в том числе инженерных и гуманитарных кадров. Наиболее востребованными в ближайшем будущем станут профессии в области высоких технологий, среди них – индустрия больших чисел и их обработка, искусственный интеллект... В будущем наибольшего результата следует ожидать тех, кто работает на стыке наук, так как границы между отраслями знаний размываются» [18, с. 2447].

Отставание философского и теоретического осмысления проблем образования от интенсивно развивающихся информационных технологий во многом определяют проблемы информатизации образования, преодоление которых является насущно необходимым для становления образовательной системы информационного общества. «Обучающийся в идеале должен учиться «для себя», имея в виду собственное становление и развитие для дальнейшей продуктивной деятельности. И вот цели саморазвития (то, ради чего, собственно, и стоит учиться) откладываются в неопределенное будущее, в то время как на первый план выходят иные цели, касающиеся формальной стороны образования» [19, с. 2440].

Как объяснялось в нормативных документах, решение о введении предмета «Основы религиозных культур и светской этики» продиктовано потребностью усилить нравственное воспитание детей в школе. Однако эту миссию всегда блестяще выполняла литература в светском аспекте, в соответствии с методологией науки и одним из главных принципов дидактики – принципом научности. Бездумное использование цифровых носителей превращает учащихся в людей, не способных к творческому самовыражению. Результат становится таковым «из-за игнорирования менеджерами образования выводов научного сообщества» [20, с. 1615].

Важнейшей задачей современности является осмысление роли современных информационных технологий в образовательной сфере, а также осознание новых задач, которые возникают перед системой образования. Требуется выработать особый взгляд на задачи современного образования, где «цифровая» составляющая становится доминирующей, поскольку от этого зависит подготовка инженерных и гуманитарных кадров. Ученые уверены, что максимально востребованными в ближайшие десятилетия станут профессии в области высоких технологий. Кроме того, в будущем максимальные результаты будут получены в тех отраслях науки и образования, которые находятся на стыке нескольких наук, тем более, что границы между отраслями знаний все более размываются.

Таким образом, можно заключить, что пределы и перспективы развития информационных технологий в современном гуманитарном образовании, обусловлены оптимизацией традиционных и новейших педагогических технологий. Исследование социально-философских аспектов указанных проблем, проявляющихся, в частности, в трансформации субъект-объектных отношений в образовательной сфере; нарушении традиционных коммуникаций; виртуализации и т.п. процессов. Вместе с тем понимание сущности современного отечественного образования как важной части глобального образовательного пространства сфере предполагает понимание того факта, что взаимоотношения в системе «информация-гуманитарное образование» носят диалектический характер, подразумевающие гармоничное встраивание новых информационных потоков в традиционный учебно-воспитательный процесс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ельчанинов В. А., Панарин В. И., Паршиков В. А. Антропосоциальное исследование как научная и образовательная проблема в условиях информатизации и цифровизации // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9. №1. С. 2451–2463.
2. Кудашов В. И., Черных С. И., Яценко М. П., Рахинский Д. В. Аксиологические трансформации в глобальном образовании как следствие информационных технологий // Профессиональное образование в современном мире. 2017. Т. 7. №2. С. 968 – 975.
3. Носов Н. А. Не-виртуалистика (Современная философия психологии) // Труды лаборатории виртуалистики. Вып. 12. М.: Гуманитарий, 2001. 56 с.
4. Стёпин В. С. Перелом в цивилизационном развитии. Точки роста новых ценностей // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. проф. Д. И. Дубровского. М.: МБА, 2013. 272 с.
5. Рулиене Л. Н. Пайдейя в развитии жизненного пространства личности в постиндустриальном обществе // Ценности и смыслы. 2013. №1 (23). С. 92–99.
6. Иванова С. В. О понятии «образовательное пространство» и целях образования // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2013. №4. С. 67–79.
7. Горохов В. Г., Сидоренко А. С. Роль фундаментального образования в развитии новейших технологий // Высшее образование сегодня. 2008. № 12. С. 40–46.

8. **Горохов В.Г.** Наука и научное образование в обществе XXI века (о мифах научно-образовательной политики) // Высшее образование в России. 2015. №4. С. 117–127.
9. **Миронов В.В.** Проблемы реформирования российского образования // Метафизика. 2014. №4 (14). С. 52–60.
10. **Мутных Т.А.** Особенности среды вуза в малом городе, обеспечивающие развитие общих и профессиональных компетенций // Профессиональное образование в современном мире. 2017. Т. 7. №2. С. 1055–1057.
11. **Наливайко Н.В., Пушкарева Е.А., Шматков Р.Н. и др.** Качество современного отечественного образования: сущность и проблемы: монография Новосибирск: Изд. НГПУ, 2009. 312 с.
12. **Кулипанова Н.В., Наливайко Н.В., Орлов Н.П., Ушакова Е.В.** Многообразие современных социальных систем и стратегий глобализирующегося образования // Философия образования. 2012. №6 (45). С. 64–77.
13. **Бабич В.В.** О подходах к определению форм военных (боевых) действий // Вестник Академии военных наук. 2013. №3 (44). С. 20–51.
14. **Горин С.Г.** Промежуточные результаты образовательных трансформаций: постнеклассический подход // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8. №1. С. 1624–1631.
15. **Таратута Е.Е.** Философия виртуальной реальности. СПб., 2007. 147 с.
16. **Колин К.К.** Информатика сегодня и завтра: фундаментальные проблемы и перспективы развития в XXI веке // Молодые в библиотечном деле. Ежемесячный профессиональный журнал. 2006. №9–10 (сентябрь–октябрь). С. 16–26.
17. **Кулипанова Н.В., Наливайко Н.В., Орлов Н.П., Ушакова Е.В.** Многообразие современных социальных систем и стратегий глобализирующегося образования // Философия образования. 2012. №6 (45). С. 64–77.
18. **Яковлева И.В.** Безопасность российского образовательного пространства: аксиологическое содержание концепции // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9. №1. С. 2443–2450.
19. **Севостьянов Д.А.** Инверсивный анализ в современном образовании // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9. №1. С. 2433–2442.
20. **Гурина Р.В.** Управленческие эксперименты с содержанием образования и педагогическая наука: телега впереди лошади // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8. №1. С. 1610–1617.

REFERENCES

1. **Yelchaninov V.A., Panarin V.I., Parshikov V.A.** Anthropolocial research as a scientific and educational problem in the context of informatization and digitalization. *Professional education in the modern world*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 2451–2463.
2. **Kudashov V.I., Chernykh S.I., Yatsenko M.P., Rakhinsky D.V.** Axiological transformations in global education as a consequence of information technology. *Professional education in the modern world*, 2017, vol. 7, no. 2, pp. 968–975.
3. **Nosov N.A.** Non-Virtualistics (Modern Philosophy of Psychology). *Works of the Laboratory of Virtualatry*. Vol. 12. Moscow, Humanitarian Publ., 2001, 56 p.
4. **Stepin V.S.** Fracture in civilizational development. Points of growth of new values: Global future 2045. Convergent Technologies (NBICS) and transhumanist evolution. Under Ed. Prof.D. I. Dubrovski. Moscow, IBA Publishing Ltd., 2013, 272 p.
5. **Rulienė L.N.** Paydaya in the development of the living space of the individual in the post-industrial society. *Values and meanings*, 2013, no. 1 (23), pp. 92–99.
6. **Ivanova S.V.** On the concept of «educational space» and the purpose of education. *New in psychological and educational studies*, 2013, no. 4, pp. 67–79.
7. **Gorokhov V.G., Sidorenko A.S.** The role of fundamental education in the development of the latest technologies. *Higher education today*, 2008, no. 12, pp. 40–46.
8. **Gorokhov V.G.** Science and Scientific Education in 21st Century Society (about the myths of scientific and educational policy). *Higher education in Russia*, 2015, no. 4, pp. 117–127.
9. **Mironov V.V.** Problems of reforming Russian education. *Metaphysics*, 2014, no. 4 (14), pp. 52–60.
10. **Muddy T.A.** Features of the environment of the university in a small city, ensuring the development of general and professional competences. *Professional education in the modern world*, 2017, vol. 7, no. 2, pp. 1055–1057.
11. **Nalivaiko N.V., Pushkareva E.A., Shmatkov R.N., etc.** The quality of modern national education: essence and problems: monograph. Novosibirsk, NSPU Publ., 2009, 312 p.

12. **Kulipanova N. V., Nalivaiko N. V., Orlov N. P., Ushakova E. V.** Diversity of modern social systems and strategies of globalizing education. *Philosophy of education*, 2012, no. 6 (45), pp. 64–77.
13. **Babich V. V.** On approaches to determining the forms of military (combat) warfare. *Herald of the Academy of Military Sciences*, 2013, no. 3 (44), pp. 20–51.
14. **Goryn S. G.** Interim results of educational transformations: a post-classical approach. *Vocational education in the modern world*, 2018, vol. 8, no. 1, pp. 1624–1631.
15. **Taratuta E. E.** The philosophy of virtual reality. St. Petersburg, 2007. 147 p.
16. **Colin C. K.** Informatics Today and Tomorrow: Fundamental Challenges and Prospects for Development in the 21st Century. *Young in Library. Monthly professional magazine*. 2006, no. 9–10 (September–October), pp. 16–26.
17. **Kulipanova N. V., Nalivaiko N. V., Orlov N. P., Ushakova E. V.** Diversity of modern social systems and strategies of globalizing education. *Philosophy of education*, 2012, no. 6 (45), pp. 64–77.
18. **Yakovleva I. V.** Security of the Russian educational space: axiological content of the concept. *Professional education in the modern world*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 2443–2450.
19. **Sevostyanov D. A.** Inversive analysis in modern education. *Vocational education in the modern world*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 2433–2442.
20. **Gurina R. V.** Management experiments with the content of education and pedagogical science: cart ahead of the horse. *Professional education in the modern world*, 2018, vol. 8, no. 1, pp. 1610–1617.

Информация об авторах

Яценко Михаил Петрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры глобалистики и геополитики, Сибирский федеральный университет (Российская Федерация, Красноярск, 660 041, пр. Свободный, 82а, e-mail: mikhailyatzenko@yandex.ru)

Максимов Сергей Владимирович – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры глобалистики и геополитики, Сибирский федеральный университет (Российская Федерация, Красноярск, 660 041, пр. Свободный, 82а, e-mail: marxserge@mail.ru)

Статья поступила в редакцию 24.12.19. После доработки 28.01.20. Принята к публикации 27.02.20.

Information about the authors

Mikhail P. Iatsenko – doctor of Philosophy, professor, professor at the Department of Global Studies and Geopolitics at Siberian Federal University (82a Svobodny Av., 660 041 Krasnoyarsk, Russian Federation, e-mail: mikhailyatzenko@yandex.ru)

Sergey V. Maksimov – doctor of Philosophy, candidate Historical Sciences, professor at the Department of Global Studies and Geopolitics at Siberian Federal University (82a Svobodny Av., 660 041 Krasnoyarsk, Russian Federation, e-mail: marxserge@mail.ru)

The paper was submitted 24.12.19. Received after reworking 28.01.20. Accepted for publication 27.02.20.

УДК 165.41

ОТРАЖЕНИЕ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

С. В. Максимов

Сибирский федеральный университет

Красноярск, Российская Федерация, e-mail: marxserge@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются основные направления развития образовательной системы в условиях господства новейших информационных технологий. Основные тенденции новой гносеологической стратегии автор исследует на примере освещения военной тематики в учебных пособиях. Цифровые технологии позволяют более оперативно влиять на мировоззрение подрастающего поколения. В конечном счете, при помощи современных информационных технологий формируется виртуальное пространство, где теряется объективная реальность. На это нацелены также электронные игры, которые довольно часто в неприглядном виде показывают российскую армию и ее героических представителей. В статье показано, что героические страницы военного прошлого и настоящего находится под сильнейшим давлением современных информационных технологий. Нивелируются традиционные ценности, когда защитник Отечества всегда занимал особо почетное место в учебной литературе. Ставятся под сомнение подвиги наших соотечественников в годы мировых войн, а также заслуги полководцев в освобождении не только нашей страны, но и многих народов мира. Принижается роль конструкторов в создании лучших образцов оружия. В процессе информационной войны, где противники России часто имеют технологические преимущества, зарубежные СМИ пытаются поставить на одну плоскость нацистских преступников и отечественных военачальников. Автор показывает, что процессы цифровизации создают основу для формирования единого образовательного пространства, которое не призвано формировать объективную картину исторического прошлого и настоящего. Раскрываются основные направления развития образовательной сферы, обусловленные появлением новых форм коммуникации в среде обучающихся. Автор доказывает, что расширение образовательной среды посредством появления новых методик обусловлено возможностью цифровизации значительной части обучающего материала. В статье показаны проблемные последствия цифровизации образования, когда достоверность приносится в жертву оперативности. Автор рассматривает конкретные примеры противодействия современным цифровым технологиям, которые призваны сохранить историческую память и связи между поколениями.

Ключевые слова: новейшие информационные технологии, образовательная среда, цифровизация, образовательное пространство, информационное общество.

Для цитаты: Максимов С. В. Отражение военной тематики в образовательном цифровом пространстве // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 1. С. 3490–3498. DOI: 10.15372/PEMW20200112

DOI: 10.15372/PEMW20200112

REFLECTION OF MILITARY SUBJECTS IN THE EDUCATIONAL DIGITAL SPACE

Maximov, S. V.

Siberian Federal University

Krasnoyarsk, Russian Federation, email: marxserge@mail.ru

Abstract. The article reveals the main areas of development of the education system under the domination of the latest information technologies. The author explores the main trends of the new gnoseological strategy through the example of the coverage of military subjects in textbooks. Digital technologies allow us to influence the worldview of the younger generation more quickly. Ultimately, modern information technologies cre-

ate virtual space where the objective reality is lost. This is also the aim of electronic games, which quite often show the Russian army and its heroic representatives unsightly. The article shows that the heroic pages of the military past and present are under the strongest pressure of modern information technologies. Traditional values are leveled when the defender of the Fatherland has always occupied a particularly honorable place in the educational literature. Our compatriots» heroic feats during the world wars, as well as the military commanders» contribution to the liberation of our country, as well as many nations of the world, are being questioned. The role of designers in the creation of the best weapons is belittled. In the process of information warfare, where Russia's opponents often have technological advantages, foreign media are trying to equate nazi criminals with domestic military commanders. The author shows that the processes of digitalization create the basis for the formation of a single educational space, which is not tasked to form an objective picture of the historical past and present. The main areas of educational development, caused by the emergence of new forms of communication among students, are revealed. The author proves that the expansion of the educational environment through the emergence of new techniques is due to the possibility of digitalizing a large part of the teaching material. The article shows the problematic consequences of digitization of education, when authenticity is sacrificed to speed. The author examines specific examples of opposition to modern digital technologies, which are designed to preserve historical memory and intergenerational connections.

Keywords: *the latest information technologies, educational environment, digitalization, educational space, information society.*

For quote: Maximov S. V. [Reflection of military subjects in the educational digital space abstract]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 3490–3498. DOI: 10.15372/PEMW20200112

Введение. Актуальность отражения военной тематики в современном образовательном пространстве детерминировано многими принципиальными факторами, которые во многом обусловлены господством новейших информационных технологий в жизни современного человека. Это справедливо вдвойне по отношению к той категории населения, которые в данный исторический период выступают в качестве субъекта образовательного процесса. Такая ситуация обусловлена следующими ведущими факторами.

Во-первых, конец биполярной системы привел к ликвидации соответствующих смысловых конструкций, которые не только отражали биполярную мировую систему, что привело не только к неадекватному отражению мировой истории, но также к нарушению диалектических принципов, в частности, закона борьбы и единства противоположностей.

Во-вторых, современные искусственные геополитические проекты постоянно приводят к пересмотру таких понятий, «как сфера государственных интересов», что отрицательно сказывается на учащих как будущих защитников Отечества.

В-третьих, для современной эпохи характерно размывание представлений между понятиями «война» и «мир», причем для этого используются такие конструкции, как «гибридная война», «мягкая сила» и т. п., что дезориентирует молодых людей в выборе будущей профессии.

В-четвертых, смена социокультурной парадигмы привела к трансформации многих понятий, которые призваны были трактовать различные проявления образовательного процесса. В частности, традиционно большую роль в этом плане играли такие понятия, как «образовательная среда» и «образовательное пространство», поскольку именно при помощи их определялись ведущие направления в процессе обучения и воспитания молодого человека. Однако активное внедрение информационных технологий в жизнь молодого поколения привело к размыванию границ подобных понятий, поскольку оперативная информация на цифровых носителях в виде, например, военно-исторических игр, часто позиционируется как новое знание, не предполагающее преподавателя.

На современном этапе все социальные институты претерпевают заметные трансформации, которые естественным образом затрагивают образовательную систему. Это связано с усиленным внедрением процессов новейших информационных технологий во все сферы социального пространства, что традиционно представляется как яркий пример и критерий научно-технического прогресса. Тем не менее эти процессы не являются столь однозначными, поэтому широкое внедрение цифровизации в общественные процессы требует специальных антропосоциальных экспертиз [1, с. 2460]. Особенно это относится к военно-исторической тематике, которая играет принципиальную роль в воспитании патриотов своей страны.

Постановка задачи. Проблемы современного этапа развития цивилизации во многом обусловлены глобальной информатизацией, являясь принципиально новыми, поскольку они возникли буквально в последние два десятилетия и не имеют аналогов в историческом прошлом. Эти проблемы еще не на-

шли отражения в массовом сознании, которое существенным образом отстаёт от темпов развития современной информационной цивилизации. Однако последствия будут ощущаться всегда, в том числе и в образовании. Кроме того, в последние годы информация становится стратегическим ресурсом и ключевым фактором развития цивилизации. В условиях формирования информационного общества эффективность использования информации в значительной степени определяет развитие экономики, науки, образования и культуры, конкурентоспособность той или иной страны в мировом сообществе, качество жизни её населения и национальную безопасность [2]. Не менее важно оценить влияние военно-исторической информации на подростков, которые в максимальной степени страдают от нарушения традиционных коммуникационных связей. Изучение героического прошлого своего государства, по нашему мнению, призвано заложить базис исторической памяти, без чего молодые люди будут не в состоянии стать полноценными защитниками своей страны.

Методология и методика исследования. Для адекватного отражения военной тематики в современном образовательном учреждении, где цифровые технологии являются господствующими, востребованы новые методики. Достижения в области информационных технологий предоставляют новые инструменты не только для преподавателей, но также для учащихся и студентов. За последние годы осуществлено массовое оснащение образовательных учреждений техникой. Правда, в современных вузах используются компьютеры разных поколений и соответственно обладающих разными возможностями, что объективно снижает темпы эффективной информатизации образовательных учреждений. Тем более что современная армия аккумулирует в себе все самое совершенное в области цифровых технологий, что особенно привлекает юношей и может стать ведущим мотивом в выборе военной профессии в будущем.

Бурный рост числа электронных ресурсов, которые предлагаются для использования в образовательном процессе, приводит к тому, что современное образование приобретает непрерывный характер и в некоторых молодых людей создается иллюзия ненужности преподавателя. На примере возрождения нашей армии можно убедиться в необходимости контроля за процессами цифровизации во всех сферах социальной жизни, включая образование, потому что эффективное владение современными цифровыми технологиями становится залогом безопасности не только конкретных индивидов, но и всего социума. Однако приходится констатировать, что пока не сформировано в рамках научного сообщества и практикующих учителей единое представление о функциях и составе современной информационной образовательной среды школы, как она будет развиваться хотя бы в краткосрочной перспективе [3]. Подобная ситуация в полной мере проявляется и в вузовской системе, что во многом обусловлено отсутствием единой концепции развития государства и общества. Тем не менее образовательную и военную сферы роднят молодые люди как будущие защитники, которые формируют условия для сохранения субъектности государства.

Использование военной тематики в цифровом формате предполагает системный подход, поскольку армия, как и образование, по определению может существовать лишь как высокоорганизованный организм. Но наполняемость понятия «система» может серьезно различаться в различных науках. В частности, в педагогике термин «система» используется для обозначения качественного состояния педагогических явлений. Отличие педагогических систем от других состоит в том, что их целью является развитие обучающихся и педагогов; они действуют как системы, которые изменяются под влиянием внешних воздействий, нивелируя их. Очевидно, что данный момент должен быть учтен при изучении военных периодов в истории России.

Результаты. Первое направление, которое ярко просматривается в процессе использования военной тематики в учебном процессе – это проблема личности в истории, потому что лучшие черты личности проявляются в кризисные периоды человеческого бытия, к которым, естественно, относится война. Именно вторжение цифровых технологий в образовательный процесс значительно актуализировали процессы героизации и дегероизации, поскольку: а) использование цифровых визуальных средств обучения позволяет наглядно представить личностей, имена которые стали нарицательными в военном прошлом России; б) современные информационные технологии позволяют максимально точно реконструировать в цифровом пространстве артефакты, которые формируют мировоззренческий базис молодых людей; в) военно-исторические реконструкции важнейших битв позволяют каждому активному молодому человеку «примерить» на себя облачение полководца. Кроме того, в информационном обществе, где процессы демократизации благодаря цифровизации видоизменяются, проблема лидерства приобретает полемический характер и может быть решена только на примерах личностей-полководцев, авторитет которых не может вызывать возражений.

В учебниках традиционно уделяется много внимания историческим личностям, которые проявляют себя в политике или военном деле. Известно, что в отечественных гуманитарных науках проблеме лидерства традиционно уделяется много внимания, однако критериями оценки их деятельности, как правило, являлся политический аспект. При этом именно в экстремальных, военных условиях максимально

проявляются настоящие качества человека. Более того, основное внимание акцентируется на проблеме роли личности в истории, когда исследуются потенциалы лидеров, а также границы их влияния на конкретную социальную систему, что часто определяет роль личности в течение конкретного исторического процесса. Хотя политическое лидерство всегда выступало важнейшим элементом жизни любого социума, но социально-психологические механизмы, приводящие к выдвижению тех или иных личностей на уровень социальных лидеров, были обусловлены войной. История свидетельствует о том, что в острых политических ситуациях даже самые цивилизованные и демократические народы всегда выдвигали в качестве лидера довольно авторитарную личность, поскольку в кризисных ситуациях ему предстоит также выполнять функции военачальника. Поскольку Россия относится к лидерскому типу обществ, то военная тематика вообще и военный героизм, в частности, вызывают особый интерес, что нашло свое отражение в образовательной сфере. Подрастающее поколение должно вовремя вырабатывать адекватные представления о роли личности в истории, ведь для юношей чрезвычайно важно иметь кумиров, выступающих в качестве образца для подражания, поэтому большую опасность несут в себе уничижительные статьи, где предпринимаются попытки дегероизации А. Матросова, Г. Жукова и др. Политическое и военное лидерство всегда выступало важнейшим элементом жизни общества, поэтому попытки убрать их из учебников грозит потерей адекватного поколения. Однако не менее важную роль для подрастающего поколения играют социально-психологические механизмы, благодаря которым осуществляется процесс выдвижению из социальной массы будущих военных вождей и глав государств.

Активное развитие цифровых технологий привело к тому, что многие героические страницы нашей истории вошли в визуальный учебный ряд. По мнению Б. В. Федотова, часто «подобному общественному уклад не хватает обычаев и традиций, которые могли бы выступать в качестве важных политических регуляторов. В таких случаях недостатки политического порядка компенсируются политическим лидерством» [4, с. 2080]. В связи с этим объективно возрастает интерес к проблемам развития науки об информации, по мнению К. К. Колина [5], к уточнению ее места в системе наук: выяснение ее фундаментальных основ; определение историко-философского базиса; освещение научно-методологических основ информатики; постижение ее социально-культурологического смысла.

Отражение военной тематики в учебном процессе всегда расширяло образовательное пространство, поскольку это тесным образом связано не только с представлениями о героизме, но также с проблемой связи поколений. Внедрение цифровых технологий должны ускорять эти процессы и сделать их более эффективными, потому что появляется возможность посредством визуализации сделать наглядными самые спорные или героические страницы отечественной истории. Кроме того, военная тематика тесным образом связана с проблемой соотношения норм права и норм морали, что особенно ярко проявляется в кризисные моменты существования государства, потому что реальную наполняемость приобретают такие понятия, как «патриотизм», «героизм» и т. п. В авангарде российского общества всегда находились те личности, кто своим доблестным служением обществу доказывают правомерность своего общественного статуса. Данные качества характеризуют лучших людей в качестве совершенных личностей, которые вносят стройность своего опыта в процессы нестроения общественной жизни. Крайним примером нестроений, производящих отрицательные вклады в социальную энтропию, являются войны, поэтому именно в военное время максимально проявляются качества лучших людей.

Кризисные этапы, затронувшие современные социальные институты, во многом обусловлены нарушением отношения к традициям, сложившимся в данном обществе. Пренебрежение славными страницами героического прошлого провоцирует у подрастающего поколения скептическое отношение к армии и к государству, порождая хаотизацию в стране. Понятно, что в обществе существует прямая связь между всеми социальными институтами, поэтому утрата управления грозит потерей суверенитета. Именно военная сфера ярко показывает, что успех реформ зависит не столько от введения новых правил существования социума, сколько от их гармонизации в жизни человека. Образовательную и военную сферы общества роднит ответственность за выживание всего общества и сохранение его суверенитета. Вот почему положительный результат в реформировании управления российским образованием зависит от опоры на гармоничное взаимодействие общественной морали и права, от ориентации на историческую закономерность [6, с. 2046]. В данном контексте можно согласиться с позицией А. И. Ракитова: ««С возникновением таких мощных элементов современной информационной технологии, как системы искусственного интеллекта и гиперинтеллекта на базе современных средств медиатизации содержание массовой культуры и культуры элитарной, их пропорции и взаимоотношения качественно меняются. Исторический процесс в целом приобретает новую качественную определенность» [7].

На пути к ноосферному единению человечества, именно гуманитарное знание в силу его диалогической природы способно во многих ситуациях выполнить посредническую миссию в диалоге идей, концепций, культур, парадигм, так как на основе гуманитарного познания осуществляется важнейшая

историческая миссия подготовки человечества к осознанной кооперации в противовес конкуренции [8]. Это означает, что современное общество находится на этапе, отличительной особенностью которого является процесс его информатизации. Идет становление новой технологической парадигмы, когда прежние «новые» информационные технологии сменяются смарт-технологиями, которые во многом определяют функциональную направленность информационных процессов в современном образовании. Часто подобный общественный уклад страдает от нехватки обычаев и традиций, которые должны были бы выступать в качестве важных политических регуляторов.

Еще один важный аспект влияния военной тематики на образовательный процесс обусловлен аксиологией. И. Б. Прусаков справедливо подчеркивает, что все знаниевые объекты должны быть взаимосвязаны системой метаданных [9], сегодня в рамках рассмотрения стратегий развития России наблюдается подмена ценности цели и средства. Это особенно справедливо, если оценивать перспективы развития военной области, ведь многочисленные попытки снизить расходы на армию исходят от той категории граждан, которые рассматривают мир как прообраз Запада. Учащиеся российской школы уже на раннем этапе формирования мировоззренческих установок должны осознавать роль армии для будущего России. Важно выработать понимание того факта, что развитие наших социальных институтов должны соотноситься с большой протяженностью страны, а также большой долей территорий с малой концентрацией населения, «где создание предпринимательских университетов является не только экономически неэффективным, но и губительным для сохранения человеческого потенциала региона» [10, с. 2015]. Отражение военной тематики в учебной литературе тесным образом связано с аксиологической шкалой, сложившейся в данном обществе в конкретный исторический период. Базисом индивидуалистических обществ западного типа является принцип антропоцентризма. Он выступает в качестве методологической основы для управления индивидуалистическим обществом, где отдельный человек занимает центральное место. Вполне понятно, что позиционирование человека в качестве меры всех вещей, обладающего определенными степенями свободы, предоставляет возможность оправдать, например, отступление как заботу о жизни и здоровье солдат. Культ свободы создает условия для реализации определенных ценностей, потому что ценности в условиях индивидуалистической социальности выступают как частное дело отдельных индивидов и групп.

Отражение военной тематики в образовательном цифровом пространстве во многом обусловлено особенностями формирования воспитательно-образовательной среды в военном вузе. Она зависит от целого комплекса педагогических условий: а) эмоционально-ценностное отношение к профессионально-педагогической деятельности; б) представление о принципах проектирования образовательного процесса; в) умение осуществлять проектирование образовательного процесса; г) стимулирование деятельности курсантов при решении военно-профессиональных задач посредством проектной деятельности [11, с. 2049]. За последние десятилетия активно формирующееся информационное общество получило такие атрибуты, как экономика знаний, электронная армия, электронная культура, электронное здравоохранение, электронное правительство, электронная наука. Электронное обучение встроено в структуру современной системы образования как составная часть информационного общества, и оно является его центральным, системообразующим элементом. Однако когда говорят об электронном обучении, акцент делается, в основном, на технологии. Сегодня технологическое развитие ведущих университетов мира достигло такого уровня, когда дальнейшее развитие информационной базы уже не приносит нового качества. Это значит, что проблемы в системе «образование-информация» не только существуют, но и наблюдается тенденция к их обострению, что оказывает влияние на формирование патриотических чувств в среде учащихся. Трагический случай в Петербурге, где ученый слишком увлекся военно-историческими играми, показал, насколько важно знать чувство меры, понимая, что законы игры нельзя переносить в реальную жизнь. В этом же ряду выступает проблема «образование-воспитание», которая приобретает новое звучание в контексте возрождения российской армии. Философия воспитания выявляет связи между развитием общества и системой воспитания, между передачей культурного наследия из поколения в поколение и подготовкой личности к полноценной жизни в современном обществе. Обосновываются задачи воспитания, которые входят формирование человека соответственно сущности, нуждам и перспективам общественной эволюции. Эти задачи должны соотноситься со стратегическими целями и задачами государственной политики, служить духовным средством ее реализации и, вместе с тем быть ее интеллектуально-нравственной основой учащегося как будущего защитника России.

Русская историческая традиция и менталитет направлены на единение всего «русского мира», всех личностей служению Отечеству, чем они принципиально отличаются западному тоталитаризму. Как справедливо подчеркивает Д. Е. Григоренко, подобная традиция, характерна для нашего общества, имеет позитивный характер, потому что русские люди всегда находили свое земное предназначение в служении ближним и Родине, в искоренении социального зла, т.е. в служении идеалу совершенства,

характерному и для отечественной философской традиции [12, с. 147–148]. В русской идеологии государственного мышления с древних времен сформировалась точка зрения, согласно которой ведущими критериями, определяющими совершенную личность, являются не степени своей свободы, а способностью вносить отрицательный вклад в социальную энтропию. Изучение военного опыта позволяет предотвращать рост социальной энтропии, а также укреплять стройность общественных отношений. Именно поэтому совершенная личность проявляет себя в качестве личности, которая раскрывает и актуализирует стандарты жизни, определяемые уровнем совершенства общественных отношений. С этой точки зрения, под государственным мышлением понимается мышление, вносящее отрицательный вклад в социальную энтропию в целях совершенствования общественных отношений.

В западной традиции государство предстает как орган политического насилия и орган подавления, что в полной мере проявляется в военные периоды. Наличие армии свидетельствует о существовании серьезных международных противоречий, которые не удастся разрешить мирным путем. В подобных кризисных условиях появляется понятие «политическая добродетель», которое выступает в качестве понятия, которое раскрывает просторы совершенной добродетели не только в политической, но и в других сферах общественной жизни: в экономической, социальной, духовной и т. д. Для понимания сущности военной тематики в учебном процессе важно учитывать весь спектр осуществления совершенной добродетели, образующей такую целостность, которая является основой государственного мышления и определяет содержание идеологии государственного мышления.

Понимание особой роли военной тематики в учебном процессе во многом обусловлено спецификой отечественной конфигурации «общество-государство». Оно состоит в том, что государство в российской истории традиционно позиционировало себя в качестве полноправного субъекта не только политических, но и практически всех процессов в стране. Можно сказать, что базисом подобной идея выступает концепция определенного тождества общества и государства, поскольку общество должно было строго подчиняться государству в реализации целей, поставленных государством. Подобная конфигурация власти сложилась не случайно, потому что она была вызвана проблемами безопасности страны. Вот почему указанное тождество государства и общества носило довольно своеобразный характер, ведь государственные структуры всегда отличались от общественных, поскольку именно государство являлось единственной инстанцией, имеющей право формулировать и защищать общественный интерес. Кроме того, общество обязано было отождествлять себя с государством в вопросах, связанных с безопасностью страны и сохранением социокультурной, национальной и религиозной идентичности. Эта изначальная двойственность политической системы свидетельствовало о том, что государство изначально понималось в двух смыслах. Государство в широком смысле представляет собой структуру, включающую в себя все общественные институты, а также политическую элиту. Государство в узком смысле слова, позиционируется как то, что принципиальным образом отличается от общества, поскольку не совпадает с общественными интересами. Государство в этом случае выступает своеобразным инструментом управления обществом, а также принуждения общества к реализации поставленных этих государством целей. Двойственность эта органично вытекает из особой природы конфигурации государство-общество, характерной для российской политической системы. Эта, сохраняющаяся при всех политических режимах двойственность создает условия для легитимизации подобной архаичной патерналистской системы со стороны общества [13, с. 18].

Изучение военной тематики в школьном курсе создает условия для понимания сущности военного прогресса как важной составляющей социального прогресса. В отечественной исторической традиции, в отличие от западноевропейской, эта тенденция не проявляется как жестко выраженный культ техники. Изучение военных действий в истории как закономерного продолжения политики другими средствами включает, согласно традициям, отечественного образования, в первую очередь, духовную составляющую. Более того, критерием прогрессивного развития являются не сами по себе технологии, а тектология (А. А. Богданов), которая включает соответствующий уровень управленческий и созидательной культуры, базирующейся на отечественном, в том числе и военном, опыте.

Новый подход к освещению военной тематики на образовательном уровне обусловлен тем фактом, что освещение реальных сущностей, которые несут в себе война и мир, способствует адекватному пониманию демократии. В частности, позиционирование демократии в качестве устойчивого состояния общества находит все меньше сторонников. Дело в том, что отечественная история состоит из постоянной борьбы с захватчиками, поэтому России приходится искать свой путь, чтобы занять достойное место в мире. Речь при этом идет о принципиально ином осмыслении места России в мире и опыта передовых стран, который не должен быть для нас императивом в силу принципиальной многовариантности возможного будущего [14, с. 19–20].

Современная Россия получила уникальный шанс, чтобы выбрать для себя другой тип развития, что в исторической перспективе означает довольно много [15, с. 239].

Достижения высокого уровня электронного обучения возможно при условии гармоничного перехода от книжного к электронному контенту, что гарантирует передачу знаний с наибольшей эффективностью. Потребность в новой информационной модели образования детерминирована революционными трансформациями, которые проявляются в переосмыслении самой сущности образования. Новая социокультурная парадигма, ориентированная на выработку современной триады «знания-понимания-умения», выдвигает глобальные задачи перед педагогами. Дело в том, что старая триада «знания-умения-навыки» сегодня уже не отвечает потребностям информационного общества. Это свидетельствует об образовательной революции, которая тесно связана с футурологией, в частности, в контексте устойчивого развития [16].

Исследование сущности военного прогресса еще раз убеждает в справедливости важного тезиса: нельзя пренебрегать фактором преемственности, закономерной повторяемости определенных форм хозяйственной и культурной жизни. Качественная новизна новой исторической ступени не может трактоваться так, будто и человек, и социальные формы его существования становятся абсолютно иными, будто это ступень ничего общего не имеет с прошлыми эпохами. Жизнь российского общества в ее историческом контексте свидетельствует о том, что стратегия внесения стройности в рамках управления «по правде» подтверждается актуальной практикой, которая проявляется в концепции защиты России от внешнего врага. Именно этот факт дает нам основание говорить о том, что военная тактика и стратегия и выступают в качестве неотъемлемой части объективной диалектики жизни российского общества. В данном случае теория и практика защиты общества могут быть существенным для жизни России только в их субъективном диалектическом применении, т.е. в качестве образов действительности жизни российского общества, которые отражают традиции управления обществом «по правде», т.е. традиции, основанные на отрицательных вкладах в социальную энтропию [17, с. 32].

Индивидуальному потребителю информации, чаще всего выступающему в роли учащегося, на практике является беззащитным перед искаженной картиной исторического прошлого, которое образовалось в результате манипулирования информационными технологиями. Подобное господство общественного мнения в образовательном пространстве препятствует выработке адекватных мировоззренческих установок у учащегося как патриота своего отечества и будущего его защитника [18].

Анализируя образовательные тенденции с позиций усиления военно-исторической тематики в учебном процессе, важно учитывать тот факт, что «процесс культурной идентификации свидетельствует о сложной организации субъекта культуры, формирующегося в пересечении многих значений – как идущих из прошлого, так и устремленных в будущее – и в согласованности ментальных, мировоззренческих, поведенческих форм, эпохальных, национальных, классовых, профессиональных, индивидуальных ориентаций» [19, с. 105]. Понятно, что роль информационных технологий в подобных процессах трудно переоценить, поскольку феномен «группового мышления определяется как стиль мышления людей, включенных в единую группу, где стремление к единомыслию важнее, чем реалистическая оценка возможных вариантов действий» [20, с. 587]. Другими словами, сохранение социокультурной идентичности предполагает определенный уровень безопасности, что возможно только, если в стране возобладают не только высокообразованное, но и патриотически настроенное поколение граждан.

Выводы. Мы исходим из того факта, что разногласия носят временный характер, а сотрудничество как общепланетарное дело коэволюции общества и природы – постоянно. В этой линии, целое в итоге интегрируется из множества культур как единство многообразного. Это поликультурный мир ноосферной духовно-экологической цивилизации настоящего и будущего (В. И. Вернадский, Н. Н. Моисеев и др.) [21, с. 38]. Отражение военной тематики в отечественном учебном познании посредством современных информационных технологий принципиально отличается от западного представления о военном прогрессе, поскольку являлся отражением отечественной модели мира, основанной на диалектическом стремлении к совершенству государственного устройства.

Информационная модель образования является наиболее перспективной, поскольку она включает в себя использование новейших технологий, которые создают условия не только для обучения, но и развития науки, т.е. выступает реальным противодействием виртуальным тенденциям, характеризующим всю социальную систему, включая военную сферу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ельчанинов В. А., Панарин В. И., Паршиков В. А. Антропосоциальное исследование как научная и образовательная проблема в условиях информатизации и цифровизации // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9. № 1. С. 2451–2463.
2. Колин К. К. Информационная глобализация общества и гуманитарная революция // Глобализация: синергетический подход. М.: Изд-во РАГС, 2002. С. 323–334.

3. Павлова Е. В. Опыт создания и использования информационно-образовательной среды в Гимназии // Новые образовательные стратегии в современном информационном пространстве: сборник научных статей. СПб.: Изд-во Лема, 2014. С. 241–247.
4. Федотов Б. В. Восприятие студентами событий отечественной истории как проблема преподавания гуманитарных дисциплин // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8. №3. С. 2079–2089.
5. Колин К. К. Философские проблемы информатики. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010. 264 с.
6. Кондратьев В. М. Истоки проблем управления российским образованием // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8. №3. С. 2043–2047.
7. Ракитов А. И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. 1994. №4. С. 14–34.
8. Субетто А. И. Опережающее развитие человека, качества общественных педагогических систем и качества общественного интеллекта –социалистический императив. М.: Исслед. Центр управления качеством подготовки специалистов, 1990. 84 с.
9. Прусаков И. Б. Приживётся ли электронный имплант в теле российского образования? [Электронный ресурс]. http://www.ifmo.ru/conferens/329/conf_329.htm#ixzz36r9AUXHf (дата обращения: 12.10.2019)
10. Абрамова М. А., Троцкая А. И. Интеграция образования, науки и бизнеса как детерминанты развития общества // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8. №3. С. 2011–2017.
11. Бережнова Л. Н., Сидорина Т. В., Зотов А. А., Тарасов Д. Ю. Педагогические условия эффективного применения проектной деятельности в воспитательно-образовательной среде военного вуза // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8. №3. С. 2047–2053.
12. Григоренко Д. Е. Адекватность концепции управления обществом его культуры и цивилизации. Красноярск, 2007. 158 с.
13. Глинчикова А. Г. Социальное значение русского раскола // Вопросы философии. 2008. №6. С. 14–19.
14. Шупер В. А. Россия в глобализованном мире: альтернативы развития // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 3–21.
15. Кантор В. К. Между произволом и свободой. К вопросу о русской ментальности. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 272 с.
16. Урсул А. Д., Урсул Т. А. Мегатренды эволюции образования третьего тысячелетия // Образ человека будущего: Кого и Как воспитывать в подрастающих поколениях: коллективная монография / под редакцией О. А. Базалука. Киев, 2013. С. 39–95.
17. Григоренко Д. Е. Русский социализм как концепция управления обществом: монография. Красноярск: Типография ИП Суховольской Ю. П., 2010. 198 с.
18. Черных С. И. Изменение образовательного пространства в информационную эпоху: социально-философский анализ: автореферат дис.... доктора философских наук: 09.00.11. Новосибирск, 2012. 28 с.
19. Яценко М. П. Глобализация как форма организации исторического процесса // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 111. С. 104–109.
20. Кудашов В. И., Черных С. И., Яценко М. П., Рахинский Д. В. Влияние информационных технологий на формирование нравственных основ глобализационного образования // Профессиональное образование в современном мире. 2016. Т. 6. №4. С. 583–592.
21. Дик В. П., Ушакова Е. В., Майер Б. О., Наливайко Н. В., Паршиков В. И. Социологическое знание, разнообразие концептуальных моделей общества и современного образования // Профессиональное образование в современном мире. 2013. №3 (10). С. 33–39.

REFERENCES

1. Yelchaninov V.A., Panarin V.I., Parshikov V.A. Anthroposocial research as a scientific and educational problem in the context of information and digitalization. *Professional education in the modern world*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 2451–2463.
2. Colin C.K. Information Globalization of Society and the Humanitarian Revolution. *Globalization: A Synergistic Approach*. Moscow, The RAGS Publ., 2002, pp. 323–334.
3. Pavlova E.V. Experience of creating and using the information and educational environment in the Gymnasium. *New educational strategies in the modern information space: A collection of scientific articles*, St. Petersburg, Ed-Vo Lema Publ., 2014, pp. 241–247.
4. Fedotov B.V. Students» perception of the events of national history as a problem of teaching humanities. *Professional education in the modern world*, 2018, vol. 8, no. 3, pp. 2079–2089.

5. **Colin C. K.** *Philosophical Computer Science Problems*. Moscow, BINOM Publ., Knowledge Lab Publ., 2010, 264 p.
6. **Kondratiev V.M.** Origins of problems of management of Russian education. *Vocational education in the modern world*, 2018, vol. 8, no. 3, pp. 2043–2047.
7. **Rakitov A.I.** A New approach to the relationship of history, information and culture: the example of Russia. *Issues of philosophy*, 1994, no. 4, pp. 14–34.
8. **Subetto A.I.** The rapid development of man, the quality of social pedagogical systems and the quality of public intelligence – a socialist imperative. Moscow, Investigation. Center for The Management of Professional Excellence Publ., 1990, 84 p.
9. **Prusakov I.B.** Will an electronic implant take root in the body of a Russian entity? Available at: http://www.ifmo.ru/conferens/329/conf_329.htm#ixzz36r9AUXHf (accessed: 12.10.2019)
10. **Abramova M.A., Trotsky A.I.** Integration of education, science and business as determinants of society development. *Professional education in the modern world*, 2018, vol. 8, no. 3, pp. 2011–2017.
11. **Berezhnova L.N., Sidorina T.V., Sotov A.A., Tarasov D.Y.** Educational conditions of effective application of project activities in the educational and educational environment of the military university. *Professional education in the modern world*, 2018, vol. 8, no. 3, pp. 2047–2053.
12. **Grigorenko D.E.** Adequacy of the concept of the management of the society of its culture and civilization. Krasnoyarsk, 2007. 158 p.
13. **Glinchikova A.G.** Social significance of Russian schism. *Philosophy issues*, 2008, no. 6, pp. 14–19.
14. **Shuper V.A.** Russia in a globalized world: alternatives to development. *Issues of philosophy*, 2008, no. 12, pp. 3–21.
15. **Cantor V.K.** *Between arbitrariness and freedom. To the question of the Russian mentality*. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 2007, 272 p.
16. **Ursul A.D., Ursul T.A.** Megatrends of the evolution of the formation of the third millennium. *The image of the man of the future: Who and How to educate in the younger generations*. Edited by O.A. Bazaluka. Kiev, 2013, pp. 39–95.
17. **Grigorenko D.E.** *Russian socialism as a concept of the management of society: monograph*. Krasnoyarsk, Printing By Sukhovolskaya Y.P., 2010, 198 p.
18. **Chernykh S.I.** Changing the educational space in the information age: socio-philosophical analysis. Novosibirsk, 2012. 28 p.
19. **Yatsenko M.P.** Globalization as a form of organizing the historical process. *Izvestia of the Russian State Teachers» University. A.I. Herzen*, 2009, no. 111, scientific journal, pp. 104–109.
20. **Kudashov V.I., Chernykh S.I., Yatsenko M.P., Rakhinsky D.V.** Influence of information technology on the formation of moral globalization of basic education. *Professional education in the modern world*, 2016, vol. 6, no. 4, pp. 583–592.
21. **Dick V.P., Ushakov E.V., Mayer B.O., Nalivaiko N.V., Parshikov V.I.** Sociological knowledge, a variety of conceptual models of society and modern education. *Professional education in the modern world*, 2013, no. 3 (10), pp. 33–39.

Информация об авторе

Максимов Сергей Владимирович – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры глобалистики и геополитики, Сибирский федеральный университет (Российская Федерация, Красноярск, 660 041, пр. Свободный, 82а, e-mail: marxserge@mail.ru)

Статья поступила в редакцию 24.12.19. После доработки 27.01.20. Принята к публикации 2.03.20.

Information about the author

Sergey V. Maksimov – doctor of Philosophy, candidate Historical Sciences, professor at the Department of Global Studies and Geopolitics at Siberian Federal University (82a, Svobodny Ave., 660 041 Krasnoyarsk, Russian Federation, e-mail: marxserge@mail.ru)

The paper was submitted 24.12.19. Received after reworking 27.01.20. Accepted for publication 2.03.20.

УДК 378+004.9

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ОПЫТА ЦИФРОВИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Н. Р. Круглова

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Российская Федерация, e-mail: nrkruglova@yandex.ru

И. В. Сартаков

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Российская Федерация, e-mail: nsk@bk.ru

Аннотация. Рассмотрены исторические аспекты опыта развития и становления цифрового образования в США и Западной Европе. Определено, что внедрение новейших информационных технологий в образование, позволило продвинуть решение вопросов качества, доступности и эффективности, обнажив такие проблемы как возникновение компьютерной зависимости, фрагментарность и бессистемность знаний, избыточность информации, недостаточная мотивация и другие. Выделены тенденции развития цифровизации в Российской Федерации. Дано обобщенное определение информационно-коммуникационной образовательной среды как целенаправленно организованная система технических и информационных ресурсов, электронных дидактических материалов, средств телекоммуникационной связи, обеспечивающих эффективное усвоение профессиональных образовательных программ. Образовательная информационная система должна быть гармонизована с учебным расписанием и рабочими программами дисциплин и интегрирована с электронными библиотечными ресурсами. С точки зрения модернизации и решения проблем качества высшего образования определены и кратко охарактеризованы тенденции и возможности цифрового образования в России. Рассмотрены основные направления развития электронно-коммуникационной системы при обучении техническим и общетехническим дисциплинам как средства управления научно-исследовательской деятельностью студентов. Представлена обобщённая классификация моделей реализации электронного обучения по рассматриваемым дисциплинам. Отмечено, что выбор оптимальных моделей обуславливается решаемыми учебными целями задачами. Выделено, что современное теоретическое обучение, в рамках тенденций модернизации, предполагает активное использование современных компьютерных технологий, интерактивных мультимедийных средств (вебинары, презентации, видео-лекции) и обмен информацией по каналам телекоммуникационной связи (онлайн-консультации). Подчёркнуто, что лабораторный практикум желательно осуществлять в реальной среде, а не виртуальной (на современном оборудовании). Сформулирован вывод о том, цифровизация образования в России будет способствовать повышению эффективности, доступности и качества высшего образования при высоком качестве компонентов и субъектов информационно-коммуникативной системы.

Ключевые слова: тенденции цифровизации, информационно-коммуникационная система, технические дисциплины в педагогическом образовании.

Для цитаты: Круглова Н. Р., Сартаков И. В. Некоторые аспекты анализа опыта цифровизации высшего образования // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 1. С. 3499–3507. DOI: 10.15372/PEMW20200113

DOI: 10.15372/PEMW20200113

SOME ASPECTS OF ANALYSING THE EXPERIENCE OF DIGITALIZATION OF HIGHER EDUCATION

Kruglova, N. R.

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: nrkruglova@yandex.ru

Sartakov, I. V.

Novosibirsk State Pedagogical University

Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: nsk@bk.ru

Abstract. *The article considers historical aspects of the experience in the development and formation of digital education in the USA and Western Europe. It has been determined that the introduction of the latest information technologies in education has made it possible to advance the solution of quality, accessibility and effectiveness issues, revealing such problems as occurrence of computer addiction, fragmentation and unsystematic knowledge, redundancy of information, insufficient motivation and others. Tendencies in the development of digitalization in the Russian Federation are highlighted. The generalized definition is given of the information and communication educational environment as a purposefully organized system of technical and information resources, electronic didactic materials, telecommunication facilities which ensure the effective mastering of professional educational programs. The educational information system should be harmonized with the curriculum and work programs of disciplines and integrated with electronic library resources. The trends and possibilities of digital education in Russia are identified and briefly characterized from the point of view of modernization and solving problems of higher education quality. The main directions of developing the electronic communication system in teaching technical and general technical disciplines as a means of managing students» research activities are considered. The article also presents a generalized classification of e-learning implementation models for the disciplines under consideration. It is noted that the choice of optimal models is determined by the tasks being solved by educational goals. It was highlighted that modern theoretical training, within the framework of modernization trends, involves active use of modern computer technologies, interactive multimedia tools (webinars, presentations, video lectures) and exchange of information via telecommunication channels (online consultations). It was emphasized that it is desirable to carry out a laboratory workshop in a real environment, rather than a virtual one (on modern equipment). The conclusion is made that the digitalization of education in Russia will contribute to increasing the efficiency, accessibility and quality of education with the high quality of the components and subjects of the information and communication system.*

Key words: *digitalization trends, information and communication system, technical disciplines in pedagogical education.*

For quote: *Kruglova N. R., Sartakov I. V. [Some aspects of analysis of the experience of digitalization of higher education]. Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 3499–3507. DOI: 10.15372/PEMW20200113*

Введение. В настоящее время модернизация высшего образования в России вплотную подошла к следующему этапу своего развития – реализации национального проекта «Цифровая образовательная среда». Высшее образование призвано помочь российской экономике уверенно развиваться в направлении цифровых и нанотехнологий, обеспечивающих повышение производительности труда и благосостояния нации. Таким образом, реализация современного образовательного процесса в высших учебных заведениях обуславливается созданием и функционированием цифровой образовательной среды, под которой обобщённо понимается целенаправленно организованная система технических и информационных ресурсов, электронных дидактических материалов, средств телекоммуникационной связи, обеспечивающих эффективное усвоение основных профессиональных образовательных программ. Данный процесс детерминирует преобразование всех компонентов образовательной системы: модернизация материально-технической базы и электронного учебно-дидактического обеспечения, повышение информационно-коммуникационной компетентности профессорско-преподавательского состава и студентов, дальнейшей интеграции телекоммуникационных сетей в учебный процесс.

Постановка задачи. В Законе об образовании Российской Федерации под электронным обучением понимается образовательная деятельность на основе информационных технологий, технических информационно-телекоммуникационных средств. Эволюционный переход на информационную парадигму образования и внедрение в образовательный процесс электронного обучения и информационных технологий создали предпосылки дальнейшей цифровизации в образовании, сутью которой являются не только технические достижения и современные цифровые технологии, но социальные изменения, связанные с трансформацией мышления и восприятия информации, а также коммуникативных навыков и морально-нравственных ориентиров [14].

В проекте Концепции модернизации информационной образовательной среды (авторский коллектив под руководством А. М. Кондракова) определены новые ценностно-смысловые ориентиры образования для личности и общества:

- образование становится отраслью экономики цифрового общества, важным нематериальным активом государства;
- в связи с изменением способов передачи знаний, меняется личностное развитие человека и его идентификация;
- появился новый тип обучающегося, самостоятельно выбирающего траекторию своего развития.

В рассматриваемой Концепции образование рассматривается как «матрица возможностей», формирующая картину мира и закладывающая фундамент новой организации жизни общества [10, с. 14].

Сторонники глобальной цифровизации и «технического детерминизма» считают, что инновационные технические устройства и информационные технологии помогут решить проблемы успеваемости, эффективнее организовать сотрудничество преподавателя и студента, дифференцировать и индивидуализировать процесс, методы и формы обучения, оптимизировать затраты на образование. В исследованиях профессора П. Лукша и работе экспертов Агентства стратегических инициатив «Форсайт будущих компетенций 2030», выявлены новые типы компетенций, обусловленные новым цифровым этапом развития общества и информационными технологиями [13; 15]. Таким образом, ожидаемый эффект от цифровизации образования – это подготовка конкурентоспособных профессиональных кадров в интерактивной образовательной среде с неограниченными возможностями, способной подстраиваться под запросы рынка труда и цифровой экономики [6; 14]. В то же время следует отметить, что скептически настроенные отечественные и зарубежные учёные предостерегают от идеализации цифровых образовательных технологий в решении вопросов повышения качества и считают, что некомпетентное применение способно разрушить академические и системные подходы в обучении. Форсирование внедрения цифровых технологий без достаточной материально-технической и методической базы способствует распространению «моделей дешёвого некачественного онлайн-образования» [9]. Вузы, не имеющие финансовых ресурсов на создание качественного образовательного контента и развитие информационно-коммуникационных технологий взаимодействия студентов и преподавателей, вынуждены использовать технологические решения, не обеспечивающие «глубокое и содержательное обучение» (Т. Андерсон) [9; 19].

Считаем, что цифровизация образования в России неизбежна, так как диктуется научно-техническим прогрессом и социально-экономическими условиями в стране и призвана решать задачи доступности, повышения качества и эффективности, но финансовые условия для её реализации достаточно сложные для большинства вузов, поэтому идея пока воспринимается научной педагогической общественностью неоднозначно. Следовательно, необходимы дальнейшие научные исследования, анализ практического опыта, поиск подходов и механизмов, раскрывающих возможности развития и внедрения цифровых технологий в образование в условиях сложившейся социально-экономической ситуации.

Методология и методика исследования. В исследовании применялись методы интерполяции, сравнения, анализа и обобщения. Методической основой послужили работы отечественных (Алехин И. А., Вайндорф-Сысоева М. Е., А. М. Кондаков, П. Лукша, Г. Н. Некрасова, Ю. Л. Хотунцев и др.) и зарубежных учёных (Т. Андерсон, Ф. Одуэн, Э. Дельбанко, Ф. Типлер), по эволюционному характеру развития, сравнительному анализу и обобщению опыта внедрения цифровизации образования в США, Западной Европе и России.

Результаты. Рассмотрим более подробно опыт цифровизации образования в США, Западной Европе и Российской Федерации, доказавший, что модернизация и повышение качества образования без применения современных информационных технологий невозможны. В Западной Европе (Германия, Франция, Великобритания) и США школы, колледжи и университеты оснащены необходимыми техническими устройствами, применяются новейшие информационные технологии, созданы национальные центры, лиги и комитеты по созданию базы, разработке и популяризации электронных обучающих программ, которые находятся в свободном доступе. При этом в работе французского учёного Ф. Одуэна «Кибернетическая педагогика» подчёркивается, что внедрение новейших информационных технологий не ставит задачу замену педагога машиной, а оптимизирует воспитательные воздействия для гармоничного сочетания усилий человека и компьютера [6; 21]. В распоряжении учебных заведений предоставлены параболические антенны, лазерные устройства, кабельное телевидение и другие современные достижения техники.

В развитых странах Европы и Америки цифровизация высшего образования развивалась в двух направлениях: первое – дистанционное онлайн-образование с использованием возможностей Интернета и получением формального высшего образования и второе – открытое образовательное пространство

для создания неформальных образовательных ресурсов, которые могут быть использованы в формальном образовании [9]. Тридцатилетний опыт внедрения дистанционных технологий в США показал, что элитные университеты создали эксклюзивные цифровые модели онлайн-образования сочетающиеся с традиционной очной формой обучения. Формальное массовое дистанционное образование получило развитие лишь в коммерческих университетах. Которые имеют возможность регулировать уровень качества за счёт массового обучения студентов. Тем не менее экспертный анализ цифровизации образования в США, проведённый Global Education Futures показал, что, к сожалению, «цифровой революции в образовании пока не происходит», объяснив причину человеческим фактором – «неготовность учащихся, педагогов и руководителей системы образования к инновациям» [15].

Анализ практической реализации цифровизации образования в Америке и Западной Европе также наряду с явными преимуществами, такими как эффективность, доступность и мобильность, выявил такие проблемы, как поверхность и бессистемность знаний, недостаточная учебная мотивация, компьютерная зависимость, избыточность информации, проблемы здоровья и т.д., которые нельзя игнорировать и они требуют глубоких научных исследований. Всё чаще озвучиваются проблемы психических заболеваний, связанных с компьютерной зависимостью. Зарубежными и отечественными учёными также высказываются опасения, что при игровой форме обучения на компьютере развиваются в большей степени отделы мозга, отвечающие за моторику, а «остальные участки пребывают в состоянии стагнации», которые диагностируются как «клиповое сознание» или «лайковое мышление» [6; 8; 15; 20]. Американский педагог Э. Дельбанко считает, что безграничная доступность электронного высшего образования может привести к «исчезновению системного академического образования» [5].

В России пока в пилотном режиме создана национальная платформа открытого образования, в которой ведущие вузы разрабатывают онлайн-курсы по базовым дисциплинам и ведут дистанционное электронное обучение [2]. Прослеживается также тенденция современных вузов на разработку или приобретение с дальнейшим внедрением в образовательный процесс информационно-образовательных систем. Например, в Санкт-Петербургском университете эксплуатируется система поддержки образовательного процесса Blackboard, обеспечивающая дистанционное взаимодействие преподавателей и студентов [7].

В настоящее время ещё не сформировался методологический аппарат для определения понятия и структуры информационно-коммуникативной системы, поэтому чаще говорят об информационной среде, которая при разработке рассматривается с разных позиций как новая педагогическая система, как современный учебно-методический комплекс или как совокупность условий для эффективного образовательного процесса [16]. Под образовательной информационно-коммуникационной системой будем понимать целесообразно созданную и взаимообусловленную совокупность электронно-методических ресурсов и технических объектов, которая включает опыт коллективных (социальных) и индивидуальных субъектов, создающих, развивающих среду, действующих в ней в целях формирования знаний, умений, навыков и компетенций для успешной профессиональной деятельности [4].

Выделим основные функции электронно-коммуникативных систем: информационно-методическая поддержка образовательного процесса, организация, планирование и ресурсное обеспечение, педагогический мониторинг профессионально-личностного развития и формируемых компетенций, мониторинг компонентов системы, поиск, хранение и обработка информации, дистанционное взаимодействие всех участников педагогического процесса и потребителей (работодателей) профессиональных кадров. В рассматриваемых системах происходит замена живого труда преподавателя компьютером в виде оцифрованного дидактического материала, таким образом, «дорогой» квалифицированный труд профессора или доцента на некоторых этапах (например, контроль знаний в виде тестирования) можно заменить работой техников или методистов, что при массовом образовании позволяет существенно снизить затраты без утраты качества образовательного продукта.

При разработке информационных систем используется разнообразное программное обеспечение. Наиболее широкое распространение в России получили онлайн-платформы типа Moodle (модульная объектно-ориентированная учебная среда), разработанные по рекомендациям ЮНЕСКО как проект Open Source с лицензией GNU GPL, позволяющий бесплатно модифицировать, копировать и распространять программный продукт.

Системообразующим фактором, объединяющим все элементы информационной системы, является рабочая программа учебной дисциплины или укрупнённого модуля с выходом на компетенции, которые должны формироваться в соответствии с рекомендациями ФГОС ВО и учебно-методических комплексов. Информационно-образовательные материалы должны быть гармонизированы с расписанием занятий (студент должен обучаться согласно графику учебного процесса) и утверждёнными рабочими программами (возможность индивидуального интерактивного обучения согласно тематическому пла-

ну). Система также должна предусматривать возможность интеграции с электронными ресурсами библиотеки для более углублённого обучения и научно-исследовательской деятельности преподавателей и студентов. Считаем, что переход информационной среды, от разрозненных электронных учебников и других электронных дидактических материалов к информационно-образовательной системе является перспективным в решении вопросов повышения эффективности и доступности качественного высшего образования.

Факультет технологии и предпринимательства Новосибирского государственного педагогического университета осуществляет подготовку бакалавров и магистров различного профиля по направлению Профессиональное обучение (по отраслям), образовательной области «Технология» и «Информационным системам и технологиям». Необходимо отметить, что направление «Информационные системы и технологии» имеет инженерную основу и является не профильным для педагогического университета, однако профиль данного направления «Информационные системы и технологии в образовании» создает условия для подготовки квалифицированных кадров в области цифровизации образования и востребован на рынке труда.

Материально-техническая база многих вузов из-за недостатка финансирования не обновляется должным образом. Так, при проведении лабораторных работ по дисциплинам «Материаловедение», «Технология конструкционных материалов» необходимо большое количество расходных материалов и современного оборудования, заменить которые в настоящий момент возможно только с использованием виртуальных симуляторов лабораторных работ. Такие работы, возможно, проводить при испытании материалов на разрыв, термической обработки металла и целого ряда других работ связанных, в том числе с необходимостью квалифицированной поддержки учебно-вспомогательного персонала (лаборанты, методисты, заведующие лабораториями) вуза, персональный состав которого в настоящий момент сокращен до минимального уровня.

Процессы цифровизации обучения затронули в той или иной степени все направления. Разрабатываются электронные учебники и электронные учебно-методические комплексы, используются методики дополненной реальности, 3-D моделирования и прототипирования, оборудование с числовым программным обеспечением, осуществляется переход на единую базу рабочих программ учебных дисциплин в программе 1С. Для связи и коммуникации со студентами используются электронная почта, сайт преподавателей и социальные сети.

Рассмотрим специфику цифровизации образования технического направления по техническим и общетехническим дисциплинам, отражающих название профиля, например «транспорт» или «технология» Дисциплины формируют широкий спектр профессиональных и специальных компетенций, направленных на познание окружающей действительности, материального мира и «фундаментальных основ современных технологий». Реализация онлайн-обучения по данным дисциплинам возможна в различных видах и формах, выбор которых диктуется направлением, профилем, формой обучения и сложностью дисциплины. Заметим, что технические и общетехнические дисциплины в отличие от гуманитарных более сложные для усвоения и восприятия. Следующей особенностью является то, что в отличие от технических вузов в педагогических специальностях эти дисциплины представлены в усечённом ознакомительном варианте, как бы вырванном из контекста, поэтому сложно воспринимаются студентами. Цифровые технологии, несомненно, здесь приходят на помощь преподавателю, особенно при теоретическом (лекционном) обучении. Теоретическое обучение в рамках тенденций цифровизации предполагает активное использование современных компьютерных технологий, интерактивных мультимедийных средств (вебинары, презентации, видео-лекции) и обмен информацией по каналам телекоммуникационной связи (онлайн-консультации). Современные педагоги и психологи признают [1; 2], что применение мультимедийных средств и информационных технологий в обучении активизирует восприятие учебного материала студентов, сокращает время на изложение материала (за счёт самоподготовки) и дает возможность акцентировать внимание на более труднодоступном материале. При этом «контактная работа» преподавателя и студента не утрачивает своего значения, а наполняется новым смыслом и ценностно-личностной окраской. Например, в процессе онлайн-общения преподаватель выясняет проблемы и затруднения студента, в этом случае, как наставник, старший товарищ и профессионал своего дела при личной встрече может помочь в их разрешении.

Мы считаем, что для дальнейшего повышения эффективности обучения необходима систематизация применяемых электронных ресурсов. Опираясь на диверсификацию моделей дистанционного обучения Н. В. Лебедевой [12], представим обобщённую классификацию электронных дидактических средств:

- по уровню познания окружающей действительности – теоретическая и опытно-экспериментальная;
- по контенту обучения – исследовательская, проектная, рефлексивная;
- по числу обучающихся – коллективная и индивидуальная;

– по уровню и направленности образовательных задач – корректирующая, закрепляющая, инновационная.

Классификация демонстрирует сложность и разнообразие дидактических средств, выбор варианта которых должен обосновываться и согласовываться с целями, задачами обучения и формируемыми компетенциями. Обоснование выбора электронных дидактических средств должно отражаться в рабочей программе дисциплины.

Спецификой рассматриваемых дисциплин является также то, что в них предусмотрен наряду с теоретическим обучением лабораторный практикум.

Следует признать, что, в русле современных тенденций, реализация лабораторного практикума – более сложная задача. Лабораторный практикум – это индивидуальная опытно-экспериментальная деятельность, связанная с работой на учебном оборудовании, с инструментами и приспособлениями, измерениями, моделированием, проектированием и расчётами. Невозможно и ошибочно все образовательные объекты и деятельность переводить в виртуальную среду, хотя такие концепции существуют. Например, сторонник радикальных взглядов (С. А. Бешенков) в цифровизации образования призывает к глобальной «интеграции и информатизации всех видов деятельности», «конвергенции материальных и информационных технологий, а также когнитивных и информационных» [3]. Мы придерживаемся концепции и взглядов Ю. Л. Хотунцева, одного из разработчиков современного курса «Технология», который считает, что обучающиеся должны получать знания и умения в процессе анализа и решения прикладных творческих задач по обработке материалов, технического конструирования и моделирования, объектов, уметь работать с инструментами и средствами труда [17].

В лабораторном практикуме студент взаимодействует с реальной средой, которая также должна соответствовать техническому прогрессу. Цифровые технологии, в данном случае, призваны расширить возможности образовательного процесса, например, обращение к теоретическим знаниям по гиперссылкам или организация онлайн-консультирования и чата для студентов по постановке цели, задач и проведению эксперимента.

Необходимо заметить, что онлайн-организация учебного процесса, кардинально изменяет роль педагога – это учитель, наставник, воспитатель, научный руководитель и соавтор творческого проекта в одном лице и для каждого обучающегося. Несомненно, что это дополнительная нагрузка на преподавателя, требующая глубокой методической проработки каждого занятия, владением информационными технологиями, при наличии соответствующих компетенций. Желательно также, чтобы результаты лабораторных работ находили отражение не только в текущих публикациях о научно-исследовательской деятельности студентов, но и в итоговой квалификационной работе и будущей педагогической деятельности.

Таким образом, организация учебной деятельности по техническим и общетехническим дисциплинам в цифровой среде даёт возможность в интерактивной форме воспринимать, анализировать, преобразовывать и передавать различные виды информации, сочетая инновационные методы обучения с традиционными. В процессе экспериментальной деятельности, взаимодействуя с реальной средой, самостоятельно формулировать проблему, проектировать, моделировать и находить наиболее оптимальные способы решения поставленных задач, а если необходимо, то сопоставлять их с теми компетенциями, которые необходимы для будущей профессии. Но следует заметить, что без финансовой поддержки государства многие перспективные начинания и методические разработки, направленные на решение проблем качества в высшем образовании останутся на уровне деклараций и бюрократических отчётов [11].

Выводы. В процессе анализа опыта отечественных и зарубежных учёных, а также личной педагогической деятельности, мы пришли к выводу, что цифровизация образования в Российской Федерации – это не панацея решения всех накопившихся проблем, а лишь средство в виде гибкой и динамичной развивающейся информационно-коммуникативной системы, мобильно откликающейся на запросы общества, личности и образовательного учреждения. Развитие национальных образовательных платформ, дистанционного образования и других цифровых технологий, несомненно, делает образовательную систему более доступной для жителей любого уголка России, а также для людей с ограниченными возможностями. Однозначно говорить о высоком качестве цифрового образования невозможно, так как это интегральный критерий, состоящий из качества компонентов информационно-коммуникативной системы. Информационно-коммуникативная система – это дорогостоящий и сложный в реализации проект, а в условиях постоянного государственного недофинансирования большинства высших учебных заведений, будет внедряться за счёт собственных средств и ресурсов (фандрайзинговая, коммерческая, хоздоговорная деятельность и др.), что недостаточно, поэтому возможно отрицательное воздействие на результат педагогического процесса и качество образовательного продукта. Кроме этого, есть вероятность, что при глобальной информатизации всех видов деятельности, произойдёт обратная

реакция – снижение качества образования и обострение таких серьёзных проблем как физическое, психическое и нравственное здоровье обучающихся.

Рассматривая такой аспект, как *эффективность* цифрового образования, мы также пришли к однозначному выводу. Эффективность подразумевает достижение заданного результата при минимальных затратах. Зарубежные коллеги, анализируя опыт внедрения цифровизации образования, отмечают серьёзное повышение затрат на первых этапах развития при решении вопросов повышения качества и конкурентоспособности образования.

Таким образом, системное применение цифровых технологий позволит вывести высшее образование на новый виток своего развития, способствует повышению эффективности, доступности и качества, но при условии достижения необходимого качества и содержания компонентов и субъектов информационно-коммуникативной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алёхин И.А., Крылова А.П.** Роль электронных учебных изданий в формировании грамматических навыков английского языка на различных этапах изучения // Мир образования – образование в мире. 2018. №1 (69). С. 221–224.
2. **Алёхин И.А., Тренин И.В.** Воспитание и обучение в военном вузе с помощью ресурсов информационно-образовательной среды // Мир образования – образование в мире. 2018. №3 (71). С. 151–163.
3. **Бешенков С.А., Шутикова М.И., Миндзаева Э.В.** Образовательные риски современного информационного социума и информационно-когнитивные технологии // Информатика и образование. 2015. №8. С. 134–141.
4. **Быков А.Н.** Развитие электронного обучения в дополнительном профессиональном образовании вузов // Мир образования – образование в мире. 2018. №4 (72). С. 126–136.
5. **Дельбанко Э.** Колледж. Каким он был, стал и должен быть: пер. с англ. М.: МГУ, 2015. 256 с.
6. **Джуринский А.Н.** Цифровое образование в Западной Европе и США: надежды и реальность // Сибирский педагогический журнал. 2019. №3. С. 162–168.
7. **Дятлова Ю.О.** Современные тенденции организации самостоятельной работы студентов зарубежных и отечественных вузов // Сибирский педагогический журнал. 2019. №3. С. 151–160.
8. **Желобов А.П., Романов К.В.** Возможен ли антропный принцип в цифровом образовании? Философская антропология, философия культуры // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2018. №3. С. 42–53.
9. **Кочергин Д.Г., Жернов Е.Е.** Опыт цифровизации высшего образования в США // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. №2 (34). С. 12–23.
10. Концепция совершенствования (модернизации) единой информационной образовательной среды в Российской Федерации, обеспечивающей реализацию национальных стратегий развития Российской Федерации (проект). Разработчики: авторский коллектив под руководством А.М. Кондакова [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/51021577> (дата обращения 01.10. 2019)
11. **Круглова Н.Р.** Методологические подходы управления качеством высшего образования в ретроспективе социально-экономических преобразований в России // Профессиональное образование в современном мире. 2019. №1. С. 3019–3026.
12. **Лебедева Н.В.** Диверсификация моделей обучения специалистов социальной сферы в условиях дополнительного профессионального образования на основе андрагогического подхода: автореф. дис.д-ра пед. наук. Ульяновск, 2018.
13. **Лукша П.** Образовательные инновации или зачем нам нужно менять образование [Электронный ресурс]. URL: https://www.vneshtorg.biz/index.php?option=com_k2&view=item&id=1875%3A Pavel (дата обращения 01.10. 2019)
14. Методологические основы формирования современной цифровой образовательной среды [Электронный ресурс]: монография. Нижний Новгород: Профессиональная наука, 2018.
15. Образование для сложного общества [Электронный ресурс] / П. Лукша, Дж. Кубиста, А. Ласло, М. Попович и др. URL: <https://future.org/educationfutures.ru> (дата обращения 01.10. 2019)
16. Теоретические подходы к проектированию информационной образовательной среды технологического образования: монография / М.Л. Субочева, М.Е. Вайндорф-Сысоева, Г.Н. Некрасова и др. М.: Спутник, 2018. 208 с.
17. **Хотунцев Ю.Л., Насипов А.Ж.** Системно-технологическое мышление, проектно-технологическое мышление и технологическая культура человека // Современное технологическое образование в школе и педагогическом вузе: материалы XXI Международной научно-практической конференции, / под ред. Хотунцева Ю.Л., Харичевой Д.Л. М., 2015. С. 4–10.

18. Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 01.10.19)
19. **Anderson T., Mc Greal R.** Disruptive Pedagogies and Technologies in Universities // *Journal of Educational Technology & Society*. 2012. Vol. 15, №4. P. 380–389.
20. **Barrow J.D., Tipler F.J.** The Anthropic Cosmological Principle. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996.
21. Computer Science FdSc [Электронный ресурс]. URL: <http://www.staffs.ac.uk/course/SSTK-12304.jsp> (дата обращения 01.10.19)

REFERENCES

1. **Alyokhin I.A., Krylova A.P.** The role of electronic educational publications in the formation of grammatical skills of the English language at various stages of learning. *World of Education – Education in the World*, 2018, no. 1 (69), pp. 221–224.
2. **Alyokhin I.A., Trenin I.V.** Education and training in a military university using the resources of the information and educational environment. *World of Education, Education in the World*. 2018, no. 3 (71), pp. 151–163.
3. **Beshenkov S.A., Shutikova M.I., Mindzaeva E.V.** Educational risks of modern information society and information and cognitive technologies. *Informatics and Education*, 2015, no. 8, pp. 134–141.
4. **Bykov A.N.** The development of e-learning in additional professional education of universities. *Education World – Education in the World*, 2018, no. 4 (72), pp. 126–136.
5. **Delbanko E.** College. What it was, has become and should be. Trans. from English. Moscow, MSU Publ., 2015, 256 p.
6. **Dzhurinsky A.N.** Digital education in Western Europe and the USA: hopes and reality. *Siberian Pedagogical Journal*, 2019, no. 3, pp. 162–168.
7. **Dyatlova Yu.O.** Modern trends in the organization of independent work of students of foreign and domestic universities. *Siberian Pedagogical Journal*, 2019, no. 3, pp. 151–160.
8. **Troughs A.P., Romanov K.V.** Is anthropic principle possible in digital education? Philosophical anthropology, philosophy of culture. *Bulletin of the Leningrad State University A.S. Pushkin*, 2018, no. 3, pp. 42–53.
9. **Kochergin D.G., Zhernov E.E.** Digitalization Experience of Higher Education in the USA. *Vocational Education in Russia and Abroad*, 2019, no. 2 (34), pp. 12–23.
10. The concept of improvement (modernization) of a unified information educational environment in the Russian Federation, providing real tion of national development strategies of the Russian Federation (draft). Developers: team of authors led by A.M. Kondakov. Available at: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/51021577>
11. **Kruglova N.R.** Methodological approaches to managing the quality of higher education in a retrospective of socio-economic transformations in Russia. *Vocational education in the modern world*, 2019, no. 1, pp. 3019–3026.
12. **Lebedeva N.V.** Diversification of training models for specialists in the social sphere in the conditions of additional professional education on the basis of the andragogical approach: author. Sciences. Ulyanovsk, 2018.
13. **Luksha P.** Educational innovations or why we need to change education. Available at: https://www.vneshtorg.biz/index.php?option=com_k2&view=item&id=1875%3Apavel (accessed 01.10. 2019)
14. Methodological foundations of the formation of a modern digital educational environment: monograph. Nizhny Novgorod, Professional Science Publ., 2018.
15. Education for a complex society. P. Luksha, J. Kubista, A. Laszlo, M. Popovich and others. Available at: https://future.org/educationfutures_ru
16. Theoretical approaches to the design of the information educational environment of technological education: monograph / M.L. Subocheva, M.E. Weindorf-Sysoeva, G.N. Nekrasova et al. Moscow, Sputnik Publ., 2018, 208 p.
17. **Khotuntsev Yu.L., Nasipov A.Zh.** System-technological thinking, design-technological thinking and technological culture of man. *Modern technological education at school and pedagogical university*. Materials of the XXI International scientific-practical conference. Ed. Khotuntseva Yu.L., Kharicheva D.L. Moscow, 2015, pp. 4–10.
18. Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FL «On Education in the Russian Federation (as amended and supplemented). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (accessed 01.10.19)
19. **Anderson T., Mc Greal R.** Disruptive Pedagogies and Technologies in Universities. *Journal of Educational Technology & Society*, 2012, vol. 15, no. 4, pp. 380–389.

20. **Barrow J.D., Tipler F.J.** *The Anthropic Cosmological Principle*. Oxford, Oxford Univ. Press Publ., 1996.
21. Computer Science FdSc. URL: <http://www.staffs.ac.uk/course/SSTK-12304.jsp> (accessed October 1, 19)

Информация об авторах

Круглова Надежда Ростиславовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных, сервисных и общетехнических дисциплин, факультет технологии и предпринимательства, ФБГОУ «Новосибирский государственный педагогический университет». (Российская Федерация, 630 126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, 28, учебный корпус №3, e-mail: nrkruglova@yandex.ru)

Сартаков Игорь Витальевич – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой информационных, сервисных и общетехнических дисциплин ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», (Российская Федерация, 630 126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, 28, учебный корпус №3, e-mail: nsk@bk.ru)

Статья поступила в редакцию 5.11.19. После доработки 23.01.20. Принята к публикации 27.02.20.

Information about the authors

Nadezhda R. Kruglova – candidate of Pedagogical Sciences, associate Professor at the Department of information, service and general technical disciplines, Faculty of technology and entrepreneurship, FBSEI «Novosibirsk state pedagogical University», (28, build. 3 Viluisкая str., Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: nrkruglova@yandex.ru)

Igor V. Sartakov – candidate of Pedagogical Sciences, associate Professor, head of the department of information, service and general technical disciplines, Faculty of technology and entrepreneurship, FBSEI «Novosibirsk state pedagogical University», (28, build. 3 Viluisкая str., Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: nsk@bk.ru)

The paper was submitted 5.11.19. Received after reworking 23.01.20. Accepted for publication 27.02.20.

УДК 378.147

ФИЛОСОФИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ФУНДАМЕНТАЛЬНОСТЬ ИЛИ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА

А. А. Гладышев

Новосибирский государственный аграрный университет
Новосибирск, Российская Федерация, e-mail: gaa_03@mail.ru

А. А. Гладышева,

Новосибирский государственный аграрный университет
Новосибирск, Российская Федерация, e-mail: kaa_03@mail.ru

Аннотация. Целью статьи является исследование концептуальных основ компетентностного подхода, результатов его распространения в российском образовательном пространстве и его соотношение с цифровым пространством. В контексте цели анализируется содержание компетентностной системы образования, отличительные особенности ее формирования в различных странах, специфика ее внедрения в российское образовательное пространство. Рассмотрены проблемы переходного периода и затруднения, связанные с невозможностью реализации некоторых положений болонского процесса из-за различий в организационно-экономическом базисе вузов. Обозначена степень готовности вузов выполнять требования федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по реализации индивидуальной образовательной траектории (ИОТ) студентов в полном объеме. Представлен ряд условий для успешной реализации ИОТ в вузе. В работе также рассмотрены основные виды цифрового обучения, его признаки, акцентированно внимание на существование нескольких подходов введения компьютерных игр и цифровых технологий в учебный процесс, их эффективность и результативность. Отмечена возможность использования цифровых платформ в образовательном процессе. Определен практико-ориентированный характер цифровых технологий. Аргументировано их использование для фундаментальной подготовки. Методологической основой исследования послужило философское положение о преемственности. В данном случае предполагаемой преемственности систем образования, применяемых форм, средств, методов и результатов обучения. В процессе работы использовались общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция.

Ключевые слова: фундаментальное образование, компетентность, цифровое образовательное пространство, цифровое обучение, принцип фундирования, виртуальная и дополненная реальность, модульные образовательные программы, индивидуальная образовательная траектория.

Для цитаты: Гладышев А. А., Гладышева А. А. Философия современного образования: фундаментальность или компетентность цифрового пространства // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 1. С. 3508–3519. DOI: 10.15372/PEMW20200114

DOI: 10.15372/PEMW20200114

THE PHILOSOPHY OF CONTEMPORARY EDUCATION: THE FUNDAMENTAL NATURE OR COMPETENCE OF THE DIGITAL SPACE

Gladyshev, A. A.

Novosibirsk State Agrarian University
Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: gaa_03@mail.ru

Gladysheva, A. A.

Novosibirsk State Agrarian University
Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: kaa_03@mail.ru

Abstract. The aim of the article is to study the conceptual foundations of the competence approach, the results of its spreading in the Russian educational space and its correlation with the digital space. In the context of the goal, the author analyzes the content of the competence-based education system, the distinctive features of its formation in different countries, the specifics of its implementation in the Russian educational space. We consider the problems of the transition period and difficulties associated with the inability to implement some provisions of the Bologna process due to differences in the organizational and economic basis of universities. We have indicated the degree of readiness of universities to fulfill the requirements of the Federal state educational standard of higher education for the implementation of individual educational trajectory of students in full. We present a number of conditions for the successful implementation of individual educational trajectory in a university. The paper also discusses the main types of digital learning, its features; focuses on the existence of several approaches to the introduction of computer games and digital technologies in the educational process, their efficiency and effectiveness. We noted the possibility of using digital platforms in the educational process, defined the practice-oriented nature of digital technologies, reasoned their use for fundamental learning. The methodological basis of the study was the philosophical position on continuity. In this case, the expected continuity of education systems, forms, means, methods and learning outcomes. In the process of work, general scientific methods were used: analysis, synthesis, induction, deduction.

Keywords: fundamental education, competence, digital educational space, digital learning, principle of foundation, virtual and augmented reality, modular educational programs, individual educational trajectory.

For quote: Gladyshev A. A., Gladysheva A. A. [The philosophy of contemporary education: the fundamental nature or of competence the digital space]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 3508–3519. DOI: 10.15372/PEMW20200114

Введение. С момента подписания нашей страной Болонского соглашения, началась активная перестройка отечественной образовательной системы: переход с позиций фундаментальности на рельсы компетентностного подхода. Системы разнонаправленные, имеющие ряд значимых отличий (рис.).

Рис. Сравнение фундаментального и компетентностного походов в образовании

Появление компетентностного подхода в профессиональном образовании и обучении связано с ресурсной теорией организации в части развития человеческих ресурсов, обеспечивающих конкурентность той или иной организации, и было обусловлено рядом факторов [1; 2; 3; 4; 5]. Delamare le Deist F., Winterton J. выделяют шесть таких факторов [6].

1. Усиление значение адаптационного и производственного обучения на фоне увеличения скорости технологических инноваций и изменения демографических процессов.
2. Обновление традиционной образовательной системы.
3. Постулат «образование в течение всей жизни», привел к разработке Карты личностных навыков и Европейской системы аккредитации навыков, призванных идентифицировать и проверять приобретенные в процессе неофициального и неформального обучения компетенции.
4. Разработка модели «Social Europe», для учета самостоятельно развитых на основе собственного опыта компетенций [7; 8].
5. Тенденция к объединению традиционного образования, обучения профессионального и на основе личного опыта.
6. Необходимость в регулярном совершенствовании навыков, квалификации (вследствие возрастания скорости технического прогресса) и обеспечение мобильности трудовых ресурсов посредством формирования общих контрольных уровней профессиональной компетентности.

Постановка задачи: исследовать концептуальные основы компетентностного подхода, результаты его распространения в российском образовательном пространстве и его соотношение с цифровым пространством.

Методы и методология исследования. Методологической основой исследования стало философское положение о преемственности. В данном случае предполагаемой преемственности систем образования, применяемых форм, средств, методов и результатов обучения. В процессе работы использовались общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция.

Результаты. Зарубежные исследователи отмечают, что существует определенная терминологическая и концептуальная неразбериха вокруг компетенций, связанная с синонимичностью терминов и двумя различными школами (поведенческая и функциональная), породившими понятия компетенция и компетентность и вносят свой вклад в определение содержания этих понятий [9–13]. Современные авторы отмечают существование трех доминирующих подходов, появившихся независимо друг от друга: первоначально в США, затем в Великобритании и после в несколько сходном варианте во Франции и Германии [7].

В Соединенных Штатах традиционно превалировал поведенческий подход. Начиная с 1950–60-х гг. компетенции связываются с основными характеристиками людей вне когнитивных способностей, сформированными через обучение и развитие [14]. При этом параллельное развитие получили два подхода: использование общих компетенций (свойственных большинству рабочих процессов) и стратегический подход, оперирующий «ядерными» компетенциями (определяемых как коллективное знание организации, характерное только для данной организации и обеспечивающий ей конкурентное преимущество). Связь между общими и «ядерными» компетенциями реализуется через моделирование и оценку компетенций [15; 16]. Именно возможность определения ключевых факторов успеха (моделирование) и возможность определения степени выраженности ключевых компетенций (оценка) стало основой для широкого распространения компетентностного подхода в США. Современные модели компетенций в Соединенных Штатах объединяют стандарты работ и процессов со знаниями, выполняя роль механизма, связывающего развитие человеческих ресурсов с организационной стратегией путем идентификации различных компетенций (знаний, навыков, особенностей личностного поведения), необходимых для достижения стратегических целей организации [17].

Таким образом, наблюдается расширение концепции компетенций от сугубо поведенческой модели до включения в нее функциональных навыков и знаний, связанных с профессиональной деятельностью, т.е. поведенческие компетенции стали основой функциональных, что на практике привело к повышению конкурентоспособности тех компаний, которые использовали расширенную модель.

В Великобритании сформировался функциональный подход. Он получил развитие в 1980-е гг. вследствие нехватки квалифицированных трудовых ресурсов. Реформа профессиональной подготовки имела целью создание единой общенациональной системы производственных квалификаций на базе профессиональных стандартов компетентности, в основе которых был функциональный анализ работ в различных ситуациях [18].

На момент создания этой системы имела место многочисленная критика, связанная с ограниченным акцентом только на компетентностях, проявляемых на рабочем месте, а не на систематически приобретаемых знаниях; с тем, что оценка не охватывает множество результатов «неформального» обучения; с определенным сопротивлением образовательных учреждений к введению компетентностного подхода (существовала точка зрения о его непригодности и несоответствии текущим и будущим потребностям образования и обучения).

Однако, более поздние данные исследований свидетельствуют, что в Соединенном королевстве, понятие компетенции расширяется, также охватывая базовые знания и характеристики, а не только функциональные компетенции, связанные со спецификой работы [19].

В результате Министерство образования Великобритании приняло к использованию модель компетенций, разработанную Дж. Четамом и Дж. Чиверсом [20]. Она была представлена в виде «тетраэдра компетенций», содержащего взаимосвязанные между собой когнитивные, функциональные, личностные, этические и мета-компетенции. Несмотря на внешнее сходство с «айсбергом компетенций» Спенсеров, британская модель имеет более четкую структуру и предусматривает одинаковые возможности для развития любого из кластеров компетенций.

Франция и Германия более широко подошли к проблеме изучения компетентностного подхода изначально, сформировав многомерный и целостный подходы. Определение компетенций изначально имело два разнонаправленных варианта: компетенция как универсальное качество и компетенция как личностная способность, проявляемая только в процессе работы. Результирующим фактором слияния двух направлений стало рассмотрение компетентностного подхода как трёхкомпонентной структуры – знания, функциональные и поведенческие компетенции

Германия является образцом целостного компетентностного подхода. Уже на первых этапах его внедрения – с середины 1990-х гг., система образования стала применять подход «компетенции действия». Он предполагает движение в направлении: предмет – компетенции – учебные планы, которые определяют преимущественно области изучения, а не взаимосвязанные с работой знания и навыки. В этой связи при разработке любого нового учебного плана в сфере профессионального обучения детально разрабатываются профессионально-технические «компетенции действия», включающие предметные компетенции (круга деятельности), личностные, когнитивные и социальные компетенции. При этом наблюдается частичное совмещение содержания различных компетенций [16; 21].

К компетенциям сферы деятельности относят готовность и способность, выполнять задачи, на основе предметных знаний и навыков, а также оценивать результаты в соответствии с целями. К общим когнитивным – способность думать и действовать наиболее эффективным для решения проблемы способом, что является основой для развития познавательных и функциональных компетенций. Личностные компетенции описывают все стороны трудовой, личной, и общественной жизни в плане понимания, анализа и оценки возможных путей развития и реализации жизненных планов наравне с профессиональными и этическими ценностями, включая когнитивные и социальные компетенции. Социальные компетенции очерчивают круг способностей и готовности их реализовать наиболее рациональным и честным способом в области личностных и общественных отношений. В них включаются функциональные и социальные компетенции. Соотношение предметных, личностных и социальных компетенций служит базой для развития расширенных мета-компетенций, которые в свою очередь облегчают приобретение других компетенций. Разработанный формат послужил основой для составления профессиональных профилей компетенций [4; 22; 23].

Таким образом, следует заключить что, несмотря на исходную точку зрения, сложившуюся самостоятельно в разных странах, на проблему формирования компетенций, связанных с повышением эффективности профессиональных функций, постепенно, в процессе развития модели компетенций приняли многомерный вид. Модели расширялись и дополнялись, пока не стали содержать наряду с поведенческими компетенциями когнитивные и функциональные, причем немалое место заняло самостоятельное обучение, как способ их развития.

Следовательно, можно сформулировать понятие компетенции как способности, отражающей когнитивную готовность и необходимые стандарты поведения, проявляющиеся в условиях профессиональной деятельности. В свою очередь компетентность – это способность реализовать развитые компетенции для получения необходимых результатов работы путем эффективного решения рабочих задач.

Страны Европейского союза последовали известному примеру, причем часть приняла британскую модель, часть ориентировалась на французскую или немецкую, как например Австрия. Вместе с тем одновременно начались процессы конвергенции, направленные на некое сближение академических разработок и становление альтернативной модели, исключающей ограниченность национальных моделей и способствующей формированию общих понятий, которые могут быть использованы как база общеевропейских квалификаций, основанных на компетенциях [19; 24].

Рассмотрев общие тенденции мирового развития в сфере профессионального образования, следует отметить, что модернизация российской образовательной системы путем интеграции в мировую систему образования неизбежна, но при этом не исключается собственное понимание сущности компетентностного подхода и структуры компетентностной модели. Общеευропейская политика в профессиональном образовании направлена не только на реализацию общих ценностей и целей, но и подразумевает сохранение уникальных особенностей национальных систем профессионального образования. Эти позиции зафиксированы в Маастрихтском договоре.

Переход к многоуровневому высшему образованию на основе компетентностного подхода в России связывали с ожиданиями социума повышения качества профессиональной подготовки, однако при этом

наблюдались ожидания сохранить фундаментальность подготовки. Основой компетентностного подхода при этом, наряду с индивидуализацией образовательных траекторий и рядом других реформ в области образования, должен был стать процесс формирования базовых профессиональных компетенций.

Популяризация компетентностного подхода связывалась с изменениями, как в производственной сфере, так и в сфере политики по отношению к трудовым ресурсам. Процессы глобализации обострили экономическую конкуренцию и усилили значимость качества подготовки кадров. Ускорение инновационных процессов и появление все новых видов профессий, развитие наукоемких технологий, высокая скорость обновления их содержания, требует от современных работников повышенной способности адаптации к изменяющимся условиям и стремления к профессиональному самосовершенствованию. Что не могло не отразиться на процессе подготовки трудовых кадров, обусловив появление новых технологий, введение обучения в бизнес-процессы и потребовав изменений к системе образования в целом [25].

О. Л. Жук в 2009 году обратила внимание на наметившиеся тенденции в сфере высшего образования, которые на сегодняшний день в полной мере проявились:

- 1) профессионализация высшего образования (переход от фундаментального (академического) к профессиональному (соответствие будущей профессиональной деятельности) образованию. При этом предполагалась гибкость, непрерывность, уровневость и ступенчатость образования;

- 2) массовость образования (предполагалось возникновение проблемы его качества). Планировалось, что проблему может минимизировать готовность выпускника вуза к постоянному самообразованию на основе личностного развития и внедрение системы менеджмента качества, предполагающей учет экономической эффективности образовательных результатов.

Следует заметить, что процессы модернизации в вузах развернуты в ряде случаев довольно успешно. Но проблем избежать не удалось. Претворение в жизнь некоторых положений затруднено, что связано со спецификой обучения в различных профессиональных сферах, отсутствием достаточного опыта у профессорско-преподавательского состава по реализации компетентностного подхода и его явное неприятие, недостаточным финансированием вузов и усиливающейся формализацией учебного процесса [26].

По мнению ряда авторов, [27–30] основные тенденции в социально-производственной и образовательной сферах проявляются в новых требованиях к профессиональным характеристикам выпускников вуза, исключающих узкопрофессиональную подготовку, жестко ориентированную на конкретные объекты и предметы труда.

Модель компетенций даст возможность создать необходимый набор критериев, прямо связывающий широкий спектр конкретных видов деятельности с их оценкой. В профессиональном отношении модель компетенции представляет собой систему требований к работнику (или обучающемуся), основанную на полном определении профессиональных требований (должностных обязанностей, видов работ) или то же самое, выраженное в терминах поведения.

Содержание модели наряду с профессионально-квалификационными требованиями (система знаний, умений и навыков), также должно включать перечень основных личностных качеств, универсальных умений и способностей, представленных в определенной системе, что в современной международной практике определяется как ключевые компетенции.

Таким образом, модель подготовки выпускника интегрального типа будет называться компетентностной, а подход, с помощью которого она создавалась – компетентностным.

На несамостоятельность компетентностного подхода указывает А. И. Субетто. По его мнению, он может использоваться для описания качества подготовки выпускников только в качестве дополнительного, поскольку формален, по сути, и имеет свои ограничения и недостатки – «он по своей функции дополняет системно-деятельностный, знание-центричный, культуру-центричный подходы к раскрытию качества высшего образования» [30]. Тем не менее компетентностный подход применим к моделированию качества подготовки выпускника вуза.

Главное достоинство компетентностного подхода – в его интеграционном потенциале и гибкости. Современные образовательные учреждения, до сих пор не завершившие переход на компетентностную платформу, имеют жесткие траектории обучения, обусловленные образовательными программами. Уровни квалификации определяются дипломами об окончании учебных заведений, продолжают разрабатываться критерии оценки освоенных компетенций, равно как и системы независимой оценки, признания и сертификации квалификаций. Разработаны профессиональные стандарты большинства профессий, позволяющие конкретизировать критерии деятельности будущих специалистов, но их содержание подвергается постоянным корректировкам, так как они страдают излишней обобщенностью и не учитывают многих нюансов профессиональной деятельности. Возможность квалифицироваться путем самообразования на сегодняшний день в России отсутствует как таковая.

Следует заметить, что система образования до сих пор не переориентирована с оценки степени освоения учебных дисциплин по пятибалльной системе, отражаемой в приложении к диплому, на компетентностную модель, результатом которой должны быть уровни освоения профессиональных компетенций, реализованных в компетентностной модели. Введенная не так давно система кредитов, запараллеленная с традиционными способами оценки, в современном ее использовании формальна и мало эффективна, так как не является отражением реального процесса приобретения компетенций в программе развития профессиональной компетентности. Равно как и четвертая попытка (Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (ФГОС ВО) 3++) создания компетентностной модели выпускников по разным профессиональным направлениям.

В основу преобразований высшей школы, как видится изначально, были положены принципы.

1. Отказ от курсовой принадлежности студента, которая обязывает его следовать по ступеням учебы вместе со всем курсом в стенах одного учебного заведения.

2. Переход к более свободной системе индивидуального учета успехов студента на основе количества прослушанных курсов и сданных экзаменов (академическая мобильность на основе индивидуальной образовательной траектории (ИОТ)).

Это предполагало, как минимум, отказ от жесткого плана набора на определенную специальность и ориентация на цифровые показатели выпуска. На практике ничего не изменилось. Более того, в связи с введением подушного финансирования, ориентация на цифры стала намного жестче.

На практике многие вузы не готовы к выполнению требований ФГОС ВО по обеспечению реализации ИОТ студентов в полном объеме. Ориентация по-прежнему идет на освоение учебного плана, а не набора компетенций. Эта проблема стала одной из наиболее сложных в перестройке системы современного российского образования. Она объясняется практическим отсутствием базовых технологий, которые смогли бы обеспечить практическую реализацию ряда задач, из различных областей: обучения, диагностики компетентности, оценки достигнутых результатов, прогнозирования карьерного роста. К этому следует добавить отказ от введения института тьюторов, как специалистов по сопровождению индивидуальных образовательных траекторий.

Для успешной реализации ИОТ в вузе необходим ряд соответствующих условий, реализуемых в комплексе: компетентностная модель выпускника по каждому направлению подготовки как результирующая процесса обучения, зафиксированная в приложении к диплому; разработка модульных образовательных программ в соответствии с направлением подготовки, целевое назначение которых в овладении профессией на основе освоения и совершенствования профессиональных компетенций; создание ресурсной базы, обеспечивающей реализацию ИОТ; сопровождение индивидуальных образовательных траекторий студентов (институт тьюторов); изменение позиции преподавателя к деятельности студента, использование современных технологий, в том числе цифровых; создание (модификация) системы мониторинга личностного продвижения студента.

Исходя из собственных наблюдений и мнения других авторов [31; 32], следует констатировать, что самостоятельный выбор курсов студентами чаще всего не обоснован. Ориентация на компетенции отсутствует. Многие студенты выбирают дисциплины, исходя из простоты их сдачи, не осознавая, что им необходимо изучить для их будущей профессии. В некоторых случаях выбор курсов носит декларативный характер.

Формирование ИОТ предполагает учет не только содержания обучения, но и его результат, выражаемый в профессиональной компетентности. Новые подходы требуют принципиального изменения позиции педагога по отношению к студентам: необходимо целенаправленное стимулирование проявления инициативы, самостоятельности и творчества в обучении. Будущий выпускник еще в период обучения в вузе может спланировать свою последующую реализацию в рамках одной и той же профессии в трех направлениях: в профессиональном мастерстве, в администрировании, в научных исследованиях (в том числе в преподавательской деятельности).

Все три типа развития карьеры изначально заложены в профессиональном образовании независимо от его конкретного содержания. Тем не менее, очевидно, что любое избранное направление карьерного развития детерминировано определенной степенью профессиональной компетентности в установленной области деятельности. Таким образом, необходимый уровень подготовки должен обеспечиваться путем построения ИОТ, включающей этапы промежуточного тестирования для выявления потенциала и коррекции выявленных недостатков в системе знаний [32], что в принципе, на практике за редким исключением не реализуется.

Анализируя процесс изменений, происходящий в последние годы в российском образовании, следует отметить, все более заметный отход от фундаментальности образовательной системы. Но нельзя также заявлять о полном свершившемся переходе к компетентностной модели, учитывая рассмотренные ранее факторы. Состояние неопределенности, невозможности использовать то лучшее, что содержат

обе образовательные системы, является характеристикой современного российского образования [33].

Основная претензия, послужившая причиной для инициирования изменения отечественной образовательной системы – чрезмерная теоретическая подготовка на фоне недостаточности практических навыков. По прошествии ряда лет после реформирования, она выглядит в достаточной мере надуманной. Поскольку снизив до критического уровня фундаментальность подготовки, мы не получили взлета уровня практических умений и навыков, ожидаемого «компетентного профессионала» на выходе. Наоборот, вытеснение из системы образования принципов обучения в рамках культурно-исторической теории Л. С. Выготского и акцент на метод проектов привел к последовательному снижению уровня теоретической и практической подготовленности, как абитуриентов, так и выпускников. У большинства недостаточен уровень развития оперативных действий высокого порядка, характеризующих общую способность к обучению таких как: сравнение, анализ, синтез, абстракция, обобщение, прогноз, конкретизация, моделирование, классификация. Зачастую наблюдается не сформированность элементарных компонентов учебной деятельности – смыслового чтения, навыка аналитико-синтетической переработки текста, что приводит к вполне закономерному результату: ухудшению качества массового образования [27].

Усугубляет положение противоречие между необходимостью следовать современным тенденциям внедрения в процесс обучения новых технологий и отсутствием у большинства вузов возможности обновления материально-технической базы, обеспечивающей учебный процесс. На этом фоне речь о создании единого цифрового образовательного пространства имеет характер словесной эквилибристики.

Проникновение цифровых технологий в образовательное пространство порождает дискуссии не только в российской, но и в мировой общественности. Возникли несколько направлений, связанных с цифровыми технологиями: дистанционное образование, онлайн-образование (MOOCs), виртуальные классы, смешанное обучение, E-Learning, Gamification. Компьютерные игры становятся дидактическим инструментом, дополняющим обучение на симуляторах и обеспечивающие профессиональную подготовку, например, пилотов, водителей, авиадиспетчеров, врачей и пр. Признаки интереса к цифровому обучению на основе игр отмечаются в научных исследованиях во многих странах. Тем не менее, есть данные, что руководство университетов и колледжей остерегаются использовать цифровые методы обучения (особенно игровые методики) из-за недостаточности данных о результатах обучения, оценке и влиянии цифровых игровых вмешательств на академическую успеваемость [34; 35]. С другой стороны, следует отметить, что технологически подкованные студенты находят игровой интерактивный опыт обучения привлекательным. Существуют данные о предпочтении студентов использовать комбинацию лекции с цифровым обучением [36]. Поэтому технологический потенциал компьютерных игр в части моделирования оперативных действий, точного манипулирования, формирования поведенческих навыков в различных ситуациях и многого другого, следует использовать в процессе совершенствования дидактических приемов в системах образования.

Однако это не единственная область дидактических процессов, в которой компьютерные игры могут оказаться хорошим инструментом в области современных образовательных технологий. Компьютерные игры и другие цифровые технологии могут обеспечить безопасную среду для изучения студентами иностранного языка, тем самым снижая уровень тревожности и одновременно повышая готовность к общению [37].

Наиболее высокая отдача от использования цифровых и компьютерных игровых методик, выразившаяся в увеличении когнитивных способностей зафиксирована у студентов-медиков и студентов-инженеров по сравнению с традиционным обучением [36; 38].

Существуют и затруднения в использовании цифровых технологий. Связаны они, прежде всего, с мышлением студентов, привыкших к пассивному стилю обучения через формат лекции [39]. Игрет роль также и разный уровень готовности студентов к использованию подобных методик [40].

Видится, что эволюция цифровых технологий, и прежде всего игровых, должна быть направлена на развитие развивающих игр и виртуальных тренажеров, выполняющих функции эффективных инструментов современных образовательных технологий по формированию и совершенствованию практических навыков, обучение которым в других условиях существенно затруднено. Использование оборудования виртуальной и дополненной реальности (PS VR, Xbox Kinect, Oculus Rift), симуляторов и тренажеров по ряду направлений подготовки позволит в значительной степени усовершенствовать процесс обучения, дать возможность оттачивать оперативные умения и специфические навыки без затрат на специальное оборудование.

Ряд ученых с уверенностью заявляют о многочисленных преимуществах включения в учебный процесс цифровых игровых технологий для моделирования реальных ситуаций в экономике, психологии, выработки практических навыков в картографии, математике, физике, микробиологии и пр. [40]. Однако разработка и создание программного обеспечения (непосредственно виртуального тренажера) затруднительна, так как фактически наблюдается недостаток технической оснащенности, недостаточная

мощность имеющегося компьютерного оборудования, а также недостаточное количество подготовленных специалистов, способных представить учебный материал в виде компьютерной игры. Тем не менее следует понимать, что именно внедрение цифровых технологий поможет создать полноценные учебно-методические комплексы, направленные на формирование компетенций, в том числе, непосредственно связанных с практическими навыками.

Таким образом, можно сделать вывод, что цифровое пространство является производной компетентностного подхода. Однако, нельзя заявлять это категорично. Цифровые технологии находятся в стадии бурного развития. Их потенциал в рамках фундаментальной подготовки не раскрыт.

Исследователи обращают внимание на существование трех подходов введения компьютерных игр и цифровых технологий в учебный процесс. Первый основан на проектировании и создании собственных игр в соответствии с заданными требованиями самими студентами. Второй подход связан с преподавателями или разработчиками, которые создают образовательные игры в соответствии с уровнем знаний обучающихся. Третий интегрирует готовые коммерческие игры в учебный процесс для повышения эффективности обучения [41]. Разрабатываются и используются многочисленные цифровые платформы, обеспечивающие доступ к электронным книгам (учебникам), записям вебинаров, обучению в виртуальном классе, онлайн-курсам, общеобразовательным и специализированным проектам как отечественным, так и международным¹. И к конструированию собственных курсов, например: <https://stepic.org/explore/courses>.

Будет ли иметь обучение с применением этих ресурсов фундаментальный характер? Ответ лежит в области компетентности самого педагога. Безусловно, использование цифровых методик как современного дидактического инструмента значительно расширит его арсенал эффективных приемов, обогатит учебный процесс, увеличит производительность, мотивацию и вовлеченность студентов в обучение [42].

Мы придерживаемся позиции, что цифровые технологии обучения эффективны, но функционально на сегодняшний день, они являются вспомогательным инструментом, отлично справляющимся с реализацией практико-ориентированного принципа обучения. Что характерно для компетентностного подхода. В будущем, при условии создания качественных обучающих программ с виртуальной поддержкой и на основе принципа фундирования, цифровое пространство займёт в образовательном пространстве прочное место, обеспечивая «определение профессионально-ориентированной теоретической основы для спиралевидной схемы развертывания и моделирования базовых учебных элементов» [43]. Другими словами реализацию основополагающего принципа фундаментальной подготовки, сформулированного академиком В. Д. Шадриковым.

Выводы. Таким образом, можно сделать выводы из сказанного.

1. Фундаментальный и компетентностный подходы различаются по целям, содержанию, инструментарию и по результатам обучения.

2. Обеспечить преемственность этих образовательных систем затруднительно не внося изменение в организационно-экономическую структуру вуза.

3. Эффективность отечественной образовательной системы в условиях модернизации могла бы значительно возрасти при условии планомерного анализа, выявлении лучших компонентов обеих систем и адаптации лучших достижений системы компетентностного образования при сохранении наиболее значимых достижений системы фундаментального образования.

4. Цифровое обучение – это стремительно развивающаяся сфера образования, имеющая множество форм. Это не только дистанционная форма и электронные учебники. Оно включает в себя разнообразное использование различных технических средств, облегчающих обучение и способствующих развитию когнитивных способностей, а также формированию практических навыков: виртуальные классы, компьютерные игры с заданным содержанием и цифровые игровые технологии для моделирования, оборудования виртуальной и дополненной реальности (PS VR, XBox Kinnect, OkulusRift), симуляторы и виртуальные тренажеры, смешанное обучение и др.

1. Современные исследователи сходятся во мнении, что цифровое обучение имеет четко выраженный практико-ориентированный характер. Тем не менее, оно имеет значительный потенциал в рамках фундаментальной подготовки в контексте дополнительных средств, расширяющих возможности преподавателя при использовании наглядных методов. Причем не только опосредованной наглядности, но и методов направленного прочувствования двигательного действия.

¹ <https://elearningindustry.com>; <https://www.cephai.eu>; <https://ru.khanacademy.org>; <https://www.coursera.org>; <https://openedu.ru>; <https://pruffme.com>; <https://www.lektorium.tv>; <http://universarium.org>; <http://lectoriy.mipt.ru>; <http://arzamas.academy/courses>; <http://www.intuit.ru>; <http://universality.com/kursi-online-obucheniya>; <http://businesslearning.ru>; <https://geekbrains.ru/courses#free>; <http://www.topexpert.pro> и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Barney J.A.** Organizational Culture: Can It Be A Source of Sustained Competitive Advantage? // Academy of Management Journal. 1986. Vol. 11 (3). P. 656–665.
2. **Barney J.A.** Types of Competition and the Theory of Strategy: Toward an Integrative Framework // Academy of Management Review. 1986. № 11 (4). P. 791–800.
3. **Arnold R.** Schlüsselqualifikationen – Ziel einer ganzheitlichen Berufsbildung. In: Kolner Zeitschrift für, Wirtschaft und Pädagogik. 7. Jg., 1992. Heft 13. P. 65–88.
4. **Achtenhagen F., John E.G.** Mehrdimensionale Lehr-Lern-Arrangements – Innovationen in der kaufmannischen Aus- und Weiterbildung. (Hrsg.): Mehrdimensionale Lehr-Lern Arrangements. Innovationen in der kaufmannischen Aus- und Weiterbildung. 1992, P. 3–11.
5. **Cappelli P., Crocker-Hefter A.** Distinctive human resources are firms' core competencies. Organizational Dynamics. Winter. 1996, P. 7–22.
6. **Delamare le Deist F., Winterton J.** What is competence? Human resource development international. 2005. Vol. 8. No. 1. P. 27–46.
7. **Bowskill N., Foster J., Lally V., McConnell D.** Networked professional development: Issues and strategies in current practice // The International Journal for Academic Development. 2000. Vol. 5 (2). P. 93–106.
8. **Бояцис Р.** Компетентный менеджер Модель эффективной работы / пер. с англ. М.: ГИППО, 2008. – 352 с.
9. **Barney J.A.** Firm Resources and Sustained Competitive Advantage // Journal of Management. 1991. № 17 (1). P. 99–120.
10. **Cazal D., Dietrich A.** Competences et savoirs: quels concepts pour quelles instrumentations // Gérer les Compétences: des Instruments aux Processus. A. Klarsfeld and E. Oiry (Eds). Paris: Vuibert. 2003, P. 241–262.
11. **Spitzer R.D.** TQM: The Only Source of Sustainable Competitive Advantage. Quality Progress. 1993, P. 59–64.
12. **Spencer L. M. Jr., Spencer S.M.** Competence at work: models for superior performance. J. Wiley & Sons. Inc. New York, 1993.
13. **Synder A.V., Ebeling Jr. H. W. Targeting A.** Company's Real Core Competencies. Journal of Business Strategy. 1992, P. 26–32.
14. **Mansfield R.** Building competency models: Approach for HR professionals, Human Resource Management. Spring. 1996. Vol. 35. Number 1. P. 7–18.
15. **Bjornavold J.** Making Learning Visible. Identification, Assessment and recognition of Non-formal Learning in Europe. CEDEFOP. Luxemburg: EUR-Op. 2000, 325 p.
16. **Le Boterf G.** Construire les compétences individuelles et collectives. Paris: Editions d'organisation, 2010.
17. **Jacqueline M. de Chabert.** A model for the development and implementation of core competencies in restaurant companies for superior financial performance. Dissertation submitted to the Faculty of the Virginia Polytechnic Institute and State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy In Hospitality and Tourism Management. URL: <http://hdl.handle.net/10919/30765>
18. **UK Qualifications and Credit Framework.** OCA, 2008.
19. **Prahalad C.K., Hamel G.** Competing for the Future. Harvard Business Review. 1994, 10 p.
20. **Cheetham G., Chivers G.** The reflective (and competent) practitioner: A model of professional competence which seeks to harmonise the reflective practitioner and competence-based approaches // Journal of European Industrial Training. 1998. Vol. 22. №7. P. 267–276.
21. **Dohmen G.** Weiterbildungsinstitutionen, Medien, Lernumwelten: Rahmenbedingungen und Entwicklungshilfen für das selbstgesteuerte Lernen. – Bundesministerium für Bildung und Forschung, 1999.
22. **Klemp G.O.** The Assessment of Occupational Competence. Washington. DC.: Report to the National Institute of Education, 1980.
23. **Le Boterf G.** De la compétence, essai sur un attracteur étrange. Paris: Les éditions d'organisation, 1994.
24. **Flothow K.** Förderung von Handlungskompetenzen in der beruflichen Erstausbildung durch Lern – und Arbeitstechniken. Bergisch Gladbach, 1992.
25. **Мартынюк О. И. и др.** Опыт формирования компетентностной модели выпускника педагогического вуза как нормы качества и базы оценки результатов образования (на примере физико-математического факультета) / под науч. ред. Н. А. Селезневой, И. Н. Медведевой // Квалиметрия в образовании: методология, методика, практика: Материалы XI симпозиума – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. 48 с.
26. **Жук О. Л.** Педагогическая подготовка студентов: компетентностный подход. Минск: РИВШ, 2009. 336 с.
27. **Жук О. Л.** Компетентностный подход в педагогической подготовке студентов классического университета // Веснік БДУ. Сер. 4. 2009. №1. С. 95–104.
28. **Макаров А. В.** Компетентностная модель социально-гуманитарной подготовки выпускника вуза // Выш. шк. 2004. №1. С. 16–12.

29. **Рябов Л. П.** Сопоставительные исследования систем высшего образования: методол. аспект. М., 2002. 271 с.
30. **Субетто А. И.** Система управления качеством в вузе (модель): материалы X симп. «Квалиметрия в образовании: методология и практика» / под науч. ред. Н. А. Селезневой, А. И. Субетто. Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов. М., 2002. 25 с.
31. **Клетнева А. А., Давыдова С. А., Гладышев А. А.** Создание индивидуальных образовательных траекторий бакалавров физической культуры // Стратегия гармоничного развития личности в концепции Международных детских игр «Спорт, искусство, интеллект»: сб. научн. тр. науч.-практ. конф. Новосибирск: Изд-во Новосиб. Гос. акад. вод. Транспорта, 2013. С. 224–227.
32. **Плюхина С. В.** Содержание социально-профессиональной компетентности как целостное качество выпускника и результат образования // Среднее профессиональное образование. 2011. № 11. С. 26–28.
33. **Гладышев А. А.** Формирование индивидуальной образовательной траектории студентов физкультурно-спортивного профиля на основе компетентностного подхода (для специализации в сфере фитнеса). дис.... канд. пед. наук: 13.00.08/ А. А. Гладышев. – Нижневартовск, 2016. – 217 с. [<https://esu.citis.ru/>; (дата обращения: 02.02.2020)]
34. **Kanthan R., Senger J.** The impact of specially designed digital computer games-based learning in undergraduate pathology and medical education // Education in Pathology & Laboratory Medicine. 2011. Vol. 135. P. 135–142.
35. **Vandercruysse S., Vandewaetere M., Cornillie F., Clarebout G.** Competition and students» perceptions in a game-based language learning environment // Educational Technology Research and Development. 2013. Vol. 61 (6). P. 927–950. doi:10.1007/s11423-013-9314-5
36. **Rondon S., Chiarion S., Furquim de Andrade C.** Computer game-based and traditional learning method: A comparison regarding student»s knowledge retention // BMC Medical Education. 2013. Vol. 13 (30). P. 1–8. DOI: 10.1186/1472-6920-13-30
37. **Reinders H., Wattana S.** Affect and willingness to communicate in digital game-based learning // The Journal of EUROCALL. 2015. Vol. 27 (1). P. 38–57.
38. **Boeker M., Andel P., Vach W., Frankenschmidt A.** Game-based e-learning is more effective than a conventional instructional method: A randomized controlled trial with third-year medical students // PloSOne. 2013. Vol. 8 (12). DOI: 10.1371/journal.pone.0082328.
39. **Herro D., Clark R.** An academic home for play: Games as unifying influences in higher education // On the Horizon. 2016. Vol. 24 (1). P. 17–28. <https://doi.org/10.1108/OTH-08-2015-0060>
40. **Turner P. E., Johnston E., Kebritchi M., Evans S., Heflich D. A.** Influence of online computer games on the academic achievement of nontraditional undergraduate students // Cogent Education. 2018. Vol. 5. P. 1437671 <https://doi.org/10.1080/2331186X.2018.1437671>
41. **Dadheech A.** URL: <https://theknowledgereview.com/importance-game-based-learning-modern-education/>
42. **Antonaci A., Klemke R., Specht M.** The Effects of Gamification in Online Learning Environments: A Systematic Literature Review // Informatics. 2019. Vol. 6. P. 32. DOI: 10.3390/informatics6030032.
43. **Смирнов Е. И., Белкина В. Н., Тихомиров А. С., Трошина Т. Л.** Фундирование в определении содержания математического образования будущего учителя // Ярославский педагогический вестник. 2013. №3. Том II. С. 134–140.

REFERENCES

1. **Barney J. A.** Organizational Culture: Can It Be A Source of Sustained Competitive Advantage?. *Academy of Management Journal*, 1986, vol. 11 (3), pp. 656–665.
2. **Barney J. A.** Types of Competition and the Theory of Strategy: Toward an Integrative Framework. *Academy of Management Review*, 1986, no. 11 (4), pp. 791–800.
3. **Arnold R.** Schlüsselqualifikationen – Ziel einer ganzheitlichen Berufsbildung. In: *Kolner Zeitschrift für, Wirtschaft und Pädagogik*. 7. Jg., 1992. Heft 13, pp. 65–88.
4. **Achtenhagen F. John E. G.** Mehrdimensionale Lehr-Lern-Arrangements – Innovationen in der kaufmannischen Aus- und Weiterbildung. (Hrsg.): *Mehrdimensionale Lehr-Lern Arrangements. Innovationen in der kaufmannischen Aus- und Weiterbildung*. 1992, pp. 3–11.
5. **Cappelli P., Crocker-Hefter A.** Distinctive human resources are firms»core competencies. *Organizational Dynamics*. Winter. 1996, pp. 7–22.
6. **Delamare le Deist F., Winterton J.** What is competence? *Human resource development international*, 2005, vol. 8, no. 1, pp. 27–46.
7. **Bowskill N., Foster J., Lally V., McConnell D.** Networked professional development: Issues and strategies in current practice. *The International Journal for Academic Development*, 2000, vol. 5 (2), pp. 93–106.

8. **Boyatzis R.** the Competent Manager. Model of effective work. trans. with English. Moscow, HIPPO Publ., 2008, 352 p.
9. **Barney J.A.** Firm Resources and Sustained Competitive Advantage. *Journal of Management*, 1991, no. 17 (1), pp. 99–120.
10. **Cazal D., Dietrich A.** Compertences et savoirs: quels concepts pour quelles instrumentations. Gerrer les Compertences: des Instruments aux Processus. A. Klarsfeld and E. Oiry (Eds). Paris: Vuibert. 2003, pp. 241–262.
11. **Spitzer R.D.** TQM: The Only Source of Sustainable Competitive Advantage. *Quality Progress*. 1993, pp. 59–64.
12. **Spencer L.M. Jr., Spencer S.M.** Competence at work: models for superior performance. J. Wiley & Sons. Inc. New York, 1993.
13. **Synder A.V., Ebeling Jr.H. W. Targeting A.** Company»s Real Core Competencies. *Journal of Business Strategy*, 1992, pp. 26–32.
14. Mansfield R. Building competency models: Approach for HR professionals, *Human Resource Management*. *Spring*, 1996, vol. 35, Namber I, pp. 7–18.
15. **Bjornavold J.** Making Learning Visible. Identification, Assessment and recognition of Non-form, al Learning in Europe. CEDEFOP. Luxemburg: EUR-Op. 2000, 325 p.
16. **Le Boterf G.** Construire les competences individuelles et collectives. Paris: Editions d»organisation, 2010.
17. **Jacqueline M. de Chabert.** A model for the development and implementation of core competencies in restaurant companies for superior financial performance. Dissertation submitted to the Faculty of the Virginia Polytechnic Institute and StateUniversity in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy In Hospitality and Tourism Management. Available at: <http://hdl.handle.net/10919/30765>
18. UK Qualifications and Credit Framework. OCA, 2008.
19. **Prahalad C.K., Hamel G.** Competing for the Future. *Harvard Business Review*. 1994, 10 p.
20. **Cheetham G., Chivers G.** The reflective (and competent) practitioner: A model of professional competence which seeks to harmonise the reflective practitioner and competence-based approaches. *Journal of European Industrial Training*, 1998, vol. 22, no. 7, pp. 267–276.
21. **Dohmen G.** Weiterbildungsinstitutionen, Medien, Lernumwelten: Rahmenbedingungen und Entwicklungshilfen für das selbstgesteuerte Lernen. – Bundesministerium für Bildung und Forschung, 1999.
22. **Klemp G.O.** The Assessment of Occupational Competence. Washington. DC.: Report to the National Institute of Education, 1980.
23. **Le Boterf G.** De la competence, essai sur un attracteur etrange. Paris: Les editions d»organisation, 1994.
24. **Flothow K.** Förderung von Handlungskompetenzen in der beruflichen Erstausbildung durch Lern – und Arbeitstechniken. Bergisch Gladbach, 1992.
25. **Martynyuk O.I. et al.** Experience of formation of competence model of the graduate of pedagogical high school as standards of quality and base of an assessment of results of education (on the example of physical and mathematical faculty) / pod nauch. ed. N.A. Selezneva, I.N. Medvedeva. *Qualimetry in education: methodology, methodology, practice*: Proceedings of the XI Symposium-Moscow: Research center for quality problems of training, 2006. 48 p.
26. **Zhuk O.L.** Pedagogical preparation of students: competence approach. Minsk: national Institute of higher education, 2009. 336 p.
27. **Zhuk O.L.** Competence approach in pedagogical training of students of classical University. *Vesnik BDU*, Ser. 4, 2009, no. 1, pp. 95–104.
28. **Makarov A.V.** Competence model of social and humanitarian training of University graduates. *Vysh. SHK*, 2004, no. 1, pp. 16–12.
29. **Ryabov L.P.** comparative studies of higher education systems: methodol. aspect. Moscow, 2002, 271 p.
30. **Subetto A.I.** Quality management System in the University (model): materials X SIMP. «Qualimetry in education: methodology and practice». Edited by N.A. Selezneva, A.I. Subetto. Research. center for quality problems of training. Moscow, 2002, 25 p.
31. **Kletneva A.A., Davydova S.A., Gladyshev A.A.** Creation of individual educational trajectories of bachelors of physical culture. *Strategy of harmonious development of the personality in the concept of the International children»s games «Sport, art, intelligence»*. Novosibirsk, Novosibirsk, State Acad. waters». Transport Publ., 2013, pp. 224–227.
32. **Plyukhina S.V.** the Content of social and professional competence as a holistic quality of the graduate and the result of education. *Secondary vocational education*, 2011, no. 11, pp. 26–28.
33. **Gladyshev A.A.** Formation of an individual educational trajectory of students of physical culture and sports profile on the basis of a competence approach (for specialization in the field of fitness). Disserta-

- tion submitted to for the degree of candidate of pedagogy 13.00.08/ A.A. Gladyshev. – Nizhnevartovsk, 2016. – 217 p. [<https://esu.citis.ru/>; (date of issue: 02.02.2020)]
34. **Kanthan R., Senger J.** The impact of specially designed digital computer games-based learning in undergraduate pathology and medical education. *Education in Pathology & Laboratory Medicine*, 2011, vol. 135, pp. 135–142.
35. **Vandercruysse S., Vandewaetere M., Cornillie F., Clarebout G.** Competition and students» perceptions in a game-based language learning environment. *Educational Technology Research and Development*, 2013, vol. 61 (6), pp. 927–950. DOI: 10.1007/s11423-013-9314-5
36. **Rondon S., Chiarion S., Furquim de Andrade C.** Computer game-based and traditional learning method: A comparison regarding student»s knowledge retention. *BMC Medical Education*, 2013, vol. 13 (30), pp. 1–8. DOI: 10.1186/1472-6920-13-30
37. **Reinders H., Wattana S.** Affect and willingness to communicate in digital game-based learning. *The Journal of EUROCALL*, 2015, vol. 27 (1), pp. 38–57.
38. **Boeker M., Anel P., Vach W., Frankenschmidt A.** Game-based e-learning is more effective than a conventional instructional method: A randomized controlled trial with third-year medical students. *PloSOne*, 2013, vol. 8 (12). DOI: 10.1371/journal.pone.0082328.
39. **Herro D., Clark R.** An academic home for play: Games as unifying influences in higher education. *On the Horizon*, 2016, vol. 24 (1), pp. 17–28. DOI: <https://doi.org/10.1108/OTH-08-2015-0060>
40. **Turner P.E., Johnston E., Kebritchi M., Evans S., Heflich D.A.** Influence of online computer games on the academic achievement of nontraditional undergraduate students. *Cogent Education*, 2018, vol. 5, pp. 1437671. DOI: <https://doi.org/10.1080/2331186X.2018.1437671>
41. **Dadheech A.** Available at: <https://theknowledgereview.com/importance-game-based-learning-modern-education/>
42. **Antonaci A., Klemke R., Specht M.** The Effects of Gamification in Online Learning Environments: A Systematic Literature Review. *Informatics*, 2019, vol. 6, pp. 32. DOI: 10.3390/informatics6030032.
43. **Smirnov E.I., Belkina V.N., Tikhomirov A.S., Troshina T.L.** Funding in determining the content of mathematical education of the future teacher. *Yaroslavl pedagogical Bulletin*, 2013, no. 3, vol. II, pp. 134–140.

Информация об авторах

Гладышев Александр Александрович – соискатель, старший преподаватель кафедры физического воспитания Новосибирского государственного аграрного университета (630 039, г. Новосибирск, ул. Добролюбова 160, e-mail: gaa_03@mail.ru)

Гладышева Анна Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой физического воспитания Новосибирского государственного аграрного университета (630 039, г. Новосибирск, ул. Добролюбова 160, e-mail: kaa_03@mail.ru)

Статья поступила в редакцию 10.12.19. После доработки 14.02.20. Принята к публикации 2.03.20.

Information about the authors

Alexandr A. Gladyshev – senior lecturer Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Novosibirsk State Agrarian University» (160, Dobrolyubova str., Novosibirsk, 630 039, Russian Federation, e-mail: gaa_03@mail.ru)

Anna A., Gladysheva – Phd Pedagogical science, associate professor, head of department Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Novosibirsk State Agrarian University» (160, Dobrolyubova str., Novosibirsk, 630 039, Russian Federation, e-mail: kaa_03@mail.ru)

The paper was submitted 10.12.19. Received after reworking 14.02.20. Accepted for publication 2.03.20.

УДК 378.14, 372.854, 004

СИСТЕМА ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ DISPACE 2.0 – ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ (ЭКОСИСТЕМЫ) НГТУ

М. В. Леган

Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Российская Федерация, e-mail: Legan_m@ngs.ru

М. Э. Рояк

Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Российская Федерация, e-mail: royak@corp.nstu.ru

М. А. Горбунов

Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Российская Федерация, e-mail: mgorbunov@edu.nstu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы содержания, формирования и условий функционирования электронной информационно-образовательной (цифровой) среды образовательной организации. Главным системообразующим фактором, объединяющим и управляющим всеми компонентами образовательного процесса в цифровой среде в единый комплекс, является программная платформа (электронная система обучения, LMS), позволяющая реализовывать электронное (дистанционное, онлайн) обучение. Система электронного обучения DiSpace 2.0 является востребованной и адаптированной образовательной системой, не уступая по возможностям распространенным платформам дистанционного обучения. В качестве обучающих объектов (цифровых образовательных ресурсов) в банке (хранилище) находятся спроектированные преподавателями электронные учебно-методические курсы, онлайн курсы, тесты, интерактивные тренажеры, а также анимация, лабораторные практикумы (в цифровом формате). Показана динамика роста в НГТУ работающих цифровых образовательных ресурсов (электронных курсов и тестовых контролирующих материалов). При наличии собственной электронной среды обучения происходит постоянное развитие ИКТ-компетенций профессорско-преподавательского состава НГТУ, включая навыки проектирования собственных образовательных ресурсов. В свете системно-деятельностного подхода к обучению образовательная экосистема НГТУ дополнена интерактивными стендами тренажерами, например, по пожарной и электробезопасности, разработанными преподавателями в сотрудничестве с программистами-разработчиками. Показаны типы и формы контроля знаний обучающихся при организации самостоятельной работы как для традиционной формы обучения, так и для заочной с применением дистанционных технологий. Рассматриваемая с точки зрения экосистемного подхода, среда электронного обучения является децентрализованной, самоорганизованной, эмерджентной экосистемой, что повышает ее стабильность и качество. Разработан алгоритм комплексной оценки качества среды электронного обучения, с выделением рубрик и критериев качества, требующий дополнительных исследований.

Ключевые слова: цифровая образовательная среда, образовательная экосистема, оценка качества, электронные образовательные ресурсы, дистанционные образовательные технологии.

Для цитаты: Леган М. В., Рояк М. Э., Горбунов М. А. Система электронного обучения DiSpace 2.0 – основополагающий элемент цифровой образовательной среды (экосистемы) НГТУ // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, №1. С. 3520–3531. DOI: 10.15372/PEMW20200115

DOI: 10.15372/PEMW20200115

**DISPACE 2.0 E-LEARNING SYSTEM – A FUNDAMENTAL ELEMENT
OF THE DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT (ECOSYSTEM)
OF NOVOSIBIRSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY**

Legan, M. V.

Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: Legan_m@ngs.ru

Royak, M. E.

Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: royak@corp.nstu.ru

Gorbunov, M. A.

Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: mgorbunov@edu.nstu.ru

Abstract. *The article discusses the problems of content, formation and functioning conditions of the electronic informational-educational (digital) environment of educational organizations. The main system-forming factor uniting and managing all the components of the educational process in the digital environment into a single complex is the software platform (electronic learning system, LMS), which allows for the implementation of electronic (distance, online) learning. The DiSpace 2.0 e-learning system is a popular and adapted educational system, not inferior in capabilities to the widespread learning management systems. As training objects (digital educational resources) in the Bank (depository) are designed by teachers electronic training courses, online courses, tests, interactive simulators, as well as animation, laboratory workshops (in digital format). The dynamics of growth of working digital educational resources (electronic courses and test control materials) at NSTU is shown. If you have your own electronic learning environment, there is a constant development of information and communication competencies of the NSTU academic staff, including skills to design their own educational resources. In keeping with the system-activity approach to teaching, the educational ecosystem of NSTU is supplemented by interactive simulator stands, for example, for fire and electrical safety, developed by teachers in collaboration with software developers. The types and forms of students' knowledge control are shown during the organization of independent work, both for the traditional and correspondence forms of training, involving the use of distance technologies. Considered from the point of view of the ecosystem approach, the e-learning environment is a decentralized, self-organized, emergent ecosystem, which increases its stability and quality. An algorithm has been developed for the comprehensive assessment of the quality of the e-learning environment, with the identification of rubrics and quality criteria that require additional research.*

Keywords: *digital educational environment, educational ecosystem, quality assessment, electronic educational resources, distance educational technologies.*

For quote: *Legan M. V., Royak M. E., Gorbunov M. A. [DiSpace 2.0 e-learning system – a fundamental element of the digital educational environment (ecosystem) of NSTU]. Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 3520–3531. DOI: 10.15372/PEMW20200115*

Введение. Среди ключевых направлений развития цифрового образования премьер Д. М. Медведев обозначил «формирование современной цифровой образовательной среды» [1]. Исследование содержания понятия «цифровое образование» позволило исследователям уточнить его сущность (образование как процесс, образование как результат) и системообразующие компоненты (цифровая образовательная среда, цифровые процессы организации учебного процесса, цифровые процессы проверки знаний, цифровые технологии организации обучения, цифровой контент и др.) [2].

Важной составляющей организации учебного процесса в цифровом образовании является *цифровая образовательная среда* как часть электронной информационно-образовательной среды, условия функционирования которой определяются нормативно-правовой базой государственного и отраслевого значения [3]. Также в современном мире растет актуальность образования «через всю жизнь», в котором обеспечивается непрерывное развитие личности и индивидуальности каждого человека, где главной задачей является создание информационно-образовательной среды (ИОС) как одного из условий достижения качества образования [4].

В научных исследованиях отечественных авторов рассмотрены проблемы содержания, формирования и условий функционирования электронной информационно-образовательной (цифровой) среды. Например, И. В. Роберт изучены теоретические основы создания и использования средств информатизации

образования [5], принципы построения информационно-образовательной среды открытого образования представлены в работах С. Л. Лобачева [6], Мовчан [7], исследования категории «цифровая образовательная среда» в работах А. В. Лубкова и С. Д. Каракозова [8]. Предложен экосистемный подход к цифровой образовательной среде и образовательному процессу в ней, рассмотрены его преимущества [9; 10].

В соответствии с вышесказанным, в составе ключевых вызовов для опорного Новосибирского технического университета (НГТУ) была поставлена задача: обеспечение соответствия содержания образовательной деятельности реальным потребностям региона, компетенции профессорско-преподавательского состава – потребностям и реалиям современного социально-экономического развития; диверсифицирование портфеля образовательных программ для удовлетворения потребностей в профессиональном обучении различных категорий населения; постройка многоуровневых образовательных траекторий, а также широкое применение современных моделей *цифровой образовательной среды (ЦОС)*.

Декларируется стратегия НГТУ в области электронного обучения с использованием дистанционных технологий (ДОТ), направленная на *создание различных структурно-педагогических моделей* образовательного процесса, *максимальное распространение* практик успешного применения онлайн курсов в группах, а также *оценке качества* обучения. Использование в педагогическом процессе моделей смешанного и электронного обучения, является несомненно актуальным и способствующим выполнению федеральной целевой программы развития образования. Руководители образовательных организаций (ОО) все чаще обращаются к таким инновационным моделям, предусматривая возможность *переноса образовательных модулей и (или) некоторых форм занятий* в электронную среду, либо используя онлайн *технологии* в образовательном процессе (например, МООК-технологии).

Главным системообразующим фактором, объединяющим и управляющим всеми компонентами образовательного процесса в цифровой среде в единый комплекс, является программная платформа (*электронная система обучения, LMS*), обладающая широким набором модулей и позволяющая реализовывать электронное (дистанционное, онлайн) обучение. В утверждённом государственном стандарте определение понятия «Система управления обучением» отсутствует, в литературе этот термин используется для обозначения информационных систем, обеспечивающих административную, техническую и методологическую поддержку процессов, связанных с электронным (дистанционным, онлайн) обучением. Таким образом, *LMS* представляет собой программное обеспечение для разработки электронных курсов, их размещения и проведения электронного обучения с применением ДОТ, а также онлайн обучения, и анализа активности студентов, работы с журналом, осуществления двусторонних и односторонних коммуникаций (обратной связи) и т. д.

Существуют разные подходы к оценке качества образовательных экосистем. Такая оценка качества может иметь *объективный характер*, когда оценивается количество изучаемых цифровых ресурсов (баз данных), включенных в образовательное пространство, количество участников образовательного процесса и т. д., а может – *субъективный*: оценка компетенций, удовлетворенности стейкхолдеров (заинтересованных сторон) [11]. С целью *выбора программных продуктов и сред* используется экспертно-аналитические методы. Существуют следующие методы для оценки и выбора альтернатив в различных ситуациях *принятия решений*: целевое программирование (goal programming, GP), многофакторная теория полезности (multiattribute utility theory, MAUT), скоринговые модели (scoring models) и метод решения многокритериальных задач с целью выбора альтернативных решений, называемый методом *анализа иерархий* (МАИ) *Саати* [12]. Надо сказать, что выбор методов экспертной оценки качества электронной среды обучения является в настоящее время актуальной задачей, еще не имеющей однозначного решения.

Постановка задачи

- определить архитектуру, функции и функциональные возможности системы электронного обучения *DiSpace 2.0*;
- изучить вопросы организации *CPC* в удаленном доступе;
- рассмотреть систему электронного обучения НГТУ с точки зрения экосистемного подхода;
- предложить комплексный алгоритм оценки ее качества.

Методика и методология исследования. Основными *методами исследования* стали: теоретический (анализ научной литературы в области цифровых образовательных систем и электронного обучения), эмпирические методы исследования (анкетирование, тестирование, беседа, педагогическое наблюдение, эксперимент), анализ результатов учебно-познавательной деятельности обучающихся и статистические данные деятельности преподавательского состава в ЦОС, например, активности ведения журнала, статистика создания электронных образовательных ресурсов.

Педагогический эксперимент по созданию и оценке качества образовательной экосистемы проводился с использованием собственной системы электронного обучения НГТУ *Dispace 2.0* (адрес

размещения <http://dispace.edu.nstu.ru>), которая обеспечивает доступ к личной странице обучающихся с набором дисциплин согласно учебным планам и возможностью работы с удаленным доступом [13].

Результаты

I. Цифровая информационно-образовательная экосистема НГТУ

Цифровая информационно-образовательная экосистема НГТУ является открытой интегрированной многокомпонентной системой и включает организационное, кадровое и методическое обеспечение учебного процесса, а также программные, технические средства обработки и передачи информации, на основе которых создаются условия для эффективного совместного взаимодействия учебно-исследовательской, творческой и организационной деятельности обучающихся, преподавателей, служб сопровождения и др.

Рис. 1. Цифровая информационно-образовательная экосистема НГТУ

Режим «одного окна», переход между модулями для пользователей внутри единой системы без дополнительной авторизации ведет к уменьшению энтропии в системе, что в свою очередь, способствует упорядочению и увеличению результативности образовательного процесса [14].

II. Собственная система электронного обучения DiSpace 2.0

В условиях организации и управления технологиями смешанного, дистанционного или онлайн обучения в образовательных организациях важную роль играет выбор системы электронного обучения (или системы управления обучением (LMS)). Собственная программная платформа *DiSpace 2.0*, разработанная в институте дистанционного обучения НГТУ (ИДО НГТУ) и обеспечивающая поддержку электронного обучения на уровне планирования и организации учебного процесса, а также преподавания отдельных дисциплин синхронизована с информационной системой НГТУ и порталом университета по принципу «единой платформы». Система электронного обучения *DiSpace 2.0* поддерживает гибкую настройку для разных целевых групп в соответствии с концепцией непрерывного образования, обладает дружелюбным интерфейсом, ориентированным на пользователя с базовыми навыками владения информационно-коммуникационными (ИКТ) технологиями. В качестве операционных систем используются Centos Linux 7 и Microsoft Windows Server 2016. Все сервисы платформы синхронизированы между собой.

В цифровой среде осуществляется эмоционально-интеллектуальное взаимодействие преподавателя и обучающегося, обеспечивается доступ к личной странице с набором дисциплин согласно учебным планам и возможностью процесса обучения в удаленном режиме. С развитием общества и технологий растет актуальность образования «через всю жизнь», в котором обеспечивалось бы непрерывное развитие личности и индивидуальности каждого человека.

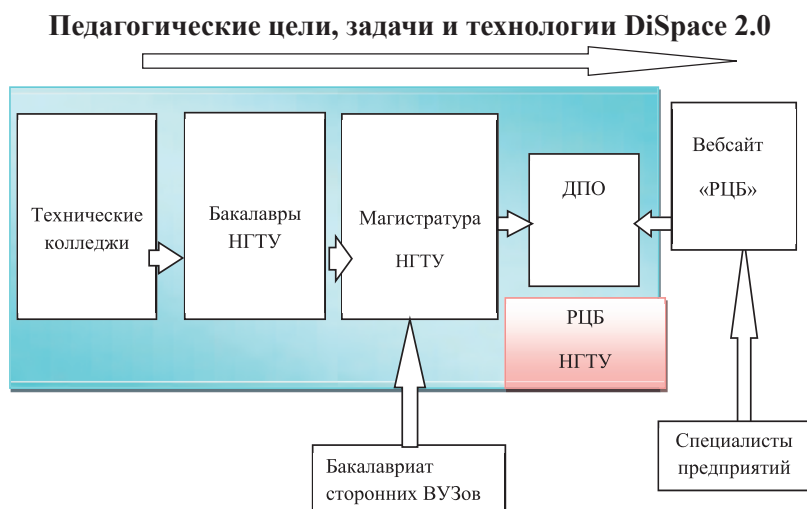

Рис. 2. Непрерывность образовательного процесса на базе системы электронного обучения DiSpace 2.0

РЦБ – центр региональной безопасности НГТУ;

ДПО – дополнительное профессиональное образование

Многие LMS, например, самая распространенная система для дистанционного обучения с открытым кодом Moodle, берет за основу индивидуальные траектории обучения, тогда как в России во главе стоят рабочие планы и академические группы [15]. Эта парадигма и была принята при создании программистами-разработчиками системы электронного обучения DiSpace 2.0.

Оригинальным решением разработчиков системы DiSpace 2.0. является возможность создания архитектуры рабочих пространств. Причем, каждое рабочее пространство настраивается в соответствии с организационными особенностями процесса обучения разных целевых групп (дополнительное образование, очная форма, заочная форма, среднее профессиональное). Иллюстрацией вышесказанному может служить актуальность использования платформы DiSpace 2.0. во всех формах обучения НГТУ, химическом факультете Московского государственного университета, а также «НТК Покрышкина», Бердском политехническом колледже, Новосибирском авиастроительном лицее, Новосибирском машиностроительном колледже, политехническом колледже, промышленно-энергетическом колледже, Тогучинском межрайонном аграрном лицее (НСО) и др.

1. Элементы системы электронного обучения DiSpace 2.0

В качестве обучающих объектов (цифровых образовательных ресурсов) в банке (хранилище) DiSpace 2.0 находятся спроектированные преподавателями электронные учебно-методические курсы, онлайн курсы, тесты, интерактивные тренажеры, а также учебные фильмы, анимация, лабораторные практикумы (в цифровом формате). На рисунках 3 и 4 показана динамика роста работающих цифровых образовательных ресурсов в НГТУ с 2015 г. по середину 2019 г. *Работающими* авторы называют электронные курсы, используемые в учебном процессе с удаленным доступом (различные модели смешанного, дистанционного обучения).

Рис. 3. Динамика роста работающих электронных курсов: КФО – комбинированное (смешанное обучение); ЗФ – заочное обучение; ОФ – очное обучение

Работающие тесты – контролирующие материалы в тестовой форме, которые проходил хотя бы один студент указанного рабочего пространства.

Рис. 4. Динамика роста используемых в учебном процессе тестовых контролирующих материалов

В результате имеющихся статистических данных можно сказать, что количество созданных и участвующих в учебном процессе цифровых образовательных ресурсов неуклонно увеличивается, соответственно растет и количество профессорско-преподавательского состава образовательных организаций, использующих в образовательном процессе *дистанционные и смешанные технологии* обучения.

В свете *системно-деятельностного подхода* к обучению образовательная экосистема НГТУ дополнена интерактивными стендами – тренажерами, например, по пожарной и электробезопасности, разработанными преподавателями в сотрудничестве с программистами-разработчиками. По мнению исследователей, цель использования *интерактивных тренажеров* в учебном процессе состоит в вовлечении и удержании внимания обучающихся, что особенно важно при дистанционном обучении, где доля самостоятельной работы и так высока, а успешность обучения зависит от самоорганизованности и мотивации [16]. Использование интерактивных методов в обучении способствует активизации психических процессов обучаемых, таких как: внимание, запоминание, интерес, восприятие, мышление, тем самым усиливая их когнитивную деятельность [17].

Таким образом, можно сделать вывод о постепенном развитии ИКТ-компетенций педагогов НГТУ, включая навыки проектирования собственных образовательных ресурсов (электронных курсов, тестовых контролирующих материалов) в цифровой среде. *Средствами коммуникации*, обеспечивающие двух- и односторонние коммуникативные взаимосвязи всех участников образовательного процесса являются: форумы, чаты, сообщения, вебинары, консультации.

2. Вебинары в DiSpace 2.0.

Вебинар (онлайн-семинар, веб-конференция, англ. webinar) – разновидность веб-конференции, проведение онлайн-встреч или презентаций через Интернет. Во время веб-конференции каждый из участников находится у своего компьютера, а связь между ними поддерживается через Интернет через веб-приложение. *Вебинары* обеспечиваются встроенной платформой по проведению такого вида занятий. В данный момент используется последняя версия *BigBlueButton 2.0*, релиз 2019 года. Версия имеет более чистый интерфейс, который обновлен в парадигме минимализма и легкости. Средства обеспечения доступа к вебинарам, управления временем проведения и уровнями доступа, списком участников встроены в систему DiSpace 2.0.

Вебинар *DiSpace 2.0* поддерживает:

- *слайдовые презентации* (постраничную трансляцию документа любого популярного офисного формата);
- видео в режиме реального времени;
- *VoIP* (аудиосвязь через компьютер в режиме реального времени с использованием наушников или колонок);
- *электронную доску* для комментариев, на которой ведущий может комментировать пункты слайдовой презентации;

- *текстовый чат* – для сеансов вопросов и ответов в режиме реального времени, проводимых только для участников конференции, в чате возможно как *групповое* (сообщения видны всем участникам) так и *приватное общение*;
- *голосования и опросы* (позволяют ведущему опрашивать аудиторию, предоставляя на выбор несколько вариантов ответов);
- *удалённый рабочий стол*, совместное использование приложений (когда участники могут просматривать всё, что уже было отображено на их мониторе ведущим веб-конференции).

Элементами среды, называемые «Управление данными» являются такие составляющие как:

- отслеживание активностей обучающегося;
- статистика (тестов, курсов, посещаемости);
- электронное портфолио обучающегося – «личный кабинет»;
- техническая и методическая поддержка работы в системе.
- нормативно-правовая база включает ФЗ, Госты, например, ГОСТ Р ИСО/МЭК 12 119–2000; Положения (об Электронном издании НГТУ; Положение об ЭУМК и т.д.)

Технические аспекты системы включают: Стандарты хранения данных (XML, JSON, SCORM, QTI 2.0, CSV); безопасности (Https); технологии разработки (Php, css, less/css, git и др.). Обобщены и показаны возможности LMS DiSpace 2.0.

1. Тестирование и контроль знаний всех целевых групп, включая и персонал предприятий;
2. Определение профессионального уровня обучающихся;
3. Проведение опросов;
4. Организация учебного процесса в LMS, включая олимпиады и конкурсы;
5. Организация видеоконференций, вебинаров.

В настоящее время работа системы была ускорена, для чего совершен переход на новую версию CSS/JS-фреймворка Materialize. Внешне это заметно по более чистым линиям шрифтов, плавной анимации и обновлённым цветам, находящимся в палитре Google Material Color.

Можно сказать, что электронная система DiSpace 2.0 является востребованной и адаптированной образовательной LMS в РФ, при этом практически не уступая по возможностям распространённым платформам дистанционного обучения, в частности Moodle 3.2 и «Индиго», о чем сообщают и другие исследователи [18; 19].

II. Влияние экосистемного подхода на образовательный процесс

В условиях информатизации получение опыта и знаний происходит уже не только и не столько в стенах аудиторий и с помощью «мастера» педагога, сколько в реальной жизни, не связанной с формальным процессом образования. Соответственно требуют изучения вопросы наличия в арсенале электронного обучения программных средств, расширяющих возможности памяти, коммуникаций, восприятия, и фиксации информации.

Цифровая экосистема – это искусственно созданная образовательная экосистема. Ограниченная настройками приватности снаружи и строгой иерархией ролей изнутри, система обучения обладает основными признаками *экологической системы*. СДО DiSpace состоит из *изолированных рабочих пространств* (которые некоторые называют облаками), в каждом из которых происходит процесс обучения. Между участниками учебного процесса существуют различные связи, как направленные «объект – субъект», так и равнозначные. Первое основополагающее качество экосистем таково, что им необходима *устойчивость и стабильность*. Любая природная экосистема сильна *связями между участниками* (пищевые, межвидовые, внутривидовые).

Именно взаимосвязи помогают экосистемам выживать в неблагоприятных условиях среды. Цифровая экосистема далека от достижения технических ограничений по объёму или скорости. Второе очень важное *качество экосистем* – это *ее динамика*, они постоянно развиваются, меняются.

При этом не только люди являются участниками образовательного процесса в цифровой экосистеме (отношения «студент – студент», «преподаватель» – «студент», «преподаватель» – «преподаватель», «тьютор» – «студент», «тьютор» – «преподаватель»), участниками могут считаться также *модули системы*: учебные курсы, тесты, рабочие планы и другие (то есть, информационные сети). Чтобы утверждать, что наша СДО является частным случаем экосистемы, нужно проверить ее по таким основным признакам, как *децентрализованность, самоорганизация и эмерджентность* [20].

Децентрализованность – это отсутствие руководящих указаний, определяющих поведение отдельных участников на каждом из этапов развития системы. Экологические системы, сети и сообщества складываются сами по себе без руководящих указаний сверху. Только изменение нормативов и правил заставляет вносить изменения в процесс обучения и его модификацию.

Самоорганизация – это способность системы поддерживать организацию за счет внутренних ресурсов, за счет отношений между узлами, входящими в состав системы. Системы зачастую действуют эффективно за счет внутренних взаимодействий: относительно простые взаимодействия между простыми элементами системы приводят к возникновению *паттернов координации* и росту организации без всякого внешнего или центрального управления.

Эмерджентность – это системный эффект, возникновение у системы новых свойств за счет взаимодействия составляющих систему узлов. Для возникновения такого эффекта необходим определенный уровень автономии и случайности в действиях отдельных агентов. Образовательная экосистема такого уровня как DiSpace обладает *эмерджентностью*. Модули учебного процесса, взаимодействия между собой и объединяясь, интегрируясь, создают новые *сущности процесса обучения*. Примеры появления новых сущностей в результате интеграции базовых модулей:

Курсы + Тесты =

- o Интерактивные курсы
- o Курсы со строенными пробными тестами
- o Сборник тестов
- o MOOK

Дисциплина + Курс =

- o Дисциплина с теоретическими данными
- o Дисциплина с пробными тестами

Журнал + Курс =

- o Контролирующее мероприятие с инструкцией

Отправка сообщений + Дисциплина =

- o Консультации
- o Семинары

Таким образом, введение новых модулей (узлов) в сети взаимодействия этих элементов, увеличивает *полезность цифровой экосистемы* для процесса обучения. Чем выше плотность сети, тем мощнее ее *сетевые эффекты*. Связи позволяют усилить и укрепить отношения с другими узлами. Увеличение числа связей между модулями системы намного увеличивает *доступность, удобство получения информации и силу обратной связи*. Соответственно, при повышении количества связей повышается *качество образовательной экосистемы* (как и естественных биосферных экосистем, устойчивых благодаря взаимосвязям). Таким образом, базовая платформа электронного обучения DiSpace отвечает требованиям открытости, расширяемости, стабильности, эмерджентности и постоянного развития, что повышает ее стабильность и качество.

III. Организация самостоятельной работы студентов на базе цифровой образовательной системы

Внедрение ФГОС-3,3+ вынуждает большое внимание уделять организации самостоятельной работы студентов (СРС). СРС – способ активного, целенаправленного приобретения студентом новых для него знаний и умений без непосредственного участия преподавателей [21; 22]. Как известно, в образовательной организации СРС необходима при подготовке к семинарам, лабораторным работам, зачетам, экзаменам, при подготовке рефератов, домашних заданий, расчетно-графических работ, семестровых контрольных работ, курсовых работ и проектов, а на заключительном этапе – при подготовке выпускных квалификационных работ бакалавра, магистра, дипломной работы/проекта.

Для выполнения самостоятельной работы, как правило, указываются ее виды и учебно-методические рекомендации для её выполнения. Любая СРС контролируется, для этого существуют оценочные средства для текущего контроля успеваемости, промежуточной аттестации, итогового контроля (дисциплины), которые входят в блок контроля знаний (контрольно-измерительных материалов). В электронном учебно-методическом комплексе (ЭУМК), предполагающем самостоятельное изучение всех видов работ, *методические материалы по выполнению различных видов СРС* приобретают особое значение. В методических указаниях по выполнению самостоятельной работы перечисляются виды работы и содержатся учебно-методические рекомендации для её выполнения.

Условия, обеспечивающие успешное выполнение самостоятельной работы (СРС).

1. Мотивированность учебного задания (для чего, чему способствует).
2. Четкая постановка познавательных задач.
3. Алгоритм, метод выполнения работы, знание обучающихся способов ее выполнения или подсказки для поиска и формирования таковых. (Возможна *персонализация*, т.е. введение категорий заданий с разным уровнем сложности). Очевидно, что наибольший уровень сложности имеют задания, предпо-

лагающие не только закрепление готовых знаний, но и формирование и формулирование новых знаний при построении своей собственной траектории работы над заданием.

4. Четкое определение преподавателем форм отчетности, объема работы, сроков ее представления.

5. Предоставление преподавателем различных видов консультационной помощи (вне зависимости от формы обучения).

6. Критерии оценивания выполненных работ, отчетности и т. д.

7. Виды и формы контроля (практикум, контрольные работы, тесты, семинар и т. д.). Самостоятельная работа включает воспроизводящие и творческие процессы в деятельности обучающегося, в зависимости от чего различают три уровня их самостоятельной деятельности. Рассмотрим виды *СРС* в зависимости от уровня самостоятельной деятельности обучающихся.

Репродуктивный (тренировочный) уровень. Когнитивная деятельность обучающегося проявляется в узнавании, осмыслении, запоминании. Цель работы – закрепление знаний, формирование умений, навыков. Как правило, *СРС* выполняются по образцу. Виды самостоятельной работы на этом уровне: выполнение домашних заданий, РГР, семестровых КР (решение задач, выполнение упражнений, заполнение таблиц, схем, построение графиков и т. д.).

Реконструктивный уровень. В ходе работы происходит перестройка решений, составление плана, тезисов, аннотирование. Вид *СРС*: написание рефератов, подготовка к семинарам, анкетирование.

Творческий, поисковый уровень. *СРС* требует анализа проблемной ситуации, получения новой информации. Обучающийся самостоятельно производит выбор средств и методов решения. Вид работ на этом уровне: учебно-исследовательские задания, задания проблемного характера, курсовые и дипломные проекты.

Блок *контроля знаний по курсу* проектируется таким образом, чтобы каждая учебная единица или модуль были методически завершенными – от первичного восприятия содержания до закрепления и применения усвоенной информации. В системе образования оценка качества освоения основных образовательных программ включает текущий контроль успеваемости, промежуточную аттестацию обучающихся и итоговую аттестацию выпускников.

Рассмотрим *типы, содержание и формы* контроля знаний студентов, включая как традиционную форму обучения, так и смешанное обучение (комбинированную форму).

Входной (вводный) контроль оценивает первоначальный уровень знаний обучающихся. Формами контроля являются: тестирование; анкетирование.

Текущий (рубежный) контроль оценивает освоение учебного материала по модулю, учебной единице. Формами контроля являются: тестирование; открытые вопросы и задачи; кейс-стади (ситуационные задачи, ситуация из практики); поиск информации в интернете web-квест); в удаленном доступе вебинары с обсуждением пройденного модуля и др. задания.

Итоговый контроль осуществляет контроль поставленных целей и задач и формами контроля являются: тестирование; решение кейса или разработка его; контрольная работа; проекты (групповые, индивидуальные); web-квесты, в удаленном доступе итоговый вебинар; круглый стол. Средства контроля знаний реализуются как в каждом обучающем модуле, так и в конце всего курса обучения (итоговый контроль).

IV. Оценка качества цифровой образовательной системы

Для оценки качества системы электронного обучения мы предложили *комплексный алгоритм*, учитывающий как объективные, так и субъективные показатели качества. Была описана *модель эффективности* среды обучения для того, чтобы иметь возможность комплексно оценивать, собрав материал, ее текущий и возможный профиль. Профиль эффективной *LMS* нами был определен как:

- 1) актуальная среда электронного обучения;
- 2) система, обеспечивающая результативность обучения;
- 3) система, обеспечивающая *удовлетворенность ЗС*, заинтересованных сторон (студенты, преподаватели, родители, руководство и т. д.);
- 4) система, прошедшая экспертную оценку.

Комплексная оценка качества для пользователей системы учитывает оценку максимально возможных критериев качества от дружелюбности интерфейса до оценки удовлетворенности их как процессом обучения, так и использованием *LMS*, включая любое количество заинтересованных сторон (руководителей, обучающихся, профессорско-преподавательский состав и т. д.).

Алгоритм комплексной оценки качества включает четыре рубрики качества: результативность, актуальность, удовлетворенность стейкхолдеров (*заинтересованных сторон, ЗС*), экспертная оценка с помощью метода анализа иерархий.

Рубрика «результативность» включает следующие *критерии качества* (количественные и качественные показатели). Источниками информации для количественных критериев качества является

статистика *LMS*. Для качественных – мониторинг аналитической и методической поддержки. Рубрика «результативность» включает следующие *критерии качества* (количественные и качественные показатели). Источниками информации для количественных критериев качества является статистика *LMS*. Для качественных – мониторинг аналитической и методической поддержки.

В рубрике «актуальность» рассматриваются следующие критерии качества «адаптивность для потребностей различных социальных групп», «продукты образовательной деятельности», «партнерства», а также «актуальность для разных уровней».

В рубрике «удовлетворенность» *ЗС* выделяются следующие критерии: *качественные показатели* (оценка удовлетворенности *ЗС* образовательной средой, возможность использования современных образовательных технологий, таких как проектная деятельность, интерактивные методы обучения, *МООК*), возможность *персонализации*, т.е. индивидуальной образовательной траектории и др. Источниками информации становятся *анкетирования и опросы*.

Вопрос разработки критериев качества цифровой образовательной среды требует более детальной дополнительной проработки и дополнительных исследований.

Выводы

– Система электронного обучения DiSpace 2.0 является востребованной и адаптированной образовательной *LMS*, практически не уступая по возможностям распространенным платформам дистанционного обучения.

– С точки зрения экосистемного подхода среда электронного обучения DiSpace 2.0 является децентрализованной, самоорганизованной, эмерджентной экосистемой, что повышает ее стабильность и качество.

– Показаны типы и формы контроля знаний обучающихся при организации самостоятельной работы как для традиционной формы обучения, так и для смешанного обучения с применением дистанционных технологий.

– Разработан алгоритм комплексной оценки качества среды электронного обучения, с выделением рубрик и критериев качества, требующий дополнительных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цифровая среда на календаре [Электронный ресурс] // Российская газета: 2016. URL: <https://rg.ru/2016/08/24/medvedev-nazval-prioritety-v-sfere-obrazovaniia.html> (дата обращения: 16.07.2018).
2. **Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л.** «Цифровое образование» как системообразующая категория: подходы к определению // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика, 2018. №3. С. 25–36.
3. Приказ Минобрнауки России от 23.08.2014 № 816 «Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ». URL: <https://base.garant.ru/71770012/> (дата обращения: 16.07.2018)
4. **Остроумова Е.Н.** Информационно-образовательная среда вуза как фактор профессионально-личностного саморазвития будущего специалиста // Фундаментальные исследования. 2011. №4. С. 37–40.
5. **Роберт И.В.** Теоретические основы создания и использования средств информатизации образования: автореф. дис. ... док. пед. наук. М., 1995. 40 с.
6. **Лобачев С.Л.** Теоретические основы и принципы построения информационно-образовательной среды открытого образования и ее практическая реализация: автореф. дис.... док. тех. наук. М., 2005. 34 с.
7. **Мовчан И.Н.** Информационно-образовательная среда образовательного учреждения // ЭСиК. 2015. №3 (28). С. 55–58.
8. **Лубков А.В., Каракозов С.Д.** Цифровое образование для цифровой экономики // Информатика и образование. 2017. №8. С. 3–6.
9. **Newman M.** Networks: An Introduction. 1st ed. Oxford University Press, USA, 2010.
10. **Патаракин Е.Д.** Дизайн среды повсеместного обучения. М.: Изд-во Ю.Н. Николаева, 2009. 124 с.
11. Разработка методики анализа эффективности магистерских программ: коллективная монография / под ред. Е. А. Сухановой; Нац. исслед. Томский гос. ун-т. Томск, 2019. 109 с.
12. **Саати Т.Л.** Об измерении неосязаемого. Подход к относительным измерениям на основе главного собственного вектора матрицы парных сравнений // Cloud Of Science. 2015. Т. 2. №1. URL: http://cloudofscience.ru/sites/default/files/pdf/CoS_2_5.pdf (дата обращения: 16.07.2018)

13. Свидетельство о государственной регистрации системы дистанционного обучения DiSpace. Авторы: Юн С.Г., Ильин М.Э., Горбунов М.А., Перфильев Е.А., Андриюшкова О.В., Котов Ю.А., Леган М.В., Яцевич Т.А., Евтушенко Н.Н., Козлов В.М., Паршукова Г.Б., Козлова А.В.; №. 2013 613 909, от 18 апреля 2013 г. Выдано Федеральной службой по интеллектуальной собственности.
14. **Андриюшкова О.В., Григорьев С.Г.** Эмергентное обучение в информационно-образовательной среде: монография. М.: Образование и Информатика, 2018. 104 с.
15. Официальный сайт Moodle. URL: <https://moodle.org>. (дата обращения 7.11.2019).
16. **Елагина О.Б., Писклаков П.В.** Геймификация дистанционного обучения // ОИДО. 2014. №4 (56). С. 22–27.
17. **Эльконин Д.Б.** Психология игры. М.: Педагогика, 1978. 291 с.
18. **Андриюшкова О.В., Горбунов М.А., Козлова А.В.** Learning Management System как необходимый элемент Blended Learning // Открытое образование. 2017. Т. 21, №3. С. 80–87.
19. **Legan M.V., Afanaseva O.S.** Comparative analysis of «INDIGO» and «Dispace 2.0» automated testing systems for the control of personnel knowledge // EAI Endorsed Transactions on Energy Web and Information Technologies. 2019. Issue 21. Art. ew 19: e3.
20. **Briscoe G., Sadedin S., De Wilde Ph.** Digital Ecosystems: Ecosystem-Oriented Architectures // arXiv: 1112.0204v1 [cs.NI] 1 Dec 2011. P. 38.
21. **Козлова А.В., Леган М.В.** Разработка электронных учебно-методических комплексов (ЭУМК) по дисциплинам учебного плана в НГТУ // Открытое и дистанционное образование. 2014. №1 (53). С. 74–81.
22. **Колмогорова Е.В.** Педагогические основы дистанционного обучения. Новосибирск: Веди, 2005. 92 с.

REFERENCES

1. The digital environment on the calendar. Russian newspaper, 2016. Available at: <https://rg.ru/2016/08/24/medvedev-nazval-priority-v-sfere-obrazovaniia.html> (accessed: 16.07.2018).
2. **Vajndorf-Sysoeva M.E., Subocheva M.L.** «Digital education» as a system-forming category: approaches to definition. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Pedagogy*, 2018, no. 3, pp. 25–36.
3. RF Federal Law «On the approval of the Procedure for the use by organizations engaged in educational activities of e-learning, distance learning technologies in the implementation of educational programs.» Etc. the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 23.08.2014 № 816.
4. **Ostroumova E.N.** Information and educational environment of a university as a factor in professional and personal self-development of a future specialist. *Fundamental Research*, 2011, no. 4, pp. 37–40.
5. **Robert I.V.** Theoretical Foundations of the Creation and Use of Educational Informatization Means: author. diss.... doc. pedagogical sciences. Moscow, 1995, 40 p.
6. **Lobachev S.L.** Theoretical foundations and principles of building the educational information environment of open education and its practical implementation: author. dis.... doc. technical sciences. Moscow, 2005, 34 p.
7. **Movchan I.N.** Information and educational environment of an educational institution. *Collection of scientific papers Sworld*, 2015, no. 3 (28), pp. 55–58.
8. **Lubkov A.V., Karakozov S.D.** Digital education for the digital economy. *Computer Science and Education*, 2017, no. 8, pp. 3–6.
9. **Newman M.** Networks: An Introduction. 1st ed. Oxford University Press, USA, 2010.
10. **Patarakin E.D.** Ubiquitous learning environment design. Moscow, Yu.N. Nikolayev Publ., 2009. 124 p.
11. **Suhanova E.A.** Development of a methodology for analyzing the effectiveness of master's programs: collective monograph. Tomsk, 2019, 109 p.
12. **Saati T.L.** About the measurement of the intangible. An approach to relative measurements based on the main eigenvector of the matrix of paired comparisons. *Cloud Of Science*, 2015, vol. 2, no. 1. Available at: http://cloudofscience.ru/sites/default/files/pdf/CoS_2_5.pdf (accessed: 16.07.2018)
13. Certificate of state registration of the DiSpace distance learning system. The authors: Jun S.G., Il'in M. Je., Gorbunov M.A., Perfil'ev E. A., Andrjushkova O. V., Kotov Ju.A., Legan M. V., Jacevich T.A., Evtushenko N.N., Kozlov V.M., Parshukova G.B., Kozlova A.V. dated April 18, 2013. Issued by the Federal Service for Intellectual Property.
14. **Andrjushkova O.V., Grigor'ev S.G.** Emergent training in the educational information environment. Monograph. Moscow, Education and Informatics Publ., 2018, 104 p.
15. The official site of Moodle. Available at: <https://moodle.org>. (accessed: 16.07.2018).
16. **Elagina O.B., Pisklakov P.V.** Gamification of distance learning. *Open and distance education*, 2014, no. 4 (56), pp. 22–27.

17. **Jel'konin D. B.** *The psychology of the game*. Moscow, Pedagogy Publ., 1978, 291 p.
18. **Andrjushkova O. V., Gorbunov M. A., Kozlova A. V.** Learning Management System as a necessary element of Blended Learning. *Open Education*, 2017, vol. 21, no. 3, pp. 80–87.
19. **Legan M. V., Afanaseva O. S.** Comparative analysis of «INDIGO» and «Dispace 2.0» automated testing systems for the control of personnel knowledge. *EAI Endorsed Transactions on Energy Web and Information Technologies*, 2019, Issue 21, Art. ew 19: e3.
20. Gerard Briscoe, Suzanne Sadedin, Philippe De Wilde. Digital Ecosystems: Ecosystem-Oriented Architectures. arxiv: 1112. 0204v1 [cs.NI] 1 Dec 2011. pp. 38.
21. **Kozlova A. V., Legan M. V.** The development of electronic educational and methodological complexes in the disciplines of the curriculum at NSTU. *Open and distance education*, 2014, no. 1 (53), pp. 74–81.
22. **Kolmogorova E. V.** *Pedagogical foundations of distance learning*. Novosibirsk, Vedi Publ., 2005, 92 p.

Информация об авторах

Леган Марина Валерьевна – кандидат биологических наук, доцент, доцент каф. Безопасности труда (факультет энергетики), зав. уч.-метод. отделом института дистанционного обучения (ИДО) Новосибирского государственного технического университета (Российская Федерация, Новосибирск, 630 073, пр. К. Маркса.20, офис 233, e-mail: Legan_m@ngs.ru).

Рояк Михаил Эммануилович – доктор технических наук, профессор, директор ИДО, Новосибирского государственного технического университета (Российская Федерация, Новосибирск, 630 073, пр. К. Маркса.20, офис 425, e-mail: royak@corp.nstu.ru).

Горбунов Михаил Анатольевич – зав. лаб. лаборатории мультимедийных средств обучения (ЛМСО) ИДО, программист – разработчик Новосибирского государственного технического университета (Российская Федерация, Новосибирск, 630 073, пр. К. Маркса.20, офис 426, e-mail: mgorbunov@edu.nstu.ru).

Статья поступила в редакцию 11.11.19. После доработки 28.01.20. Принята к публикации 2.03.20.

Information about the authors

Marina V. Legan – Ph.d. of biolog. science; associate professor, Head of the Curriculum & Instruction department of the Distance Learning Institute of Novosibirsk State Technical University (20, off.233, K. Marx Ave., Novosibirsk, 630 112, Russian Federation, e-mail: Legan_m@ngs.ru).

Michael E. Royak – Doctor of Technical science, Professor, Director of the Distance Learning Institute of Novosibirsk State Technical University (20, K. Marx Ave., Novosibirsk, 630 073, Russian federation, e-mail: royak@corp.nstu.ru).

Michael A. Gorbunov – Head of the Multimedia learning tools laboratory of the Distance Learning Institute of Novosibirsk State Technical University (20, K. Marx Ave., Novosibirsk, 630 073, Russian Federation, e-mail: mgorbunov@edu.nstu.ru).

The paper was submitted 11.11.19. Received after reworking 22.01.20. Accepted for publication 2.03.20.

УДК 378.046.4; 378.126

ПРОЕКТИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ДИСТАНЦИОННОГО КУРСА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ ПЕДАГОГА К РЕАЛИЗАЦИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ

И. В. Сергиенко

Бакирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Институт профессионального образования и информационных технологий Уфа,
Российская Федерация, e-mail: sergilld@mail.ru

М. А. Крымова

Бакирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Институт
профессионального образования и информационных технологий Уфа, Российская Федерация,
e-mail: milyausha.murzagalina@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования готовности педагога к реализации дополнительного образования в форме кружковой работы с применением технологий электронного обучения в рамках реализации Концепции развития дополнительного образования детей. Организация и реализация программы дополнительного образования и внеурочной работы с применением технологий электронного обучения направлена на решение существующей проблемы – специальной подготовки педагогических кадров образовательных организаций. Одним из эффективных решений, в контексте данной проблемы, является разработка и реализация электронного дистанционного практико-ориентированного курса повышения квалификации «Конструирование электронного контента для организации и реализации кружковой работы с применением технологий электронного обучения» для педагогических работников. В статье рассматривается порядок организации и содержание дополнительной профессиональной программы курса повышения квалификации, позволяющего формировать готовность педагога к реализации дополнительного образования в форме кружковой работы с применением технологий электронного обучения. Дополнительная профессиональная программа курса повышения квалификации построена на модульном принципе обучения, организуется и реализуется в очно-дистанционном формате, с учетом принципа бимодального обучения. Дополнительная профессиональная программа курса повышения квалификации имеет практико-ориентированный характер, результатом обучения становится разработанный электронный образовательный контент, сформированный и размещенный на сайте электронный дистанционный курс для организации кружковой работы. В статье представлены промежуточные результаты эксперимента по формированию готовности педагога к реализации дополнительного образования с применением технологий электронного обучения в рамках проекта Министерства образования Республики Башкортостан на развитие электронного образования в общеобразовательных организациях «Разработка и реализация модели кружковой работы, обеспечивающей практическую подготовку обучающихся, с использованием технологий электронного обучения (различных тренажеров, симуляторов) и формированием базы соответствующих материалов».

Ключевые слова: формирование готовности педагога, кружковая работа с применением технологий электронного обучения.

Для цитаты: Сергиенко И. В., Крымова М. А. Проектирование и реализация электронного дистанционного курса для формирования готовности педагога к реализации дополнительного образования с применением технологий электронного обучения // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 1. С. 3532–3542. DOI: 10.15372/PEMW20200116

DOI: 10.15372/PEMW20200116

DESIGNING AND IMPLEMENTING AN E-LEARNING COURSE TO FORM THE TEACHER'S READINESS FOR IMPLEMENTING ADDITIONAL EDUCATION WITH THE USE OF E-LEARNING TECHNOLOGIES

Sergienko, I. V.

Bashkortostan M. Akmulla State Pedagogical University, Institute of Professional Education and Information Technologies Ufa, Russian Federation, e-mail: sergilld@mail.ru

Krymova, M. A.

Bashkortostan M. Akmulla State Pedagogical University, Institute of Professional Education and Information Technologies Ufa, Russian Federation, e-mail: milyausha.murzagalina@gmail.com

Abstract. *The article considers the issues of formation of teacher's readiness for implementing additional education by means of club activities with the use of e-learning technologies as part of enforcing the Concept of development of additional education for children. The organization and implementation of the program of additional education and extracurricular activities using e-learning technologies is aimed at solving the existing problem of special training for the teaching staff of educational organizations. One of the effective solutions in the context of this problem is the development and implementation of the practice-oriented e-learning advanced training course «Designing e-content for organization and implementation of club activities with the use of e-learning technologies» for teachers. The article deals with the arrangement procedure and the content of the professional educational program of advanced training course enabling formation of teacher's readiness to implement additional education by means of club activities with the use of e-learning technologies. The professional educational program of advanced training courses is designed on the modular basis and it is organized and implemented considering the principle of bimodal learning thus involving both remote and face-to-face instruction. The professional educational program of advanced training courses is practice-oriented and results in the developed educational e-content – an e-learning long-distance course for organization of club activities- formed and placed on the web- site. The article presents the interim results of the experiment on forming teacher's readiness to implement additional education with the use of e-learning technologies within the framework of the project of the Ministry of education of the Republic of Bashkortostan on development of e-learning in general education institutions «Designing and implementing model of club activities enforcing practical training of learners with the use of e-learning technologies (various simulators) and creation of material basis».*

Keywords: *formation of teacher's readiness, club activities with the use of e-learning technologies.*

For quote: *Sergienko I. V., Krymova M. A. [Designing and implementing e-learning long-distance course for the formation of teacher's readiness to implement additional education with the use of e-learning technologies]. Professionalnoe obrazovanie v sovremennoy mire = Professional education in the modern world, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 3532–3542. DOI: 10.15372/PEMW20200116*

Введение. Глобальный процесс цифровизации общества, и в частности, образования требует системной и качественной подготовки специалистов и педагогических кадров, обладающих соответствующими компетенциями, обеспечивающих в рамках профессиональной деятельности внедрение и развитие технологий электронного обучения. Особое внимание в контексте развития электронного образования требует соответствующая подготовка педагогических кадров на курсах повышения квалификации, направленная на формирование готовности педагога к реализации дополнительного образования с применением технологий электронного обучения. На сегодняшний день одной из наиболее востребованных в системе образования является подготовка педагогов для организации и реализации дополнительного образования детей в форме кружковой работы с применением технологий электронного обучения.

Постановка задачи. На сегодняшний день подготовка педагогов для реализации дополнительного образования осуществляется в соответствии с профессиональным стандартом «Педагог дополнительного образования детей и взрослых». Данный стандарт предусматривает такие умения педагога, как «использовать на занятиях педагогически обоснованные формы, методы, средства и приемы организации деятельности обучающихся (в том числе информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), электронные образова-

тельные и информационные ресурсы)» и «осуществлять электронное обучение, использовать дистанционные образовательные технологии», а также необходимые знания по «психолого-педагогическим основам и методике применения технических средств обучения, ИКТ, электронных образовательных и информационных ресурсов, дистанционных образовательных технологий и электронного обучения, если их использование возможно для освоения дополнительной общеобразовательной программы» [11].

Проводимое исследование на социально-педагогическом уровне выявило потребность общества в педагогических кадрах и необходимость их масштабной и практико-ориентированной подготовки к реализации дополнительного образования с применением технологий электронного обучения.

Методика и методология исследования. В психолого-педагогических исследованиях понятие «готовность» рассматривается как особое психическое состояние, целостное проявление личности, занимающее промежуточное положение между психическими процессами и свойствами личности и исследуется с различных общетеоретических позиций. По мнению В. А. Сластенина, профессиональная готовность педагога к деятельности – это совокупность профессионально обусловленных требований к нему [16]. Э. Ф. Зеер рассматривает профессиональную готовность как «социально-значимую деятельность, выполнение которой требует специальных знаний, умений и навыков, а также профессионально обусловленных качеств личности» [6].

Готовность педагогов к применению средств электронного обучения и дистанционных образовательных технологий в профессиональной деятельности рассматриваются многими авторами. Авторы О. Е. Ананьева, Е. В. Кондратенко определяют готовность преподавателя высшей школы к использованию электронного обучения как «интегративное качество личности, которое характеризуется совокупностью таких компонентов, как установка на осознание педагогической задачи, решение которой возможно с использованием средств электронного обучения; знание сущности и возможностей электронного обучения и технологий его реализации; модели вероятностного поведения в процессе организации электронного обучения; владение способами образовательной деятельности; оценкой своих возможностей и результатов в области организации электронного обучения» [1]. Согласно авторам Н. В. Ломовцевой, Е. В. Чубарковой, А. А. Карасик «готовность преподавателя к использованию дистанционных образовательных технологий (ДОТ) – это совокупность профессионально значимых знаний, умений и навыков, а также целенаправленное выражение личности, включающее внутренние предпосылки к активной эксплуатации ДОТ в учебном процессе» [9]. В научной работе Д. С. Дмитриева, готовность преподавателя к применению средств электронного обучения рассматривается как «интегративная характеристика личности, отражающая системный уровень знания методических и методологических основ электронного обучения, умения применять инновационные методы, технологии и средства электронного обучения, оценивать результаты обучения в формате электронных контентов, проводить анализ электронных образовательных ресурсов» [5].

Несмотря на активные исследования, вопрос формирования готовности педагогов к реализации дополнительного образования с применением технологий электронного обучения требует дополнительной проработки, в частности при подготовке педагогов к организации кружковой работы.

Исследование формирования готовности педагога к реализации дополнительного образования с применением технологий электронного обучения осуществлялось в рамках научно-исследовательской деятельности Республики Башкортостан на развитие электронного образования в образовательных организациях «Разработка и реализация модели кружковой работы, обеспечивающей практическую подготовку обучающихся, с использованием технологий электронного обучения». Одной из задач решаемой в процессе научно-исследовательской деятельности являлось формирование готовности педагога к реализации дополнительного образования в форме кружковой работы с применением технологий электронного обучения. Для решения поставленной задачи была разработана дополнительная профессиональная программа повышения квалификации «Конструирование электронного контента для организации и реализации кружковой работы с применением технологий электронного обучения». Дополнительная профессиональная программа курса повышения квалификации основана на модульном принципе обучения, осуществлялась в очно-дистанционном формате.

Целью курса повышения квалификации (КПК) является совершенствование профессиональных компетенций педагога, необходимых для реализации дополнительного образования детей в форме кружковой работы с применением технологий электронного обучения.

Программа является преемственной к основной образовательной программе высшего образования направления подготовки 44.03.01 – Педагогическое образование квалификация (степень) – бакалавр, 44.02.03 – Педагогика дополнительного образования и профессиональному стандарту «Педагог дополнительного образования детей и взрослых» № 513, утвержденному приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 5 мая 2018 г. № 298н; профессиональному стандарту

«Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» № 1, утвержденному приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 октября 2013 г. № 544н.

В процессе формирования готовности педагога, в результате освоения программы должны быть усовершенствованы профессиональные компетенции для выполнения трудовых функций.

Профессиональные компетенции:

- 1) готовность реализовывать педагогическую деятельность в области дополнительного образования;
- 2) способность использовать современные методы и технологии обучения и диагностики;
- 3) способность организовывать сотрудничество обучающихся, поддерживать активность и инициативность, самостоятельность обучающихся, развивать их творческие способности;
- 4) способность проектировать образовательные программы.

Трудовые функции:

- организация деятельности учащихся, направленной на освоение дополнительной образовательной программы;
- педагогический контроль и оценка освоения дополнительной образовательной программы;
- разработка программно-методического обеспечения реализации дополнительной образовательной программы;
- реализация современных, в том числе интерактивных, форм и методов воспитательной работы, используя их как на занятии, так и во внеурочной деятельности.

Умения:

- 1) создавать условия для развития учащихся, мотивировать их к активному освоению ресурсов и развивающих возможностей образовательной среды, освоению выбранного вида деятельности (выбранной программы), привлекать к целеполаганию;
- 2) устанавливать педагогически целесообразные взаимоотношения с учащимися, создавать педагогические условия для формирования на занятиях благоприятного психологического климата, использовать различные средства педагогической поддержки учащихся;
- 3) использовать на занятиях педагогически обоснованные формы, методы, средства и приемы организации деятельности учащихся (в том числе информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), электронные образовательные и информационные ресурсы) с учетом особенностей: избранной области деятельности и задач дополнительной образовательной программы; состояния здоровья, возрастных и индивидуальных особенностей учащихся (в том числе одаренных детей, учащихся с ограниченными возможностями здоровья);
- 4) осуществлять электронное обучение, использовать дистанционные образовательные технологии (если это целесообразно);
- 5) готовить учащихся к участию в выставках, конкурсах, соревнованиях и иных аналогичных мероприятиях (в соответствии с направленностью осваиваемой программы);
- 6) создавать педагогические условия для формирования и развития самоконтроля и самооценки учащимися процесса и результатов освоения программы;
- 7) определять формы, методы и средства оценивания процесса и результатов деятельности учащихся при освоении программ дополнительного общего образования определенной направленности;
- 8) наблюдать за учащимися, объективно оценивать процесс и результаты освоения дополнительных образовательных программ, в том числе в рамках установленных форм аттестации (при их наличии);
- 9) выявлять интересы учащихся (для детей – и их родителей (законных представителей)) в осваиваемой области дополнительного образования и досуговой деятельности;
- 10) планировать образовательный процесс, занятия и (или) циклы занятий, разрабатывать сценарии досуговых мероприятий с учетом: задач и особенностей образовательной программы; образовательных запросов учащихся, возможностей и условий их удовлетворения в процессе освоения образовательной программы; фактического уровня подготовленности, состояния здоровья, возрастных и индивидуальных особенностей учащихся (в том числе одаренных детей, учащихся с ограниченными возможностями здоровья – в зависимости от контингента учащихся), особенностей группы учащихся, специфики инклюзивного подхода в образовании (при его реализации), санитарно-гигиенических норм и требований охраны жизни и здоровья учащихся;
- 11) проектировать совместно с учащимся индивидуальные образовательные маршруты освоения дополнительных образовательных программ;
- 12) корректировать содержание программ, системы контроля и оценки, планов занятий по результатам анализа их реализации;

- 13) вести учебную, документацию, документацию. Создавать отчетные и информационные материалы;
- 14) заполнять и использовать электронные базы данных об участниках образовательного процесса и порядке его реализации для формирования отчетов в соответствии с установленными регламентами и правилами, предоставлять эти сведения по запросам уполномоченных должностных лиц;
- 15) организовывать различные виды внеурочной деятельности: игровую, учебно-исследовательскую, художественно-продуктивную, культурно-досуговую с учетом возможностей образовательной организации, места жительства и историко-культурного своеобозраия региона.

Знания:

1. техники и приемы вовлечения в деятельность, мотивации учащихся различного возраста к освоению избранного вида деятельности (избранной программы);
2. характеристики различных методов, форм, приемов и средств организации деятельности учащихся при освоении дополнительных образовательных программ соответствующей направленности;
3. электронные ресурсы, необходимые для организации различных видов деятельности обучающихся;
4. психолого-педагогические основы и методика применения ИКТ, электронных образовательных и информационных ресурсов, дистанционных образовательных технологий и электронного обучения, если их использование возможно для освоения дополнительной образовательной программы;
5. особенности и организация педагогического наблюдения, других методов педагогической диагностики, принципы и приемы интерпретации полученных результатов;
6. основные характеристики, способы педагогической диагностики и развития ценностно-смысловой, эмоционально-волевой, потребностно-мотивационной, интеллектуальной, коммуникативной сфер учащихся различного возраста на занятиях по дополнительным образовательным программам;
7. законодательство Российской Федерации об образовании в части, регламентирующей контроль и оценку освоения дополнительных образовательных программ (с учетом их направленности);
8. особенности оценивания процесса и результатов деятельности учащихся при освоении дополнительных образовательных программ (с учетом их направленности);
9. понятия и виды качественных и количественных оценок, возможности и ограничения их использования для оценивания процесса и результатов деятельности учащихся при освоении дополнительных образовательных программ (с учетом их направленности);
10. нормативные правовые акты в области защиты прав ребенка, нормы педагогической этики при публичном представлении результатов оценивания;
11. средства (способы) фиксации динамики подготовленности и мотивации учащихся в процессе освоения дополнительной образовательной программы.

Данная программа позволяет раскрыть педагогам логику, содержание процесса проектирования и реализации программ дополнительного образования и особенности конструирования электронного контента для организации кружковой деятельности с использованием технологий электронного обучения. В ней отражены достижения педагогической науки и передового педагогического опыта. Программа предусматривает освоение педагогами содержания и методики деятельности педагога дополнительного образования с последующей самостоятельной работой по отработке трудовых действий.

Программа КПК реализуется на основе бимодального принципа обучения. Бимодальное обучение – это интеграция полнообъемного традиционного и электронного обучения [3]. Реализация программы предусматривает доступ в режиме «24/7» к электронным информационно-библиотечным и электронным образовательным ресурсам университета через индивидуальные параметры авторизации в системе дистанционного обучения университета (www.cot.bspu.ru); проведение традиционных консультаций и консультаций в системе offline и online средствами электронной почты, чатов, WhatsApp.

Электронный дистанционный курс является практико-ориентированным. Практико-ориентированность курса определена результатом его прохождения, итогом которого является разработанная экспериментальная дополнительная образовательная общеразвивающая программа, электронный образовательный контент для кружковой работы и сформированный на его основе электронный кружок, представленный в виде электронного дистанционного курса, размещенный на портале «Дистанционные кружки и секции».

Электронный дистанционный курс повышения квалификации «Конструирование электронного контента для организации кружковой деятельности с использованием технологий электронного обучения»

состоит из вводной информации и трех модулей. Вводная информация содержит цель реализации программы и перечень формируемых компетенций при освоении программы обучения.

Модуль 1 «Организационное обеспечение реализации дополнительных общеобразовательных программ»

1.1. Современный образовательный процесс: структура, требования, результаты.

Лекция (2 ч.). Образовательный процесс как система. Характеристика компонентов образовательного процесса.

1.2. Нормативно-методические основы кружковой работы в общеобразовательном учреждении.

Лекция (2 ч.). Правовое регулирование дополнительного образования детей. Обзор нормативно-правовой базы организации кружковой деятельности. Порядок организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным общеобразовательным программам. История, принципы, виды, направления кружковой деятельности.

1.3. Проектирование и экспертиза программ дополнительного образования.

Лекция (2 ч.). Методические рекомендации по проектированию дополнительных общеобразовательных программ. Структура программы дополнительного образования. Особенности разработки программы. Экспертиза программы дополнительного образования.

Вебинар (2 ч.). Особенности разработки образовательной программы электронного кружка.

СРС (6 ч.). Проектирование программы дополнительного образования по выбранному направлению.

1.4. Современные образовательные технологии.

Дистанционные занятия: лекция (6 ч.). Понятие «Современные образовательные технологии». Классификация педагогических технологий.

Компетенции, формируемые в процессе обучения в рамках модуля:

- готовность реализовывать образовательные программы по учебному предмету в соответствии с требованиями образовательных стандартов (ПК-1);

- способность использовать современные методы и технологии обучения и диагностики (ПК-2);

- способность проектировать образовательные программы (ПК-6).

Модуль 2 «Конструирование электронного контента для организации кружковой деятельности»

2.1. Особенности разработки и загрузки электронного образовательного контента. Рассмотрен порядок конструирования и загрузки электронного учебного контента в целях учебно-методического обеспечения реализации программы кружковой деятельности с применением технологий электронного обучения в общеобразовательных организациях.

Лабораторная работа 1 (0,5 ч.). Основы работы с платформой LMS Moodle: авторизация, навигация, личный кабинет пользователя. Обзор интерфейса учебного курса, функциональных возможностей, элементов курса. Разработка и загрузка в систему дистанционного обучения «Дистанционные кружки и секции» электронного учебного продукта «Аннотация».

Лабораторная работа 2 (0,5 ч.). Разработка и загрузка в систему дистанционного обучения «Дистанционные кружки и секции» электронного учебного продукта «Список рекомендуемой литературы».

Лабораторная работа 3 (0,5 ч.). Разработка и загрузка в систему дистанционного обучения «Дистанционные кружки и секции» электронного учебного продукта «Словарик».

Лабораторная работа 4 (0,5 ч.). Разработка и загрузка в систему дистанционного обучения «Дистанционные кружки и секции» электронного учебного продукта «Текстовый материал».

Лабораторная работа 5 (0,5 ч.). Разработка и загрузка в систему дистанционного обучения «Дистанционные кружки и секции» электронного учебного продукта «Тест».

Лабораторная работа 6 (0,5 ч.). Разработка и загрузка в систему дистанционного обучения «Дистанционные кружки и секции» электронного учебного продукта «Практическая работа».

Лабораторная работа 7 (1 ч.). Разработка и загрузка в систему дистанционного обучения «Дистанционные кружки и секции» электронного учебного продукта «Видеоматериал». Рекомендации по подготовке презентационного материала на MS Powerpoint. Подготовка графических материалов для использования в учебном процессе. Запись видео, монтаж, постобработка. Форматы видео. Порядок работы преподавателя по записи видеоурока.

Вебинары 1 (4 ч.) Особенности разработки и загрузки элементов учебного курса «Аннотация», «Словарик», «Список рекомендуемой литературы».

Вебинары 2 (4 ч.) Особенности разработки и загрузки элементов учебного курса «Текстовый материал», «Практическая работа», «Тест».

Вебинар 3 (4 ч.) «Особенности разработки электронного контента: «Видеоматериал» (авторское право, разбор ошибок при загрузке своих видео на видеохостинг).

Вебинар 4 (4 ч.). Особенности разработки электронного контента: проверка практических заданий, установка критериев оценки практических заданий, просмотр оценок обучающихся.

Вебинар 5 (4 ч.). Общие вопросы по загрузке электронного образовательного контента «Словарик», «Список рекомендуемой литературы», «Текстовый материал», «Тест».

СРС (20 ч.) Работа с контентом. Изучение инструкций по конструированию электронного образовательного контента. Заполнение электронных шаблонов «Аннотация», «Словарик», «Список рекомендуемой литературы». Выполнение задания по созданию и загрузке электронного учебного продукта

2.2. Дополнительные элементы курса: виды, порядок создания и публикации.

Вебинар (4 ч.). Особенности разработки и загрузки элементов учебного курса «Форум», «Чат», «Обратная связь/Анкета», «Загрузка видео уроков на канал <https://www.youtube.com>»

СРС (4 ч.) Работа с контентом. Выполнение задания по созданию электронного учебного продукта.

2.3. Работа с обучающимися в системе LMS Moodle.

Вебинар (4 ч.). Особенности разработки электронного контента: просмотр списка обучающихся, подписанных на кружок, работа с журналом активности пользователей в кружке.

СРС (6 ч.) Работа с контентом. Работа со студентами в системе LMS Moodle. Проверка заданий. Работа с дополнительными плагинами для преподавателей. Просмотр активности и успеваемости студентов.

Компетенции, формируемые в процессе обучения в рамках модуля:

- готовность реализовывать образовательные программы по учебному предмету в соответствии с требованиями образовательных стандартов (ПК-1);
- способность использовать современные методы и технологии обучения и диагностики (ПК-2);
- способность использовать возможности образовательной среды для достижения личностных, метапредметных и предметных результатов обучения и обеспечения качества учебно-воспитательного процесса средствами преподаваемого учебного предмета (ПК-3);
- готовность к взаимодействию с участниками образовательного процесса (ПК-4);
- способность организовывать сотрудничество обучающихся, поддерживать активность и инициативность, самостоятельность обучающихся, развивать их творческие способности (ПК-5);

Модуль 3. Итоговая аттестация. Результатом прохождения курса повышения квалификации является разработанный и размещенный на Республиканском сайте «Дистанционные кружки и секции» электронный дистанционный курс по программе дополнительного образования, соответствующий методическим указаниям и инструкциям.

Электронный дистанционный курс представлен следующими учебными продуктами [4].

1. Аннотация – краткое содержание и характеристика кружка. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства кружка;

2. Список литературы;

3. Словарик – представляет собой словарь специализированных терминов кружка с толкованием, иногда с переводом на другой язык, комментариями и примерами, может содержать персоналии и даты.

4. Текст – документ, содержащий изложение материалов по теме занятия. Это дополнительный материал, предназначенный для самостоятельной работы обучающимися, детальной проработки изучаемого материала, закрепления получаемых знаний и активизации творческой деятельности.

5. Видеозанятие – учебный продукт, представленный видеороликом или слайдами с информацией по теме занятия кружка с наличием аудио/видео сопровождения данного учебного материала. Видеозанятие предназначено для эффективного усвоения обучающимися программы кружка благодаря наглядности и конкретности, используемых в нем материалов. Видеозанятие включается в образовательный процесс в соответствии с принципом наглядности (наглядность способствует формированию знаний, умений, развитию мышления) и является наиболее адаптированным учебным продуктом по отношению к темпу усвоения учебного материала обучающимися. Видеозанятие можно остановить (поставить на паузу) при необходимости выполнения практического действия по заданию педагога, а затем возвратиться к дальнейшему просмотру.

6. Тесты. База тестовых заданий представляет собой основу для создания вариантов тестов по темам кружка, необходимых для оценки результативности познавательной деятельности обучающихся. Промежуточный тест по каждой теме занятия кружка выполняется после изучения теории и выполнения практических заданий по каждой теме кружка. База вопросов итогового теста по кружку формируется из базы вопросов по всем темам кружка и терминов словарика.

7. Практическое задание – учебно-методические материалы, предназначенные для выработки умений и навыков практического применения теоретических знаний. Реализация раздела может варьироваться в зависимости от предметной области: могут быть представлены пошаговые решения типичных задач и упражнений с пояснениями и ссылками на соответствующие разделы теоретического курса, могут быть использованы методические указания для выполнения творческого проекта.

Разработанный электронный дистанционный курс проходит внутреннюю и внешнюю экспертизу.

Модули электронного дистанционного курса повышения квалификации «Конструирование электронного контента для организации и реализации кружковой работы с применением технологий электронного обучения» содержат текстографические материалы (образцы и шаблоны для самостоятельного оформления), аудио-видео материалы (видеолекции, аудиозаписи, слайд-лекции) с использованием мультимедиа (презентации) и список рекомендуемой литературы.

Результаты. Апробирование электронного дистанционного курса повышения квалификации «Конструирование электронного контента для организации кружковой деятельности с использованием технологий электронного обучения» осуществлялось на базе Института дополнительного образования Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.

В эксперименте приняли участие 113 педагогов образовательных организаций Республики Башкортостан. КПК были реализованы с 28 мая 2018 по 28 декабря 2018 г. Реализации программы дополнительного образования выстраивалась на основе последовательного педагогического процессного взаимодействия, который характеризовался следующими этапами.

На первом этапе осуществлялось эмоционально-интеллектуальное мотивирование педагогов на профессиональное развитие с учетом имеющегося субъектного опыта работы в сфере электронного образования. Достижение данных целей осуществлялось, прежде всего, за счет приближения содержания обучения к потребностям практического педагога. На этом этапе слушатели прошли входную диагностику, направленную на изучение исходного уровня сформированности готовности педагогов к организации и реализации дополнительного образования с применением технологий электронного обучения.

На данном этапе осуществлялась мотивация слушателей на развитие профессиональной индивидуальности с учетом имеющегося опыта в реализации технологий электронного образования; на формирование у педагогов способности выявлять, формулировать, анализировать и решать педагогические задачи; выявлять системные проблемы; осознавать необходимость выполнения новых трудовых функций, находить альтернативные решения, преобразовывать усвоенные способы деятельности в новые.

Второй этап был нацелен на продуктивное усвоение педагогами теоретических знаний о современном дополнительном образовательном процессе, его структуре, требованиям и результатам; о нормативно-методической основе дополнительного образования в образовательной организации; о проектировании и экспертизе программ дополнительного образования; об современных образовательных технологиях обучения; об особенностях разработки и загрузки электронного образовательного контента (аннотация, список рекомендуемой литературы, словарик, текстовый материал, тест, практическая работа, видеоматериал).

Третий этап был направлен на приобретение опыта в разработке экспериментальной дополнительной образовательной общеразвивающей программы, электронного образовательного контента для реализации дополнительного образования с применением технологий электронного обучения в форме кружковой работы, формирования электронного кружка и его размещение на портале «Дистанционные кружки и секции».

Успешно прошли обучение на данных курсах 113 педагогов. В процессе обучения было разработано 38 экспериментальных дополнительных образовательных общеразвивающих программ, разработан электронный учебный контент для реализации кружковой работы с применением технологий электронного обучения. Сформировано и размещено на портале 38 электронных кружков по следующим направлениям:

- техническое – 18 кружков: «Занимательная информатика», «Мир информатики», «В мире презентации», «Занимательная математика», «Мастера печатных дел», «Интересная математика», «Начальное 3D моделирование», «Шахматы для новичка», «Pixel Art», «Информашка», «ЛЕГО-мастерская», «Цифровое редактирование фонограмм. Стартовый уровень», «Мультимедийные презентации в PowerPoint», «Информашка», «Pascalina», «Pascal плюс», «Занимательная математика», «Компьюша»;

- социально-педагогическое – 8 кружков: «Психология и подросток», «Мир логики», «Территория радости», «Бла-бла курс сценической речи», «Я учу башкирский язык», «Говорим о странах на английском», «В гостях у слова», «Школьное телевидение «Страна знаний»;

- художественное – 11 кружков: «Акварельный мир», «Черпаем вдохновение – ПУАНТИЛИЗМ», «Секреты грима. Тайны аквагрима», «Основы рисунка тушью», «Оригами. Стартовый уровень», «Электрогитара. Стартовый уровень», «Мир аппликации», «Обучение технике ПАСТЕЛЬ», «Художественное конструирование», «Бисеринка», «Дизайн одежды»;

- туристско-краеведческое – 1 кружок: «Краеведение».

В результате обучения на курсах повышения квалификации у педагогов сформировались (усовершенствовались) профессиональные компетенции, позволяющие говорить о сформированной готовности

сти педагога к реализации дополнительного образования в форме кружковой работы с применением технологий электронного обучения (табл.).

Таблица

Профессиональные компетенции педагогов

Сформированные (усовершенствованные) профессиональные компетенции	Наименование оценочного материала	Результат
готовность реализовывать образовательные программы по учебному предмету в соответствии с требованиями образовательных стандартов (ПК-1);	практическое задание	– Разработанная программа дополнительного образования по определенному направлению – Разработанные и загруженные на сайт «Дистанционные кружки и секции» электронные учебные продукты: «Аннотация», «Список рекомендуемой литературы», «Словарик», «Текстовый материал», «Видеоматериал», «Практическая работа», «Тест». – Разработанные и загруженные на сайт «Дистанционные кружки и секции» дополнительные элементы курса
способность использовать современные методы и технологии обучения и диагностики (ПК-2);		
способность использовать возможности образовательной среды для достижения личностных, метапредметных и предметных результатов обучения и обеспечения качества учебно-воспитательного процесса средствами преподаваемого учебного предмета (ПК-3);		
готовность к взаимодействию с участниками образовательного процесса (ПК-4);		
способность организовывать сотрудничество обучающихся, поддерживать активность и инициативность, самостоятельность обучающихся, развивать их творческие способности (ПК-5);		
способность проектировать образовательные программы (ПК-6)		

Вывод. Качественная реализация дополнительного образовательного процесса и внеурочной работы с применением технологий электронного обучения требует специальной подготовки педагога к ее реализации. Эффективным инструментом в решении данного вопроса становится разработанный практико-ориентированный электронный дистанционный курс повышения квалификации. Успешное освоение программы курса позволяет формировать у педагогов компетенции, необходимые и достаточные для организации и реализации электронного обучения. Практическая разработка и апробация данного курса, промежуточные результаты показали эффективность разработанной программы для формирования готовности педагога к реализации кружковой работы с применением технологий электронного обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ананьева О. Е., Кондратенко Е. В.** Формирование готовности преподавателя вуза к использованию технологий электронного обучения в современном университете // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки». 2014. № 11–2. С. 13–17.
2. **Асадуллин Р. М.** Педагогическая деятельность, ее виды и проблемы формирования // Alma mater. Вестник высшей школы. 2017. № 8. С. 19–24.
3. **Асадуллин Р. М., Сергиенко И. В., Кудинов И. В., Галиханова Ю. Р.** Бимодальный университет: инновационный вектор развития БГПУ имени Акмуллы в системе образования РФ // Педагогический журнал Башкортостана. 2016. № 4 (65). С. 64–68.
4. **Галиханова Ю. Р., Сергиенко Е. Б., Сергиенко И. В.** Конструирование электронного контента для кружков с применением технологий электронного обучения: методические рекомендации. Уфа: Изд-во БГПУ, 2018. 33 с.

5. **Дмитриев Д. С.** Формирование готовности преподавателя вуза к применению средств электронного обучения в профессиональной деятельности: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Самара, 2017. 213 с.
6. **Зеер Э. Ф.** Личностно-ориентированное профессиональное образование. Екатеринбург, 1998. 126 с.
7. Концепция развития дополнительного образования детей [Электронный ресурс] // Собрание законодательства РФ (утверждена распоряжением Правительства РФ от 04.09.2014 г. № 1726-р).. URL: <http://base.garant.ru/70733280/> (дата обращения 22.01.2020).
8. **Кудинов И. В., Карунас Е. В.** Модель кружковой деятельности в информационной образовательной среде // Педагогический журнал Башкортостана. 2018. №4 (77). С. 135–142.
9. **Ломовцева Н. В., Чубаркова Е. В., Карасик А. А.** Формирование готовности преподавателей вуза к использованию информационно-образовательной среды в своей деятельности [Электронный ресурс] // Образование и наука. 2013. №3 (102). С. 111–120. URL: <https://www.edscience.ru/jour/article/viewFile/159/154> (дата обращения 22.01.2020).
10. Порядок применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ (утвержден Приказом Минобрнауки России от 23.08.2017 г. №816). [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/71770012/paragraph/1:0> (дата обращения 22.01.2020).
11. Профессиональный стандарт 1.003 Педагог дополнительного образования детей и взрослых (утвержден Приказом Минтруда России №298н от 5 мая 2018 г.) [Электронный ресурс] // Портал Министерства труда и социальной защиты РФ. URL: <http://profstandart.rosmintrud.ru>. (дата обращения 22.01.2020).
12. **Сергиенко И. В., Бахтиярова В. Ф., Сергиенко Е. Б., Асадуллина Г. М., Крымова М. А.** Проектирование и реализация кружковой работы с применением технологий электронного обучения: учебно-методическое пособие. Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2019. 152 с.
13. **Сергиенко И. В., Изгарина Г. К.** Проектирование кружковой работы с применением технологий электронного обучения в общеобразовательных организациях // Педагогический журнал Башкортостана. Уфа. 2019. №5 (84). С. 100–108.
14. **Сергиенко И. В., Бахтиярова, В. Ф., Изгарина, Г. К., Крымова, М. А.** Модель кружковой работы с использованием технологий электронного обучения // Педагогический журнал Башкортостана. 2018. №6 (79). С. 70–78.
15. **Сластенин В. А., Подымова Л. С.** Педагогика: инновационная деятельность. М., 1997.
16. **Терещенко Е. С.** Кружковая работа как средство формирования самооценки у младших школьников // Бакалавр. 2017. №7–8 (31–32). С. 14–16.
17. Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».
18. **Krasnova G. A., Nuhuly A., Teslenko V. A.** E-learning: current state, trends and future prospects // RUDN Journal of Informatization of Education. 2017. Vol. 14 (3). P. 371–377.
19. Luciana Lousada, E-learning Tools in Non-formal Education Environments // ICT for language learning [Electronic resource]. – URL: https://conference.pixel-online.net/conferences/ICT4LL2013/common/download/Paper_pdf/115-ITL17-FP-Lousada-ICT2013.pdf. (accessed 21.01.2020)
20. Sarah Prestridge, Categorising teachers» use of social media for their professional learning: A self-generating professional learning paradigm // Computers & Education. 2019. Vol. 129. – P. 143–158.

REFERENCES

1. **Ananeva O. E., Kondratenko E. V.** The ways to form teachers willingness to use e-learning technologies in modern university. *Humanities, Social-economic and Social Sciences*, 2014, no. 11 (2), pp. 13–17. (In Russ).
2. **Asadullin R. M.** Pedagogical activity, its types and problems of formation. *Alma mater. High school bulletin*, 2017. no. 8, pp. 19–24. (In Russ).
3. **Asadullin R. M., Sergienko I. V., Kudinov I. V., Galikhanova Yu. R.** Bimodal university: Innovative vector of development of BSPU Akmuulla in the education system of the Russian Federation. *Pedagogicheskiy zhurnal Bashkortostana – Pedagogical journal of Bashkortostan*, 2016, no. 4 (65), pp. 64–68. (In Russ).
4. **Galikhanova Yu. R., Sergienko E. B., Sergienko I. V.** *Designing e-content for club activities with the use of e-learning technologies*. Ufa, BSPU Publ., 2018. 33 p.
5. **Dmitriev D. S.** *Formation of readiness of a university teacher for application of e-learning tools in professional activities*. Cand. Ped. sci. thesis. Samara, 2017.

6. **Zeer E. F.** *Student-oriented vocational education*: textbook. Ekaterinburg, 1998. (In Russ).
7. Concept of development of additional education for children. Legislation Assembly. Governmental Decree № 1726-r of September, 4, 2014. Available at: <http://base.garant.ru/70733280/>
8. **Kudinov I. V., Karunas E. V.** Model of club activities in informational educational environment. *Pedagogical journal of Bashkortostan*, 2018, no. 4 (65), pp. 135–142. (In Russ)
9. **Lomovtseva N. V., Chubarkova E. V., Karasik A. A.** Formation of readiness of university teachers to the use of informational educational environment. *Education and science*, 2013, no. 3 (102), pp. 111–120. (In Russ) Available at: <https://www.edscience.ru/jour/article/viewFile/159/154> (accessed January 22, 2020).
10. The procedure of the use of e-learning, distant educational technologies within implementation of educational programs by educational institutions. Order of Ministry of education of Russia №816 of August, 23, 2017. Available at: <http://ivo.garant.ru/#/document/71770012/paragraph/1:0>
11. Professional standard 1.003. Teacher of additional education for children and adults. Order of Ministry of Labour of Russia №298n of May, 5, 2018. Available at: <http://profstandart.rosmintrud.ru>
12. **Sergienko I. V., Bakhtiyarova V. F., Sergienko E. B., Asadullina G. M., Krymova M. A.** *Design and implementation of extracurricular club activities using e-learning technologies*: a teaching guide. Ufa, BSPU Publ., 2019. 152 p.
13. **Sergienko I. V., Izgarina G. K.** Designing extracurricular club activities using e-learning technologies in the general-education institutions. *Pedagogical journal of Bashkortostan*, 2019, no. 5 (84), pp. 100–108. (In Russ)
14. **Sergienko I. V., Bakhtiyarova V. F., Izgarina G. K., Krymova M. A.** Model of extracurricular club activities using e-learning technologies. *Pedagogical journal of Bashkortostan*, 2018, no. 6 (79), pp. 70–78. (In Russ)
15. **Slastenin V. A., Podymova L. S.** *Pedagogy. Innovation*: textbook. Moscow, 1997.
16. **Tereshchenko E. S.** *Extracurricular club activity as a means of forming self-esteem in primary school students*. *Bakalavr = Bachelor*, 2019, no. 7–8 (31–32), pp. 14–16. (In Russ)
17. *Decree of the President of the Russian Federation No. 203 dated 09.05.2017 «On the development strategy of the information society in the Russian Federation for 2017–2030»*
18. **Krasnova G. A., Nuhuly A., Teslenko V. A.** E-learning: current state, trends and future prospects. *RUDN Journal of Informatization of Education*, 2017, vol. 14 (3), pp. 371–377.
19. Luciana Lousada, E-learning Tools in Non-formal Education Environments // ICT for language learning [Electronic resource]. Available at: https://conference.pixel-online.net/conferences/ICT4LL2013/common/download/Paper_pdf/115-ITL17-FP-Lousada-ICT2013.pdf. (accessed 21.01.2020)
20. Sarah Prestridge, Categorising teachers» use of social media for their professional learning: A self-generating professional learning paradigm. *Computers & Education*, 2019, vol. 129, pp. 143–158.

Информация об авторах

Сергиенко Иван Викторович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования института физики, математики, цифровых и нанотехнологий ФГБОУ ВО «БГПУ им.М. Акмуллы, (450 008, Российская Федерация, г.Уфа, ул. Октябрьской революции, 3-а, e-mail: sergilld@mail.ru)

Крымова Миляуша Айратовна – соискатель, кафедра педагогики и психологии профессионального образования института физики, математики, цифровых и нанотехнологий ФГБОУ ВО «БГПУ им.М. Акмуллы, (450 008, Российская Федерация, г.Уфа, ул. Октябрьской революции, 3-а, e-mail: milyausha.murzagalina@gmail.com)

Статья поступила в редакцию 10.10.19. После доработки 28.01.20. Принята к публикации 2.03.20.

Information about the authors

Ivan V. Sergienko – Doctor of Pedagogics of the Department of Professional Education of the Institute of Physics, Mathematics, Digital and Nanotechnologies at Bashkir M. Akmulla State Pedagogical University, (3-a, October Revolution str., Ufa, Russian Federation, e-mail: sergilld@mail.ru)

Milyausha A. Krymova – applicant at the Department of Professional Education of the Institute of Physics, Mathematics, Digital and Nanotechnology at Bashkir M. Akmulla State Pedagogical University, (3-a October Revolution Str., Ufa, Russian Federation, e-mail: milyausha.murzagalina@gmail.com)

The paper was submitted 10.10.19. Received after reworking 28.01.20. Accepted for publication 2.03.20.

УДК 35.088.6

ОНЛАЙН-КУРС «СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В ОРГАНАХ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Ю. И. Молотков

Сибирский институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы, Новосибирск, Российская Федерация,
e-mail: molotkov@siu.ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматривается онлайн-курс: «Система управления проектами в органах власти» для повышения профессиональных компетенций у гражданских государственных и муниципальных служащих по управлению проектной деятельностью при реализации национальных целей и стратегических задач до 2024 года, обозначенных в Указе Президента от 7.0.5.18 г. № 204. В Указе сформировано 12 национальных приоритетов стратегического развития Российской Федерации. Для реализации 9 стратегических целей, обозначенных в Указе, вышло новое Постановление Правительства № 1288 от 31.10.2018 года «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» и методические рекомендации, которые существенно меняют технологию управления проектами стратегического развития страны. Достижение целевых показателей, обозначенных в Указе Президента, будет осуществляться за счет принятых национальных проектов. Реализация глобальных задач стратегического развития страны должны обеспечить гражданские государственные и муниципальные служащие, способные разрабатывать и управлять национальными проектами. Практико-ориентированное обучение проектной деятельности в онлайн-курсе «Система управления проектами в органах власти» позволит повысить профессиональные компетенции служащих и специалистов, ответственных за реализацию национальных проектов и обеспечить достижение стратегических национальных целей, сформированных в Указе Президента. В Сибирском институте управления РАНХиГС разработан онлайн-курс ПК для гражданских государственных и муниципальных служащих и методическое обеспечение по формированию профессиональных компетенций в области управления проектами в органах власти.

Ключевые слова: онлайн-курс повышения квалификации, стандартизация проектной деятельности, ролевые функции, управленческие и профессиональные компетенции, жизненный цикл проекта, управление проектом.

Для цитаты: Молотков Ю. И. Онлайн-курс «Система управления проектной деятельностью в органах власти Российской Федерации» // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 1. С. 3543–3555. DOI: 10.15372/PEMW20200117

DOI: 10.15372/PEMW20200117

ONLINE COURSE «PROJECT MANAGEMENT SYSTEM IN THE PUBLIC AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION»

Molotkov, Yu. I.

Siberian Management Institute of RANEPa,
Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: molotkov@siu.ranepa.ru

Abstract. The article discusses the online course «Project Management System in Public Authorities» aimed at enhancing the professional project management competencies of the government officials and municipal servants in implementing national goals and strategic objectives until 2024, indicated in the Presidential Decree No. 204 dated 7.0.5.18. The Decree contains 12 national priorities for the strategic development of the Russian Federation. To implement the 9 strategic goals indicated in the Decree, a new Government De-

cree No. 1288 dated 10/31/2018 «On the organization of project activities in the Government of the Russian Federation» and methodological recommendations that significantly change the project management technology for the strategic development of the country were issued. The targets indicated in the Presidential Decree will be achieved at the expense of the approved national projects. The implementation of the global tasks of the country's strategic development should be ensured by government officials and municipal servants who can develop and manage national projects. The practice-oriented training of project activities in the Online Course «Project Management System in Public Authorities» will improve the professional competencies of employees and specialists responsible for the implementation of national projects, and ensure the achievement of strategic national goals formed in the Presidential Decree. The Siberian Institute of Management, RANEPa, has developed an online PC course for state and municipal civil employees and methodological support for forming professional competencies in the field of project management in the government.

Keywords: *Online upgrade training course, standardization of project activities, role functions, managerial and professional competencies, project life cycle, project management.*

For quote: *Molotov Yu. I. [Online course «Project management system in government bodies of the Russian Federation»]. Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 3543–3555. DOI: 10.15372/PEMW20200117*

Введение. Динамика изменений в области стратегического планирования и управления развитием РФ, субъектов РФ и муниципальных образований, стремительна, взамен Постановления Правительства № 1050 от 16.11. 2016 г. «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации», в котором определена система организационно-методических документов по формированию и реализации приоритетных проектов, но 7.05. 2018 года выходит Указ Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», соответственно под Указ Президента сформировано новое Постановление Правительства № 1288 от 31.10.2018 года «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации», которое существенно меняет технологию проектного управления стратегическим развитием РФ и в два раза уменьшает документооборот. Соответственно требуется переориентация государственных гражданских и муниципальных служащих на новую технологию управления национальными проектами, федеральными и региональными проектами и под новые целевые задачи (обозначенные в Указе Президента 204) по 12 направлениям стратегического развития страны [3, с. 2], с помощью которых будут достигнуты прогнозные целевые показатели, например: в области образовательных услуг войти в топ 10 ведущих стран мира; в топ 5 ведущих экономик мира; в здравоохранении экспорт медицинских услуг увеличить не менее в четыре раза [3, с. 4–11], в образовании войти в топ 10 ведущих стран мира. Такие амбициозные цели могут достичь только за счет повышения квалификации государственных гражданских служащих и специалистов всех сфер деятельности, которые непосредственно будут заняты в разработке национальных, федеральных и региональных проектов и программ, реализуемых на региональном и муниципальном уровнях, а также в государственном и негосударственном секторе экономики Российской Федерации. Такую проблему могут эффективно решить подготовленные государственные гражданские служащие и специалисты в системе онлайн-курсов повышения квалификации по направлениям и сферам экономической деятельности. Для оценки персональных и прикладных профессиональных управленческих компетенций, которые предъявляются к государственным гражданским и муниципальным служащим Минтрудом утверждены требования к знаниям, которые закреплены в рекомендациях Министерства труда и социальной защиты РФ от 15 февр. 2018 г. [11].

Оценка уровня владения методологией проектного управления проводится в объеме образовательной программы «Управления проектами в органах власти: углубленные знания» или образовательной программы «Управление проектами в органах власти: базовые знания», с учетом имеющихся сертификатов международных систем сертификации в области управления проектами (PMP; IPMA; PRINCE2) в зависимости от выполняемой роли в проекте. Сертификация специалистов осуществляется в соответствии с Постановлением Правительства 1288 в объеме компетенций приведенных программ и осуществляется в соответствии с П 39 Постановления [4, с. 16–18], после прохождения дополнительного обучения в РАНХиГС с соответствующей аттестацией по утвержденной методике Минтруда.

Статья посвящена проблеме формирования, с помощью онлайн-курса «Система управления проектами в органах власти» в Сибирском институте управления РАНХиГС у государственных гражданских и муниципальных служащих, знаний в области управления проектами и проектной деятельности в органах власти. Формирование онлайн-курса опирается на обновленную в Российской Федерации

нормативно-правовую базу, на действующие национальные ГОСТы, которые обеспечивают нормативное формирование технологии проектного менеджмента в ГОСТе 54 869–2011 «Управление проектами», ГОСТ ИСО 21 500–2014 «Руководство по проектному менеджменту», ГОСТ Р 58 184–2018 «Система менеджмента проектной деятельности. Основные положения», а также ГОСТ Р 58 305–2018 «Система менеджмента проектной деятельности. Проектный офис», организация которых обеспечивает продвижение разработанных проектов.

Органы власти формируют свою систему проектного управления на федеральном, региональном и муниципальном уровнях с учетом ГОСТ Р 58 305–2018 «Система менеджмента проектной деятельности» Проектный офис», организация таких проектных офисов обеспечивает продвижение разработанных проектов. Кроме того, система организации проектного управления закреплена в государственных нормативно-правовых актах, регулирующих порядок разработки и реализации национальных, федеральных и региональных проектов, приведенных в списке литературы: «Нормативно-правовые акты стратегического планирования программно-проектной деятельности в РФ», регулирующих порядок разработки и реализации национальных, федеральных и региональных проектов [1–12].

Реализация нормативно-правовой технологии проектного управления в онлайн-курсе формирует компетентность государственных гражданских и муниципальных служащих, а также специалистов, работающих в сфере проектного управления, которые должны реализовать стратегическое развитие Российской Федерации, а также обеспечить внедрение Постановления Правительства № 1288 от 31.10.2018 г. «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» и других нормативно-правовых документов РФ, субъектов РФ и муниципальных образований. Для решения этой государственной проблемы в Сибирском институте управления РАНХиГС сформирован онлайн-курс: «Система проектного управления в органах власти», для повышения квалификации госслужащих, который включает следующие основные компоненты.

1. Структуру и содержание основных модулей,
2. Задание на разработку Проекта развития территории.
3. Систему тестового контроля знаний слушателей.

Онлайн-курс ориентирован на слушателей, повышающих квалификацию в дистанционной электронной обучающей системе, в области управления проектной деятельностью в органах власти.

Постановка задачи. Реализация Постановления Правительства № 1288 от 31.10.2018 г. «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» показала, что основная проблема стратегического развития страны упирается в недостаточную компетенцию и профессиональную неподготовленность в области проектного управления не только государственных гражданских и муниципальных служащих, но и специалистов по проектному управлению в коммерческом и некоммерческом госсекторах. Внедрение проектной деятельности в органах власти должно основываться на стандартизации функций и полномочий во всем госсекторе (табл. 1) стратегического развития экономики и социальной сферы страны.

Таблица 1

Стандартизация функций и полномочий в госсекторе экономики

Госсектор	Федеральные органы власти	Региональные органы власти	Госкорпорации и Госкомпании
Организационная поддержка	Внедрение функций ГОСТ Р 58 305–2018 – проектный офис	Организация работы проектного офиса	Внедрение функций ГОСТ Р 58 305–2018 – проектный офис
	Запуск проекта создания ИСУП и СУПД в соответствии с Методическими рекомендациями Минэкономразвития		
Методологическая поддержка	Диагностика системы управления проектами (по проектам) в интересах Госзаказчика и выдача рекомендаций по оптимизации ресурсов Разработка нормативно-регламентных документов. (Положение о системе управления проектами, регламенты, шаблоны документов и отчетов и т.д.) Разработка рабочих документов (паспорта, планы, графики, отчеты и др.) Разработка ключевых показателей и системы мотивации проектной деятельности		

Технологическая поддержка	Создание единого проектного портала РФ		
	Разработка функциональных требований, технических заданий на информационные системы управления проектами и проектной деятельности		
	Создание информационной системы проектного управления (ИСУП) в органе госвласти		Создание ИСУП в составе корпоративной АСУ
	Создание мобильных приложений для управления проектами		
Компетенции и обучение	Разработка модели компетенций. Оценка проектных компетенций		Обучение по специализированным учебным программам
	Подготовка к сертификации, сопровождение процедуры сертификации		

Источник: С учетом Методических рекомендаций Минэкономразвития: <https://www.directum.ru/blog-post/930>

Поэтому обучение по программам ПК проектным компетенциям (п 4. стандартизации функций) специалистов, овладевающих технологией проектного управления в органах власти и их востребованностью в области проектного управления, является наиглавнейшей задачей сегодняшнего дня. Поэтому при формировании программ повышения квалификации в сфере проектной деятельности и управления проектами, должно учитываться состояние и тенденция дальнейшего развития этой области деятельности.

Методика и методология исследования. Онлайн-курса «Система проектного управления в органах власти» сформирована по алгоритму, приведенному на рисунке 1, разработанному в соответствии с рабочей программой ПК, по направлению повышения квалификации, по системе управления программно-проектной деятельностью в органах власти. Онлайн-курс включает:

- рабочую программу;
- текст учебного материала;
- видеоматериалы и аудиоматериалы;
- дополнительные материалы;
- иллюстративные элементы (рисунки, схемы, таблицы, ссылки на иные источники и т.п.);
- задания для усвоения изученного материала;
- глоссарий (словарь терминов);
- фонд оценочных средств (Задание на разработку Проекта, критерии оценки проекта и тесты для оценки базовых знаний управления реализацией проекта).

Особенностью онлайн-курса такой подготовки слушателей, повышающих квалификацию в области управления проектной деятельностью в органах власти, является то, что они могут продолжить свою деятельность по внедрению разработанного проекта, совершив самостоятельно стадию «Инициация» проекта и соответственно получив финансирование в органах власти или независимых фондах.

Цель исследования: изучить состояние обучения по повышению квалификации государственных гражданских и муниципальных служащих в области проектного управления и внедрения нового Постановления Правительства № 1288 от 31.10.2018 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации», а также влияние новых национальных стандартов: ГОСТ Р 58184–2018 «Система менеджмента проектной деятельности. Основные положения», ГОСТ Р 58305–2018 «Система менеджмента проектной деятельности. Проектный офис», на организацию проектной деятельности в органах власти и учесть эти особенности в разрабатываемом онлайн-курсе, в СИУ РАНХиГС.

Объект исследования – принятая новая нормативно-правовая база в области организации проектного управления и управления проектами в органах власти, а также в государственном и негосударственном секторах экономики страны и область стандартов нормативных знаний профессиональных компетенций в сфере управления проектами [1–12].

Предмет исследования – действующая система Сибирского института управления РАНХиГС по повышению квалификации государственных гражданских и муниципальных служащих в сфере проектного управления на уровне субъекта РФ и муниципальных образований, а также ее готовность осуществлять подготовку служащих по программам РАНХиГС в соответствии с П. 39., Постановления Правительства № 1288. от 31.10.2018 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федера-

ции», управленческим и профессиональным компетенциям в соответствии с методическими рекомендациями Минтруда по организации и проведению оценки квалификации государственных гражданских служащих в сфере проектной деятельности» (утв. Минтрудом России от 15.02.2018 г.) [11].

Цель онлайн-курса: «Система проектного управления в органах власти», сформировать объективные знания в соответствии с Постановлением 1288 о системе проектного управления в органах власти, для обеспечения стратегического развития страны в соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7.05.2018 года и методических рекомендаций Минтруда по оценке квалификации государственных гражданских служащих в сфере проектной деятельности.

Программа онлайн-курса предусматривает достижение следующих основных целей.

- Изучить предпосылки перехода к программно-проектному стратегическому управлению социально-экономическим развитием Российской Федерации.
- Изучить нормативно-правовое обеспечение проектного управления в органах власти Российской Федерации.
- Сформировать управленческие компетенции по мониторингу, оценки эффективности и рисков при реализации Проектов, обеспечивающих стратегическое развитие РФ.
- Сформировать и оценить профессиональные и управленческие компетенции по проектному управлению в органах власти.

Основные задачи онлайн-курса: «Система проектного управления в органах власти».

- Изучить действующие нормативно-правовые акты по организации проектного управления в органах власти.
- Дать теоретические основы стратегического проектного планирования, управления территориальным развитием в РФ.
- Сформировать персональные компетенции служащих организации проектной деятельности в органах власти.
- Научить разрабатывать управленческие решения в области проектного менеджмента.
- Сформировать знания по функциям действующей организационной системы проектного управления в органах власти.
- Сформировать компетенции по рискам, контролю и мониторингу жизненного цикла Проекта.
- Научить технологии разработки Проекта по направлению или точке роста территориального развития.
- Научить оформлять проектные документы по стадиям жизненного цикла проекта.
- Научить оформлять презентацию Проекта.

Результаты. Для достижения поставленных целей и задач в онлайн-курсе: «Система проектного управления в органах власти» сформирован информационный материал, который структурно разбит в учебном плане на 5 модулей, в каждом из них рассматриваются системно изложенные темы дисциплины. Пятый модуль посвящен поэтапной разработке проекта с последующей его защитой в режиме веб-семинара или в чате скайпа. Проектное решение по структуре модулей онлайн-курса: «Система проектного управления в органах власти» (72 часа) приведена в таблице 2.

Таблица 2

Модули онлайн-курса ПК: «Система проектного управления в органах власти»

Модуль I. Система организации проектного управления в федеральных органах власти и нормативно-правовое регулирование	
1.1.	Предпосылки организации проектной деятельности стратегического развития РФ
1.2.	Система программно-проектного управления стратегическим развитием РФ, субъектов РФ
1.3.	Нормативно-правовое регулирование проектной деятельности в органах власти
1.4.	Международный опыт применения проектного управления в органах власти. Развитие и стандартизация проектной деятельности в органах власти РФ
Модуль II. Управление проектами и проектной деятельностью в органах власти на региональном уровне	
2.1.	Организация проектной деятельности на уровне субъекта РФ Обзор лучших региональных практик организации проектной деятельности в органах власти
2.2.	Формирование и управление региональным проектом стратегического развития субъекта РФ

2.3.	Организация Регионального проектного офиса: структура, цели, задачи, полномочия
2.4.	Процессный подход к управлению жизненным циклом проекта на региональном уровне
Модуль III. Проектный менеджмент. Технология управления проектами в органах власти РФ (ГОСТ Р 21 500—2014, 54 869—2011, 58 184—2018, 58 305 —2018)	
3.1.	Стандартизация технологии проектного управления в органах власти (ГОСТ Р 21 500—2014; ГОСТ Р 54 869—2011; ГОСТ Р 58 184—2018)
3.2.	Технология управления проектами в органах власти Российской Федерации
3.3.	Формирование проектной документации на федеральном и региональном уровнях Управление выгодами и изменениями в проекте
3.4.	Мониторинг, контроль, промежуточные и итоговые отчеты реализации регионального проекта
Модуль IV. Тренды и правила современных коммуникаций, искусство подачи информации	
4.1.	Управление коммуникациями и знаниями в проекте. Лидерство в реализации проекта
4.2.	Искусство модератора. Умение задавать вопросы, умение слушать и слышать
4.3.	Инструменты спикера: русский язык, внешний облик и другие
4.4.	Формула эффективной презентации: практика представления проекта, аудитория, формат.
Модуль V. Практика разработки проекта на региональном уровне (Групповая динамика)	
5.1.	Идея и инициация проектного решения (Актуальность, цель, ожидаемые результаты)
5.2.	Оформление проекта по заданию Модуля 1. (Оформление проекта разделов 1–3)
5.3.	Оформление проекта по заданию Модуля 2. (Оформление проекта разделов 4–6)
5.4.	Оформление проекта по заданию Модуля 3. (Оформление проекта раздела 7 и приложений)
5.5.	Оформление презентации проекта, подготовка доклада и публичная защита проекта

Примечание: Модуль 4 и 5 осуществляется в режиме веб-семинаров.

Приведенный в таблице 2 структурно-системный подход формирования учебного материала модулей позволяет изучить онлайн-курс: «Система проектного управления в органах власти» с привлечением дополнительных ссылок на другие источники информации, что позволяет максимально самостоятельно достичь поставленных целей и задач курса обучения.

Итоговые результаты онлайн-курса: «Система проектного управления в органах власти», его завершающим этапом является выполнение регионального проекта по 12 направлениям стратегического развития Российской Федерации обозначенных в Указе Президента № 204 от 7 мая 2018 года и направлений развития субъектов РФ, а также личных интересов слушателей, работающих в социально-экономических объектах.

Содержание, описание, инициация и реализация Проекта по этапам жизненного цикла осуществляется по методическим рекомендациям, которые приняты к Постановлению Правительства № 1288 от 31 октября 2018 года.

Объект для исследования и описания слушатель онлайн-курса выбирает самостоятельно, исходя из трудовой деятельности и своих жизненных интересов.

Публичная защита Проекта осуществляется с помощью мультимедийной презентации и оценивается по критериям:

- актуальность;
- практическая значимость;
- глубина проработки.

Оценка по приведенным критериям позволяет определить уровень профессиональных навыков, полученных слушателем при разработке Проекта и понимание процессов, обеспечивающих управление, по этапам жизненного цикла, включая и этап «Завершение» по достижению высокого эффективного конечного результата, запланированного в проекте. Персональные и управленческие компетенции должны соответствовать требованиям методических рекомендаций Минтруда (табл. 3) по организации и проведению оценки квалификации государственных гражданских служащих в сфере проектной деятельности [11].

Таблица 3

Характеристика персональных и управленческих компетенций

Персональные и управленческие компетенции	Характеристики компетенций
Лидерство	Умение видеть перспективу, образ будущего, понимать цели и доносить их до других
	Умение убеждать, мотивировать, вдохновлять личным примером и вести за собой
	Умение оказать поддержку единомышленникам и создать условия для самореализации последователей
Стратегическое мышление	Умение целостно видеть ситуацию, прогнозировать развитие событий
	Умение выявлять и обосновывать стратегические приоритеты
	Умение видеть риски и новые возможности
Принятие управленческих решений	Умение находить альтернативные пути решения проблемы и определять оптимальные
	Умение оценивать влияние или последствия решений, прежде чем их принять
	Умение оперативно принимать решения на своем уровне ответственности, соблюдая установленные процедуры
Персональная эффективность	Умение нести ответственность за свои действия независимо от условий и обстоятельств
	Умение планировать свою работу с ориентацией на конечный результат
	Умение определять и расставлять приоритеты в своей деятельности
Командное взаимодействие	Умение устанавливать и поддерживать долгосрочные партнерские отношения
	Умение слушать, понимать другого, излагать мысли и факты ясным и доходчивым способом
	Умение эффективно разрешать негативные эмоциональные ситуации, устранять разногласия, делить ответственность за успехи и неудачи команды
Гибкость и готовность к изменениям	Умение адаптировать традиционные и разрабатывать новые подходы, концепции, методы, процессы, технологии, системы и пр.
	Умение инициировать либо с готовностью и бесконфликтно воспринимать изменения
	Умение учиться у людей и ситуаций, постоянно расширять собственный опыт, совершенствовать свои способности

Прикладные компетенции – проявляемые в поведении характеристики, отражающие знания и умения гражданских служащих – участников проектной деятельности, необходимые для эффективного и результативного осуществления проектной деятельности в соответствии с выполняемой ролью в проекте (ПК), которые приведены ниже в таблице 4.

Таблица 4

Прикладные компетенции

Компетенции	Характеристика компетенций
Организация проекта, управление заинтересованными сторонами проекта	Знание и умение формировать организационную структуру проекта, закреплять функционал и ответственность в проектной команде, а также организовывать обучение и развития команды проекта Знание и умение проводить анализ ожиданий заинтересованных сторон и их воздействия на проект, разрабатывать соответствующие стратегии управления для эффективного вовлечения заинтересованных сторон в принятие решений и реализацию проекта

Управление выгодами проекта	Знание и умение определять желаемое состояние, на которое нацелена реализация проекта, выгоды и их описание, связь с показателями и целями; формировать стратегию по достижению и управлению выгодами, определять ответственных и владельцев, связанных с получением и управлением выгодами
Управление содержанием проекта	Знание и умение определить создаваемые результаты, выполняемые мероприятия, границы проекта и обеспечить действия по контролю содержания и передачи результатов заказчику
Управление сроками проекта	Знание и умение планировать достижение результатов, выгод, определять длительность и сроки реализации мероприятий проекта, а также допущения, которые влияют на сроки планирования
Управление финансами проекта	Знание и умение проводить оценку экономической эффективности проекта, определять затраты и формировать бюджет проекта, источники его финансирования
Планирование и контроль проекта	Знание и умение формировать планы проекта, организовывать и проводить мониторинг и контроль реализации проекта, управлять отклонениями в проекте
Управление изменениями в проекте	Знание и умение применять инструменты инициирования, формирования, согласования и контроля изменения в проекте
Управление рисками и возможностями проекта	Знание и умение применять инструменты и методы идентификации, оценки, реагирования, мониторинга и контроля рисков и возможностей проекта
Управление ресурсами проекта	Знание и умение определять потребности проекта в ресурсах, обеспечивать и управлять человеческими и материальными ресурсами проекта
Управление коммуникациями и знаниями проекта	Знание и умение создавать коммуникационные схемы для обеспечения эффективного взаимодействия всех участников проекта, управлять информацией, извлеченными уроками; формировать и использовать базы знаний
Управление качеством проекта	Знание и умение обеспечивать и подтверждать соответствие требованиям проекту, включая требования к результатам проекта
Управление закупками и поставками проекта	Знание и умение организовывать закупочные и конкурсные процедуры, эффективное взаимодействие с подрядчиками

Характеристика персональных и управленческих, а также прикладных профессиональных управленческих компетенций, которые предъявляются к государственным гражданским и муниципальным служащим, соответствуют Постановлению Правительства № 1288 от 31.10.2018 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» и рекомендациям Министерства труда и социальной защиты РФ, замещения должностей государственных гражданских служащих прошедших обучение в объеме образовательных программ, базовые или углубленные знания [11].

Достижения уровня управленческих и профессиональных компетенций осуществляется за счет изучения информационного материала онлайн-курса и практикой формирования проектов [11], обеспечивающих стратегическое территориальное развитие.

Основными результатами обучения по Программе ПК являются:

- *Защита Проекта (Формируется 3 документа)*
- *Итоговая аттестация (Тестирование)*

На защиту Проекта – выносятся три документа, а именно:

- 1) описание проекта,
- 2) паспорт проекта (национальный, федеральный, ведомственный, региональный, муниципальный, иной),
- 3) презентация к защите проекта.

Защита Проекта выполняется слушателем, с помощью презентации Проекта по следующей структуре разделов:

I. Описание проекта содержит:

1. Актуальность Проекта (обоснование проектного решения)
2. Общие положения
3. Содержание проекта «Прогноз развития»
4. Этапы и контрольные точки реализации проекта и изменений в объекте
5. Бюджет проекта «Прогноз бюджета»
6. Описание связей бюджета с госпрограммами
7. Ключевые риски и возможности реализации проекта
8. Индикативные показатели реализации проекта
9. Приложения (основные инструменты реализации проекта)

II. Паспорт проекта (заполняются типовые формы):

1. Основные положения
2. Цели и показатели
3. Задачи и результаты регионального проекта
4. Финансовое обеспечение реализации регионального проекта
5. Участники регионального проекта
6. Дополнительная информация
7. План мероприятий по реализации проекта

III. Презентация к защите проекта

Структура и содержание презентации проекта определяется слушателем программы и должна отражать основные положения описания проекта и его конечных результатов. Количество слайдов рекомендуется 20–25. Оформление презентации по приведенной технологии.

Критерии оценки Проекта:

1. Актуальность проекта.
2. Практическая значимость проекта.
3. Глубина проработки проектных решений.

При выборе направления и точки проектирования рекомендуется выполнять региональный проект – Проект, обеспечивающий достижение целей, показателей и результатов национального, федерального, ведомственного проекта, мероприятия которого относятся к законодательно установленным полномочиям субъекта Российской Федерации, а также к вопросам местного значения муниципальных образований, расположенных на территории субъекта Российской Федерации.

Такой проект формируется на основании Постановления Правительства 1288 от 31 октября 2018 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» и методических рекомендаций [5; 6].

IV. Итоговая аттестация (Тестирование)

Оценка качества освоения программы осуществляется за счет

• **Текущего контроля** успеваемости осуществляется в форме: панельных дискуссий (при очном обучении) по обсуждению Проекта, обсуждению промежуточных проектных решений стратегического развития исследуемых объектов.

• **Промежуточной аттестации** в виде тестирования проводится в традиционной форме либо с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий по завершению каждого учебного модуля в онлайн-технологии.

• **Итоговой аттестации** слушателей проводится в форме итоговой оценки – Теста (по 50 тестовых заданий) с приведенными вариантами ответов. Рассматриваемые в онлайн-курсе вопросы по темам программы распределены равномерно по степени сложности в тестовых заданиях.

В ответах слушатель должен показать знания, умения и навыки по основным управленческим и профессиональным компетенциям, предусмотренным в онлайн-курсе, по ролевым функциям в проектной деятельности органов власти в соответствии с методическими рекомендациями Минтруда, приведенными в таблице 4.

Таблица 4

Оценка прикладных компетенций участников проектной деятельности

Роль в проекте	Требования к прикладным компетенциям	Требования к содержанию оценки	
		Характеристика содержания	Количество вопросов разного уровня сложности

Старшее должностное лицо проекта	Базовый уровень	Успешное прохождение теста за 1 астрономический час (50 тестовых заданий) с не менее 65% правильных ответов	Высокий уровень сложности – 10 Средний уровень сложности – 20 Низкий уровень сложности – 20
Руководитель проекта, руководитель проектного офиса	Углубленный уровень	Успешное прохождение теста за 1 астрономический час (50 тестовых заданий) с не менее 65% правильных ответов	Высокий уровень сложности – 10 Средний уровень сложности – 20 Низкий уровень сложности – 20
Руководитель рабочего органа проекта	Углубленный уровень	Успешное прохождение теста за 1 астрономический час (50 тестовых заданий) с не менее 65% правильных ответов	Высокий уровень сложности – 10 Средний уровень сложности – 20 Низкий уровень сложности – 20
Администратор проекта (программы) Сотрудник проектного офиса	Углубленный уровень	Успешное прохождение теста за 1 астрономический час (50 тестовых заданий) с не менее 65% правильных ответов	Высокий уровень сложности – 20 Средний уровень сложности – 20 Низкий уровень сложности – 10
Руководитель проектного офиса	Углубленный уровень	Успешное прохождение теста за 1 астрономический час (50 тестовых заданий) с не менее 65% правильных ответов	Высокий уровень сложности – 20 Средний уровень сложности – 20 Низкий уровень сложности – 10
Участник проекта	Базовый уровень	Успешное прохождение теста за 1 астрономический час (50 тестовых заданий) с не менее 65% правильных ответов	Высокий уровень сложности – 10 Средний уровень сложности – 20 Низкий уровень сложности – 20

Правильное формирование тестовых заданий в онлайн-курсе повышения квалификации: «Система проектного управления в органах власти» в объёме 72 часа, с учетом порядка сертификации в области управления проектами международных систем (PMP; IPMA; PRINCE2) в зависимости от выполняемой роли в проекте и уровня ролевых базовых и углубленных знаний обеспечит контроль знаний в области проектного управления в органах власти.

Слушатель при подтверждении полученных управленческих и прикладных компетенций получает удостоверение о повышении квалификации федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», дающее ему право заниматься проектной деятельностью в органах власти Российской Федерации и подведомственных организациях.

Методика обучения по программе ПК онлайн-курса «Система проектного управления в органах власти» должна обеспечить реализацию нормативных требований, заложенных в национальных стандартах и нормативно-правовых документах организации проектного управления, в органах власти Российской Федерации и повысить компетенции персонала, занимающегося проектной деятельностью в органах власти.

Основные выводы

1. *Переход к системному стратегическому* [1] проектному управлению в соответствии с Указом Президента 204 [3] и Постановления Правительства 1288 [4] позволит, органам власти всех уровней, обеспечить поступательное стратегическое развития страны и ее населения за счет перехода к новым технологиям управления, а именно:

- **Процессно-ориентированной системе управления**, в которой проектные цели исполнительной власти достигаются за счет внедрения стандартизованных процессов управления проектами.

- **Проектно-ориентированной системе управления**, в которой проектные цели исполнительной власти достигаются за счет реализации жизненного цикла проектов.

2. *Внедрение проектного управления* в органах власти предполагает процесс реализации следующих этапов:

- **Организационный** – формирование системы, структуры, распределение функций управления проектом.

- *Методологический* – разработка методических рекомендаций, регламентация функций персонала и документов, обеспечивающих технологию реализации проекта.

- *Технологический* – создание единой информационной системы ИСУП и единого реестра проектов.

- *Повышение квалификации* – обучение, сертификация персонала, обеспечивающего управление жизненным циклом проекта

4. *Повышение квалификации персонала* – обучение по программам онлайн-курсов с учетом методических рекомендаций Минтруда и действующих международных и национальных стандартов в области проектного управления позволит обеспечить подготовку кадрового состава в области проектного управления в органах власти, что и обеспечит стабильное поступательное стратегическое развитие Российской Федерации.

5. *Принятые нормативно-правовые акты* и национальные стандарты для управления проектной деятельностью в органах власти, внедряемые в Российской Федерации, позволят осуществить достижение целевых показателей стратегического развития, обозначенных в Указе Президента № 204 от 7.05.2018 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», за счет формирования новых организационных структур и перераспределения ролевых функций персонала по управлению реализацией национальных, федеральных, ведомственных и региональных проектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон РФ № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70684666/> (дата обращения 2.02.2019)
2. Указ № 306 «О Совете при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам» от 30.06.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40945> (дата обращения 2.02.2019)
3. Указ Президента 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2014 года» от 7 мая 2018 года [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 2.02.2019)
4. Постановление Правительства № 1288 «Положение об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации», утверждена функциональная структура системы управления проектной деятельностью в Правительстве Российской Федерации от 31.10.2018. 10.01.2019, №0001201901100003 [Электронный ресурс]. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения 2.02.2019)
5. Методические рекомендации по разработке национальных проектов (программ) (утверждены Аппаратом правительства Российской Федерации 4 июня 2018 года № 4072п-П6) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550517324> (дата обращения 2.02.2019)
6. Разъяснения по заполнению форм паспортов национальных проектов (программ) и федеральных проектов (К Постановлению Правительства 1288 от 31.10.2018 года.) к методическим указаниям от 4 июня 2018 г. N 4072п-П6 [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308954/ba6b72ddc92fc22bfd192d2aa021514fdf78eed0/ (дата обращения 2.02.2019)
7. Структура методических указаний по разработке национальных проектов (программ), разработанных в целях реализации положений Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550517324> (дата обращения 2.02.2019)
8. Методические указания по мониторингу и внесению изменений в национальные проекты (программы) и федеральные проекты. (Утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 3.12.2018 г. за 14). URL: <https://pm.center/library/metodicheskie-rekomendatsii/metodicheskie-ukazaniya-po-monitoringu-i-vneseniyu-izmeneniy-v-natsionalnye-proekty-programmy-i-fede/> (дата обращения 2.02.2019)
9. Методические рекомендации по материальному стимулированию федеральных государственных гражданских служащих федеральных органов исполнительной власти, являющихся участниками реализации приоритетных проектов (программ) (одобрены на заседании рабочей группы по развитию проектной деятельности при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 26.05.2017 №5)) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286574/62e348bf8ff9cd1d1a33760c0673f6f71e882ed/ (дата обращения 2.02.2019)
10. Рекомендуемый план подготовки паспортов национальных и федеральных проектов от 5.07.18 [Электронный ресурс]. URL: <https://economy.samregion.ru/upload/iblock/581/Rekomenduemyy-plan-podgotovki-pasportov-natsionalnykh-i-federalnykh-proektov.pdf> (дата обращения 2.02.2019)

11. Методические рекомендации по организации и проведению оценки квалификации государственных гражданских служащих в сфере проектной деятельности. URL: <https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/1267> (дата обращения: 27.10.19)
12. Методические рекомендации по подготовке региональных проектов от 21 декабря 2018 г. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72024638/#ixzz5pQb7MjAL> (дата обращения: 26.10.19.)
13. **Шестопалов П.** Управление проектами. курс MBA: учеб. пособие для слушателей прогр. MBA по направлению «Менеджмент». М., 2016.
14. **Королев В. И.** Интенсивный курс MBA: учеб. пособие для слушателей прогр. MBA по направлению «Менеджмент» / В. И. Королев [и др.]; под ред. В. К. Фальцмана, Э. Н. Крылатых; Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ, Рос. -нем. высш. шк. упр. М.: Инфра-М, 2018. 543 с.
15. **Полковников А. В., Дубовик М. Ф.** Управление проектами. Полный курс MBA. М.: Олимп-Бизнес, 2015. 533 с.
16. **Ильина О. Н.** Методология управления проектами: становление, современное состояние и развитие: монография. М.: Вуз. учеб: Инфра-М, 2017. 207 с.
17. **Молотков Ю. И.** Система формирования профессиональных компетенций у служащих для управления проектной деятельностью в органах власти РФ // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9, № 1. С. 2503–2511.
18. **Молотков Ю. И.** Система управления проектной деятельностью в органах власти Российской Федерации // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9, № 2. С. 2720–2734.
19. **Мэйк Кон.** Agile: оценка и планирование проектов. М.: Альпина Пабlishер, 2018 г.
20. **Джефф Сазерленд.** Революционный метод управления проектами. М.: МИФ, 2019. 288 с.
21. **Рубин К. С.** Основы Scrum: Практическое руководство по гибкой разработке ПО. М.: МДК Вильямс, 2016. 537 с.

REFERENCES

1. Federal Law of the Russian Federation No. 172 FZ dated June 28, 2014 «On Strategic Planning in the Russian Federation». Available at: <http://base.garant.ru/70684666/> (accessed 2.02.2019) (In Russ.)
2. Decree No. 306 dated June 30, 2016 «On the Council under the President of the Russian Federation on strategic development and priority projects». Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40945> (accessed 2.02.2019) (In Russ.)
3. Presidential Decree 204 dated May 7, 2018 «On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period until 2024» Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (accessed 2.02.2019) (In Russ.)
4. Government Decree No. 1288 «Regulation on the Organization of Project Activities in the Government of the Russian Federation», approved the functional structure of the project management system in the Government of the Russian Federation dated 10.31.2018. 01/10/2019, N 0001201901100003 Available at: www.pravo.gov.ru (accessed 2.02.2019) (In Russ.)
5. Guidelines for the development of national projects (programs) (approved by the Government of the Russian Federation on June 4, 2018 No. 4072p-P6) Available at: <http://docs.cntd.ru/document/550517324> (accessed 2.02.2019) (In Russ.)
6. Explanations on filling out the passport forms of national projects (programs) and federal projects (By Government Decree 1288 dated 10/31/2018.) for the guidelines N 4072p-P6 dated June 4, 2018. Available at: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308954/ba6b72ddc92fc22bfd192d2aa021514fdf78eed0/ (accessed 2.02.2019) (In Russ.)
7. The structure of guidelines for the development of national projects (programs) developed in order to implement the provisions of the Decree of the President of the Russian Federation No. 204 dated May 7, 2018 «On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period until 2024. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/550517324> (accessed 2.02.2019) (In Russ.)
8. Guidelines for monitoring and amending national projects (programs) and federal projects. (Approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects, minutes of December 3, 2018, for 14) <https://pm.center/library/metodicheskie-rekomendatsii/metodicheskie-ukazaniya-po-monitoringu-i-vneseniyu-izmeneniy-v-natsionalnye-proekty-programmy-i-fede/> (accessed 2.02.2019) (In Russ.)
9. Methodological recommendations on material incentives for federal state civil servants of federal executive bodies who take part in the implementation of priority projects (programs) (approved at a meeting of the working group for the development of project activities under the President of the Russian Federation on strategic development and priority projects (minutes No. 5 dated May 26, 2017)) Available at:

- http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286574/62e348bf8ff9cd1d1a33760c0673f6f671e882ed/ (accessed 2.02.2019) (In Russ.)
10. Recommended plan for the preparation of passports of national and federal projects dated 5.07.18 [Electronic resource]. Available at: <https://economy.samregion.ru/upload/iblock/581/Rekomenduemyy-plan-podgotovki-pasportov-natsionalnykh-i-federalnykh-proektov.pdf> (access date 2.02.2019) (In Russ.)
 11. Methodological recommendations on the organization and conduct of qualification assessment of civil servants in the field of project activities. Available at: <https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/1267> (accessed 10.27.19) (In Russ.)
 12. Guidelines for the preparation of regional projects dated December 21, 2018 Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72024638/#ixzz5pQb7MjA> (Accessed 10.26.19.) (In Russ.)
 13. **Shestopalov P.** Project Management. MBA course: textbook for students of the MBA Management Program. Moscow, 2016. (In Russ.)
 14. **Korolev V. I.** Intensive MBA course: textbook for students of the MBA Management Program / V. I. Korolev [et al.]; under the editorship of V. K. Faltsman, E. N. Krylatykh; Russian Presidential Academy of Public Administration, Higher School of Management. Moscow, Infra-M Publ., 2018, 543 p. (In Russ.)
 15. **Polkovnikov A. V., Dubovik M. F.** Project management. Full MBA course. Moscow, Olympus Business Publ., 2015, 533 p. (In Russ.)
 16. **Ilyina O. N.** Project management methodology: formation, current status and development: monograph. Moscow, University Textbook Publ., Infra-M Publ., 2017, 207 p. (In Russ.)
 17. **Molotkov Y. I.** Professional competences development system for project management employees in government. *Professional education in the modern world*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 2503–2511. (In Russ.)
 18. **Molotkov Y. I.** Project management system in government authorities of the Russian Federation. *Professional education in the modern world*, 2019, vol. 9, no. 2, pp. 2720–2734. (In Russ.)
 19. Mike Cohn. *Agile Estimating and Planning*. Moscow, Alpina Publ., 2018. (In Russ.)
 20. **Jeff Sutherland.** *Scrum*. Moscow, MIF Publ., 2019, 288 p. (In Russ.)
 21. **Rubin K. S.** *Scrum Basics: A Practical Guide to Agile Software Development*. Moscow, MDK Williams Publ., 2016, 537 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Молотков Юрий Иванович – доктор технических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента, Сибирского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, (Российская Федерация, 630 102, Новосибирск, ул. Нижегородская д. 6, e-mail: molotkov@siu.ranepa.ru)

Статья поступила в редакцию 1.11.19. После доработки 22.01.20. Принята к публикации 27.02.20.

Information about the author

Yury I. Molotkov – Doctor of Technical Science, Full Professor of the Management Department at Siberian Management Institute of RANEPa, (6, Nizhegorodskaja Str., Novosibirsk, 630 102, Russian federation; e-mail: molotkov@siu.ranepa.ru)

The paper was submitted 1.11.19. Received after reworking 22.01.20. Accepted for publication 27.02.20.

УДК 377/378:331,5

ЦИФРОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КАК УСЛОВИЕ ДЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УПО

К. Г. Кязимов

Академия труда и социальных отношений
Москва, Российская Федерация, e-mail: karl35@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены понятие, сущность, структура и функции цифровой образовательной среды (ЦОС), которая может способствовать формированию у молодых специалистов не только профессиональных и общекультурных компетенций, но и компетенций использования цифровых образовательных технологий. Показано, что ЦОС учреждений профессионального образования (УПО) – это открытая совокупность информационных систем, предназначенных для обеспечения основных задач учебно-воспитательного процесса. Предлагается создание в УПО и в системе внутрифирменного обучения персонала цифровой электронной образовательной среды, материально-техническое оснащение УПО и организаций, создание в них цифровой библиотеки, учебных лабораторий, а по техническим профессиям и специальностям – производственных лабораторий и мастерских. Обосновывается необходимость применения в УПО цифровых образовательных технологий. В статье утверждается, что сущность цифровых технологий в образовании – это комплекс методов, способов и средств, обеспечивающих обработку, передачу и отображение информации, направленных на повышение эффективности учебного процесса. Использование современных цифровых образовательных технологий в УПО приведет к достижению качественно новых образовательных результатов, ускорит процесс управленческой деятельности и повысит ее эффективность. Изложены условия реализации образовательных программ в ЦОС. Цифровая электронная образовательная среда должна оснащаться электронными учебными пособиями, презентациями по различным дисциплинам. Изложены примеры реализации цифровых технологий и рекомендации по применению в УПО цифровых образовательных технологий.

Ключевые слова: информационные технологии, цифровая экономика, цифровизация профессионального образования, цифровая образовательная среда, цифровые образовательные технологии.

Для цитаты: Кязимов К. Г. Цифровая образовательная среда как условие для применения цифровых образовательных технологий в УПО // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 1. С. 3556–3565. DOI: 10.15372/PEMW20200118

DOI: 10.15372/PEMW20200118

DIGITAL EDUCATION ENVIRONMENT AS A CONDITION FOR THE APPLICATION OF DIGITAL EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN VOCATIONAL EDUCATION INSTITUTIONS

Kazimov, K. G.

Academy of Labor and Social Relations
Moscow, Russian Federation, e-mail: karl35@mail.ru

Abstract. The article deals with the concept, essence, structure and functions of the digital educational environment (DEE), which can contribute to forming in young professionals not only professional and cultural competencies, but also the competencies for the use of digital educational technologies. It is shown that the DEE of vocational education institutions (VEI) is an open set of information systems designed to provide the main tasks of the educational process. We propose to create in VEI and in the system of in-house personnel training the digital electronic educational environment, material and technical equipment, a digital library,

training laboratories, and for technical professions and specialties – production laboratories and workshops. The necessity of application of digital educational technologies in VEI is substantiated. The article argues that the essence of digital technologies in education is a set of techniques, methods and means to ensure the processing, transmission and display of information aimed at improving the efficiency of the educational process. The use of modern digital educational technologies in VEI will lead to the achievement of qualitatively new educational results, accelerate the process of managerial activity and increase its efficiency. The conditions of educational programs implementation in DEE are stated. Digital electronic educational environment should be equipped with electronic textbooks, manuals, presentations on various disciplines. The article gives examples of digital technologies implementation and recommendations for the use of digital educational technologies in the VEI.

Keywords: *information technologies, digital economy, digital education, digitalization of professional education, digital educational environment, digital technologies in education.*

For quote: *Kazimov K. G. [Digital education environment as a condition for the application of digital educational technologies in vocational education institutions]. Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 3556–3565. DOI: 10.15372/PEMW20200118*

Введение. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р, выдвигает новые требования к системе профессионального образования. В решении задачи обеспечения экономики кадрами, владеющими цифровыми технологиями, особую роль играет система профессионального образования. Для обеспечения высокого уровня цифровой грамотности становится необходимым изменение форм, методов, технологий обучения, внедрение новых подходов в системе профессионального образования.

Информационно-коммуникационные технологии все больше проникают в различные сферы деятельности вузов, техникумов и колледжей (УПО). Этому способствуют, с одной стороны, информатизация общества и необходимость подготовки квалифицированных кадров, с другой – распространение в УПО новой компьютерной техники и программного обеспечения. Деятельность УПО во многом зависит от того, в какой степени преподаватели и руководство владеют новой учебной информацией, насколько быстро они могут ее проанализировать и обработать, а также довести до студентов и учащихся.

В ряде публикаций термин «информационные технологии» являются синонимом термина «компьютерные технологии», так как все информационные технологии связаны с применением компьютеров. Однако, термин «информационные технологии» шире и включает в себя «компьютерные технологии» в качестве составляющей. При этом информационные технологии, основанные на использовании компьютерных и сетевых средств, образуют термин «Современные информационные технологии». Использование современных цифровых образовательных технологий в УПО приведет к достижению качественно новых образовательных результатов, повысит эффективность управленческой деятельности, ускорит процесс поэтапного достижения молодыми специалистами профессиональной компетентности.

Постановка задач. В числе базовых направлений государственной программы «Цифровая экономика России» установлена задача совершенствования системы профессионального образования, которая должна обеспечивать цифровую экономику компетентными кадрами. Нарастающая глобализация и развитие информационных технологий ставят перед УПО *новые вызовы*, ответом на эти вызовы должно быть повышение ответственности работодателей и органов образования за воспроизводство квалифицированных кадров, умеющих творчески трудиться в условиях глобализации и развития цифровых технологий. Развитие цифровых образовательных технологий обуславливает необходимость создания в УПО цифровой образовательной среды.

Вместе с тем пока отсутствуют научно обоснованные рекомендации формирования цифровой образовательной среды как условие для применения цифровых образовательных технологий в УПО.

Целью исследования является обоснование условий успешного применения цифровых технологий в цифровой образовательной среде.

Методология и методика исследования. Методологической основой исследования является личностно-ориентированный, деятельностный, компетентностный подходы, гуманизация образования, формирование у молодых специалистов междисциплинарных знаний, навыков, умений, общекультурных, профессиональных компетенций, компетенций в области использования цифровых образовательных технологий, трудоустройство по полученной профессии, эффективная занятость и поэтапное достижение профессиональной компетентности. Основными методами исследования явились методы

системного и сравнительного анализа, экспертные опросы и анкетирование, эксперименты и личный опыт автора. Методикой исследования являлась совокупность методов и приемов выполнения данного исследования.

Информационной базой исследования явились научные публикации по проблемам цифровизации профессионального образования и компетентностного подхода в отечественных и зарубежных изданиях, законодательные и нормативные акты Правительства РФ и Минобрнауки России, а также научные исследования автора.

Результаты. В настоящее время стали широко применяться термины «цифровая экономика», «цифровое образование», «цифровая среда» и др. Термин «цифровая экономика» впервые применил в 1995 году американский ученый Н. Негропonte для разъяснения преимуществ новой экономики по сравнению со старой экономикой в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Известно, что экономики – это хозяйственная деятельность общества, а также совокупность отношений, складывающихся в системе производства, распределения, обмена и потребления. Использование компьютера, интернета, мобильных телефонов можно также считать «потреблением». В стратегии «Развития информационного общества РФ на 2017–2030 годы» дано определение цифровой экономики: «Это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа, которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, продажи, доставки товаров и услуг» [1]. Всемирный банк дает более лаконичное определение: «цифровая экономика» – это «Система экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий». Однако до сих пор нет научного определения этого термина.

Представляется, что термины «цифровая экономика» и «цифровое образование» можно заменить другими научными терминами: «цифровые технологии в экономике», «цифровые технологии в образовании». Пока в рейтинге цифровых экономик мира Российская Федерация занимает 39-е место, лидерами являются Норвегия, Швеция и Швейцария. По данным Всемирного Экономического Форума в 2018 году среди 140 развитых стран мира Российская Федерация занимала 43-е место в рейтинге по Индексу глобальной экономической конкурентоспособности [5].

В валовом внутреннем продукте США доля цифровой экономики составляет 7%, в странах Европы – более 5%, в РФ – всего 2,1%.

Формирование цифровой экономики предполагает, прежде всего, общую технологическую модернизацию всех сфер экономики социальной сферы и возможно только при формировании инновационной модели развития и внедрении передовых технологий нового технологического уклада. Многие передовые зарубежные страны связывают развитие, прежде всего, с широкомасштабным внедрением новых технологий во все сферы экономической жизни, в том числе и в сфере профессионального образования. Речь идет о технологиях промышленной революции 4.0, о соединении информационно-коммуникационных технологий с био-, с когнитивными, с физическими технологиями. Эти технологии способны существенно изменить функционирование экономических и социальных систем. В РФ сложилось понимание необходимости широкомасштабного освоения цифровых технологий. Эта проблема нашла отражение в государственном национальном проекте цифровая экономика, включающая 6 федеральных проектов, на который выделено 1,6 трлн рублей.

Программа «Цифровая экономика» направлена на организацию системного развития и внедрение цифровых технологий во всех сферах жизни – в экономику, в бизнес, в государственное управление, социальную сферу, сферу образования и муниципальную экономику.

Цифровизация экономики приведет к следующим возможностям: увеличение экономического роста страны и регионов; создание новых рабочих мест в смежных отраслях; увеличение во многих отраслях производительности труда; развитие малого и среднего бизнеса и др.

Для социальной сферы цифровизация может оказать следующие позитивные возможности: увеличение доступности и повышение качества оказания медицинских услуг; снижение стоимости общего и профессионального образования; увеличение доступности образования для всего населения; улучшение экологической атмосферы окружающей среды; улучшение безопасности дорожного движения.

Цифровизация экономики сопровождается и *цифровизацией* профессионального образования, призванных обеспечивать все отрасли экономики и социальной сферы высококвалифицированными кадрами.

Вслед за принятием термина «цифровая экономика» в широкий оборот вводятся и другие термины, в том числе «цифровое образование», «цифровая образовательная среда», «цифровые образовательные технологии» и др.

«Цифровизация профессионального образования и обучения – это применение новых инновационных образовательных технологий, построенных на алгоритмах, при реализации которых обеспечивается высокая эффективность образовательного процесса с применением программного обеспечения.

В отечественной педагогической науке и практике ещё нет чёткого толкования новых терминов, связанных с развитием цифрового образования. Анализ позиций различных авторов относительно содержания терминов «цифровое образование» можно сформулировать определение понятия «цифровое образование». Цифровое образование – процесс организации взаимодействия между преподавателями и учащимися при движении от цели к результату в цифровой образовательной среде, основными средствами которой являются цифровые технологии, цифровые инструменты как результаты учебной деятельности в цифровом формате.

Как отмечалось выше, термин «цифровое образование» можно заменить другим научным термином: «цифровые технологии в образовании».

Основными компонентами цифровых технологий в профессиональном образовании являются: ЦОС, цифровые процессы организации учебного процесса, цифровые технологии проверки знаний, навыков, умений, профессиональных общекультурных компетенций учащихся и студентов.

Сущность цифровых технологий в образовании – это комплекс методов, способов и средств, обеспечивающих обработку, передачу и отображение информации, направленных на повышение эффективности учебного процесса. Иными словами цифровые образовательные технологии – это основанная на методах кодировки и передачи информации дискретная система, позволяющая совершать множество различных задач за короткие промежутки времени. Под дистанционными образовательными технологиями понимается технологии, реализуемые с применением информационных и телекоммуникационных технологий при опосредованном (на расстоянии) или не полностью опосредованном взаимодействии учащихся, студентов и преподавателей.

К инновационным технологиям обучения относят: интерактивные технологии обучения, технологию проектного обучения и компьютерные технологии.

К онлайн-технологиям профессионального обучения относят технологии, при которых учащиеся и студенты общаются с преподавателями и получают весь необходимый материал через сеть Интернет.

В профессиональном образовании цифровые технологии решают задачи: образовательные – использование компьютеров и прикладных программ, изучение технических средств в учебной деятельности; педагогические – качественное овладение учебного материала; организационные – вопросы для учащихся, проведение компьютерного тестирования.

Использование цифровых технологий в УПО имеет следующие преимущества:

- способствуют повышению качества образования, его доступности, возможности организации смешанного обучения, формирования системы непрерывного образования и индивидуальных образовательных траекторий; позволяют студентам адаптироваться к информационным потокам, оценивать информацию, принимать решения в нестандартных ситуациях; создают условия формирования индивидуальной образовательной траектории студентов и учащихся;
- используют цифровые библиотеки, обеспечивают оперативный доступ преподавателей, студентов и персонал организаций к учебной, методической и научной литературе независимо от места нахождения и времени суток;
- преподаватели наряду с традиционными лекциями проводят онлайн- курсы, презентации, вебинары, дистанционное обучение и их оптимальное сочетание;
- позволяют студентам и учащимся пользоваться не только печатными, но и электронными учебниками, учебными и методическими пособиями.

В комплексе мер по управлению системой профессионального образования важное значение имеет подготовка квалифицированных кадров через УПО и внутрифирменное обучение персонала с применением цифровых образовательных технологий. При этом необходимо учитывать, что 10% увеличение расходов на профессиональное обучение персонала дает прирост производительности труда на 8,5%, а такое же увеличение капитальных вложений увеличивает прирост производительности труда только на 3,8% [6].

В 2017 году в экономике Российской Федерации среди всех специалистов высшего уровня квалификации доля занятых в науке и технике составляла 18%, а в информационно-коммуникационных технологиях всего 4,8%.

Очевидно, что в стране остро стоит проблема подготовки и использования квалифицированных кадров, владеющих цифровыми технологиями.

В 2017 году распоряжением Правительства России утверждена государственная программа «Цифровая экономика России» [2].

В числе базовых направлений Программы установлены:

- создание условий для подготовки кадров для цифровой экономики;
- совершенствование системы профессионального образования, которая должна обеспечивать цифровую экономику компетентными кадрами.

Программой установлено, что количество студентов учреждений УПО, обладающих профессиональными компетенциями в области информационных технологий, на среднем мировом уровне должно составить 800 тысяч человек в год.

Для освоения цифровых технологий, прежде всего, необходимо улучшить математическое образование молодежи, начиная со школы. По данным Минобрнауки в 2017 г. в 10–11 классах школ учащихся по гуманитарному профилю было в 2,5 раза больше, чем по математическому профилю. А в мире информационных технологий математическое мышление необходимо всем, также как и гуманизация образования, которые приобретают важное значение. Главным фактором гуманизации профессионального образования следует рассматривать формирование цифровой образовательной среды, под которой в данной статье понимается совокупность педагогических, психологических, организационных и материально-технических условий, целенаправленно созданных в вузе на единых ценностно-целевых основаниях и обеспечивающих инновационность учебно-воспитательного процесса [7]. Иными словами цифровая образовательная среда – это совокупность условий, обеспечивающих информационное взаимодействие между преподавателями, учащимися и студентами и информационными ресурсами, и функционирование структур управления учебно-воспитательным процессом.

В современной педагогике образовательная среда трактуется как часть социокультурного пространства, зона взаимодействия образовательных систем, их элементов, образовательных материалов и субъектов образовательного процесса. Цифровая образовательная среда обеспечивает новые возможности для:

- перехода от обучения в аудитории к обучению в разных местах и в разное время;
- проектирования индивидуального образовательного маршрута, удовлетворения образовательных потребностей личности учащихся и студентов. Цифровая электронная образовательная среда УПО – это открытая совокупность информационных систем, предназначенных для обеспечения основных задач учебно-воспитательного процесса.

Слово «открытая» означает возможность и право пользователей использовать разные информационные системы в составе цифровой образовательной среды, заменять их или добавлять новые. Можно утверждать, что ЦОС УПО – это управляемая и динамично развивающаяся система эффективного предоставления информационных и коммуникационных услуг, цифровых инструментов профессионального образования. Согласно требованиям ФГОС для реализации образовательных программ ЦОС должна включать в себя следующие условия:

- эффективное управление учреждениями профессионального образования с использованием цифровых инструментов и механизмов финансирования;
- учебные лаборатории, мастерские, оснащенные необходимым оборудованием;
- библиотеки, оборудованные читальными залами и книгохранилищами;
- размещение продуктов учебной и проектной деятельности студентов и учащихся;
- планирование учебного процесса, фиксирование его реализации и отдельных этапов (лекций, вебинаров, презентаций, выступлений, дискуссий);
- обеспечение доступа в библиотеке к информационным ресурсам сети Интернет, учебной литературе, коллекциям медиа-ресурсов на электронных носителях;
- планирование учебного процесса, фиксацию его итоговых результатов.

В концепции целевой программы развития образования до 2020 года [3] указывается, что необходимость применения информационно-коммуникационных технологий, создание целостной электронной образовательной среды, является одним решающих факторов повышения качества профессионального образования, а значит, и конкурентоспособности выпускников УПО.

Благодаря развитию цифровых технологий, учащиеся могут быстрее получать необходимые услуги, экономить, покупая учебную литературу в интернет-магазинах по более низким ценам. Так, покупка электронных версий учебников и монографий обойдется в разы дешевле, чем их печатный аналог. Сегодня в развитых сегментах время жизни профессий и специальностей становится меньшим, чем время жизни профессионала. Темпы изменений в эпоху цифровой трансформации будут настолько стремительными, что для овладения новыми профессиями, знаниями, умениями, навыками и компетенциями потребуются непрерывное профессиональное образование. Нарастающая глобализация и развитие цифровых технологий ставят *перед страной и руководителями организаций новые вызовы, ответом на эти вызовы должна быть подготовка рабочих и специалистов по новым профессиям.* Перспективными

являются проведение сетевых образовательных проектов, способствующих творческой деятельности, умению нестандартно мыслить, осваивать сетевую культуру. Будет возрастать потребность в профессиях, связанных с *нанотехнологиями*, которые востребуются в таких сферах трудовой деятельности как: машиностроение, сельское хозяйство, образование, медицина, энергетика, космонавтика, электроника, экономике труда. При этом должна возрастать роль государственной политики в области воспроизводства квалифицированных кадров, повышения качества подготовки молодых специалистов, их успешного трудоустройства и эффективной занятости. *В комплексе мер по управлению профессиональным образованием и обучением важной задачей является также подготовка и повышение квалификации персонала в системе внутрифирменного обучения персонала.* Сегодня информация управления персоналом должна быть автоматизированной частью цифровой платформы управления персоналом. Она должна обеспечивать руководителей анализом в режиме реального времени, сокращать время, затрачиваемое на отчеты и увеличивать время, которое они могут тратить на анализ данных и решение проблем. В цифровую эпоху на помощь приходят системы автоматизации внутрифирменного обучения персонала, помогающие преподавателям корректировать содержание программ и учитывать все данные, полученные в результате управления эффективностью процесса обучения, внедрять новые цифровые учебные пособия и цифровые образовательные технологии. Для успешного применения на практике новой системы автоматизации внутрифирменного профессионального обучения персонала необходимо:

- составлять список перспективных и талантливых сотрудников, обучение которых станет эффективной инвестицией в будущий результат;
- ранжировать таких сотрудников на профильные группы и для каждой группы составить отдельный план профессионального обучения;
- выявлять преподавателей и инструкторов для проведения такого обучения;
- составить план новых функций и задач каждого сотрудника после обучения;
- сформировать цифровую образовательную среду;
- применять цифровые учебные пособия и цифровые образовательные технологии. В ряде случаев целесообразно поводить не массовое, а «точечное» обучение, которое должны проходить конкретные сотрудники для освоения знаний, навыков, умений, общекультурных и профессиональных компетенций, а также компетенции в области использования цифровых образовательных технологий, необходимые им для успешной работы в новой должности, или успешно выполнять дополнительные функции на прежней работе. В тоже время, как отмечает В. И. Блинов, на практике процесс цифровизации образования в УПО России проходит противоречиво. С одной стороны, налицо огромное разнообразие цифровых средств и образовательных продуктов, рекомендуемых со стороны их производителей и государства, испытывающего надежду на то, что введение компьютерных технологий в образовании позволит заметно удешевить его путем перевода значительной части образовательного процесса, прежде всего, высшего, в дистанционный режим [4].

Эксперты отмечают, что в странах, опережающих РФ в своем развитии, надежды на переход к массовому дистанционному образованию пока не оправдались даже на уровне вузов, не говоря уже об общеобразовательной школе и внутрифирменном профессиональном обучении персонала. Занятия по дистанционному и онлайн-обучению должны сочетаться с непосредственным контактом преподавателей и студентов, особенно при подготовке по техническим профессиям и специальностям, когда необходимо формировать у будущих специалистов не только теоретические знания, но и соответствующих навыков, умений и профессиональных компетенций. Характерным в этом плане является признание международной группы футурологов в том, что «Обучение «от человека к человеку», по всей видимости, и впредь будет оставаться ключевым процессом развития, самой эффективной формой обучения и в случае направляемого, и в случае «самоуправляемого» обучения» [9].

Для успешного применения цифровых технологий в цифровой образовательной среде необходимо:

1. Прежде всего, с участием работодателей повышать качество подготовки выпускников УПО, создавать основу для их дальнейшей профессиональной компетентности, применять в учебном процессе цифровые образовательные технологии.

Формирование профессиональной компетентности молодых специалистов должно осуществляться совместными усилиями УПО и работодателей в два этапа.

На первом этапе обучение в вузах, колледжах и техникумах является начальной стадией формирования у выпускников профессиональной компетентности. На этом этапе происходит освоение студентами знаний, умений, навыков, ценностей, *цифровых технологий, учебных и производственных практик*, общекультурных и профессиональных компетенций, гуманитарное развитие. На втором этапе – успешное трудоустройство выпускников по полученной профессии, адаптация и наставничество в организациях, приобретение творческого опыта трудовой деятельности, периодическое повышение квалификации. 2. Повышение ответ-

ственности работодателей за воспроизводство квалифицированных кадров через систему профессионального образования и внутрифирменного обучения персонала, установление связей УПО с предприятиями, структурами – разработчиками ИКТ, применяющими цифровые технологии на практике.

В этих целях на базе 100 крупных корпораций и предприятий ежегодно будет определяться не менее 1 тысяч специалистов, направляемых в УПО для профессионального обучения использованию и применению в работе цифровых инструментов профессиональной и образовательной деятельности [2]. Однако, по данным Я. Кузьмина, пока в РФ лишь 16% взрослого населения получает дополнительное образование, а в развитых странах – 45–60%. Затраты отечественных работодателей на профессиональное обучение персонала находятся в среднем в пределах 1–2% от фонда оплаты труда, а в промышленно развитых странах – 5–10% от фонда оплаты труда.

3. Создание в УПО и в системе внутрифирменного обучения персонала учебной ЦОС, применение в такой среде инновационных образовательных электронных технологий и пособий. Такая ЦОС может создавать благоприятные условия для разработки и использования печатных и электронных учебников, учебных пособий и презентаций, повышать активность преподавателей и студентов.

Создание ЦОС является необходимым, но не достаточным условием, так как необходимо также организация практических занятий по формированию у учащихся и студентов профессиональных и общекультурных компетенций.

4. Внедрение в учебный процесс цифровых технологий обуславливает необходимость материально-технического оснащения УПО и организаций, создания в них цифровой библиотеки, учебных лабораторий и подразделений с постоянно обновляемой материально-технической базой, а *по техническим профессиям – соответствующих производственных лабораторий и мастерских*. Использование цифровой библиотеки, как показывает практика, обеспечивает оперативный доступ студентов и персонал организаций к учебной и научной литературе независимо от места нахождения и времени суток.

5. УПО должны готовить творцов, способных создавать инновации, действовать в условиях неопределенности и дефицита ресурсов, достигать успехов, где многие процессы под действием цифровизации будут *передаваться роботам и машинам*, и сопровождаться высвобождением работников. Такие новые вызовы обуславливают необходимость фундаментальной подготовки специалистов широкого профиля, способных к перемене сферы трудовой деятельности.

6. Требуется постоянный профессиональный рост преподавателей и инструкторов, которые в цифровой образовательной среде могут избавляться от рутины и больше времени уделять творческому труду и проектной деятельности.

Уходит в прошлое, когда преподаватель медленно диктует текст лекции, а студенты медленно все записывают. Известно, что студенты запоминают на 20% то, что они слышали, на 30% то, что они видели, на 50% то, что они слышали и видели и на 80% то, что они слышали, видели и обсуждали с преподавателем. В этих условиях преподаватели должны влиять на стимулирование и учебную мотивацию студентов, для этого требуется оптимальное сочетание речи преподавателя, презентация учебного материала и диалог с учащимися.

Мой опыт преподавательской деятельности в вузе и колледже показывает, что наиболее эффективными из электронных образовательных ресурсов являются мультимедиа ресурсы. В них учебные объекты могут представляться сочетанием различных способов: с помощью текста, видео, графиков, фото, звука и анимации. В этом случае могут использоваться все виды восприятия и закладываются основы мышления и практической деятельности учащихся и студентов.

Например, я в своей преподавательской работе с бакалаврами и магистрантами размещаю на экране доски электронный текст лекции с изображением графиков, таблиц, схем, которые ранее преподаватели чертили на доске, стоя спиной к студентам. Прошу студентов поочередно вслух читать несколько абзацев текста, при необходимости останавливаю их, объясняю сложные разделы и новые понятия, последние достижения в области преподаваемой дисциплины.

После лекции спрашиваю студентов, какие возникли вопросы, отвечаю на них, обсуждаю с ними содержание лекции и направляю текст лекции на электронную почту студентов и рекомендую использовать соответствующий учебник.

7. Для успешного формирования у студентов УПО, молодых специалистов и персонала предприятий общекультурных, профессиональных компетенций и компетенций в области цифровых образовательных технологий необходимо:

- преподавателям наряду с традиционными лекциями проводить онлайн-курсы, презентации, вебинары, дистанционное обучение, практические занятия по формированию у студентов соответствующих умений, навыков, компетенций и их оптимальное сочетание. Именно искусство преподавателей и инструкторов превращает студентов из пассивных объектов в активных субъектов учебного процесса;

- необходимо по каждой дисциплине разработать учебно – методический комплекс взаимосвязанных печатных и электронных средств профессионального обучения.

Например, разработанный автором комплекс средств обучения по дисциплины «Рынок труда и занятость населения» включает: учебник «Рынок труда и занятость населения» [8], в том числе его электронная версия;

- печатные и электронные учебные пособия «Рынок труда и содействие занятости населения», «Технологии регулирования рынка труда и занятости населения»;
- электронные слайды по дисциплине и мультимедиа ресурсы;
- электронная презентация дисциплины «Рынок труда и занятость населения»;
- электронные тексты для дистанционного и онлайн-обучения;
- электронные презентации для вебинаров.

Имеются случаи, когда студентам вузов по дисциплине предназначено 6–8 лекций, а студентам колледжей, техникумов и персоналу предприятий – всего 2–3 занятий. В этом случае преподаватель должен применять другое оптимальное сочетание лекций, презентаций и практических занятий для полного выполнения учебной программы.

8. Для формирования научно-обоснованного процесса организации внутрифирменного профессионального обучения персонала с использованием цифровых образовательных технологий необходимо осуществить следующие взаимосвязанные единой целью этапы:

- определение потребностей в обучении и формирование бюджета;
- формирование ЦОС и определение целей обучения;
- определение содержания учебных программ, выбор форм, технологий, методов и средств обучения (включая цифровые технологии и электронные пособия);
- проведение профессионального обучения, контроля его результатов;
- формирование профессиональных знаний, умений, навыков, профессиональных и общекультурных компетенций и компетенций в области цифровых образовательных технологий;
- оценка эффективности процесса обучения.

Выводы. Создание ЦОС и применение цифровых технологий обучения является эффективным, как для студентов и учащихся, так и для преподавателей. *Успешное функционирование ЦОС помогают:*

Студентам и учащимся:

- использование цифровых образовательных технологий;
- использовать учебные объекты с сочетанием различных способов: с помощью текста, видео, графиков, фото, звука и анимации;
- доступ к разнообразным печатным и электронным образовательным ресурсам;
- обеспечивать новые возможности для перехода от обучения в аудитории к обучению в разных местах и в разное время;
- проектировать индивидуальный образовательный маршрут, удовлетворять образовательные потребности личности учащихся и студентов. Преподавателям:
- использовать цифровые образовательные технологии;
- применять разнообразные печатные и электронные образовательные ресурсы;
- представлять учебные объекты с сочетанием различных способов (с помощью текста, видео, графиков, фото, звука и анимации);
- устранять бюрократические нагрузки за счет ее автоматизации;
- снижать рутинные нагрузки по контролю выполнения заданий студентам и учащимся за счет автоматизации;
- улучшать возможности и удобства организации и мониторинга образовательного процесса;
- стимулировать и мотивировать студентов и учащихся при освоении учебного материала и выполнении заданий;
- превращать студентов из пассивных объектов в активных субъектов учебного процесса.

Использование цифровых технологий:

- способствует повышению качества профессионального образования, возможности организации смешанного обучения, формирования системы непрерывного образования и индивидуальных образовательных траекторий;
- обеспечивает оперативный доступ преподавателей, учащихся, студентов и персонал организаций к учебной, методической и научной литературе независимо от места нахождения и времени суток;
- помогает преподавателям наряду с лекциями проводить онлайн- курсы, презентации, вебинары, дистанционное обучение и их оптимальное сочетание; позволяет студентам и учащимся пользоваться не только печатными, но и электронными учебными пособиями.

Важной задачей является создание условий для формирования ЦОС на всех уровнях организации профессионального образования и его управления. Формирование ЦОС на всех уровнях профессионального образования могут способствовать:

- сокращению бюрократического аппарата;
- снижению интенсивности оборота документов, созданных ручным способом;
- росту трафика использования ЦОС участниками образовательного процесса.

Теоретическая значимость исследования обусловлена расширением и дополнением теоретических знаний и методологических положений в области формирования ЦОС и применения в ней цифровых образовательных технологий. Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты исследования могут использоваться преподавателями учреждений профессионального образования и работниками предприятий при организации учебного процесса с использованием цифровых образовательных технологий.

Научной новизной исследования является разработанные автором научно-практические рекомендации поэтапного формирования профессиональной компетенций молодых специалистов с применением цифровых образовательных технологий в профессиональном образовании и обучении.

Перспективами дальнейших научных разработок является научное обоснование особенностей представленных научных рекомендаций для общеобразовательных школ, колледжей и техникумов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы [Электронный ресурс]. URL: docs.cntd.ru/document/420397755 (дата обращения: 28.09.2018)
2. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 N 1632-р «Об утверждении программы Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: base.garant.ru/71734878 (дата обращения: 28.09.2018)
3. Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2014 г. № 2765-р «Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы» [Электронный ресурс]. URL: consultant.ru/document/cons_doc_ (дата обращения: 28.09.2018)
4. **Блинов В. И.** Цифровая дидактика: модный тренд или новая наука? // Профессиональное образование // Столица. 2019. №3. С. 27.
5. The Global Competitiveness Report 2018. Geneva, Switzerland, 657 p
6. **Zemsky R., Shaman S., Shapiro D.** Higher Education as Competitive Enterprise: When Markets Matter. San Francisco: Jossey-Bass, 2002.
7. **Кязимов К. Г.** Формирование и развитие инновационной среды вуза: монография. М.: АТиСО, 2012. С. 7.
8. **Кязимов К. Г.** Рынок труда и занятость населения. М.: Перспектива, 2017. 540 с.
9. Образовательные экосистемы для общественной трансформации. Доклад Global Education Futures [Электронный ресурс] / П. Лукша, Дж. Кубиста, А. Ласло // Образование для сложного общества. – С. 77. URL: <https://drive.google.com/file/d/0B9ZvF6mQ5FMbSTFKVmhodU5rNTNiTXpUZ2QwZktiR0pzSmJR/view> (дата обращения: 28.09.2018)

REFERENCES

1. Information society development strategy in Russia for 2017–2030. Available at: docs.cntd.ru/document/420397755 (accessed 28.09.18)
2. The decree of the RF Government from 28.07.2017 N 1632-p «On approval of the Digital economy of the Russian Federation». Available at: base.garant.ru/71734878 (accessed 28.09.18)
3. Order of the Government of the Russian Federation of December 29, 2014 № 2765-R «Concept of the Federal target program of education development for 2016–2020». URL: consultant.EN/document/cons.doc (accessed 28.09.18)
4. **Blinov V. I.** Digital didactics: fashion trend or new science? // Professional education. *Capital*, 2019, no. 3, pp. 27.
5. The Global Competitiveness Report 2018. Geneva, Switzerland, 657 p.
6. **Zemsky R., Shaman S., Shapiro D.** Higher Education as Competitive Enterprise: When Markets Matter. San Francisco, Jossey-Bass Publ., 2002.
7. **Kazimov K. G.** Formation and development of innovative environment of the University. Monograph. Moscow, Atiso Publ., 2012, pp. 7.
8. **Kazimov K. G.** The labour Market and employment. Moscow, Perspective Publ., 2017, 540 p.
9. Educational ecosystems for social transformation. Report of Global Education Futures. Eds P. Luksha, J. Cubist, A. Laszlo. *Education for a complex society*. P. 77. Available at: <https://drive.google.com/file/d/0B9ZvF6mQ5FMbSTFKVmhodU5rNTNiTXpUZ2QwZktiR0pzSmJR/view> (accessed: 28.09.2018).

Информация об авторе

Кязимов Карл Гасанович – доктор педагогических наук, лауреат премии Президента РФ в области образования, профессор АТиСО (Российская Федерация, Москва, ул. Лобачевского, д. 90, e-mail: karl35@mail.ru)
Статья поступила в редакцию 18.09.19. После доработки 28.01.20. Принята к публикации 27.02.20.

Information about the author

Karl G. Kazimov – Doctor of pedagogical sciences, laureate of the Award of the President of the Russian Federation in the field of education, Professor ATiSO (d. (90, Lobachevskogo str., Moscow, Russian Federation, e-mail: karl35@mail.ru)

The paper was submitted 18.09.19. Received after reworking 28.01.20. Accepted for publication 27.02.20.

УДК 378:811

ТЕХНОЛОГИЯ «FLIPPED CLASSROOM» В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ЮРИДИЧЕСКОЙ МАГИСТРАТУРЕ

И. А. Гаврилова

ФГБОУ ВО Российский государственный университет правосудия (Уральский филиал)
Челябинск, Российская Федерация, e-mail: agisga@yandex.ru
ORCID.ORG/0000-0003-3261-904

Аннотация. В статье обобщаются результаты естественного педагогического эксперимента по внедрению технологии «flipped classroom» в обучение профессиональному иностранному языку будущих магистров юриспруденции и оценке ее перспективности. Такие понятия, как электронное и активное обучение, синхронные и асинхронные технологии, самообразовательная деятельность обучающихся, продуктивная речевая деятельность, представлены в статье как важные компоненты «перевернутого класса». Приводится образец комплекса упражнений и дидактического инструментария для самостоятельной работы магистрантов-юристов на иностранном языке в контексте «перевернутого обучения». Конечные результаты использованы как показатели эффективности. Анкетирование и тестирование, проведенные в ходе эксперимента, показали результативность подхода «flipped classroom» (качество и разнообразие активных и интерактивных заданий, языковая активность испытуемых на уроке, их овладение компетенциями, внутренняя мотивация обучающихся и преподавателя, их удовлетворение образовательным процессом). Автор указывает выявленные в ходе эксперимента преимущества технологии «перевернутый класс» (значительный удельный вес самостоятельной работы обучающихся под руководством преподавателя; самостоятельное выполнение обучающимися заданий уровня «знание», «понимание» дома и совместная отработка заданий уровня «применение», «анализ», «синтез», «оценка» в учебной аудитории; эффективный самоконтроль и самооценка результатов обучения; вариативность обучения; использование потенциала персонализированного, совместного и веб-ориентированного обучения; формирование у обучающихся ощущения успеха и прогресса; экономичность и эргономичность учебного процесса в аудитории). Разработанный комплекс заданий для организации «перевернутого класса» у магистрантов-юристов может лечь в основу дальнейших методических разработок и применяться в обучении иностранному языку студентов других магистерских программ.

Ключевые слова: профессиональный иностранный язык, смешанное обучение, активное обучение, интерактивные виды деятельности, самостоятельная работа обучающихся, цифровая грамотность, интеллект-карты, облако слов.

Для цитаты: Гаврилова И. А. Технология «flipped classroom» в обучении иностранному языку в юридической магистратуре // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 1. С. 3566–3574. DOI: 10.15372/PEMW20200119

DOI: 10.15372/PEMW20200119

«FLIPPED CLASSROOM» IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE TO MASTER OF LAWS DEGREE CANDIDATES

Gavrilova, I. A.

Russian State University of Justice, Uralian branch
Chelyabinsk, Russian Federation, e-mail: agisga@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3261-904

Abstract. The article summarizes the results of the natural pedagogical experiment on implementing and evaluating the «flipped classroom» technology in teaching a professional foreign language to Master of Laws degree candidates. Such concepts as electronic and active learning, synchronous and asynchronous technologies, self-study

activity of students, productive speech activity are presented in the article as important components of the «flipped classroom». An example of a set of exercises and didactic tools for independent work of postgraduates-lawyers in a foreign language in the context of «flipped learning» is given. The final results are used as performance indicators. The questionnaires and tests conducted during the experiment showed the effectiveness of the «flipped classroom» approach (the quality and variety of active and interactive assignments, speech activity of students in the classroom, their mastery of competencies, internal motivation of students and the teacher; their satisfaction with the educational process). The author points out the advantages of the «flipped classroom» technology revealed in the course of the experiment (significant proportion of students» self-study work supervised by a lecturer; independent completion of tasks of the levels «knowledge» and «understanding» by students at home and collective working out of tasks of the levels «application», «analysis», «synthesis» and «assessment» in the classroom; effective self-control and self-assessment of learning outcomes; learning variability; use of the potential of personalized, collaborative and web-based learning; formation of the sense of success and progress in students; efficiency and ergonomics of the educational process in the classroom). The recommended set of assignments for organizing the «flipped classroom» for postgraduates-lawyers can form the basis for further methodical research and be used in teaching a foreign language to students of other master's degree programmes.

Keywords: professional foreign language, blended learning, active learning, interactive activities, self-study activity of students, digital literacy, mind maps, word cloud.

For quote: Gavrilova, I. A. [«Flipped classroom» in teaching a foreign language to master of laws degree candidates]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 3566–3574. DOI: 10.15372/PEMW20200119

Введение. Современные требования к подготовке магистров юриспруденции и внедрение цифровых технологий в образовательный процесс подразумевают поиск новой педагогической парадигмы. На передний план выдвигается проблема развития самостоятельности обучающихся и их способности постоянно совершенствовать свой интеллектуальный уровень как одной из ключевых общекультурных компетенций, заложенных в Федеральный государственный образовательный стандарт. Соответственно, задачей преподавателя иностранного языка становится поиск таких приемов и методик развития иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся, которые увеличивают степень их учебной автономии, способствуют формированию исследовательских и креативных умений, повышают их информационную, научную и цифровую грамотность, а также нацеливают их на непрерывное (англ. «lifelong») продуцирование новых знаний.

Одной из последних разработок зарубежной и отечественной дидактики является технология «flipped classroom» (русс. «перевернутый класс»). Это одна из форм так называемого «blended learning» (русс. «смешанное обучение»), суть которого заключается в активном применении наряду с контактной работой электронных образовательных ресурсов и информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Специфика перевернутого класса состоит в самостоятельном ознакомлении обучающихся с новым материалом, при этом освободившееся аудиторное время используется для интерактивных видов деятельности (разбора конкретных ситуаций (англ. «Case-study»), практических занятий в диалоговом режиме, ролевых игр, групповых дискуссий, круглых столов, коллоквиумов, брейнсторминга и др.).

Постановка задачи. Впервые методика была введена и апробирована на уроках химии школьными учителями Аароном Самсом и Джонатаном Бергманном [1] и довольно быстро получила признание мирового педагогического сообщества. Проблема имплементации инновационной модели «flipped classroom» непосредственно в образовательное пространство высшей школы разных стран рассматривается в работах Айнутдиновой И. Н. [2], Козикова Я. С., Тихончука А. А., Сабанина А. М., Попадьина В. В. [3], Полухиной М. О., Валеевой Э. Э. [4], Поповой Т. П., Ненашевой Т. А. [5], Скоповой Л. В., Соколовой О. Л. [6], Чернявской А. П., Ванчаковой Н. П., Вацкель Е. А., Барабошиной А. А. [7], Юриной М. В., Лопуховой Ю. В. [8], Beatty B. J., Merchant Z., Albert M. [9], Goedhart N. S., Blignaut-van Westrhenen N., Moser C., Zweekhorst M. B. M. [10], Guo J. J. [11], Kazu I. Y., Demirkol M. [12], McNally B., Chipperfield J., Dorsett P. [13], Reidsema C., Kavanagh L., Hadgraft R., Smith N. [14], Wang Y., Huang X., Schunn C. D. [15] и других ученых и практиков.

В числе несомненных преимуществ формата «flipped classroom» большинство исследователей отмечают нивелирование разницы в уровне овладения иноязычной компетенцией, рационализацию использования аудиторного времени, смещение акцента в сторону активного и интерактивного обучения на практических занятиях, воспитание у обучающихся проактивного отношения к собственному образованию, возможность приобретения ими дополнительных общекультурных знаний.

К выявленным недостаткам педагоги-методисты относят значительные временные затраты на создание или селекцию обучающих материалов со стороны преподавателя, нехватку у обучающихся фун-

даментальных навыков работы с ПК и управления временными ресурсами, отсутствие возможности немедленного разъяснения возникающих в ходе выполнения заданий вопросов.

Автор статьи считает целесообразным применение принципа «перевернутый класс» к ряду занятий учебной дисциплины «Иностранный язык в профессиональной деятельности», реализуемой в Уральском филиале Российского государственного университета правосудия в рамках основной профессиональной образовательной программы по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция (квалификация (степень) «магистр»). Общая трудоемкость курса составляет 2 зачетные единицы. В нем предусмотрено нескольких тематических модулей: «Роль и обязанности юристов в современном обществе. Виды юридической деятельности в стране изучаемого языка»; «Виды судов. Участники судебного разбирательства. Судейская этика»; «Международное правосудие»; «Виды юридических документов: особенности терминологии и специфика перевода»; «Профессиональная коммуникация юриста: телефонные переговоры, деловая корреспонденция, электронные письма и т.п.»; «Практика ведения переговоров. Межкультурная коммуникация в юриспруденции».

Ограниченное количество часов, выделяемое академическими учебными планами на аудиторные занятия (22 ч.), заставляет искать эффективные способы организации самостоятельной работы обучающихся (50 ч.).

Целью настоящего исследования является разработка, внедрение в образовательный процесс и оценка результативности комплекса упражнений и дидактического инструментария для самостоятельной работы магистрантов-юристов на иностранном языке в контексте «перевернутого обучения» с учетом тематической специфики курса, потребностей целевой аудитории, нормативных правовых документов в области высшего образования, возможных требований работодателей и др.

Методология и методика исследования. Для достижения поставленной цели применен метод естественного педагогического эксперимента, заключающийся в целенаправленном наблюдении за учебными достижениями магистрантов-юристов в ходе обычного образовательного процесса с заданными параметрами, когда по плану исследования традиционно-урочная форма занятий по дисциплине «Иностранный язык в профессиональной деятельности» заменена «перевернутым классом».

На подготовительном этапе экспериментатором определялся круг испытуемых; устанавливалась совокупность признаков, по которым можно судить о продуктивности введения технологии «flipped classroom» в педагогическую практику. «Оценка эффективности различных образовательных практик и нововведений является важной составляющей улучшения высшего образования» [16, с. 150].

На втором этапе создавалась экспериментальная ситуация: испытывалась авторская система упражнений, составленная по принципу «перевернутого класса»; проводились промежуточные срезы о ходе эксперимента; фиксировались возникающие затруднения.

На завершающем этапе оценивались последствия реализации принципа «flipped classroom» при обучении иностранному языку в юридической магистратуре (конечное состояние уровня приобретенных знаний, умений и навыков участников педагогических воздействий и степени их удовлетворенности); описывались организационные, учебно-материальные и дидактические условия, при которых эксперимент продемонстрировал благоприятные результаты; обобщались данные о затратах времени и усилий; обозначались перспективы исследования. В качестве вспомогательных применялись методы анкетирования и тестирования.

Результаты. Участниками исследования стали 11 магистрантов-юристов единственной в 2018/19 учебном году группы очной формы обучения, случайно сформированной в языковом и социально-демографическом плане.

Критерии успешности применения технологии «flipped classroom» подробно расписаны в картах компетенций дисциплины¹. Важными индикаторами достижения заданного уровня освоения ОК-3 (способность совершенствовать и развивать свой интеллектуальный и общекультурный уровень) являются умение использовать иностранный язык для получения новых знаний (самостоятельно анализировать аутентичные документы профессиональной направленности; оперировать зарубежными справочными и информационными ресурсами и т.д.); владение навыками реферирования иноязычных материалов по своей специальности и составления к ним аннотаций и др.

Овладение ОК-4 (способность свободно пользоваться русским и иностранным языками как средством делового общения) предполагает наличие у магистранта знаний терминологии и терминологических параллелей иностранного и русского языков в области юриспруденции в объеме, необходимом для профессиональной деятельности, а также релевантной профессионально-ориентированной лингво-

1 **Украинец И. А.** Учебно-методический комплекс по дисциплине «Иностранный язык в профессиональной деятельности» по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» (квалификация (степень) «магистр»). РГУП, 2018. 65 с.

страноведческой информации; умений оформлять юридические документы на иностранном языке; навыков делового и межличностного общения и публичных выступлений на иностранном языке и др.

Для организации «перевернутого класса» был предварительно продуман его алгоритм: (1) отобран, разработан и систематизирован обучающий аудио-, видео-, текстовый или мультимедийный контент для автономного предаудиторного изучения, инструкционный материал, а также тренажеры и формы для самоконтроля; (2) запроектированы способы актуализации самостоятельно усвоенной информации через практические задания интерактивного характера при непосредственном контакте «студент – студент», «студент – преподаватель» или «студент – группа» в учебной аудитории; (3) запланированы коммуникативные задания продвинутого уровня для постаудиторного закрепления. При этом обращалось внимание на конкретность и измеримость ожидаемых результатов изучения темы, их достижимость с помощью рекомендованных ресурсов, четкое определение сроков выполнения и критериев оценивания.

Образец «перевернутого класса» по тематическому модулю «Участники судебного разбирательства». Приведем пример «перевернутого класса» по теме «Участники судебного разбирательства».

(1) Преаудиторный этап начинался с ознакомления с активной лексикой и ресурсами, с помощью которых можно оперативно восполнить пробелы в языковом образовании. Обучающимся было предложено, используя различные типы электронных словарей², дополнить терминами и дефинициями шаблон интеллект-карты «Persons in Court» (Рис. 1) в программе Coggle или, распечатав его, в рукописном виде. Как утверждает Тони Бьюзен, автор концепции Mind Maps®, «практический опыт и результаты исследований показывают, как техника создания интеллект-карт способна помочь и детям, и учащимся любого возраста повысить уровень концентрации и понимания, быстрее запоминать информацию, лучше готовиться к экзаменам и чувствовать себя увереннее» [17, с. 56]. Усвоение же толкований значений графически упорядоченных и логически связанных понятий обсуждаемой темы облегчает вхождение новых терминологических единиц в связную речь.

Рис. 1. Шаблон интеллект-карты «Участники судебного разбирательства», составленной в программе Coggle

Далее изученная лексика актуализировалась в процессе просмотра оригинального фильма из серии Skills for Justice на платформе Careersbox, бесплатной публичной видеотеки фильмов о карьере в Великобритании. Отличительными особенностями этих видеороликов являются их непродолжительность (5–7 минут), показ реальных людей на рабочем месте, классический британский английский, красивое музыкальное сопровождение. Использование видеоматериалов при обучении иностранному языку со-

2 Black's Law Dictionary Free Online. URL: <https://thelawdictionary.org/> (дата обращения 15.12.2019)

Cambridge Dictionary Online. URL: <http://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения 15.12.2019)

Collins Dictionary Online. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения 15.12.2019)

Legal Dictionary Online. URL: <https://dictionary.law.com/> (дата обращения 15.12.2019)

Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <http://www.ldoceonline.com/> (дата обращения 15.12.2019)

Macmillain Dictionary Online. URL: <http://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения 15.12.2019)

Merriam-Webster's Law Dictionary Online. URL: <https://www.merriam-webster.com/legal> (дата обращения 15.12.2019)

Oxford Learner's Dictionaries Online. URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения 15.12.2019)

действует реализации методических принципов аутентичности, наглядности и диалога культур. По видеосюжету об обязанностях секретаря Суда Короны Деборы Синклэр был подготовлен список вопросов, на которые магистранты после просмотра должны были дать развернутые письменные ответы. Цифрами в круглых скобках указали точное время, с которого нужно слушать предельно внимательно и при необходимости прослушивать фрагменты повторно:

- How does Deborah Sinclair describe the role of a court clerk? (00:20)
- What traits of character are ideal for court clerks according to Deborah Sinclair? (01:04)
- What skills are required to become a court clerk? (01:24)
- What does Deborah Sinclair enjoy in her job? (02:24)
- Why does Deborah Sinclair consider working in the justice sector to be a good career? (04:58)
- Have you detected any differences in the scope of professional duties of court clerks in the UK and RF?

Последний вопрос не имеет прямого ответа в видео. Он обращается к личному опыту обучающихся, заставляя их выявлять общее и частное в судопроизводстве Великобритании и России и продуцировать самостоятельное высказывание на иностранном языке.

По правилам «flipped classroom» материалы для предаудиторного изучения должны предоставляться обучающимся заранее. Вариантами передачи заданий могут выступать университетская система электронного обучения «Фемида», облачные хранилища, среда дистанционного обучения MOODLE, электронная почта и др. Для работы же с видеосюжетом автор статьи выбрал бесплатный онлайн-ресурс linoit, позволяющий создавать виртуальные доски (canvases) для совместного использования. На такой стилизованной веб-доске можно размещать видео, фотографии, разноцветные стикеры с текстовыми фрагментами и др. В процессе выполнения домашнего задания магистранты должны были ознакомиться с несложным интерфейсом сервиса и в заданные сроки разместить стикеры с ответами на общей доске с указанием фамилии. До начала аудиторного занятия в асинхронном режиме преподаватель мог проверить представленное и внести необходимые коррективы.

(2) Аудиторная работа в основном состояла из подлинно-речевых упражнений на основе информации, полученной на предаудиторном этапе. Как отмечают одни из первых сторонников концепции «active learning» А. Чикеринг и З. Гамсон, активное обучение является важным принципом педагогической практики в высших учебных заведениях [18]. Активная учебная деятельность может быть организована различными способами: индивидуальная работа обучающихся, парная деятельность, работа в малых группах и совместные студенческие проекты [19].

Повторение самостоятельно изученной терминологии тематического модуля «Участники судебного разбирательства» происходило с помощью технологии «мозгового штурма». Далее, работая в парах с «облаками слов» (англ. word cloud, tag cloud, wordle), обучающиеся составляли мини-диалоги по теме (Рис. 2), например:

Using keywords from the word cloud, act out a dialogue between a client and his lawyer. The lawyer is informing his client about some particulars of the claim that has been filed against the client and the documents involved in the case. The client is enquiring about the steps they are going to undertake to support his defence. Each interlocutor must utter at least 4–5 phrases.

Рис. 2. Облако слов как визуальная опора для развития навыков диалогической устной речи на иностранном языке на тему «Подготовка к судебному разбирательству»

Для создания облаков слов можно воспользоваться бесплатными сервисами WordCloud.pro, WordArt.com или wordclouds.com. Благодаря внешней привлекательности и анимированности при использовании онлайн облака слов являются интересным учебным инструментом для визуализации тематического контента при обучении устной речи на иностранном языке. «Использование визуальных опор в начале работы с учебным материалом может обеспечить более быстрый переход к свободному говорению без опор» [20, с. 12].

Изучение дополнительных учебных материалов и их обсуждение происходило в малых группах из 3–4 обучающихся. Завершался «перевернутый класс» оценочным интерактивным средством деловая (ролевая) игра «Судебное разбирательство», реализуемым в технологии «сотрудничества», с предварительным разбором разговорных клише, ознакомлением с концепцией игры, распределением ролей и необходимого реквизита. Оно требовало активной речемыслительной деятельности обучающихся, соотнесения их знаний и опыта с реальной ситуацией, принятия оригинальных решений и коллективного взаимодействия на иностранном языке. Преподаватель же выполнял роль координатора образовательной активности обучающихся, предоставляя им актуальную адресную помощь на стадии практического применения полученного знания.

Для (3) постаудиторного изучения предлагался оригинальный процессуальный документ – исковое заявление – с перечнем контрольных вопросов как для проверки понимания фактического содержания иноязычного текста, так и оценки способности магистрантов решать профессиональные речевые задачи на иностранном языке, например:

- What make of car was the Claimant driving?
- When and where did the accident happen?
- What was the total value of Mr. Tiessen's claim for special damages?
- Can you name another type of accident you can think of which would conceivably involve negligence?

Помимо изучающего чтения, используя данный документ как образец, обучающиеся должны были составить собственное исковое заявление на английском языке с адекватным лексическим наполнением и правильной графической организацией текста.

«Flipped classrooms» по другим тематическим модулям разрабатывались по аналогичному трехступенчатому сценарию с акцентом на скрупулезное планирование самообразовательной деятельности обучающихся с применением информационно-коммуникационных технологий.

Виды самостоятельной работы обучающихся по дисциплине «Иностранный язык в профессиональной деятельности» при «перевернутом обучении». Самостоятельная работа магистрантов по дисциплине «Иностранный язык в профессиональной деятельности» при «перевернутом обучении» может быть организована в разнообразных формах: изучение и дополнение виртуальных учебных плакатов, созданных в ThingLink, позволяющем превратить статическое изображение в интерактивное путем добавления меток с текстовыми подсказками, аудио-файлов, дополнительных иллюстраций и ссылок на видео; усвоение материала из базовых электронных учебных пособий и его отработка на авторских электронных тренажерах (кроссвордах, тестах, хронологических линейках, упражнениях на заполнение пропусков и установление соответствий и др.), сделанных с помощью инструментов Hot Potatoes и learningapps.org; работа с сайтами международных судов и выполнение индивидуальных поручений поискового и научно-исследовательского характера с представлением результатов в форме докладов, сообщений и мультимедийных презентаций; всевозможные задания на аудирование профессиональных диалогов с самопроверкой и без; комментирование и взаимное оценивание (peer assessment) мини-эссе на актуальные юридические темы в социальных сетях; аннотирование и реферирование специальной научной литературы на платформах SpringerLink (блок Law) и Oxford Bibliographies (блок International Law); составление библиографии и вебlioграфии на русском и английском языках и знакомство с сервисами транслитерации и др.

Отслеживание промежуточных результатов эксперимента продемонстрировало достаточно высокие (выше среднего) показатели успеваемости: довольно большой объем самостоятельных высказываний испытуемых в аудитории при нормальной скорости изложения, уверенное употребление ими терминологии, идиоматических выражений и клишированных форм, относящихся к профессиональной сфере юриспруденции, отсутствие отказов отвечать на поставленные вопросы, 100% прохождение компьютерных тестовых срезов, овладение запланированными компетенциями, заинтересованность и активность экспериментальной группы.

Оценка эффективности организации учебного процесса по принципу «flipped classroom» способствовала своевременной коррекции преподавателем-экспериментатором объема и видов самостоятельной работы испытуемых, более тщательному отбору содержания источников, уточнению формулировок и требований к выполнению заданий. Положительное влияние внедряемой технологии на процесс обучения

достигалось благодаря существенным преимуществам мультимедийных средств перед традиционными, модифицированному подходу к целеполаганию, переосмыслению роли преподавателя в образовательном процессе, перераспределению учебного времени, а также изменению политики оценивания.

При анкетировании по завершению курса обучающиеся отмечали доступность, пошаговый характер, структурированность инструкций к работе с Интернет ресурсами, видео- и аудио-фрагментами, электронными библиотеками и тренажерами; качество и актуальность рекомендуемых источников; разнообразие форм работы; четкость в определении критериев и показателей оценивания планируемых результатов обучения; удовлетворенность достигнутыми результатами и курсом «Иностранный язык в профессиональной деятельности» в целом.

Выводы. Проведенное исследование подтвердило действенность и перспективность внедрения технологии «flipped classroom» в учебный процесс в юридической магистратуре.

К выявленным в ходе данного эксперимента преимуществам следует отнести:

- 1) увеличение удельного веса координируемой преподавателем самостоятельной работы обучающихся;
- 2) вынесение заданий уровня «знание», «понимание» на самостоятельную работу, перенос отработки заданий уровня «применение», «анализ», «синтез», «оценка» в учебную аудиторию;
- 3) содействие продуктивному самоконтролю и самооценке результатов обучения;
- 4) вариативность обучения, расширение потенциала персонализированного и веб-ориентированного обучения и обучения в сотрудничестве;
- 5) формирование у обучающихся ощущения успеха и прогресса и, как следствие, уверенности в положительном результате всей образовательной деятельности;
- 6) экономичность и эргономичность учебного процесса в аудитории.

Трудоемкость подбора обучающего материала и ресурсов, составления алгоритмов выполнения заданий для самостоятельной работы и доаудиторного контроля со стороны преподавателя компенсируется его личностным и профессиональным ростом, повышением цифровой и методической культуры.

Предложенный автором статьи комплекс упражнений и заданий для самостоятельной работы магистрантов-юристов в «перевернутом классе» может лечь в основу дальнейших методических разработок в данном направлении и использоваться преподавателями-практиками для обучения иностранному языку студентов других магистерских программ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Bergmann J., Sams A.** Flip your classroom: reach every student in every class every day. 1st edition. ISTE; ASCD Publ., 2012, 122 p.
2. **Айнутдинова И. Н.** Актуальные вопросы применения технологии смешанного обучения (blended learning) при обучении иностранным языкам в вузе // Общество: социология, психология, педагогика. 2015. №6. С. 74–77.
3. **Козиков Я. С., Тихончук А. А., Сабанин А. М., Попадьян В. В.** Педагогическая технология «перевернутый класс» как форма активного обучения специалистов физической подготовки вузов силовых структур к профессиональной деятельности в рамках контрактной системы // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2018. №5 (159). С. 118–122.
4. **Полухина М. О., Валеева Э. Э.** Использование технологии смешанного обучения «перевернутый класс» на основе платформы «TED-ED» // Вестник Самарского гос. тех. ун-та. Сер.: Психолого-педагогические науки. 2018. Вып. 3. С. 122–132.
5. **Попова Т. П., Ненашева Т. А.** Информационные технологии в обучении иностранным языкам в вузе (модель смешанного обучения) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. №6/1. С. 218–226. DOI: <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-218-226>
6. **Скопова Л. В., Соколова О. Л.** Технология «перевернутый класс» как эффективный прием создания информационно-образовательного пространства вуза // Нижегородское образование. 2017. №1. С. 45–49.
7. **Чернявская А. П., Ванчакова Н. П., Вацкель Е. А., Барабошина А. А.** Самонаправляемое обучение студентов в «перевернутом» классе // Ярославский педагогический вестник. 2019. №2 (107). С. 60–66. DOI: <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2019-10352>
8. **Юрина М. В., Лопухова Ю. В.** Применение инновационной технологии «перевернутый класс» при обучении иностранному языку в техническом вузе // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. №4 (21). С. 262–266.
9. **Beatty B. J., Merchant Z., Albert M.** Analysis of Student Use of Video in a Flipped Classroom // TechTrends. 2019. vol. 63 (4). P. 376–385. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11528-017-0169-1>

10. **Goedhart N.S., Blignaut-van Westrhenen N., Moser C., Zweekhorst M.B. M.** The flipped classroom: supporting a diverse group of students in their learning // *Learning Environments Research*. 2019. Vol. 22. №2. P. 297–310. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10984-019-09281-2>
11. **Guo J.J.** The use of an extended flipped classroom model in improving students» learning in an undergraduate course // *Journal of Computing in Higher Education*. 2019. Vol. 31 (2). P. 362–390. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12528-019-09224-z>
12. **Kazu I.Y., Demirkol M.** Effect of blended learning environment model on high school students» academic achievement // *Turkish Online Journal of Educational Technology*. 2014. Vol. 13. P. 78–87.
13. **McNally B., Chipperfield J., Dorsett P.** et al. Flipped classroom experiences: student preferences and flip strategy in a higher education context. *Higher Education*. 2017. vol. 73. no. 2. pp. 281–298. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10734-016-0014-z>
14. **Reidsema C., Kavanagh L., Hadgraft R., Smith N.** The Flipped Classroom. Practice and Practices in Higher Education. Springer Nature Singapore Pte Ltd. 2017. 307 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-981-10-3413-8>
15. **Wang Y., Huang X., Schunn C. D.** et al. Redesigning flipped classrooms: a learning model and its effects on student perceptions // *Higher Education*. 2019. Vol. 78. P. 711–728. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10734-019-00366-8>
16. **Малошенок Н. Г., Девятко И. Ф.** Эксперимент как метод изучения эффективности практик и нововведений в высшем образовании // *Высшее образование в России*. 2013. № 10. С. 141–151.
17. **Бьюзен Т.** Интеллект-карты: полное руководство по мощному инструменту мышления = *Mind Map Mastery. The Complete Guide to Learning and Using the Most Powerful Thinking Tool* / пер. с англ. Ю. Константиновой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 199, [1] с.
18. **Chickering A., Gamson Z.** Seven principles for good practice in undergraduate education // *AAHE Bulletin*. 1987. Vol. 39. P. 3–7.
19. **Zayapragassarazan Z., Kumar S.** Active learning methods // *NTTC Bulletin*. 2012. Vol. 19 (1). P. 3–5.
20. **Вульфович Е. В.** Обучение устной речи на занятиях по английскому языку с использованием интернет-сервисов для создания визуальных опор // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева*. 2016. №2 (36). С. 11–15.

REFERENCES

1. **Bergmann J., Sams A.** *Flip your classroom: reach every student in every class every day*. 1st edition. ISTE; ASCD Publ., 2012, 122 p.
2. **Ainutdinova I. N.** The topical issues of the blended learning technology application in the process of foreign language teaching in higher schools. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2015, no. 6, pp. 74–77. (In Russ)
3. **Kozikov Ya. S., Tikhonchuk A. A., Sabanin A. M., Popadyin V. V.** Pedagogical technology «the flipped classroom» as a form of active training of experts of physical training of higher educational institutions of law enforcement agencies to professional activity within the contract system. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*, 2018, no. 5 (159), pp. 118–122. (In Russ)
4. **Polukhina M. O., Valeeva E. E.** Implementing flipped classroom using TED-ED. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Psikhologo-pedagogicheskie nauki*, 2018, no. 3, pp. 122–132. (In Russ)
5. **Popova T. P., Nenasheva T. A.** Information technologies in teaching foreign languages in a higher school (blended learning). *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl*, 2016, vol. 8, no. 6/1, pp. 218–226. DOI: <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-218-226> (In Russ)
6. **Skopova L. V., Sokolova O. L.** «Flipped classroom» technology as the effective method of creating the information and education space of higher education institution. *Nizhegorodskoe obrazovanie*, 2017, no. 1, pp. 45–49. (In Russ)
7. **Chernyavskaya A. P., Vanchakova N. P., Vatskel' E. A., Baraboshina A. A.** Student self-directed learning in a flipped classroom. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2019, no. 2 (107), pp. 60–66. DOI: <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2019-10352> (In Russ)
8. **Yurina M. V., Lopukhova Yu. V.** Innovative technology «Flipped classroom» use in foreign language teaching at a technical university. *Samarskiy nauchnyy vestnik*, 2017, vol. 6, no. 4 (21), pp. 262–266. (In Russ)
9. **Beatty B. J., Merchant Z., Albert M.** Analysis of Student Use of Video in a Flipped Classroom. *TechTrends*, 2019, vol. 63 (4), pp. 376–385. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11528-017-0169-1>
10. **Goedhart N.S., Blignaut-van Westrhenen N., Moser C., Zweekhorst M.B. M.** The flipped classroom: supporting a diverse group of students in their learning. *Learning Environments Research*, 2019, vol. 22, no. 2, pp. 297–310. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10984-019-09281-2>

11. **Guo J.J.** The use of an extended flipped classroom model in improving students» learning in an undergraduate course. *Journal of Computing in Higher Education*, 2019, vol. 31 (2), pp. 362–390. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12528-019-09224-z>
12. **Kazu I.Y., Demirkol M.** Effect of blended learning environment model on high school students» academic achievement. *Turkish Online Journal of Educational Technology*, 2014, vol. 13, pp. 78–87.
13. **McNally B., Chipperfield J., Dorsett P.** et al. Flipped classroom experiences: student preferences and flip strategy in a higher education context. *Higher Education*, 2017, vol. 73, no. 2. pp. 281–298. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10734-016-0014-z>
14. **Reidsema C., Kavanagh L., Hadgraft R., Smith N.** *The Flipped Classroom. Practice and Practices in Higher Education*. Springer Nature Singapore Pte Ltd. 2017, 307 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-981-10-3413-8>
15. **Wang Y., Huang X., Schunn C.D.** et al. Redesigning flipped classrooms: a learning model and its effects on student perceptions. *Higher Education*, 2019, vol. 78, pp. 711–728. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10734-019-00366-8>
16. **Maloshonok N.G., Devyatko I.F.** Experiment as a method for assessment of efficiency of practices and innovations in the field of higher education. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 2013, no. 10. pp. 141–151. (In Russ)
17. **Buzan T.** *Mind Map Mastery. The Complete Guide to Learning and Using the Most Powerful Thinking Tool*. Moscow, 2019, 199 p. (In Russ)
18. **Chickering A., Gamson Z.** Seven principles for good practice in undergraduate education. *AAHE Bulletin*, 1987, vol. 39, pp. 3–7.
19. **Zayapragassarazan Z., Kumar S.** Active learning methods. *NTTC Bulletin*, 2012, vol. 19 (1), pp. 3–5.
20. **Vul'fovich E.V.** Teaching English speaking skills using Internet services to create visual aids. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva*, 2016, no. 2 (36), pp. 11–15. (In Russ)

Информация об авторе

Гаврилова Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 454 135, Челябинск, ул. Энергетиков, 63, e-mail: agisga@yandex.ru), orcid.org/0000-0003-3261-904

Статья поступила в редакцию 16.12.19. После доработки 14.02.20. Принята к публикации 2.03.20.

Information about the author

Irina A. Gavrilova – PhD in Philology, Associate professor at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of Russian State University of Justice, Uralian branch (63, Energetikov Str., Chelyabinsk, 454 135, Russian Federation, e-mail: agisga@yandex.ru), orcid.org/0000-0003-3261-904

The paper was submitted 16.12.19. Received after reworking 14.02.20. Accepted for publication 2.03.20.

УДК 37.013.75

О СОЗДАНИИ ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ МИНИ-ЭКОСИСТЕМЫ «ТСХИ – ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ШКОЛЫ – УЧРЕЖДЕНИЯ СПО АГРАРНОГО ПРОФИЛЯ» ЧЕРЕЗ ИНТЕГРАЦИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОФЛАЙН И ОНЛАЙН ПЛАТФОРМ

Гааг А. В.

Томский сельскохозяйственный институт – филиал ФГБОУ ВО Новосибирский ГАУ
Томск, Российская Федерация, e-mail: gaag85@mail.ru

Меденцев А. А.

Томский сельскохозяйственный институт – филиал ФГБОУ ВО Новосибирский ГАУ
Томск, Российская Федерация, e-mail: aamed@mail.ru

Аннотация. Анализируются противоречия, имеющиеся между традиционными образовательными учреждениями (образовательными офлайн-платформами) и современными образовательными онлайн-платформами в целях выявления возможности их интеграции для подготовки мотивированных на сельскохозяйственную деятельность абитуриентов. Показано, что трансформация интегрированных офлайн- и онлайн-платформ сельскохозяйственного вуза в хаб (центральный коммуникационный узел) способствует неограниченному расширению профориентационной сети по экосистемному принципу. Рассмотрен процесс создания профориентационной мини-экосистемы «ТСХИ – общеобразовательные школы – учреждения СПО», обеспечивающей эффективное функционирование модели непрерывного профессионального самоопределения школьников, ориентированной на сельскохозяйственную сферу. Обосновано определение понятия «Профориентационная мини-экосистема».

Ключевые слова: офлайн-платформа, онлайн-платформа, профессиональная ориентация, профессиональное самоопределение, профориентационная мини-экосистема.

Для цитаты: Гааг А. В., Меденцев А. А. О создании профориентационной мини-экосистемы «ТСХИ – общеобразовательные школы – учреждения СПО аграрного профиля» через интеграцию образовательных офлайн и онлайн платформ // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 1. С. 3575–3582. DOI: 10.15372/PEMW20200120

DOI: 10.15372/PEMW20200120

CREATING THE CAREER-ORIENTED MINI-ECOSYSTEM «TIA – COMPREHENSIVE SCHOOLS – AGRARIAN INSTITUTIONS OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION» THROUGH THE INTEGRATION OF EDUCATIONAL OFFLINE AND ONLINE PLATFORMS

Gaag, A. V.

Tomsk Agrarian Institute, Branch of Novosibirsk State University,
Tomsk, Russian Federation, e-mail: gaag85@mail.ru

Medensev, A. A.

Tomsk Agrarian Institute, Branch of Novosibirsk State University,
Tomsk, Russian Federation, e-mail: aamed@mail.ru

Abstract. We have analyzed the contradictions that exist between traditional educational institutions (educational offline platforms) and modern educational online platforms in order to identify the possibility of their integration for training applicants motivated for agricultural activities. We showed that the transformation of the integrated offline and online platforms of an agricultural university into a hub (central communication

hub) contributes to the unlimited expansion of the career guidance network according to the ecosystem principle. We examined the issue of creating a mini-ecosystem of vocational guidance «TIA – comprehensive schools – institutions of secondary vocational education», which ensures the effective functioning of the model of continuous professional self-determination of students, and is focused on the agricultural sector. The definition of the term «Career-Orienting Mini-Ecosystem» has been well-founded.

Keywords: *offline platform, online platform, professional orientation, professional self-determination, career guidance mini-ecosystem.*

For quote: *Gaag A. V., Medensev A. A. [The creating a career-oriented mini-ecosystem «TIA-general education – schools – institutions of secondary education on agricultural profile» through the integration of educational offline and online platforms]. Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 3575–3582. DOI: 10.15372/PEMW20200120*

Введение. В документах и постановлениях Министерства сельского хозяйства Российской Федерации регулярно актуализируется необходимость повышения качества образования у выпускников аграрных профессиональных образовательных организаций. Это обусловлено тем, что мировая практика и опыт передовых сельскохозяйственных предприятий показывают, что только компетентные специалисты, восприимчивые к инновациям способны демонстрировать успешные образцы агрохозяйственной деятельности в технологически насыщенном, сложном и динамичном мире, полном непредвиденных ситуаций, вызовов и рисков.

Фиксируемое несоответствие между качеством подготовки кадров для нужд сельского хозяйства и целями Российской Федерации в обеспечении собственной продовольственной безопасности и увеличении объема экспорта продукции агропромышленного комплекса является центральной проблемой, требующей незамедлительного разрешения.

При поиске путей решения этой сложной задачи в Томском сельскохозяйственном институте, филиале Новосибирского АГУ сосредоточили первостепенное внимание на качественном составе абитуриентов. Общеизвестно, что мотивированные выпускники средних общеобразовательных школ, как правило, становятся хорошо успевающими студентами и успешными выпускниками. Но количество таких абитуриентов в общей их массе чрезвычайно мало. В основном, в наш вуз приходят учиться те выпускники средних общеобразовательных школ, у которых результаты ЕГЭ оказались ниже суммы проходных баллов, позволяющих абитуриентам поступить в престижные университеты Томска: ТГУ, ТПУ, СибГМУ и ТУСУР. К сожалению, у этой части абитуриентов преимущественным мотивом в выборе нашего вуза являются дипломоцентристские установки, а не увлеченность сельскохозяйственной деятельностью.

В связи с этим, было решено изменить подход к организации профориентационной работы. До недавнего времени она сводилась к проведению проагитационных мероприятий, оценочными показателями которых являлись их количество и массовость. Преподаватели вуза приезжали в общеобразовательную организацию, встречались со школьниками, эмоционально агитировали выпускников поступать именно в сельскохозяйственный институт и приглашали учащихся выпускных классов посетить «День открытых дверей». Далее, как правило, все заканчивалось тем, что институт и школа в своих отчетах по профориентации ставили «галочки», а выбор высшего учебного заведения осуществлялся выпускниками общеобразовательных школ в основном по указанным выше правилам арифметики (сумме проходных баллов). Триггером смены отношений к организации профориентационной работы со школьниками стал запуск в ТСХИ образовательной онлайн-платформы, открывшей новые возможности в организации профориентационной работы путем создания модели непрерывного сопровождения образовательно-профессионального выбора учащихся как для отдельной муниципальной общеобразовательной школы, так и для каждого ее ученика.

Формальная, лично не ориентированная и спорадическая профориентационная работа должна уступить место коллективному и персонифицированному вариантам модели непрерывного профессионального самоопределения обучающихся, основанной на принципах онлайн-образования, сетевого взаимодействия, горизонтальной интеграции, самоорганизации и эволюции (без революционных модернизаций). Иными словами, малокомплектная сельская школа, даже, находящаяся на удалении в несколько сот километров от областного центра, становится равноправной частью профориентационной мини-экосистемы «ТСХИ-общеобразовательные школы-учреждения СПО аграрного профиля», в деле реализации перспективного проекта по непрерывному профессиональному самоопределению школьников в сельскохозяйственной сфере.

Постановка задачи. Главной задачей настоящего исследования является разработка модели непрерывного самоопределения школьников в сельскохозяйственной сфере через горизонтальную сетевую интеграцию аграрного вуза, общеобразовательных школ, учреждений СПО аграрного профиля и образовательной онлайн-платформы.

Наряду с этим в ходе исследования решался ряд локальных задач, связанных с особенностями разработки интерактивного содержания профориентационной деятельности, а также поиском оптимальных форм и методов взаимодействия сельскохозяйственного вуза, общеобразовательных организаций при использовании средств ИКТ.

Методика и методология исследования. Методологическую основу исследования составляют экосистемный и личностно-деятельностный подходы к изучению процессов профессиональной ориентации учащихся, идеи о ведущей роли деятельности в развитии личности и современные педагогические концепции, обосновывающие актуальность развития у обучающихся способностей к творчеству, самоопределению и самоуправлению.

В исследовании использовались как теоретические методы (системный анализ философских, педагогических и социологических источников, проектирование), так и эмпирические методы (наблюдение, анкетирование, интервьюирование, выполнение диагностирующих заданий, проведение профориентационных тренингов через профессиональные пробы). Применялись опросник «Карта интересов», тест смысловых ориентаций (СЖО) и комплекс компьютерных психодиагностических и развивающих программ «Эффектон».

Результаты. Отправной точкой в работе по созданию профориентационной мини-экосистемы «ТСХИ – общеобразовательные школы – учреждения СПО аграрного профиля», ориентированной на непрерывное профессиональное самоопределение учащихся в сельскохозяйственной сфере стал системный анализ образовательного ландшафта Томской области. Результаты исследования показали, что несмотря на наличие крупных зарубежных (Coursera, edX, XuetangX, FutureLearn, Udacity, KhanAcademy и др.) и отечественных («Открытое образование», «Универсариум», «Лекториум», «Нетология» и т. д.) онлайн-платформ, а также значительного количества корпоративных образовательных порталов и великого множества сайтов образовательных организаций, главными поставщиками образовательных услуг, занимая при этом меньшую часть совокупного образовательного пространства, по-прежнему, остаются общеобразовательные школы, учреждения СПО и вузы. В результате возникает явное противоречие, с одной стороны, динамично меняющийся и усложняющийся окружающий мир, а с другой – традиционная, иерархически организованная и централизованно управляемая система образования с негибкими учебными планами, с программами, ориентированными на групповое обучение и релевантными для этой формы методиками [1]. В такой ситуации трудно рассуждать о каком-либо индивидуальном самоопределении обучающихся, в том числе, и о профессиональном. И в то же время нельзя игнорировать доминирование школ, учреждений СПО и вузов в деле оказания образовательных услуг. Для выхода из этого противоречивого положения, буквально, напрашивалось конструктивное решение, связанное с созданием своего рода образовательного «хаба», вокруг которого на принципах добровольной горизонтальной интеграции будет формироваться сеть общеобразовательных учреждений, имеющая доступ к «центральному узлу», т. е. к Томскому сельскохозяйственному институту (офлайн-платформе) и его онлайн-платформе, связанных с другими онлайн- и офлайн-платформами сельскохозяйственного профиля [2; 13].

Несмотря на явное преимущество образовательных сетей (сохранение прав юридического лица, добровольное, без внешних рычагов выполнение принятых обязательств, отсутствие управленческой вертикали, рост мобильности обучающихся, увеличение ресурсной базы и др.), проблемы, связанные с их созданием еще мало изучены. Наиболее известное определение сетей формулируется следующим образом: «Сети представляют сумму связей, которые объединяют группу элементов. Взаимосвязанные элементы являются членами сети. Взаимосвязь создается регулярными потоками информации. Определяющей характеристикой сети служит высокая степень доверия во взаимных контрактах» [3]. Поэтому наш выбор в пользу школы, как первоначального элемента сети был чисто эмпирическим и основывался преимущественно на том, что школы обладают апробированным временем организационным и управленческим потенциалами, признанием в социуме, наличием широкополосного интернета, материально-финансовыми возможностями и др. В результате организационной работы преподавателей и сотрудников ТСХИ была сформирована образовательная мини-сеть из общеобразовательных и средних профессионально-образовательных организаций Кривошеинского и Асиновского районов Томской области.

Параллельно с этим осуществлялась концептуальная разработка модели непрерывного сопровождения образовательно-профессионального выбора учащихся. Основой для ее создания стали документ «Концепция профессионального самоопределения молодежи» [4] и «Основные положения концепции

организационно-педагогического сопровождения профессионального самоопределения обучающихся в условиях непрерывного образования» [5]. В качестве одного из резервов развития деятельности в сфере сопровождения профессионального самоопределения учащихся было решено использовать вариативный компонент учебного плана путем включения в него предпрофильных и профильных курсов агротехнологической направленности, а также расширить содержание традиционных учебных предметов (ботаника, зоология, химия, физика и др.) в пользу сельскохозяйственных знаний через систему гиперссылок и мобильных приложений [6]. Всё это, на наш взгляд, должно способствовать приобщению школьников к миру аграрного труда и сельскохозяйственных профессий.

В разработанной концепции исходным звеном в системе непрерывного профессионального самоопределения и мотивирующим фактором, который должен инициировать у учащихся первоначальный осознанный запрос на информацию о профессии, является профессиональная проба [7]. В связи с этим была спроектирована рабочая программа «Планета сельскохозяйственных профессий», в рамках которой было определено содержание для восьми наиболее актуальных видов профессиональной деятельности. Для каждого вида сельскохозяйственной деятельности определена структура отражения содержания.

1. «Путь к сельскохозяйственной специальности (профессии)» – содержит информацию о специфике и сложности аграрного профобразования, видах учебных заведений, специальностях (профессиях), этапах подготовки специалистов, рабочих и служащих, продолжительности обучения.

2. «Сельскохозяйственные специальности» – включает подробные сведения о подготовке к профессиональной деятельности в следующих областях и направлениях: «Агрономия», «Агроэкология», «Ветеринария», «Водное хозяйство и мелиорация», «Зоотехния», «Механизация сельского хозяйства», «Селекция и семеноводство», «Технология переработки сельскохозяйственной продукции». Дается представление об историческом пути развития сельского хозяйства, сельскохозяйственного образования и их влиянии на культурный прогресс.

3. «Современное сельскохозяйственное образование» – раскрывает информацию о видах учебных учреждений, престижности сельскохозяйственных специальностей (профессий), виды проверки на профпригодность.

Сегодня, исходя из дидактических требований рабочей программы, уже разработаны уроки-профпробы для специальностей агрономии, ветеринарии, зоотехнии и агроинженерии. Ключевыми элементами в структуре урока-профпробы являются:

- диагностирующий, выявляющий профессиональные предпочтения через применение карты интересов или комплекса компьютерных психодиагностических и развивающих программ «Эффектон»;
- информационный, отражающий термины, конкретные факты, основные понятия и правила, связанные с агрономической деятельностью;
- творческий, обеспечивающий выработку начатков практического опыта, отражающего профессиональную деятельность агронома.

Все уроки-профпробы размещены на образовательной онлайн-платформе ТСХИ и доступны тем учащимся, которые учатся в школах, входящих в профориентационную экосистему «ТСХИ – общеобразовательные школы – учреждения СПО аграрного профиля». Эти уроки, по сути, являясь коллективной формой изучения материала, имеют достаточно весомую долю для удовлетворения индивидуальных запросов обучающихся в виде видеоконсультаций специалистов вуза или ответов на вопросы в чате онлайн-платформы [8].

Доля персонификации значительно усиливается после первоначального самоопределения учащихся относительно выбора предпрофильного курса, при освоении которого он может подтвердить или опровергнуть правильность своего предпочтения, сделанного на основе профпробы. Предпрофильные курсы разработаны на основе интерактивного подхода, развивающего как субъектные качества обучающегося, так и открывающего возможность для индивидуального темпа изучения материала [9]. Наряду с этим, большое значение для индивидуально-личностного развития играет система оценивания, которая реализуется путем персонального комментирования индивидуальных достижений учащихся. Новые способы оценивания должны способствовать активизации учебной деятельности обучающихся, развитию у них творческих способностей и стремления к сотрудничеству [10; 20]. Кроме того, постоянно действующая система видеоконсультаций в режиме обратной связи усиливает персонально-индивидуальную направленность обучения [11]. Особо следует подчеркнуть, что выбор предпрофильного курса или отказ от него является личным делом учащегося – он главное действующее лицо в профориентационной экосистеме. «Постепенное внедрение модели ученико-центрированной модели образования (идущей от выбора учащегося) является неминуемым – поскольку сформировать умение «учиться» в течении всей жизни можно только с помощью постоянной практики

«самоуправляемого» обучения» – справедливо считают авторы доклада «Образование для сложного общества» [12].

Поэтому в целях увеличения поля выбора для профессионального самоопределения учащихся на образовательной онлайн-платформе ТСХИ помимо предпрофильных курсов размещен ряд интерактивных профильных курсов («Азбука пчеловодства», «Основы предпринимательства» и др.). Профильные курсы позволяют обучающимся углубить знания в той предметной области, к которой у них возник устойчивый интерес после изучения предпрофиля. В процессе изучения профильного курса, обучающиеся начинают свободнее ориентироваться в фундаментальных понятиях естествознания, развивают способность действовать и понимать мир с естественно-научных позиций. Главная задача профильного курса состоит не столько в обогащении школьников фактологическим материалом, сколько обучению методам работы в образовательной области естествознания [13].

Особое место в концепции непрерывного профессионального самоопределения, созданной в ТСХИ, отводится профильным курсам, ориентированным на разновозрастных обучающихся, т.е. учащихся и их родителей. В настоящее время идет разработка первого подобного курса «Основы органического земледелия». Выбор в пользу первоочередности создания именно этого курса обусловлен, с одной стороны, непосредственной близостью его содержания к экологической проблематике, а с другой – сформировавшимся в общественном сознании приоритете здорового образа жизни. Сегодня многие российские семьи наряду с формированием оптимальной структуры свободного времени уделяют серьезное внимание организации здорового питания. В связи с этим население проявляет большой интерес к органическим продуктам, обладающих эффективным здоровьесберегающим потенциалом. Поскольку в содержании профильного курса «Основы органического земледелия» будет уделено много места маркировке, выращиванию и сертификации органической продукции, то его контент может стать общим образовательным пространством для родителей и детей и стимулировать их к непрерывному образованию. Исследования показывают, что развитие родителей и ребенка неразрывно связаны. «Для родителей сильнейшей мотивацией достижения успеха, являются дети, и наоборот – дети стремятся к успеху, будучи мотивированными родителями», [15].

Поскольку в структуре профильных курсов большую долю занимают лабораторно-практические занятия, которые носят исследовательский характер и требуют грамотного проведения наблюдений; получения, обработки и систематизации данных, построению на их основе теоретических моделей, то организацию и проведение всего комплекса этих учебных исследований планируется осуществлять на базе лабораторий учреждений СПО аграрного профиля, являющихся частью создаваемой профориентационной мини-экосистемы. Кроме того, вхождение в профориентационную сеть учреждений СПО будет не только обеспечивать усиление практической направленности обучения, но и способствовать росту многообразия профориентационного ландшафта [16].

Непрерывное профессиональное самоопределение школьников будет также поддерживаться через формат проектного обучения, непосредственно связанного с жизненными ситуациями на конкретных территориях [16]. В частности, разработаны проектные задания, ориентированные на изучение деятельности местных сельскохозяйственных предприятий:

- 1) составьте перечень целей и задач, которыми руководствуется в своей деятельности местное сельхозпредприятие.
- 2) установите, когда и при участии кого было создано местное сельхозпредприятие;
- 3) посетите одно из общих собраний работников местного сельхозпредприятия и опишите проблемы, которые на нем обсуждались;
- 4) и др.

Исследуя различные ситуации, связанные с деятельностью сельскохозяйственного предприятия, учащиеся существенно расширяют границы своего опыта и формируют четкие представления для ориентации в дальнейшей жизни [17]. Кроме того, выполнение подобных проектных заданий важно для овладения будущими компетенциями аграрного специалиста, поскольку позволяют «проживать» исследуемые ситуации, а не просто знакомиться с ними [18].

Таким образом, расширяя количество поставщиков профориентационных услуг, интегрируя деятельность образовательных офлайн- и онлайн-платформ, представляя широкие возможности для самостоятельного выбора учащимся, используя современные методы обучения и др. была создана профориентационная мини-экосистема, обеспечивающая непрерывное профессиональное самоопределение школьников в сельскохозяйственной сфере.

Выводы. Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что удалось обосновать и реализовать в рамках экспериментальной работы концепцию непрерывного профессионального самоопределения учащихся в сельскохозяйственной сфере с использованием возможностей образовательных офлайн- и онлайн-платформ через горизонтальную сетевую интеграцию.

Теоретическое значение проведенного исследования обусловлено введением нового понятия «Профориентационная мини-экосистема» аналогичному понятию «образовательная экосистема». Понятие «образовательная экосистема» стало встречаться в дискуссиях о развитии образования, начиная с начала 2000-х годов. Существует несколько формулировок, выделяющих этот предмет:

- баланс различных заинтересованных сторон процесса образования, включая преподавателей и обучающихся;
- альтернатива традиционной системе образования;
- совокупность образовательных технологических решений (например, образовательные платформы и социальные сети) и др.

Множественность определений этого понятия обусловлена тем, что оно является символическим образом и не несет в себе отнесенности к реальному объекту, в отличие от аналогового образа. Иными словами, при определении понятия «Образовательная экосистема» используется конструктивистский подход, когда в суждениях о предмете ориентируются на индивидуальные ситуации и конкретные нужды.

Вводя понятие «профориентационная мини-экосистема», мы действовали, ориентируясь на границы семантического пространства, для которого данное понятие имеет смысл, т.е. на контур семантики понятия «профориентационная система».

В рамках выполненного исследования понятие «профориентационная мини-экосистема» мы определили следующим образом: «Профориентационной мини-экосистемой называется динамически эволюционирующая и взаимосвязанная сеть профориентационных пространств, имеющая тенденцию к постоянному расширению и состоящая из институциональных и индивидуальных производителей профориентационных услуг».

Перспектива этой разработки состоит в том, что разработанные методология, методы и найденные закономерности непрерывного профессионального самоопределения учащихся в сфере сельского хозяйства через создание профориентационной мини-экосистемы могут быть экстраполированы в аграрные профессиональные образовательные организации других регионов для подготовки высококвалифицированных специалистов сельского хозяйства, заинтересованных в трудовой деятельности непосредственно в аграрной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вербицкий А.А.** Проблемные точки реализации компетентностного подхода // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Педагогика и психология». 2012. №2. С. 52–60.
2. **Комлева Н.В.** Модели и инструменты инновационного развития образования в открытой информационной среде: монография. М.: МЭСИ, 2013. 199 с.
3. **Casson M.** Information and Organisation. A New Perspective on the Theory of the Firm. Oxford: Clarendon Press, 1997.
4. Профессиональное самоопределение молодежи: концепция / под ред. Полякова В.П., Чистяковой С.Н. // Педагогика. 1993. №5. С. 33–37.
5. **Блинов В.И., Сергеев И.С.** Основные положения концепции организационно-педагогического сопровождения профессионального самоопределения обучающихся в условиях непрерывного образования // Гуманитарные науки (г. Ялта). 2016. №2. С. 11–23.
6. **Зеер Э.Ф.** Содействие профессиональному самоопределению обучающихся в современных социально-экономических условиях // Педагогический журнал Башкортостана. 2013. №3–4 (46–47). С. 30–37.
7. Новые образовательные технологии в вузе (НОТВ-2013): матер. 10-й междунар. науч.-метод. конф. [Электронный ресурс]. URL: www.notv.urfu.ru
8. **Артюхина М.С.** Интерактивные технологии в контексте современной гуманитарно-ориентированной системы образования // В мире научных открытий. 2014. №3 (51). С. 38–49.
9. **Зарощин Е.Б.** Теоретико-методические основы построения курса «Технология» в системе школьного дистанционного обучения // В мире научных открытий. 2012. №6 (30). С. 264.
10. Система критериев качества учебного процесса для дистанционного образования: отчет о НИР / рук. И.П. Норенков. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2002.
11. **Шерстова Е.В.** Приёмы организации дистанционным педагогом деятельности курсантов в веб-форуме // Ведём эксперимент в школе: Интернет, компетенции, эвристика: сб. науч. тр. / под ред. А.В. Хуторского. М.: ЦДО «Эйдос», 2009. 314 с.
12. **Лукша П., Кубиста Д., Ласло А., Попович М., Ниненко И.** Образование для сложного общества [Электронный ресурс]. URL: https://futuref.org/educationfutures_ru
13. Элективные курсы в профильном обучении: Образовательная область «Естествензнание». М.: Вита-Пресс, 2004. 96 с.

14. Днепровская Н.В., Янковская Е.А., Шевцова И.В. Понятийные основы концепции смарт-образования // Открытое образование. 2015. №6. С. 43–51.
15. Богуславская О.М. Совместное обучение детей и родителей в зарубежных странах // Проблемы современного образования. 2015. №5. С. 121.
16. Кибальченко И.А. Интеграция учебного и познавательного опыта обучающихся: структура, динамика, технологии: дисс.... д-ра психол. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 364 с.
17. Новиков А.М., Новиков Д.А. Образовательный проект (методология образовательной Деятельности). М.: Эгвес, 2004. 120 с.
18. Сокольников Э.И. Особенности освоения метода «конкретных ситуаций» в обучении // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Педагогика и психология». 2012. №1. С. 75–79.
19. Ковригина В.А., Маркова Н.И. Ролевая структура виртуального сообщества в условиях развития SMART-EDUCATION [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2014. №3. URL: <http://human.snauka.ru/2014/03/6025>
20. Симонов В.П., Черненко Е.Г. Образовательный минимум: Измерения, достоверность, надежность // Педагогика. 1994. №4. С. 30–33.

REFERENCES

1. Verbitsky A.A. Problem areas of implementation of competence approach. *Bulletin of Moscow state mining University them. M.A. Sholokhova. Ser. «Pedagogy and psychology»*, 2012, no. 2, pp. 52–60. (In Russ.)
2. Komleva N. V. *Models and tools for innovative development of education in an open information environment*: monograph. Moscow, MESI-2013 Publ., 199 p. (In Russ.)
3. Casson M. *Information and Organisation. A New Perspective on the Theory of the Firm*. Oxford: Clarendon Press Publ., 1997. (In Russ.)
4. Polyakov V.P., Chistyakova S.N. (Ed.) Professional self-determination of youth: the concept of Text. *Pedagogy*, 1993, no. 5, pp. 33–37. (In Russ.)
5. Blinov V.I., Sergeev I.S. Main provisions of the concept of organizational and pedagogical support of professional self-determination of students in the conditions of continuous education. *Humanities (Yalta)*, 2016, no. 2, pp. 11–23. (In Russ.)
6. Zeer E.F. Assistance to professional self-determination of students in modern socio-economic conditions. *Pedagogical journal of Bashkortostan*, 2013, no. 3–4 (46-47), pp. 30–37. (In Russ.)
7. *New educational technologies in higher education (NOTV-2013)*: mater. 10th international. science.-method. Conf. Available at: <http://www.notv.urfu.ru>
8. Artyukhina M.S. Interactive technologies in the context of modern humanitarian-oriented education system. *In the world of scientific discoveries*, 2014, no. 3 (51), pp. 38–49. (In Russ.)
9. Zaroshchin E.B. Theoretical and methodological foundations of the course «Technology» in the system of school distance learning. *In the world of scientific discoveries*, 2012, no. 6 (30), pp. 264. (In Russ.)
10. *System of criteria for the quality of the educational process for distance education*: R & d report. Moscow, Moscow state technical University. N.E. Bauman Publ., 2002. (In Russ.)
11. Sherstova E.V. Methods of organizing the activities of cadets in a web forum by a remote teacher. *Conducting an experiment in school: Internet, competence, heuristics*. Moscow, Eidos Publ., 2009, 314 pp.
12. Luksha P., Kubista D., Laszlo A., Popovich M., Ninenko I. Education for a complex society. Available at: https://futuref.org/educationfutures_ru (In Russ.)
13. *Elective courses in specialized training: educational field «natural Science»*. Moscow, Vita-Press Publ., 2004, 96 p. (In Russ.)
14. Dneprovskaya N.V., Yankovskaya E.A., Shevtsova I.V. Conceptual foundations of the concept of smart education. *Open education*, 2015, no. 6, pp. 43–51. (In Russ.)
15. Boguslavskaya O.M. Joint training of children and parents in foreign countries. *Problems of modern education*, 2015, no. 5, pp. 121. (In Russ.)
16. Ribalchenko I.A. *Integration of educational and cognitive experience of students: structure, dynamics, technology*. Rostov-on-don, 2011, 364 pp. (In Russ.)
17. Novikov A.M., Novikov D.A. *Educational project (methodology of educational Activities)*. Moscow, Aguas Publ., 2004, 120 p. (In Russ.)
18. Sokolnikova E.I. Features of mastering the method of «specific situations» in training. *Vestnik MGGU im. M.A. Sholokhova. Ser. «Pedagogy and psychology»*, 2012, no. 1, pp. 75–79. (In Russ.)
19. Kovrigina V.A., Markova N.I. Role structure of the virtual community in the conditions of SMART-EDUCATION development. *Humanitarian research*, 2014, no. 3. Available at: <http://human.snauka.ru/2014/03/6025> (In Russ.)

20. **Simonov V. P., Chernenko E. G.** Educational minimum: Measurements, reliability, reliability. *Pedagogy*, 1994, no. 4, pp. 30–33. (In Russ.)

Информация об авторах

Гаг Андрей Викторович – кандидат экономических наук, директор Томского сельскохозяйственного института – филиала ФГБОУ ВО Новосибирский ГАУ, (Российская Федерация, 634 050, г. Томск, ул. К. Маркса, 19, e-mail: tshi@ngs.ru)

Меденцев Анатолий Андреевич – кандидат педагогических наук, Томский сельскохозяйственный институт – филиал ФГБОУ ВО Новосибирский ГАУ, специалист по электронному обучению, (Российская Федерация, 634 050, г. Томск, ул. К. Маркса, 19, e-mail: tshi@ngs.ru)

Статья поступила в редакцию 1.11.19. После доработки 27.01.20. Принята к публикации 27.02.20.

Information about the author

Andrey V. Gaag – candidate of Economic Sciences, associate professor, Head of the Department of Hunting and Zootechnics, Director of Tomsk Agrarian Institute, Branch of Novosibirsk State Agrarian University (19, Marx str., Tomsk, 634 009, Russian Federation; e-mail: gaag85@mail.ru).

Anatoly A. Medensev – candidate of Pedagogical Sciences, e-learning specialist, Tomsk Agrarian Institute, Branch of Novosibirsk State Agrarian University (19, Marx str., Tomsk, 634 009, Russian Federation; e-mail: aamed@mail.ru)

The paper was submitted 1.11.19. Received after reworking 27.01.20. Accepted for publication 27.02.20.

УДК 027.2:377/378

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА В РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е. Б. Артемьева

Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения
Российской академии наук, Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Российская Федерация, e-mail: Artemyeva@spsl.nsc.ru

Г. М. Вихрева

Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения
Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация, e-mail: Vihreva@spsl.nsc.ru

О. П. Федотова

Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения
Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация, e-mail: Fedotova@spsl.nsc.ru

Аннотация. Система высшего профессионального образования в регионе по праву занимает одно из приоритетных мест в структуре его базовых социально-экономических процессов, реагируя на воздействия внешней среды (социокультурные, экономические, законодательные и др.) и, в свою очередь, оказывая на нее ответное влияние. В структуре научно-образовательного комплекса Сибири городу Новосибирску принадлежит ведущая роль. Здесь функционируют высшие учебные заведения, осуществляющие профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации специалистов, работают научно-исследовательские учреждения (НИУ) Новосибирского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук и других ведомств. Все вузы города и большая часть НИУ имеют в своей структуре научные библиотеки. Поскольку насущной проблемой в настоящее время является формирование единой системы обеспечения вузов, учреждений науки региона информационными ресурсами, необходимыми для успешной научно-образовательной деятельности, предметом исследовательских интересов авторов является «должное» и реальное место библиотечного социокультурного института в этой структуре. Крупнейшей библиотекой регионального научно-образовательного комплекса является Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН). Обеспечение доступа пользователей к информационным ресурсам – главное направление ее деятельности. В то же время, ГПНТБ СО РАН, имея лицензию на образовательную деятельность, сама является субъектом образовательного пространства: она организует проведение курсов переподготовки и повышения квалификации библиотекарей, сотрудничает с профильными вузами в обучении студентов. Являясь учреждением науки, ГПНТБ СО РАН имеет аспирантуру по подготовке научных кадров высшей квалификации по библиотечному, библиографическому и книговедению. Общей методологической базой предпринятого исследования стал диалектический подход, позволяющий рассмотреть библиотечно-информационную и образовательную сферы деятельности крупной научной библиотеки в их единстве и взаимообусловленности. В статье обоснованы роль и место ГПНТБ СО РАН в формировании современной региональной системы профессионального образования и намечены перспективы по созданию модели взаимодействия библиотек научно-образовательного комплекса в целом для интеграции и диверсификации информационного сопровождения отраслевого и дисциплинарного дискурса.

Ключевые слова: наука, профессиональное образование, высшие учебные заведения, научно-образовательный комплекс, научная библиотека, регион, информационно-библиотечное пространство, Новосибирск, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, кадры, аспирантура, переподготовка, повышение квалификации.

Для цитаты: Артемьева Е. Б., Вихрева Г. М., Федотова О. П. Научная библиотека в региональной системе профессионального образования // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 1. С. 3583–3593. DOI: 10.15372/PEMW20200121

DOI: 10.15372/PEMW20200121

SCIENTIFIC LIBRARY IN THE REGIONAL EDUCATIONAL SYSTEM

Artemyeva, E. B.

State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: Artemyeva@spsl.nsc.ru

Vikhreva, G. M.

State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: Vihreva@spsl.nsc.ru

Fedotova, O. P.

State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: Fedotova@spsl.nsc.ru

Abstract. *The regional system of professional education has rightly one of the prior places in the structure of its basic socio-economic processes, responding to the outward environment influence (socio-cultural, economic, legislative and other changes), and, in its turn, having retaliatory impact on it. In the structure of the scientific-educational complex of Siberia Novosibirsk plays the leading role. Here function higher educational establishments, which execute specialists» training, retraining and qualification upgrading, as well as scientific-research institutions of the Novosibirsk scientific center of the Siberian Branch of the Russian academy of sciences and institutions of other departments. All higher educational establishments of the city and a greater part of scientific-research institutions have libraries in their structure. Since the vital problem of today is forming the united system of providing regional educational and scientific institutions with information resources necessary for successful scientific-educational activities, the subject of this article authors» research interests is the «proper» and real place of the library socio-cultural institutions in this structure. State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SPSTL SB RAS) is the largest library of the regional scientific-educational complex. Providing the users» access to information resources is the main direction of the Library activity. At the same time, having the license for educational activity, SPSTL SB RAS is itself the subject of the educational space: it organizes courses of librarians» retraining and qualification upgrading, cooperates with higher educational establishments of the type in training students. Being the scientific-research institution SPSTL SB RAS has its post-graduate studentship on training scientific specialists of the highest qualification in the research areas «Library, bibliography and book science». The dialectic approach, permitting to view library-information and educational spheres of the large scientific library activity in their unity and interconditionality, was the common methodological basis for the research undertaken. The article substantiates the role and place of SPSTL SB RAS in forming the modern regional system of professional education, outlines perspectives for creating the reciprocity model of libraries for the scientific-education complex as a whole and integration and diversification of information supply for the sphere and discipline discourse.*

Keywords: *science, professional training, higher educational establishments, scientific-educational complex, scientific library, region, information and library space, Novosibirsk, State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, stuff, post-graduate studentship, re-training, improvement of professional skill.*

For quote: *Artemyeva, E. B., Vikhreva, G. M., Fedotova, O. P. [Scientific library in the regional educational system]. Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 3583–3593. DOI: 10.15372/PEMW20200121*

Введение. Формирование новой парадигмы образования в современном мире приобретает глобальный характер, становясь одной из основных мегатенденций развития общества. Образование обретает статус способа существования человека в информационном социуме, возможности расширения его коммуникационного пространства. Образовательная деятельность индивидуума на протяжении всей жизни – обязательное условие его личностного и профессионального роста.

Система образования в обществе адекватно отражает соответствующую социоэкономическую парадигму с ее ценностями и доминантами. Внедрение многоуровневой и многопрофильной подготовки

высококвалифицированных специалистов потребовало изменения содержания государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования и входящих в них учебных дисциплин, реформирование которых проводится на основании принятых федеральных нормативных документов, где обозначены цели и инструменты реализации государственной политики в области образования. В числе таких документов: Указ Президента РФ № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки», подписанный 7 мая 2012 г.; Федеральный закон (ФЗ) № 273 «Об образовании в Российской Федерации», вступивший в силу 1 сентября 2013 г.; государственная программа РФ «Развитие образования» на 2013–2020 годы; федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2014–2020 годы и т. д. [напр., 1]. Активно развивается дополнительное профессиональное образование (ДПО) – профессиональная переподготовка и повышение квалификации кадров, обучающие мероприятия стали проводиться с использованием дистанционных технологий или полностью на дистанционном основе.

Постановка проблемы. Важным элементом профессионального образования является его информационное обеспечение. Значение книги и библиотеки в образовательном процессе, их важнейшая роль в распространении информации и развитии образования не подлежат сомнению. В профессиональной литературе имеется значительное количество фундаментальных теоретических работ, доказывающих, что информационно-библиотечный потенциал региона следует рассматривать в качестве основного ресурса пространственного развития образования, наряду с потенциалом образовательных учреждений, институтов науки и культуры. Современная региональная научная библиотека обладает достаточными возможностями для того, чтобы стать не только важным, но и определяющим структурным элементом общества знаний, поскольку она обеспечивает свободный доступ к информации и знаниям, достижениям науки и культуры и активно участвует в развитии региональной информационной и коммуникационной инфраструктуры, а также науки и образования. Научные библиотеки, меняясь, должны оставаться при этом надежным источником информации и соответствовать ожиданиям пользователей [2; 3].

Тем не менее, вопреки риторике профессиональной печати и позитивному опыту самих библиотек, проблема системного формирования информационно-библиотечной среды образовательного регионального пространства, обозначенная еще начале 2000-х гг. [4], остается по-прежнему актуальной. Перспектива ее решения наметилась после того, как на государственном уровне был декларирован переход к новой интегративной научно-образовательной модели, способствующей взаимодействию академической и вузовской науки в области создания единого научно-образовательного пространства. Как отмечает С. С. Захарова, современные информационно-коммуникационные технологии позволяют создавать и развивать единое информационное пространство, в котором научные библиотеки имеют возможность интегрироваться и с библиотеками вузов своего региона, и с крупными региональными академическими библиотеками. В то же время она констатирует: «Когда идёт речь о задачах библиотек вуза по интеграции науки и образования, к сожалению, не принимается во внимание опыт интеграции в единую информационно-образовательную среду академических библиотек. Иными словами, восполнение некоторых библиотечных процессов научных библиотек вуза и научно-исследовательских учреждений не рассматривается, предлагается параллельное развитие библиотек без учёта накопленного двухстороннего опыта в информационно-библиографическом обеспечении» [5, с. 31].

По мнению исследователей, для того, чтобы научная библиотека смогла эффективно реализовать свой действительно огромный информационный потенциал и органично «вписаться» в образовательное пространство территории, профессиональному библиотечному сообществу необходимы глубокое осмысление процессов, происходящих в научно-образовательной сфере современного социума, и интенсивный поиск путей вхождения в нее на правах полноценного партнера [6].

Структура системы высшего образования Сибири достаточно масштабна. Новосибирску – центру науки, культуры и образования – в формировании научно-образовательного пространства региона принадлежит ведущая роль. На его территории функционирует 20 государственных высших учебных заведений и филиалов иногородних вузов, осуществляющих профессиональную подготовку специалистов высшей квалификации. Крупнейшими из них являются Новосибирский национальный исследовательский государственный университет и Новосибирский государственный технический университет – региональный опорный университет [7]. Новосибирская область занимает 4-е место в стране по числу студентов на 10 тыс. населения, по версии рейтинга QS Best students cities 2018 Новосибирску принадлежит 96 место в списке 100 лучших студенческих городов мира [8].

Вместе с тем на территории Новосибирска функционируют учреждения науки, которые также входят в научно-образовательный комплекс. Это 50 учреждений науки Сибирского отделения Российской академии наук (НИУ и филиалы), в том числе Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН), имеющая статус научного

учреждения, с филиалом – Сибирской научной сельскохозяйственной библиотекой [9], ряд научно-исследовательских институтов других ведомств, таких как Государственный научный центр вирусологии и биотехнологии «Вектор» (научград Кольцово), институты медицинского профиля.

Все вузы и 31 НИУ СО РАН имеют в своей структуре научные библиотеки [10], которые формируют совокупный информационно-библиотечный ресурс для научно-образовательного комплекса города и региона в целом. Крупнейшей библиотекой регионального научно-образовательного комплекса является ГПНТБ СО РАН. Казалось бы, общественное предназначение научной библиотеки однозначно обеспечивает ей одно из главных мест в образовательной системе региона. Но так ли это на самом деле? Результаты анализа документов Министерства образования, науки и инновационной политики Новосибирской области, сайтов различных профессиональных образовательных сообществ, научных публикаций, характеризующих структуру образовательного пространства, показывают, что библиотеки, как правило, в данном контексте не рассматриваются (напр., [11; 12]). Можно предположить, что причина этого в том, что библиотеки недостаточно ярко позиционируют себя перед другими субъектами научно-образовательного комплекса, отсутствует адекватная модель взаимодействия библиотек высших учебных заведений и библиотек учреждений науки, должное информирование о ресурсах всех участников процесса не ведется.

Тем не менее ГПНТБ СО РАН, будучи крупнейшей научной библиотекой Сибири, последовательно заполняет свою нишу в профессиональной образовательной сфере, осуществляя поддержку научных коммуникаций, создавая качественные информационные ресурсы и оказывая услуги с использованием новых технологических платформ, устанавливая особенности развития современного научного документопотока, повышая эффективность процессов формирования гибридных фондов.

Одним из важнейших факторов, отрицательно влияющих на имидж и конкурентоспособность библиотек, следует признать достаточно сложную ситуацию в области библиотечных кадров. В последние годы отмечается заметное увеличение разрыва между требованиями, предъявляемыми современным обществом к библиотечным работникам, и их профессиональными компетенциями. Многолетний опыт мониторинга кадровой ситуации в ГПНТБ СО РАН подтверждает объективность процесса замены в библиотеке специалистов с базовой профессиональной подготовкой представителями других отраслей. Согласно последним данным отдела кадров ГПНТБ СО РАН, из 86 человек, поступивших на работу на библиотечные должности за период 2015–2019 гг., только 13 (11,2%) имели высшее библиотечное образование. В этих условиях особо важным направлением в системе современного библиотечного образования становится профессиональная переподготовка и регулярное повышение квалификации библиотечных кадров по ведущим направлениям реформирования и модернизации отрасли.

Цель статьи: на примере крупнейшей научной библиотеки Сибири – ГПНТБ СО РАН – обосновать значимость роли научных библиотек в формировании научно-образовательного пространства региона / Новосибирска, в том числе в информационном обеспечении профессионального образования, в подготовке, переподготовке и повышении квалификации кадров в области библиотечно-информационной деятельности, обосновать необходимость актуализации модели взаимодействия библиотек научно-образовательного комплекса для информационного сопровождения отраслевого и дисциплинарного дискурса.

Методология и методы исследования. Множественность методов, применяемых в диагностике регионального образовательного пространства, объясняется разнообразием связей между отдельными его составляющими. Эти связи определяются во многом спецификой места и роли библиотеки в его структуре. Общей методологической основой работы является диалектический подход, позволяющий рассмотреть библиотечно-информационную и образовательную сферы деятельности крупной научной библиотеки в их единстве и взаимообусловленности. Структурно-функциональный и казуальный методы позволяют определить реальную роль научной библиотеки в структуре базовых процессов данных видов деятельности. Комплексность проблем детерминирует использование методов системного и факторного анализа.

Результаты

1. Развитие библиотечно-информационной базы ГПНТБ СО РАН

Главное направление деятельности ГПНТБ СО РАН – формирование библиотечно-информационной базы и обеспечение доступа пользователей научно-образовательного комплекса Сибири к современным информационным ресурсам. В развитии своей ресурсной базы ГПНТБ СО РАН продолжает ориентироваться на информационные интересы СО РАН и региональную специализацию, это является залогом сохранения некоего единства и общего информационного пространства, создававшегося на протяжении многих лет.

В качестве центральной библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук ГПНТБ продолжает обеспечивать библиотеки, входящие в централизованную библиотечную систему СО РАН,

информацией о научном документопотоке (виртуальная выставка «Анонс новой научной литературы, поступающей в фонды ГПНТБ СО РАН»), генерирует полнотекстовую базу данных «Научные мероприятия РАН», включающую материалы конференций РАН, формирует и постоянно актуализирует навигатор по зарубежным ресурсам открытого доступа (Sciguide). Оказалось, что поставленная во время создания навигатора задача – аккумулировать информацию об открытых научных ресурсах и предоставлять эти ресурсы в первую очередь пользователям академических институтов – решается неожиданно для библиотеки. Как показали результаты анализа, в современных условиях навигатор востребован не только пользователями научных институтов, но в значительной степени – университетами [13].

Ресурсы открытого доступа приобретают все большее значение в системе комплектования и обслуживания в научных библиотеках. Несмотря на не всегда еще высокое качество и стабильность данного контента, библиотеки стремятся активно включать его в свои фонды. Российские журналы открытого доступа наряду с подпиской способствуют существенному расширению репертуара электронной периодики, предлагаемой пользователю. Осуществляются регулярные поиск, ввод и корректировка электронных адресов таких журналов в электронные каталоги, создаются и поддерживаются в рабочем состоянии навигаторы по интернет-ресурсам отечественных журналов открытого доступа. В ГПНТБ СО РАН для обслуживания читателей создана база данных «Полнотекстовые электронные ресурсы отечественной периодики открытого доступа».

Доступ к различным удаленным отраслевым ресурсам, как отечественным, так и зарубежным, предоставляется в пользование на условиях, зафиксированных в лицензионных соглашениях с правообладателями и поставщиками электронных ресурсов (<http://www.spsl.nsc.ru/el-resursy/>, рис. 1).

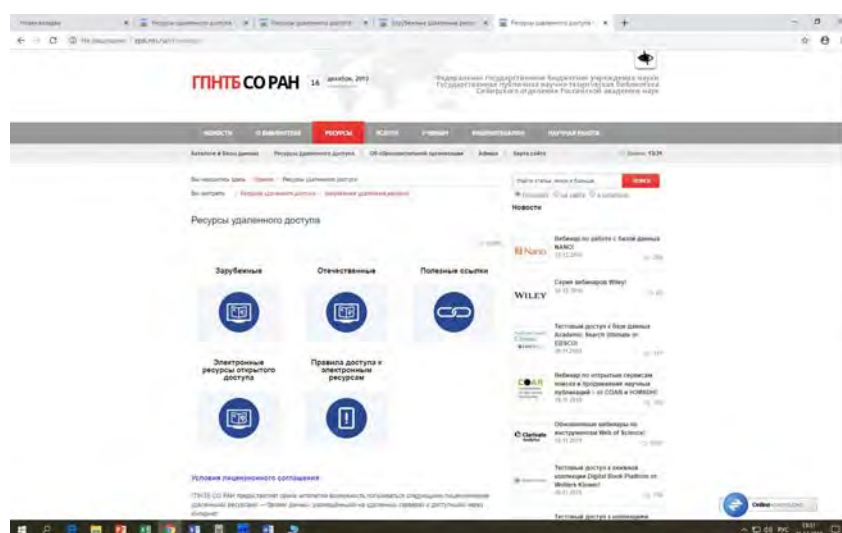

Рис. 1. Информация о ресурсах удаленного доступа, размещенная на сайте ГПНТБ СО РАН

В настоящее время ГПНТБ СО РАН обеспечивает корпоративный доступ к электронно-библиотечным системам (ЭБС), необходимым для функционирования учреждений науки и образования, и эту информацию стоит тоже доводить до представителей вузов, поскольку они также активно используют ЭБС в своей деятельности.

Идеология формирования и использования электронных ресурсов в ГПНТБ СО РАН получила свое отражение в «Стратегии развития доступа к электронным ресурсам ГПНТБ СО РАН на 2019–2021 гг.»¹. Разработка этого документа была обусловлена необходимостью, с одной стороны, целенаправленного формирования внутреннего образовательного пространства библиотеки, а с другой – «встраивания» библиотеки в научно-образовательное пространство региона путем эффективного информационного содействия научным и учебным организациям Сибири, а также ученым, специалистам и студентам, заинтересованным в квалифицированной помощи библиотеки. Одной из задач, определенных в документе, является активный поиск различных форм и способов кооперации и координации с библиоте-

1 Стратегия развития доступа к электронным ресурсам ГПНТБ СО РАН на 2019–2021 гг. // Текущий архив ГПНТБ СО РАН. Новосибирск. 10 с. Рукопись.

ками Академии наук и иных ведомств, создание библиотечных консорциумов (или корпораций) – объединений библиотек для совместной реализации общих целей и задач, в первую очередь связанных с созданием и использованием информационных ресурсов, в том числе и ресурсов открытого доступа.

ГПНТБ СО РАН, с нашей точки зрения, следует активнее пропагандировать в вузах генерируемые отделом научной библиографии базы данных (БД), посвященные ресурсам Сибири, особенно БД «Научная Сибирь: природа, история, экономика, культура, наука Сибири и Дальнего Востока» (1988 –); «Библиографические пособия по Сибири и Дальнему Востоку» (XIX в. –) (подробно см. «Каталоги и базы данных ГПНТБ СО РАН» на сайте организации www.spsl.nsc.ru).

Таким образом, ГПНТБ СО РАН, постоянно расширяя и актуализируя ресурсную базу, совершенствуя методы информирования о ней всех участников научно-образовательного комплекса региона, стремится стать не только важным, но и определяющим структурным элементом общества знаний, поскольку она, с одной стороны, обеспечивает свободный доступ к информации и знаниям, достижениям науки и культуры, а с другой – активно участвует в развитии региональной информационной и коммуникационной инфраструктуры, науки и образования. Практика показывает, что информационное обеспечение образовательных и научных интересов специалистов региона силами научных библиотек нуждается в более высоком уровне интеграции ресурсов и технологий обслуживания, и это направление требует осмысления со стороны библиотечного сообщества.

2. ГПНТБ СО РАН в системе профессионального образования региона

ГПНТБ СО РАН, обладая высоким научным потенциалом (в штате 11 докторов наук и 34 кандидата наук) и сама является активным субъектом образовательной деятельности в библиотечно-информационной сфере.

Заметим, что система библиотечного образования, как и российская система образования в целом, переживает период масштабных преобразований. Меняются концепции и технологии [14], практически ежегодно пересматриваются образовательные стандарты высшего и среднего профессионального образования [15], библиотечные факультеты включают в другие структурные подразделения профильных вузов, получает активное развитие система ДПО на местах, формируется электронная среда в практике обучения [16; 17], образовательные учреждения и библиотеки находят пути совместного развития [18; 19].

ГПНТБ СО РАН, начиная с 1964 г., организует проведение как в самой библиотеке, так и на базе библиотек Сибири курсов переподготовки и повышения квалификации библиотекарей. С 1998 по 2018 г. в структуре ГПНТБ СО РАН действовал Сибирский центр непрерывного библиотечного образования. Изначальной целью его деятельности была консолидация библиотек и вузов региона, осуществляющих подготовку и переподготовку специалистов в области библиотечно-информационной деятельности для развития научного и кадрового потенциала, обеспечения непрерывности образования, оказания помощи учреждениям необходимыми учебными программами и методическими разработками, образовательными услугами, способствующими сокращению расходов библиотек на обучение персонала.

ГПНТБ СО РАН сначала имела региональную лицензию на образовательную деятельность в сфере ДПО (Министерства образования, науки и инновационной политики Новосибирской области) [20], а в 2018 г. ею была получена лицензия Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки – по программе профессиональной переподготовки «Высшие библиотечные курсы. Библиотечно-информационная деятельность» и программам повышения квалификации.

Проведение образовательных мероприятий по актуальным проблемам библиотековедения, библиографоведения, книговедения и информатики в ГПНТБ СО РАН и на базе учреждений других территорий является основным направлением деятельности библиотеки. Другим направлением, приобретающим особую актуальность в условиях интенсивного внедрения инфокоммуникационных технологий, является формирование *сетевых электронных информационных ресурсов по библиотечно-информационной деятельности* (библиографические, полнотекстовые и фактографические базы данных) и обеспечение к ним доступа широкого круга пользователей [21].

Ежегодно на базе ГПНТБ СО РАН повышает квалификацию около 700 сотрудников библиотек Сибири, Дальнего Востока и Урала. В связи с реорганизацией в 2019 г. в библиотеке был сформирован самостоятельный отдел – непрерывного профессионального образования, продолжающий деятельность Сибирского центра непрерывного библиотечного образования по переподготовке и повышению квалификации библиотечных кадров. Активное использование инфокоммуникационных технологий позволило обновить методы и формы обучения – образовательный процесс сейчас строится преимущественно с применением дистанционных технологий.

ГПНТБ СО РАН также сотрудничает с вузами (Новосибирским государственным педагогическим университетом и Новосибирским государственным университетом) в обучении студентов по профильным специальностям.

Являясь учреждением науки, ГПНТБ СО РАН с 1967 г. по настоящее время имеет аспирантуру по подготовке научных кадров высшей квалификации по специальности «Библиотечное, библиографическое и книговедение», до 2014 г. здесь также функционировал институт соискательства (табл. 1).

Таблица 1

Аспиранты и соискатели ГПНТБ СО РАН, 1967–2015 гг.

Аспиранты/соискатели	Поступили	Из них окончили	Защитили диссертации	Защитили диссертации (в % к закончившим)
Аспиранты 1967–2015 гг.	183	126	66	52,4%
2016–2019 гг. ¹	16			
Соискатели 1967–2014 гг.	69	38	28	73,7%
Итого	252	164	94	57,3%

¹Поступившие в аспирантуру с 2016 по 2019 г. еще учатся, поэтому данные об окончании и защитах диссертаций в таблице не отображены.

Факторами, повышающими, на наш взгляд, привлекательность аспирантуры ГПНТБ СО РАН, являются следующие: устоявшееся представление о ГПНТБ как исторически сложившемся центре послевузовского библиотечного образования; наличие фундаментальной научной школы и традиций в подготовке кадров – ГПНТБ как научно-методический и образовательный центр выступает в качестве лидера в Сибирско-Дальневосточном регионе в области библиотечного, библиографического и книговедения, а в последние десятилетия – и в прикладной информатике; высокий уровень научного руководства, система консультирования и оказания методологической и методической помощи, наличие возможности апробации полученных результатов [22].

Аспиранты и соискатели ГПНТБ СО РАН представляют такие территории, как Абакан, Барнаул, Биробиджан, Благовещенск, Кемерово, Красноярск, Кызыл, Новосибирск, Омск, Тобольск, Томск, Тюмень, Хабаровск, Ханты-Мансийск, Южно-Сахалинск, Якутск, др. С 2015 г. в аспирантуре ГПНТБ СО РАН ведется подготовка кадров по направлению 42.06.01 «Средства массовой информации и информационно-библиотечное дело», специальность «Библиотечное, библиографическое и книговедение» (педагогические, исторические науки) на основании новой лицензии и свидетельства о государственной аккредитации.

Важную роль в динамике развития аспирантуры сыграла деятельность совета по защите кандидатских диссертаций по специальности 05.25.03 «Библиотечное, библиографическое и книговедение», на базе которого в 1996–2012 гг. было защищено 92 кандидатских диссертации по педагогическим (60%) и историческим наукам (40%). Наряду со специалистами из Новосибирска, здесь защищали диссертации сотрудники библиотек, преподаватели вузов, работники органов государственного управления из многих территориальных образований Сибири и Дальнего Востока, учебных заведений Урала и даже Москвы [23]. В 2013 г. диссертационный совет при ГПНТБ СО РАН прекратил свою деятельность в связи с тем, что деятельность советов по защите *только* кандидатских диссертаций была прекращена. В настоящее время ведется работа созданию объединенного совета с Челябинским государственным институтом культуры по защите докторских и кандидатских диссертаций по названной специальности. Таким образом, образовательная деятельность ГПНТБ СО РАН, с нашей точки зрения, способствует подготовке научных кадров, переподготовке и повышению квалификации специалистов в области библиотечного, библиографического и книговедения в регионе и в стране в целом.

Выводы. Главной причиной недооценки роли крупной научной библиотеки в формировании информационно-библиотечной среды регионального научно-образовательного пространства нам представляется отсутствие современной модели взаимодействия между всеми акторами регионального научно-образовательного комплекса.

На основе анализа деятельности ГПНТБ СО РАН доказано, что крупная научная библиотека принимает активное участие, наряду с вузами и научно-исследовательскими учреждениями, в формировании научно-образовательного пространства региона/города, в информационном обеспечении профессионального образования, в подготовке профессиональных кадров. Формируя ресурсную базу и предо-

ставляя информацию всем участникам научно-образовательного комплекса, осуществляя образовательную деятельность в сфере подготовки кадров для библиотечно-информационной сферы, ГПНТБ СО РАН способствует развитию региональной системы профессионального образования, является неотъемлемым структурным элементом общества знаний.

Отстаивая свое место в трансформирующемся образовательном пространстве территории, научная библиотека должна целенаправленно преобразовывать под его цели и задачи свое внутреннее образовательное пространство, встраиваясь во внешнее через модернизацию образовательных моделей, их синхронизацию с требованиями современного образовательного процесса. Поскольку региональная система профессионального образования является индикатором развития социально-экономической системы и роста эффективности человеческого капитала территории, научным библиотекам, как и другим субъектам данной сферы, необходимо перманентное изучение всех социальных тенденций, определяющих ее содержательную и структурную трансформацию, в целях актуализации направлений своей деятельности. Перспектива видится в создании адекватной модели взаимодействия библиотек научно-образовательного комплекса для интеграции и диверсификации информационного сопровождения отраслевого и дисциплинарного дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» с изменениями и дополнениями от: 22 февраля, 30 марта, 26 апреля, 11 сентября, 4 октября, 19 декабря 2018 г., 22 января, 29 марта, 11 июня, 14 августа 2019 г. URL: https://base.garant.ru/71848426/5df3cf44452aab7de28d69de5bee2373/#block_37 (дата обращения 22.10.2019).
2. **Тикунова И. П.** Концептуальная модель современной библиотеки: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск, 2007. 18 с.
3. **Козлова Е. И.** Эволюция библиотечных фондов в цифровой среде // Библиотековедение. 2017. Т. 66, №2. С. 229–233.
4. **Паршукова Г. Б.** Информационно-библиотечная среда образовательного пространства региона (на примере Новосибирской области): монография / ГПНТБ СО РАН; Науч. ред. Е. Б. Артемьева. Новосибирск, 2004. 224 с.
5. **Захарова С. С.** Возможности единого научно-образовательного пространства библиотек академических институтов и вузов // Научные и технические библиотеки. 2019. №7 С. 25–36.
6. **Вихрева Г. М., Федотова О. П.** Трансформация образовательного пространства территории как фактор совершенствования деятельности научной библиотеки // Труды ГПНТБ СО РАН. 2019, №4.
7. Государственные вузы Новосибирска. URL: <https://vuz.edunetwork.ru/54/32/?gos=y> (дата обращения 15.12.2019).
8. Правительство Новосибирской области. Научно-образовательный комплекс. URL: <https://www.nso.ru/page/2270> (дата обращения 15.12.2019).
9. Сибирское отделение Российской академии наук. Новосибирский научный центр Сибирского отделения РАН: официальный сайт. URL: <https://www.sbras.ru/ru/organization/2134> (дата обращения 15.12.2019).
10. Библиотеки НИУ СО РАН. Новосибирский научный центр: официальный сайт ГПНТБ СО РАН. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/professionalam/bibliotechnaya-sistema-so-ran/biblioteki-niu-so-ran/> (дата обращения 15.12.2019).
11. Образовательное пространство Новосибирска максимально обеспечено ресурсами. URL: <http://www.edu54.ru/news/list/117410/> (дата обращения: 11.09.2019).
12. **Быкова И. Л., Рычихина Э. Н.** Мониторинг регионального образовательного пространства // Экономика образования. 2013. №4. С. 41–44.
13. **Лакизо И. Г., Подкорытова Н. И., Босина Л. В.** Ресурсы открытого доступа как объект формирования фондов академических библиотек (Опыт ГПНТБ СО РАН) // Научные и технические библиотеки. 2019. №. 5. С. 78–93.
14. Библиотечно-информационное образование: новые концепции и технологии развития: монография / И. С. Пилко, Л. Г. Тараненко, М. Г. Ли, О. В. Абалакова; под науч. ред. И. С. Пилко. М.: Литера, 2014. 304 с.
15. **Клюев В. К.** Модернизация государственных образовательных стандартов и трансформация модели отраслевого обучения: российский опыт // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. 2017. №1. С. 27–29.

16. Дударева Е. Б. Опыт реализации дополнительных программ профессиональной переподготовки «ВБК-дистант» с использованием дистанционных образовательных технологий // Науч. и техн. б-ки. 2017. № 10. С. 81–87.
17. Жегульская Ю. В. Использование электронной образовательной среды в практике обучения студентов направления подготовки «Библиотечно-информационная деятельность» // Образование в сфере культуры и искусства: интеграция науки и практики: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию факультета культуры и искусств ТГУ им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2017. С. 470–481.
18. Каленов Н. Е., Цветкова В. А. Новые вызовы в библиотечно-информационном пространстве: современные кадры – забота самих библиотек // Библиотекосведение. 2017. Т. 66, № 5. С. 587–591.
19. Мазурицкий А. М., Калегина О. А., Кузичкина Г. А. «Витязи на распутье»: библиотеки и библиотечно-информационное образование в поисках вектора совместного развития // Науч. и техн. б-ки. 2017. № 4. С. 61–76.
20. Артемяева Е. Б. Роль Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук в развитии региональной системы дополнительного профессионального образования // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2011. № 3 (27). С. 17–21; Там же. № 4. С. 39–47. DOI 10.20913/1815-3186-2018-4-39-47
21. Артемяева Е. Б., Мандринина Л. А. Информационно-методическое сопровождение библиотечной деятельности: опыт Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук // Вестник культуры и искусств. 2019. № 3 (59). С. 7–18.
22. Гузнер И. А., Гузнер С. С. Аспирантура ГПНТБ СО РАН: время собирать... кадры // Библиосфера. 2008. № 2. С. 71–75.
23. Артемяева Е. Б., Лютов С. Н. Расширение проблематики научных исследований в области регионального книговедения и библиотековедения (по итогам работы диссертационного совета при ГПНТБ СО РАН в 1996–2012 гг.) // Труды ГПНТБ СО РАН. Новосибирск, 2013. Вып. 5: Вклад ГПНТБ СО РАН в развитие отечественного библиотековедения, библиографоведения, книговедения и информатики. С. 335–347.

REFERENCES

1. RF Government Decree of 26 Dec. 2017 № 1642 «About ratification of the State program of the Russian Federation «Education development» with changes and additions of: 22 Febr., 30 March, 26 Apr., 11 Sept., 4 Oct., 19 Dec. 2018, 22 Jan., 29 March, 11 June, 14 Aug. 2019. Available at: https://base.garant.ru/71848426/5df3cf44452aab7de28d69de5bee2373/#block_37 (accessed: 22.10.2019).
2. Tikunova I. P. The modern library conception model: social and philosophic analysis: Cand. Philosoph. sci. thesis. Pomor. State Univ. n. a. M. V. Lomonosov. Arkhangelsk, 2007. 18 p. (In Russ).
3. Kozlova E. I. Library stocks evolution in the digital environment. *Bibliotekovedenie = Library science*, 2017, vol. 66, no. 2, pp. 229–233. (In Russ).
4. Parshukova G. B. *Information-library environment of the regional educational space (on the example of the Novosibirsk region)*: monograph. SPSTL SB RAS; sci. ed. E. B. Artemyeva. Novosibirsk, 2004, 224 p. (In Russ.).
5. Sakcharova S. S. Possibilities of the united scientific-educational space of libraries of academic institutions and universities. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki = Scientific and Technical Libraries*, 2019, no. 7, pp. 25–36. (In Russ).
6. Vikhreva G. M., Fedotova O. P. Transformation of the territorial educational space as the factor of perfecting the scientific library activity. *Trudy GPNTB SO RAN = Proceedings of SPSTL SB RAS*, 2019, no. 4. (In print) (In Russ).
7. State universities of Novosibirsk. Available at: <https://vuz.edunetwork.ru/54/32/?gos=y> (accessed: 15.12.2019).
8. The Government of the Novosibirsk region. Scientific-educational complex. Available at: <https://www.nso.ru/page/2270> (accessed: 15.12.2019).
9. Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Novosibirsk scientific center of the Siberian Branch RAS: official site. Available at: <https://www.sbras.ru/ru/organization/2134> (accessed: 15.12.2019).
10. Libraries of SRI SB RAS. Novosibirsk scientific center: SPSTL SB RAS official site. Available at: <http://www.spsl.nsc.ru/professionalam/bibliotechnaya-sistema-so-ran/biblioteki-niu-so-ran/> (accessed: 15.12.2019).
11. Educational space of Novosibirsk is at most provided with educational resources. Available at: <http://www.edu54.ru/news/list/117410/> (accessed: 11.09.2019).
12. Bykova I. L., Rychikhina E. N. Regional educational space monitoring. *Economica obrazovania = Economy of Education*, 2023, no. 4, pp. 41–44. (In Russ).

13. **Lakizo I. G., Podkorytova N. N., Bosina L. V.** Open access resources as an object of forming academic libraries collections (SPSTL SB RAS experience). *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki = Scientific and Technical libraries*, 2019, no. 5, pp. 78–93. (In Russ).
14. *Library-information education: new concepts and technologies of development*. Monography. Pilko I. S., Taranenko L. G., Li M. G., Abalakova O. V., sci. ed. I. S. Pilko. Moscow, Litera, 2014, 304 p. (In Russ).
15. **Klyuev V. K.** Modernization of the state educational standards and transformation of the field educational model: the Russian experience. *Vestnik biblioteknoi assamblei Evrazii = Bulletin of Eurasian Library Assembly*, 2017, no. 1, pp. 27–29. (In Russ).
16. **Dudareva E. B.** Experience of realizing additional programs of professional re-training «VBC-distant» using distant education technologies. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki = Scientific and Technical libraries*, 2017, no. 10, pp. 81–87. (In Russ).
17. **Zhegul'skaya Yu. V.** Using electronic educational environment in practice of teaching students of the training direction «Library and information activities». *Obrazovanie v Sfere Kultury i Iskusstva: materialy mezhdunarodnykh nauch.-prakt. konf. = Education in the sphere of culture and arts: integration of science and practice: materials of the intern. sci.-pract. conf.*, Tambov, 2017, pp. 470–481. (In Russ).
18. **Kalenov N. E., Tsvetkova V. A.** New challenges in the library-information space: up-to-date stuff is a care of libraries themselves. *Bibliotekovedenie = Library science*, 2017, vol. 66, no. 5, pp. 587–591. (In Russ).
19. **Mazuritskii A. M., Kalegina O. A., Kuzichkina G. A.** «Heroes on the cross-roads»: libraries and library-information education in search for the mutual development vector. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki = Scientific and Technical libraries*, 2017, no. 4, pp. 61–76. (In Russ).
20. **Artemyeva E. B.** State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in developing the regional system of additional professional education. *Vestnik Chelyabinskoi Gosudarstvennoi Akademii Kultury i Iskusstv = Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*, 2011, no. 3 (27), pp. 17–21. (In Russ).
21. **Artemyeva E. B., Mandrinina L. A.** [Information-methodological accompaniment of library activities: State Public Scientific Technological Library experience]. *Vestnik Kultury i Iskusstv = Culture and Arts Herald*, 2019, no. 3 (59), pp. 7–18. (In Russ).
22. **Guzner I. A., Guzner S. S.** SPSTL SB RAS post-graduate studentship: time to collect ... professionals. *Bibliosfera = Bibliosphere*, 2008, no. 2, pp. 71–75. (In Russ).
23. **Artemyeva E. B., Lutov S. N.** Extension of scientific problems in the field of regional book and library sciences (on the results of SPSTL SB RAS dissertation council work in 1996–2012). *Trudy GPNTB SO RAN = Proceedings of SPSTL SB RAS*, 2013, issue 5, pp. 335–347. (In Russ).

Информация об авторах

Артемяева Елена Борисовна – доктор педагогических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом научно-исследовательской и методической работы, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук; профессор, Новосибирский государственный педагогический университет (Российская Федерация, 630 200, Новосибирск, ул. Восход, 15, e-mail: Artemyeva@spsl.nsc.ru)

Вихрева Галина Михайловна – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник отдела научно-исследовательской и методической работы, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 630 200, Новосибирск, ул. Восход, 15, e-mail: Vihreva@spsl.nsc.ru)

Федотова Ольга Павловна – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской и методической работы, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, (Российская Федерация, 630 200, Новосибирск, ул. Восход, 15, e-mail: Fedotova@spsl.nsc.ru)

Статья поступила в редакцию 26.12.19. После доработки 14.02.20. Принята к публикации 2.03.20.

Information about the authors

Elena B. Artemyeva – Doctor of Pedagogical Sciences, Chief Researcher, Head of the Department of Scientific-Research and Methodical Work, State Public Scientific-Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, professor, Novosibirsk State Pedagogical University, (15, Voskhod str. Novosibirsk, 630 200, Russian Federation, e-mail: Artemyeva@spsl.nsc.ru)

Galina M. Vikhreva – Candidate of Pedagogical Sciences, Leading Researcher of the Department of Scientific-Research and Methodical Work, State Public Scientific-Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (15, Voskhod str. Novosibirsk, 630 200, Russian Federation, e-mail: Vihreva@spsl.nsc.ru)

Olga P. Fedotova – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher of the Department of Scientific-Research and Methodical Work, State Public Scientific-Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (15, Voskhod str. Novosibirsk, 630 200, Russian Federation, e-mail: Fedotova@spsl.nsc.ru)

The paper was submitted 26.12.19. Received after reworking 14.02.20. Accepted for publication 2.03.20.

УДК 159.98

СОВРЕМЕННЫЕ МОДИФИКАЦИИ КОНСТРУКТИВИСТСКОГО ПОДХОДА В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ДИДАКТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

П. В. Меньшиков

*Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского»,
Калуга, Российская Федерация, e-mail: edeltanne@list.ru*

Аннотация. В статье рассмотрена проблема исследования дидактической коммуникации обучающего и обучающего в аспекте конструктивистского подхода. Целью работы выступила апробация методики П. Тейлора – Б. Фрейзера – Д. Фишера применительно к выборке русскоязычных обучаемых. Приведены сравнительные характеристики традиционной и конструктивистской моделей дидактической коммуникации, а также данные, касающиеся апробации конструктивистского теста П. Тейлора.

Ключевые слова: дидактическая коммуникация, конструктивистский подход, тест CTLES, представления обучающего о параметрах дидактической коммуникации.

Для цитаты: Меньшиков П. В. Современные модификации конструктивистского подхода в контексте исследований дидактической коммуникации // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 1. С. 3594–3600. DOI: 10.15372/PEMW20200122

DOI: 10.15372/PEMW20200122

MODERN MODIFICATIONS OF THE CONSTRUCTIVIST APPROACH IN THE CONTEXT OF DIDACTIC COMMUNICATION RESEARCH

Menshikov, P. V.

*K. E. Tsiolkovskiy Kaluga State University
Kaluga, Russian Federation, e-mail: edeltanne@list.ru*

Abstract. The article is dedicated to the study of educational communication between the teacher and the trainee on the basis of the constructivist approach. The aim of the work was the approbation of the P. Taylor-B. Fraser-D. Fisher's method with reference to the sample of Russian-speaking trainees. The comparative characteristics of the traditional and constructivist models of didactic communication, as well as the data relating to the approbation of the P. Taylor's constructivist test, are presented.

Keywords: educational communication, constructivist approach, CTLES, trainee's notions about the educational communication.

For quote: Menshikov P. V. [Modern modifications of the constructivist approach in the context of didactic communication research]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 3594–3600. DOI: 10.15372/PEMW20200122

Введение. Среди наиболее влиятельных подходов, в рамках которых предложены объяснительные схемы для анализа реалий практики обучения, не последнее место занимает конструктивистский подход [1; 2; 3; 4]. Для человека, еще не знакомого с данным подходом, суть конструктивизма, в том числе в сфере обучения и педагогической действительности, исчерпывающе отражают основные постулаты.

1. Процесс обучения основан на информации об окружающей действительности, получаемой от наставников и из собственного опыта обучающегося; если новая идея не укладывается в познавательные рамки, обучаемый должен ее постараться реконструировать.

2. В интерпретации явлений окружающей действительности следует различать личностный и социальный аспекты. Социальный аспект связан с обобщением опыта взаимодействия с миром физических предметов и общественными группами, личностный аспект охватывает опыт интеракций с другими личностями.

3. Знание, передаваемое обучаемому, конструируется как «консенсус» внутри группы обучающихся и соотносится с нормами и ценностями этой группы.

4. Вопрос о «истинности» сообщаемого обучаемому знания не может быть решен однозначно, можно лишь говорить о различных интерпретациях окружающей действительности.

Традиционная модель дидактической коммуникации критикуется сторонниками конструктивистского подхода по двум основным пунктам:

1) трансмиссионный характер активности обучающего (то есть главная направленность на процесс передачи учебного содержания, без вовлечения обучаемого в процесс со-творчества, со-авторства и конструирования представлений о социальной реальности);

2) пассивная эпистемологическая установка обучаемого: обучаемый как реципиент знания, сконструированного сообществом обучающихся и воспринятого на веру, без критической оценки и должного осмысления.

В вопросе о степени познавательной свободы обучаемого и границах ответственности обучающего конструктивистский подход распадается на ряд направлений мысли: от умеренного социального конструктивизма до радикального конструктивизма. Если первый лишь усиливает момент релятивности в оценке педагогических явлений и настаивает на большем учете позиций обучаемого, то второй размывает какие-либо субординационные отношения в системе: обучающий-обучаемый и ратует за выстраивание нового типа дидактической коммуникации, жестко не привязанной к традиционной ее модели [5; 6; 7; 8]. На практике обучающему желательно проявить активность в следующих направлениях (сознательно избегаем слова «требуется», поскольку данная лексика противоречила бы духу и букве самого конструктивистского подхода):

1) выстраивать коммуникацию с обучаемым на принципах со-авторства и совместного конструирования знания (в перспективе: модели действительности);

2) рассматривать личность самого обучаемого как определенную «социальную конструкцию»;

3) способствовать формированию коммуникативной сети в ученической группе, направленной на совместное исследование и построение модели окружающей действительности;

4) поощрять критические высказывания обучаемого, его оценки и взаимные оценки в процессе исследования окружающей действительности;

Надо отдать должное разработчикам конструктивистского подхода, поскольку сама схема дидактической коммуникации, которую он декларирует в качестве оптимальной, неплохо конкретизирована. А именно, для обучающего в контексте «конструктивистского занятия» было бы желательно опираться на следующие ориентиры:

Целью нашей работы выступила апробация методики П. Тейлора – Б. Фрейзера – Д. Фишера применительно к выборке русскоязычных обучаемых.

Основные результаты исследования. Дидактическая коммуникация выступает не как сопутствующий феномен взаимодействия обучающего и обучаемого по поводу учебного содержания, а как определенная самоценная реальность, конструируемая самим обучаемым при активном участии обучающего. Усваиваемая информация рассматривается как исходный материал для подобного конструирования, а посему не может приниматься в качестве вне-личностного и вне-временного эталона. Поэтому процесс работы по принятию обучаемым дидактического содержания следует выстраивать в логике поиска, открытого дискурса, поощрения критических суждений обучаемого и его оценивающей активности в отношении окружающей действительности. Насколько учебное содержание поддается именно такому стилю его подачи и интерпретации – вопрос остается спорным, открытым и до сего момента решаемым лишь отчасти на уровне отдельных программ и методических разработок. Общей убедительной теории сообщения учебного содержания сторонниками конструктивистского подхода, на наш взгляд, к настоящему времени еще не создано.

Системой образования Российской Федерации идеи конструктивистского подхода в такой мере, как в ряде зарубежных стран, не восприняты, несмотря на то обстоятельство, что в монографических научных работах, посвященных конструктивизму в обучении, культурно-историческая теория Л. С. Выготского, наряду с работами Дж. Дьюи, Ж. Пиаже, интерпретируется как образчик социального конструктивизма [9; 10; 11; 12].

Нельзя не упомянуть и критические высказывания в адрес данного подхода. Основные «линии обвинения» конструктивизма можно суммировать в следующих тезисах:

1) конструктивистский подход несколько утрирует представление о любом формально-ролевом взаимодействии обучающего и обучаемого как о нечто архаичном, подлежащем устранению или по крайней мере модернизации, что, по-видимому, действительности во всей ее сложности не соответствует;

2) сторонники конструктивизма в обучении имеют довольно смутные представления о практической реализации выдвинутых ими же постулатов;

3) существуют определенные сомнения в том, смогут ли обучаемые в силу возрастных особенностей правильно выбрать ориентиры для обучения и социализации в позитивном ключе, а, стало быть, «сконструировать» для себя модель реальности адаптивного и творческого типа.

Подобные критические замечания мы можем встретить в работах представителей немецкой «коммуникативной дидактики», близкой идеям конструктивизма в обучении.

Кроме того, конструктивистские проблемы дидактического взаимодействия так или иначе становятся важными компонентами многих современных исследований, в более или менее явном виде [13; 14; 15], в том числе в наших собственных исследованиях [16; 17; 18].

Оставляя пока в стороне вопрос о должной теоретической обоснованности конструктивистского подхода, укажем на попытку практического использования его идей применительно к оценке субъективных представлений обучаемых. Речь, в частности, идет о прошедшем практическую апробацию в целом ряде европейских и азиатских стран так называемом Constructivist Translation Environment Survey (CTLES) (другое название – тест П. Тейлора-Б. Фрейзера-Д. Фишера) [3; 4].

Будучи ориентированным на выявление представлений обучаемого, данная методика содержит ряд шкал, созвучных в своем звучании интересующей нас проблеме дидактической коммуникации обучающего и обучаемого. Вопросы методики группируются по следующим шкалам:

- 1) «Персональная релевантность»
- 2) «Неуверенность»
- 3) «Критические суждения»
- 4) «Распределенный контроль»
- 5) «Коммуникация обучаемых»

Несмотря на то что стандартизация конструктивистских методик на отечественной выборке – дело будущего, данная методика может быть использована в решении прикладных вопросов, касающихся исследования субъективных представлений обучаемых о их познавательном окружении и характеристиках дидактической коммуникации. Выборку наших респондентов составили студенты 3 курса Института педагогики Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского (общее число опрошенных 65 человек). Полученные результаты по выборке опрашиваемых представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Результаты опроса выборки студентов с использованием методики П. Тейлора-Б. Фрейзера-Д. Фишера (Taylor, P., Fraser, B., & Fisher, D.).

Шкалы методики	Результаты по выборке респондентов (% утвердительных ответов)
Персональная релевантность 1. Я получаю знания, применимые за пределами учебной аудитории. 2. Мое обучение начинается с анализа проблем, лежащих в окружающей действительности. 3. Изучение проблем, лежащих в окружающей действительности – часть моей жизни. 4. Я на пути к лучшему пониманию проблем окружающей действительности вне учебной аудитории. 5. Я усваиваю интересную информацию и способы интерпретации явлений окружающей действительности. 6. То, что я изучаю, не связано с пониманием проблем окружающей действительности.	 73,7 73,7 31,6 68,4 68,4 5,3
Неуверенность 7. Изучаемые мною концепции не в состоянии дать ответ по всем вопросам, с которыми я могу столкнуться. 8. С течением времени концепции меняются. 9. Область возможного использования теорий зависит от влияния ценностей и мнений. 10. Я за изучение различных концепций. 11. Я думаю, что следует использовать разные подходы для интерпретации явлений окружающей действительности. 12. Подходы к интерпретации явлений могут быть разнообразны.	 52,6 68,4 63,1 73,7 68,4 78,9

Критичность мышления	
13. Для меня естественно задавать обучающему вопрос: «А зачем я должен это изучать?»	73,7
14. Для меня привычно спрашивать о методах, которыми меня обучают.	47,4
15. Мне естественно выразить недовольство тем, что мне не нравится в обучении.	26,3
16. Для меня нормально пожаловаться на то, что для меня создает преграды на пути к учению.	31,6
17. Для меня характерно стремление высказать свое мнение.	52,6
18. Я могу вести разговор о своих правах.	31,6
Распределенный контроль	
19. Я помогаю обучающему планировать мое обучение.	15,8
20. Я помогаю обучающему в оценке моей успешности.	31,6
21. Я помогаю обучающему в выборе удачных для меня форм деятельности.	31,6
22. Я помогаю обучающему удачно выбрать время для моего обучения.	26,3
23. Я помогаю обучающему в решении относительно моей учебной активности.	26,3
24. Я помогаю обучающему на протяжении всего моего обучения.	57,9
Коммуникация обучаемых	
25. У меня есть возможность вступать в коммуникацию с другими обучаемыми.	73,7
26. Я общаюсь с другими обучаемыми по поводу возникающих в учебе затруднений.	63,1
27. Я разъясняю другим обучаемым свое понимание ситуации и свои идеи.	68,4
28. Я прошу других обучаемых разъяснить их точку зрения.	57,9
29. Другие обучаемые просят меня разъяснить мои идеи	57,9
30. Другие обучаемые разъясняют мне свои мысли.	57,9

Как видно из полученных и приведенных нами эмпирических данных, познавательное окружение и аспекты дидактической коммуникации нашими респондентами были оценены неоднозначно и, хотя на сравнительно небольшой выборке опрошенных неправомерно было бы делать выводы об общих тенденциях, касающихся субъективных представлений обучаемых в целом, применительно к данным группам в прикладных целях можно сделать ряд эмпирических умозаключений. А именно, респондентами довольно когерентно и высоко была оценена возможность образования дополнительных линий коммуникации в рамках процесса обучения (сравнительно с другими шкалами высокие показатели по шкале «Коммуникация обучаемых»). В той же мере согласованно наши опрошенные выразили свое субъективное отношение к идее «непреложности» и «незыблемости» изучаемого учебного содержания, обнаружив большую склонность к релятивности рассматриваемых теорий и концепций (в духе конструктивистского подхода). В то же время бросается в глаза общий низкий показатель утвердительных ответов на пункты из шкалы «Распределенный контроль». По шкалам «Персональная релевантность» и «Критические суждения» получены менее однозначные и согласованные суждения.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Дискуссионная по сути идея конструктивистского подхода о необходимости реконцептуализации традиционной модели дидактической коммуникации может и должна быть объектом будущих эмпирических исследований.

2. Методика Б. Фрейзера – Д. Фишера – П. Тейлора (еще не нашедшая широкого использования в практике отечественных исследований) в части своей текстуально-содержательной составляющей оказывается полезной для прикладных исследований, касающихся оценки обучаемыми параметров познавательного окружения и дидактической коммуникации.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Методика П. Тейлора

«Исследование конструктивистской среды обучения»

(Constructivist Learning Environment Survey – CLES)

Шкала «Персональная релевантность»

1. Я получаю знания, применимые за пределами учебной аудитории.
2. Мое обучение начинается с анализа проблем, лежащих в окружающей действительности.
3. Изучение проблем, лежащих в окружающей действительности-часть моей жизни.
4. Я на пути к лучшему пониманию проблем окружающей действительности вне учебной аудитории.
5. Я усваиваю интересную информацию и способы интерпретации явлений окружающей действительности.
6. То, что я изучаю, не связано с пониманием проблем окружающей действительности.

Шкала «Неуверенность»

7. Изучаемые мною концепции не в состоянии дать ответ по всем вопросам, с которыми я могу столкнуться.
8. С течением времени концепции меняются.
9. Область возможного использования теорий зависит от влияния ценностей и мнений.
10. Я за изучение различных концепций.
11. Я думаю, что следует использовать разные подходы для интерпретации явлений окружающей действительности.
12. Подходы к интерпретации явлений могут быть разнообразны.

Шкала «Критические суждения»

13. Для меня естественно задавать обучающему вопрос: «А зачем я должен это изучать?»
14. Для меня привычно спрашивать о методах, которыми меня обучают.
15. Мне естественно выразить недовольство тем, что мне не нравится в обучении.
16. Для меня нормально пожаловаться на то, что для меня создает преграды на пути к учению.
17. Для меня характерно стремление высказать свое мнение.
18. Я могу вести разговор о своих правах.

Шкала «Распределенный контроль»

19. Я помогаю обучающему планировать мое обучение.
20. Я помогаю обучающему в оценке моей успешности.
21. Я помогаю обучающему в выборе удачных для меня форм деятельности.
22. Я помогаю обучающему удачно выбрать время для моего обучения.
23. Я помогаю обучающему в решении относительно моей учебной активности.
24. Я помогаю обучающему на протяжении всего моего обучения.

Шкала «Коммуникация обучаемых»

25. У меня есть возможность вступать в коммуникацию с другими обучаемыми.
26. Я общаюсь с другими обучаемыми по поводу возникающих в учебе затруднений.
27. Я разъясняю другим обучаемым свое понимание ситуации и свои идеи.
28. Я прошу других обучаемых разъяснить их точку зрения.
29. Другие обучаемые просят меня разъяснить мои идеи
30. Другие обучаемые разъясняют мне свои мысли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Милутиновић, Ј. Социјални конструктивизам у области образовања и учења // Зборник Института за педагошко истраживање. Беој, 2011. Vol. 2. Br. 177–194.
2. Nabi A. E. Constructivist Translation Classroom Environment Survey// The International Journal for Translation & Interpreting Research. 2013. Vol. 5 (2). 1 August. P. 163–186. DOI:10.12807/ti.105202.2013.a10
3. Taylor S. Critical realism vs social constructionism & social constructivism: application to a social housing research study // International Journal of Sciences: Basic and Applied Research. 2018. Vol. 37 (2). P. 216–222.
4. Taylor P., Fraser B., Fisher D. Monitoring the development of constructivist learning environments. Paper presented at the annual convention of the National Science Teachers Association, Kansas City, MO, 1993.

5. **Stojanov D.** Konstruktivizam kao paradigma // Institut za pedagoška istraživanja, Beograd. 2005. Vol. 3.
6. **Spaić N.** Geneza i mogućnosti razvijajuće nastave // Pedagogija. Beograd, 2007. Vol. LXII. Br. 4.
7. **Đorđević J.** Teorije i shvatanja o nastavi i razvoju // Pedagoška stvarnost. Novi Sad, 2009. Vol. 50. Br. 9–10.
8. **Štefanc D., Muršak J.** Konstruktivizam in pedagogika // Sodobna pedagogika. Ljubljana 2008. Br. 4.
9. **Выготский Л. С.** Собр. соч.: в 6 т. / под ред. А. М. Матюшкина. М., 1983. Т. 3. 368 с.
10. **Lave J., Wenger E.** Situated Learning. Legitimate Peripheral Participation. UK, 2003. 138 p.
11. **Moll L. C.** Vygotsky and Education. New York: Routledge, 2014. 173 p.
12. **Wenger E.** Communities of Practice: Learning, Meaning and Identity. UK, 1998. 318 p.
13. **Арпентьева М. Р., Меньшиков П. В.** Новые образовательные практики в контексте коммуникативного подхода // Профессиональное образование в современном мире. 2017. №3. С. 1179–1185. DOI: 10.15372/PEMW20170306
14. **Arpentieva M. R., Geraskina P. B., Lavrinenko S. V., Zalavina T. Y., Kamenskaya E. N., Tashcheva A. I.** Directions of psychological research of academic session // Astra Salvensis. Revistă de istorie și cultură (review of history and culture). Salva, 2018. Year VI. Supplement 2. P. 645–663
15. **Bogomolova E. A., Menshikov P. V., Arpentieva M. R., Gorelova I. V., Zalavina T. Yu.** The ability to learn and ability to teach: learning and teaching styles // Advances in Social Science Education and Humanities Research (ASSEHR). Paris, France, Amsterdam, Netherlands: AtlantisPress, 2018. Vol. 198. Proceedings of the International Conference on the Theory and Practice of Personality Formation in Modern Society (ICTPPFMS 2018) / Ed. by D. A. Chinakhov. P. 146–153.
16. **Menshikov P. V., Arpentieva M. R., Braitseva S. V.** Didactic communication in the training of specialists in aerospace engineering // 6th International Forum for Young Scientists «Space Engineering» (Scopus). Сер. 6th International Forum for Young Scientists «Space Engineering» MATEC Web Conference 17–19 April 2018. (Electronic Edition) / V. Borikov, S. Uchaikin, P. Baranov, V. Ivanova, A. Dolgih, I. Minin and O. Minin (Eds.). – Tomsk: National Instruments Russia Corporation, 2018. Vol. 158. № 01 004. 5 p.
17. **Арпентьева М. Р., Меньшиков П. В.** Дидактическая коммуникация: умение учиться и умение учить / под ред. М. Р. Арпентьевой. Калуга: КГУ, 2017. 353 с.
18. **Арпентьева М. Р., Меньшиков П. В.** Новые исследования дидактической коммуникации: умение учиться и умение учить / под ред. М. Р. Арпентьевой. Калуга: КГУ им К. Э. Циолковского, 2017. 424 с.
19. **Меньшиков П. В., Арпентьева М. Р.** Дидактическая коммуникация современные и классические исследования / под ред. М. Р. Арпентьевой. Toronto: Altaspera Publishing, 2018. 341 с.

REFERENCES

1. **Milutinovich J.** Social societies of constructivism in the field of education and study. *Bulletin of the Institute for pedagogical teacher*, Broj, 2011, vol. 2, br. 177–194. (in Serb.)
2. **Nabi A. E.** Constructivist Translation Classroom Environment Survey. *The International Journal for Translation & Interpreting Research*, 2013, vol. 5 (2), 1 August, pp. 163–186. DOI: 10.12807/ti.105202.2013.a10
3. **Taylor S.** Critical realism vs social constructionism & social constructivism: application to a social housing research study. *International Journal of Sciences: Basic and Applied Research*, 2018, vol. 37 (2), pp. 216–222.
4. **Taylor P., Fraser B., Fisher D.** Monitoring the development of constructivist learning environments. *Paper presented at the annual convention of the National Science Teachers Association, Kansas City*, 2013. MO, Kansas City, 1993.
5. **Stojanov D.** Konstruktivizam kao paradigma. *Institut za pedagoška istraživanja, Beograd*, 2005, vol. 3. (in Serb.)
6. **Spaić N.** Geneza i mogućnosti razvijajuće nastave. *Pedagogija*. Beograd, 2007, Vol. LXII, br. 4. (in Serb.)
7. **Đorđević J.** Teorije i shvatanja o nastavi i razvoju. *Pedagoška stvarnost*. Novi Sad, 2009, Vol. 50, br. 9–10. (in Serb.)
8. **Štefanc D., Muršak J.** Konstruktivizam in pedagogika. *Sodobna pedagogika*, Ljubljana, 2008, br. 4. (in Serb.)
9. **Vygotskiy L. S.** Collected Works: In 6 Vols. Moscow, 1983, vol. 3, 368 p. (in Russ.)
10. **Lave J., Wenger E.** *Situated Learning. Legitimate Peripheral Participation*. UK, 2003, 138 p.
11. **Moll L. C. L. S.** *Vygotsky and Education*. New York: Routledge Publ., 2014, 173 p.
12. **Wenger E.** *Communities of Practice: Learning, Meaning and Identity*. UK, 1998. 318 p.

13. **Arpentieva M.R., Menshikov P.V.** New educational practices in the context of a communicative approach. *Professional education in the modern world*, 2017, no. 3, pp. 1179–1185. DOI: 10.15372/PEMW20170306 (in Russ.)
14. **Arpentieva M.R., Geraskina P.B., Lavrinenko S.V., Zalavina T.Y., Kamenskaya E.N., Tashcheva A.I.** Directions of psychological research of academic session. *Astra Salvensis. – Revistă de istorie și cultură* (review of history and culture). Salva, 2018, Year VI. – Supplement 2, pp. 645–663.
15. **Bogomolova E.A., Menshikov P.V., Arpentieva M.R., Gorelova I.V., Zalavina T.Yu.** The ability to learn and ability to teach: learning and teaching styles. *Advances in Social Science Education and Humanities Research (ASSEHR)*. Paris, France, Amsterdam, Netherlands: AtlantisPress, 2018. Vol. 198. Proceedings of the International Conference on the Theory and Practice of Personality Formation in Modern Society (ICTPPFMS 2018). Ed. by D.A. Chinakhov. pp. 146–153.
16. **Menshikov P.V., Arpentieva M.R., Braitseva S.V.** Didactic communication in the training of specialists in aerospace engineering. In: V. Borikov, S. Uchaikin, P. Baranov, V. Ivanova, A. Dolgih, I. Minin and O. Minin (Eds.). *6th International Forum for Young Scientists «Space Engineering»*. *Cep. 6th International Forum for Young Scientists «Space Engineering» MATEC Web Conference 17–19 April 2018*. (Electronic Edition). Tomsk, National Instruments Russia Corporation Publ., 2018, vol. 158, no. 01 004. 1–5 p.
17. **Arpentieva M.R., Menshikov P.V.** *Didactic communication: the ability to learn and the ability to learn*. Ed. M. R. Arpentieva. Kaluga, Tsiolkovskiy Kaluga state university Publ., 2017, 353 p. (in Russ.)
18. **Arpentieva M.R., Menshikov P.V.** *New studies of didactic communication: the ability to learn and the ability to learn*. Ed. M. R. Arpentieva. Kaluga, Tsiolkovskiy Kaluga state university Publ., 2017, 424 p. (in Russ.)
19. **Menshikov P.V., Arpentieva M.R.** *Didactic communication modern and classical research*. Ed. M. R. Arpentieva. Toronto, Altaspera Publ., 2018, 341 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Меньшиков Петр Викторович – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии развития и образования ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского», (Российская Федерация, 248 023, г. Калуга, ул. Разина, д. 26, e-mail: edeltanne@list.ru)

Статья поступила в редакцию 3.04.19. После доработки 22.01.20. Принята к публикации 27.02.20.

Information about the author

Petr V. Menshikov – candidate psychology science, Associate professor, associate professor of the Department of Developmental Psychology and Education at K. E. Tsiolkovskiy Kaluga State University, (26, Razin str., Kaluga, 248 023, Russian Federation e-mail: edeltanne@list.ru)

The paper was submitted 3.04.19. Received after reworking 22.01.20. Accepted for publication 27.02.20.

УДК 371.044.4

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ

В. В. Собольников

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Российская федерация, e-mail: vsobolnikovis@gmail.com
ORCID:0000-0002-5880-7283

Аннотация. В статье рассматривается влияние цифровизации на индивидуальное и массовое сознание. Означивание степени влияния высоких технологий на человека, анализ образа мира, смысла в контексте вероятностного развития виртуальной личности «носителей» цифровизации становится целью исследования. Методологической предпосылкой явились положения виртуалистики обобщенно представленные в виртуальной психологии. Использован парадигмальный подход, где виртуальные реальности признаются в виде различных бытийных форм, определяющих существование множества дополненных реальностей. Методами исследования стали: диалектический, дискурс-анализ и методы виртуальной психологии. Установлено, что современные ИТ-технологии, формируя психологический механизм «порождения новой информации» создают возможности развития виртуальной личности, целенаправленность ее поведения, обеспечивая перевод в новую фазу развития. Определены проблемные зоны деструктивного погружения в виртуальное пространство. Злоупотребляя пребыванием в нем, аддикт может потерять жизненные ориентиры, усвоить нормы делинквентного поведения и криминальной субкультуры. Сделан вывод о необходимости продолжения изучения специфики социализации в интернет-среде, и перспективы развития виртуальной личности. Поиск путей связан с преодолением психологических барьеров возникающих в виртуальном пространстве. Очевидно, возникает потребность разработки системы психосаморегуляции психической деятельности, проработки смыслов, внутренних установок, определении специфика поведения и прогнозирования действий социума. Поэтому, задача формирования виртуальной личности посредством дополненной реальности актуализируется в числе наиболее значимых проблем современной психологии.

Ключевые слова: цифровизация, социализация, означивание, виртуальная личность, образ мира, смысл, ценностные ориентации, дополненная реальность.

Для цитаты: Собольников В.В. Цифровая трансформация как фактор развития виртуальной личности. // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, №1. С. 3601–3610. DOI: 10.15372/PEMW20200123

DOI: 10.15372/PEMW20200123

DIGITAL TRANSFORMATION AS A FACTOR IN DEVELOPMENT OF VIRTUAL PERSONALITY

Sobolnikov, V. V.

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: vsobolnikovis@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5880-7283

Abstract. The article discusses the impact of digitalization on individual and mass consciousness. The designation of the degree of high technologies influence on a person, the image analysis of the world and sense in the context of the probabilistic development of the virtual personality of the «carriers» of digitalization becomes the goal of the study. The virtualistic provisions summarized in virtual psychology were the methodological prerequisites. The paradigmatic approach is used, where virtual realities are recognized in the form of various existential forms that determine the existence of many augmented realities. The methods of research in-

clude: dialectic, discourse analysis and methods of virtual psychology. It has been established that modern IT technologies forming the psychological mechanism of «generating new information» create opportunities for the development of a virtual personality, the purposefulness of its behavior, providing a transfer to a new phase of development. The problem areas of destructive immersion in virtual space are identified. Abusing their stay in it, an addict can lose value orientations, learn the norms of delinquent behavior and criminal subculture. It is concluded that it is necessary to continue studying the specifics of socialization in the Internet environment, and the prospects for the development of a virtual personality. The search for ways is associated with overcoming the psychological barriers that arise in the virtual space. Obviously, there is a need to develop a system of psycho-self-regulation of mental activity, elaboration of meanings, internal attitudes, determining the specifics of behavior and predicting the actions of society. Therefore, the task of forming a virtual personality through augmented reality is actualized among the most significant problems of modern psychology.

Keywords: digitalization, socialization, signification, virtual personality, image of the world, meaning, value orientations, augmented reality.

For quote: Sobolnikov, V. V. [Digital transformation as a development factor virtual personality]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire* = *Professional education in the modern world*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 3601–3610. DOI: 10.15372/PEMW20200123

Введение. Стремительные изменения последних десятилетий в сфере высоких технологий, раскрывают перед психологической наукой новые проблемы, требующие от научного сообщества должного осмысления. Означивание характера такого воздействия Развитие цифровых технологий: больших данных, искусственного интеллекта, виртуальной реальности, «умных» материалов, телеприсутствия, интерфейсов «мозг – компьютер» и других, обнажили вызовы цифрового мира, разрыва между поколениями, обучения через всю жизнь и т.д. Процесс цифровизации сопряжен не только с массой технологических сложностей [3; 13; 19], но в корне трансформирует менталитет, психологическую культуру отношений и психику человека [23]. На принципиально ином уровне потребуются глубокое изучение психологических проблем, связанных с развитием IT-технологий. Будут востребованы знания психологии социальных сетей, виртуальной реальности и нейроинтерфейсов человека и компьютера, искусственного интеллекта, психологии людей-киборгов, людей с имплантированными ложными воспоминаниями и т.п. Особое место при этом занимает проблема вероятностной трансформации человека в рамках развития виртуальной личности. Несмотря на актуализацию вызовов, осознание их важности в психологической литературе фиксируется незначительным числом проектов и публикаций по данной проблематике [4, с. 43–64]. Очевидно, процесс цифровизации получивший определенный импульс в России окажет решающее влияние на все сферы жизнедеятельности человека. Последующая за этим трансформация, порождает новые вызовы для психологии в контексте проблем взаимодействия цифровых технологий и развития виртуальной личности, определения стратегии формирования психологического здоровья человека.

Постановка задачи. Потребовалось совсем непродолжительное время, чтобы ландшафт, начиная от BYOD и внедрения облачных сервисов, в направлении роботизации и автоматизации IT неузнаваемо трансформировался. В октябре 2017 г. на форуме «Открытые инновации», проходящего в Сколково, было заявлено, что Россия свои цифровые разработки начинает продвигать на глобальные рынки и активно взаимодействовать с зарубежными партнерами. Для осознания значимости процесса цифровизации следует обратиться к мнению достаточного числа отечественных и зарубежных экспертов, которыми выделено [19] ряд основных и наиболее важных ее направлений:

(а) **искусственный интеллект (ИИ), развитие которого** в перспективе радикально изменит рынок труда, приведет к переносу части обязанностей миллионам людей на машины, позволив им сосредоточиться на творчестве;

(б) **robotic process futomation (RPA), использование которых** базируется на использовании программных ботов имеющих собственные виртуальные рабочие места;

(в) **кросс-функциональная аналитика на основе** совмещения технологий и данных, способствует децентрализации процесса принятия решений, сокращая время на согласование и повышая уровень сотрудничества между секторами, вовлеченными в процесс, обеспечивая при этом решение вопросов безопасности.

Таким образом, указанные направления раскрывают такие ключевые проблемы как искусственный интеллект, нейроморфные вычисления, этика ИИ, развитие технологий компьютерного зрения, обработки естественного языка, вербальной аналитики, новые методы, и их применение. Проблематика

исследований, становится ориентированной на процессы глобальных изменений связанных с цифровизацией. Создание цифровой инфраструктуры как системы взаимосвязанных баз данных в виде технологий на цифровой основе [18] актуализируют проблему цифровой трансформации общества и ее влияния на человека. В условиях взаимодействия цифровых технологий перед человеком стоит задача, используя возможности предоставляемые цивилизацией найти свое место и перевоплотиться в воображаемый образ – стать виртуальной личностью.

Большинство исследователей согласны с тем, что цифровая инфраструктура является жизненно важным стимулом развития сообщества, особенно когда результаты приводят к повышению мобильности [2]. Однако адаптационные возможности человека не совпадают с ростом новых технологий, что порождает психологические риски. В этой связи отечественными и зарубежными психологами дается не только оценка началу процесса цифровизации, но и ставится в этой связи задача его психологического сопровождения [20]. На основе объединения различных направлений психологического знания наук о мозге, нейробиологии, психологии бессознательного, нейрофизиологии и генетики, исследований на больших выборках, публикаций данных и обеспечении воспроизводимости результатов, становится возможным изучение сложных психологических явлений в реальном цифровом контексте.

Вхождение человека в эпоху глобальных перемен влечет за собой трансформацию не только форм и содержания его жизнедеятельности, но и социальных отношений. Цифровизация как объективный и неизбежный процесс порождает одну из наиболее значимых угроз, в виде перспективы массовой безработицы. Сокращению, вероятно, подвергнется средний класс, поскольку именно их рабочие места в первую очередь будут «замещаться ботами». Трудоспособное население, привыкшее к определенному прожиточному уровню жизни, может, лишившись работы, оказаться «на обочине жизни». Однако, в отдаленной перспективе «цифровая» экономика может открыть для человека широкие возможности для творчества, науки и искусства. В психологическом контексте актуализируется проблема взаимодействия цифровых технологий и развития личности, определения в перспективе контуров ее адаптации и стратегии формирования психологического здоровья человека. Анализ проблемы трансформации человека под влиянием новых технологий на пороге «будущего цифровизации» предполагает ее осмысление и выявление конструктивных идей психологического сопровождения процесса. Поиск путей личностного самоопределения с учетом реальных и перспективных возможностей членов сообщества потребует определенного выбора. Поэтому, означивание степени влияния ИТ-технологий на человека, анализ образа мира, смысла в контексте ценностных ориентаций «носителей» цифровизации становится целью исследования.

Методологическую базу исследования составили принципы: единства социального и психологического в постижении сущности психологических явлений, системного подхода к их изучению. Методологической предпосылкой явились положения виртуалистики обобщенно представленные в виртуальной психологии. В соответствии с целью были определены следующие задачи: (а) отфиксировать некоторые особенности трансформации человека под влиянием цифровизации; (б) определить образ мира и смысла в контексте ценностных ориентаций «носителей» цифровизации (на основе анализа поколения Z).

Для достижения цели и решения задач нами были использованы следующие методы: диалектический, дискурс-анализ и методы виртуальной психологии.

1. Означивание субъектом процесса цифровизации в современных условиях

Целенаправленное и осмысленное пребывание российского социума в рамках движения в направлении цифровизации позволит избежать зависимости от операционной и технологической деятельности отечественной экономики, зарубежных цифровых платформ, технологий и стандартов. Во многом это зависит от характера означивания отношения социума к процессу цифровизации в рамках цикла NBIC-конвергенция (конвергенция нано-, био-, информационных, и когнитивных технологий) [7, с. 189–229]. Более того, означивание не может определяться одним субъектом или смыслом, поэтому обнаруживается в их совокупности. В результате, возникает некий симбиоз создающий означивание и фиксирующий процессуальность обретения смысла отношений. При этом под отношениями нами понимаются «... психические отношения, представляющие собой внутреннюю сторону связи человека с действительностью, содержательно характеризующие личность активного субъекта с его избирательным характером внутренних переживаний и внешних действий, направленных на различные стороны объективной действительности» [11, с. 113]. Возможное означивание всего цифрового многообразия в концептуальном плане становится условием формирования субъектом адекватных моделей будущего. Вычленение им степени значимости этого, позволяет в его психологическом поле обнаружить универсальную информацию понимания будущего собственной субъективности. Считывание объективной реальности, при этом, связано с его внутренними переживаниями феномена цифровизации и становит-

ся возможным при анализе вербализации речи. Создание субъектом виртуального будущего сопровождается означиванием психических явлений, которые фиксируют информацию и формируют основу для конструирования новой. Однако, проявляясь через означивание по-разному, цифровизация может, в одном случае, стать для субъекта реальным фактором управления, в другом – нет. Именно способность означивания возможности функционирования в нем феномена субъективности через развитие виртуальной личности, формирует два диаметрально противоположных варианта восприятия процесса цифровизации.

Особенности означивания явлений цифровизации фиксируют специфику восприятия новой реальности различными группами населения. Характер эмоционально-чувственной и интеллектуальной их оценки, потребности и интересы позволяют через контекст раскрыть фокус направленности. Анализ имеющейся литературы убеждает, что значительная группа исследователей проявляют уверенность в позитивном развитии процесса цифровизации. В тоже время, другие в цифровизации видят средство, направленное на тотальный контроль социума и против пассионарной личности. Так, со ссылкой на принятую Госсоветом КНР (2014) «Программу создания системы социального кредита (2014–2020)» и ее использование в ряде провинций Китая они находят тому подтверждение. В частности, поведение, связи, возможности, направленность и др. каждого жителя в рамках данной программы отслеживается, и оценивается контрольной системой в режиме реального времени, с последующей публикацией рейтинга. В целом, реализация этой программы направлена на «награждение всеми благами лиц оправдавших доверие власти, а утративших доверие ставят под контроль, чтобы они не могли самостоятельно сделать ни шагу» [15].

На наш взгляд, достаточно объективная картина отношения россиян к цифровизации была показана Аналитическим центром НАФИ на основе опроса проведенного в мае 2019. В частности, было выявлено, что **60% из числа респондентов считают себя плохо информированными о цифровизации, а каждый пятый (21%)** вовсе не интересуется данной тематикой. Определяющим стал значительный сегмент респондентов (**до 38%**) **испытывающих тревогу, либо беспокойство при соприкосновении или внедрении современных технологий**. 22% показали неудачный в прошлом опыт использования гаджетов, а 30% глубоко уверены, что технологии не дают новых знаний и не раскрывают возможностей. Более того, 35% убеждено, что развитие IT-технологий представляет в долгосрочной перспективе серьезную опасность. Результаты опроса респондентов из числа женщин, людей старше 60 лет, безработных, сельских жителей, а также лиц с низким уровнем дохода, в целом выявили их негативное восприятие от внедрения новых технологий. Позитивным моментом может стать желание 56% респондентов пройти соответствующее обучение [17].

Результаты анализа, представленные центром НАФИ, убеждают, что **более трети россиян высказывают опасение, связанное с развитием современных технологий**. Так, полагают респонденты цифровизация всех сфер жизнедеятельности, закон о биометрии (досье на личность включая электронную подпись, слепок голоса, скан сетчатки и др.), перевод всего документооборота в цифру, отмена наличных денег резко снижают защищенность личности и порождают негативные чувства. В тоже время, продвижение программы «Цифровая экономика», приведет к изменению сознания людей и установлению новой системы контроля. Информация превратится в прибыльный товар, объединяясь с человеком в единую базу, трансформируя его в **«цифровую личность»** [17]. Интернет-технологии в режиме реального времени смогут отслеживать «цифровые траектории» жизни и деятельности граждан, дифференцировать их в зависимости от способностей освоенных «цифровых навыков и компетенций», оставляя «аутсайдеров» на обочине жизни.

Социальная перспектива является важнейшей ценностью российского социума, где реализуются идеи, надежды, мечты, а также страхи и негативные ожидания того, что может произойти. Однако текущее ее состояние, так или иначе, связано с деятельностью, несущей должную функциональную нагрузку. При этом роль целенаправленной деятельности велика, поскольку определяет динамику и конструктивный характер изменений в социальной перспективе. Очевидно, образ будущего возникает под влиянием временных координат, эмоционально-психических, индивидуально-личностных, социальных процессов и становится мультимодальным конструктом, свойственным как отдельной личности, так и всему социуму в целом [14, с. 26]. Систематическое применение новых IT-технологии обеспечивает формирование в мозге человека новых нейронных связей, изменяя его психику и, по сути, трансформируя личность. В этом плане определенное число исследователей в качестве перспективного к адаптации к условиям цифровизации выделяют поколение молодежи родившихся после 2000-г.г. Так, в ряде работ [8; 10; 16; 20] данный феномен имеет разные названия («поколение Z», «сетевое поколение», «цифровые аборигены» и т.д.). Однако, являясь первым по-настоящему цифровым поколением феномен, раскрывает иную психологиче-

скую природу детей и молодежи, увязывая с полученной ими социализацией к условиям широкого распространения цифровых технологий.

Анализ исследований и публикаций последних лет по данной проблеме обнаруживает методологическую основу в виде теории поколений [14; 16]. Ключевым элементом этой теории стали «поколенческие ценности», которые наряду с общечеловеческими и индивидуальными, формируются в возрасте до 12–14 лет под влиянием общественных отношений, семейного воспитания и т.д. Особенности социализации формируют направленность развития личности, оказывая влияние на жизнь, деятельность и поведение людей. Так, поколение Z, рожденное в период информационно-цифрового бума и эпохи Интернета, было изначально включено в цифровой мир и мобильные технологии. Их характеризует способность работать в скоростном и многозадачном режиме с использованием гибкого графика работы. Проведенное З.В. Якимовой и М.Г. Масиловой исследование на выборке 200 студентов показало, что они обладают общими характеристиками «цифрового поколения». Так, часть жизни ими проживается в режиме online; им свойственно «клиповое мышление», позволяющее выполнять одномоментно несколько функций, быстро ориентироваться в изменениях и обновлениях информации. В то же время наблюдается возможность, лишаящая их работать с большими объемами однородной информации и принимать управленческие решения в контексте системного видения ситуации. В психологическом плане, они склонны к повышенному уровню нейротизма, возбудимости нервной системы, эмоционально не стабильны, проявляют рассеянность внимания, неустойчивость в стрессовых ситуациях. В ситуации конфликта, склонны к компромиссу и не готовы к соперничеству, интуитивности, эмпатии, отстаиванию собственных свобод и точки зрения. Очевидно, просматриваемая специфика мышления и мировосприятия представителей поколения Z [20] предполагает учет их особенностей.

Значимыми являются результаты исследования ментальности представителей «цифрового поколения» с использованием методики измерения ее типа [1, с. 80–88]. В частности, выявлен преобладающий инновационный тип ментальности, с присущей ему социально-психологической характеристикой (независимость от группы, нестабильность, индивидуализм). Респонденты при этом характеризуют свое поколение индивидуалистичным, разобщенным, самостоятельным, открытым переменам, устремленным в будущее, склонным к риску, своевольным и не доверяющим власти и авторитетам. Другие исследователи [10] отмечают, что представители поколения Z, погруженные в виртуальное общение, игнорируют духовную связь между людьми. В результате формируется дефицит общения и межличностной непосредственной коммуникации. Духовное общение является их недостижимой ценностью, а желанием установить дружеские отношения внутри семьи, становятся вновь формируемой ценностью и повышением значимости семьи [21]. Дефицит общения при попытке переосмысления мира обуславливает «включение» посредством подсознания в сферу бессознательного. Систематическое и осознанное проникновение в этот мир является уникальным и ни на что не похожим опытом, который открывается не всем.

Стремительный темп перемен и потребность постоянной включенности в этот процесс раскрывает новые перспективы, но порождает и противоречия. Продукты цифровизации, возможность свободной работы с информацией, привела к изменениям в возрастном развитии нервной системы. Включенность в информационные процессы оказывает влияние на привычки, установки, ценности и образ жизни. Изучение их особенностей актуализирована проблемой устранения рисков, нивелирования отрицательных черт, оказании помощи в преодолении трудностей в развитии, вызванных нахождением в цифровой среде [8, с. 4–7]. Проведенный нами анализ поколения Z в имеющейся психолого-педагогической литературе, раскрывает разноплановый и многоаспектный характер исследований. Вместе с тем несмотря на предпринимаемые исследователями попытки обобщить существующие характеристики поколения Z, по причине отсутствия системных исследований не представляется возможным. Становится очевидным, что это поколение является единственным в плане достаточно быстрой адаптации к специфическим условиям цифровизации. Анализ процесса означивания носителями цифровой культуры показывает степень влияния на него данного процесса, который затрагивает психику субъекта. Трансформация приводит к порождению многоуровневой личности в генезисе (виртуолия), формированию психических новообразований связанных с виртуальной личностью, способной под влиянием цифровизации включаться в инновационный процесс. Иными словами, означивание становится условием функционирования субъекта посредством реализации в нем виртуальной личности. В этой связи перед психологической наукой стоит сложная задача, связанная с более глубоким изучением психологии цифрового поколения и психолого-педагогическим его сопровождением в будущем. Очевидно, потребуется качественно новый подход, в котором определенное место может занять изучение образа мира, смысловой природы и ценностных ориентаций выделенного «носителя» цифровизации и перспектив перевоплощения его личности в новый виртуальный образ.

2. Образ мира, смысл и ценностные ориентации «носителя» цифровизации

Раскрытие психологической природы феномена «носителя» цифровизации как субъекта создания новой информации обуславливает проведение анализа в рамках психологического дискурса. Вербализация ряда теоретических положений в терминах парадигмального подхода (виртуалистики), где виртуальные реальности рассматриваются в виде дополненной реальности, обладающей определенным статусом и раскрывающей многомерность человека, его внутреннего мира и развития виртуальной личности [12]. Поэтому выход на основы и ориентиры психологического дискурса виртуальной психологии подводит к осознанию вероятностного механизма порождения многоуровневой личности в генезисе объекта. Результат означивания проблем цифровизации в сознании человека становится основой нашего исследования, где связь между образом мира и смыслом превращается в методологическую опору анализа ее «носителя». Образ как действующий и образующий фактор поколения Z, оформленный в особую системную определенность, может стать способным, создавая иные образы, творить новый цифровой мир. Будучи во временном плане сложным смысловым новообразованием, образ мира имеет компоненты, играющие важную роль в течение определенного отрезка жизни человека. К их числу следует отнести смысл, изменение отношения которого к действительности (предмету) приводят к модификации субъекта. Смысловая природа человека в известной мере позволяет интегрировать три образующих процесса его развития: деятельность, культуру и личность. Именно смысл обнаруживает причастность человека к предметному миру – поскольку он «становится механизмом, непосредственно отражающим и выражающим динамику изменения этого отношения; он – то в психике человека, что обеспечивает возможность «скачка» в отношении человека и мира» [9, с. 20].

Смысл, будучи по своей природе виртуальным в границах своей логики закладывает адекватный тип цифровой коммуникации, сущность которой проявляется в воссоздании себя из ничего. В коммуникации, «ничего (ничто) не совершается, и в то же время ... именно как ничто коммуникация – само совершенство» [6, с. 201]. Поэтому в виртуальной реальности новые технологии, коммуницируя с цифровой гуманитаристикой, способствуют развитию виртуальной личности. Нейропластичность мозга как результат активизации нейронов повлекших образование новых связей в сопряжении с виртуальной реальностью обеспечивает создание иных образов. В результате происходит моделирование нового мира и формирование психических новообразований человека. Иными словами, дополненная реальность, как итог отражения сознания человека, воздействует на развития виртуальной личности. Структурные сдвиги и трансформация психических процессов, инициируют иные (в том числе измененные) состояния сознания, обуславливая формирование виртуальной личности.

Виртуальная личность, по мнению Т. А. Бондаренко, являясь «производной сознания человека, бестелесна, символична, множественна, обладает именной означенностью и рядом признаков субъекта, например, относительной автономностью действий в виртуальной среде» [1, с. 5]. Однако, выступая в условиях цифровизации объектом, имеет ряд существенных свойств, которыми объективно наделен каждый субъект деятельности и отношений. Поэтому будучи символической, искусственной, такого рода личность одномоментно может выступать частью дополненной реальности. Активная коммуникация в социокультурном пространстве обеспечивает ее взаимодействие на социальном и индивидуальном уровнях во всех сферах социальной жизни. При этом виртуальные явления превращаются в средства как идеального, так и реального бытия, позволяя стать частью виртуального, а затем и материального. В результате, погружаясь в один из множества образов мира виртуального, у человека появляется реальная возможность стать творцом цифрового мира.

Тиражирование субъектом образов нового мира может породить исчезновение границы реального с виртуальным, что допускает вхождение им в новую форму – виртуального бытия. В ней коммуникативная деятельность, реализуясь в пространстве, времени, предметной наполненности цифровой среды, утрачивает свое первоначальное значение. При этом упрощается и становится доступным его участие в информационно-психологическом взаимодействии с другими субъектами. В результате дополненная реальность в транзитивном поле становится творческой средой для человека. Он получает возможность конструирования собственного образа, наполненный трансформностью, обладающего сверхдинамичностью как основы его многократной трансформации. Более того, порождаемые виртуальной средой способности к преумножению становятся прямым следствием формирования полиидентичности личности. Из этого просматривается влияние виртуальной реальности на личность и последующее за этим ее вхождение в состояние бифуркации. В этом состоянии может происходить качественная перестройка системы при флуктуациях ее параметров.

Креативные возможности человека раскрываются с помощью высоких технологий и вариативности поведенческих средств, обеспечивающих отбор паттернов сетевого поведения. Самоконструирование всевозможных образов и их самопрезентация в виде сопряженных реальных и виртуальных образов, обеспечивает

содержательное встраивание в продолженную реальность. Своеобразным образом проявляет себя сознание как психический интегратор внимания, памяти, разных смыслов, опыта человека, его эмоций, восприятия и другие психических проявлений. Большинство исследователей в качестве особенностей сознания поколения Z выделяют наличие клипового мышления; мозаичность сознания; играизацию и имитацию. Поэтому не случайно трансформация сознания осуществляется, посредством редукции (упрощения) характера понимаемого ими окружающего мира в его схематичности. Так, элементарное и отрывочное представление о реальной действительности; инфозависимость, обуславливающее степень миропонимания и поведенческой независимости личности; кризисные явления, наблюдаемые в психике, связанные с бифуркациями и полиидентичностью человека приоткрывают проблемы генезиса виртуальной личности.

В виртуальной психологии такие образы внутреннего мира человека как виртуальные события, продолженная реальность и их совокупности, будучи включенными в понятие «виртуал» существенно не отличаются от внешних образов [12, с. 75]. Так, наделенная многовекторным потенциалом, продолженная реальность оказывает влияние, следствием чего личность претерпевает существенные трансформации, способствуя как личностному развитию, так и обретению деформаций. Генезис человека, по мнению Н. А. Носова, начинается с появлением новой психической реальности, оценивании, при этом, себя и своих возможностей и овладении статусом личности. В виртуале меняется характер функционирования сознания, воли, телесности и т.д. [12, с. 95–99] человека. Он становится выразителем ценностных ориентаций, мотивов и установок виртуальных сообществ. В итоге, сопряженность психологической и компьютерной виртуальных реальностей на фундаментальной психологически осмысленной основе обеспечивают ее становление. Выделенные ранее особенности виртуальной личности наделяют ее анонимностью, свободой идентификации, возможностью презентации ею новых стилей жизни. По мнению Р. Крамера, рост коммуникативных возможностей; доступ к информации и базам данных; саморазвитие; возможность для самовыражения и распространения своего творчества открывают неограниченные перспективы актуализации личности [22, с. 753].

Вместе с тем дефицит реальных контактов в мире оффлайн и внутрисемейного общения в мире; феномен одиночества в сети; внешнее негативное воздействие создают основу личностных деформаций. Одним из проявлений этого может стать патологическое влечение к компьютерным играм и невозможности его удовлетворения в последующем. На сознательном уровне могут возникать также чувства ненужности увлечения компьютерными играми. Очевидно, специфика кибер-пространства и виртуальная реальность могут формировать неадекватное отношение к себе (несоответствие «Я-реальное» и «Я-виртуальное»). Происходит «процесс размывания социальной группы и появление иных идентификаций (много моделей символических миров – эльф, гном, бот и т.д.)» [24, р. 24]. Полная вовлеченность, в условиях состояния напряжения, сопровождающееся игровым «драйвом» при отсутствии признания может привести к информационной перенасыщенности личности. Для аддикта (зависимого) становится характерным изменение ценностных ориентаций, потеря личного контроля, что проявляется в неспособности прекратить игру. Психологический дискомфорт, беспокойство и раздражение становится постоянным состоянием. Имеют место распространение завышенной самооценки при значительной ранимости, сверхчувствительности и зависимости от мнения социума. Более того, могут получать развитие различные формы аддиктивности, диссоциативности (разорванности) в виде идентификации себя в нескольких образах, порождая искусственные имиджи. В результате, человек разобщается, теряет связь с самим собой, естественными желаниями, чувствами и смыслами.

Парадокс настоящего и будущего цифровой революции, по мнению ряда зарубежных исследователей, состоит не только в позитивном развитии социума, но и активизации архаических форм преступности и вероятности появления новых [21; 22; 24]. В современных условиях просматривается значительный рост в виртуальном пространстве молодежи с делинквентным поведением. Краткий перечень проявлений «проступочного» поведения может быть представлен в виде: троллинга (*trolling* – «ловля рыбы на блесну») – провокация в сетевой коммуникации; пранк (*prank* – проказа, выходка, шалость, шутка) – телефонный розыгрыш; экстремальные селфи (*selfie* – сам, себя) – автопортрет на мобильное устройство в экстремальных условиях; кибербуллинг (*cyber-bulling* – виртуальное «быкование») – подростковый виртуальный террор; хакинг (*to hack* – рубить, кромсать) – компьютерный взлом и др. [15] Такой образ поведения, на наш взгляд, находится в корреляции с ценностными ориентациями молодежи. Подтверждение тому можно обнаружить в результатах опроса проведенного Институтом социологии РАН. Так, более половины юношей и девушек, участвовавших в исследовании (59% в возрасте от 18 до 25 лет), в целях достижения успеха в жизни допускают нарушение норм морали и могут пойти на прямой обман. Зафиксировано снижение понимания ответственности как морально-этической ценности, которая приобретает краткосрочный, инструментальный характер. Молодежь делает выбор в пользу работы высокооплачиваемой, но не связанной с высокой ответственностью [5]. Обнаружи-

вается ее повышенная склонность к неоправданному риску и недооценке возможностей негативных последствий делинквентного поведения на фоне перспектив обретения сиюминутных (удовольствия, выгоды, высокая оценка со стороны окружения и др.) преимуществ. Этим обусловлено стремление молодежи к экстремальным развлечениям, опасным формам времяпрепровождения». Для них традиционные образцы, представляемые старшими поколениями, уже не могут служить однозначными ориентирами в принятии решений по принципиальным вопросам.

Подводя итог, можно сделать вывод, что современная молодежь – это поколение, которое быстро отреагировало на запросы времени, адаптировалось к новым требованиям цифровизации. Перед современными исследователями из разных научных областей возникает непростая задача, связанная с более глубоким и системным изучением «цифрового поколения». При этом формирование виртуальной личности носителей цифровизации и отслеживание становления в будущем остается важным направлением современной психологии [6]. Перспектива дальнейшего исследования видится в анализе мер психологического сопровождения представителей поколения Ъ и определении наиболее эффективных форм и методов работы, применимых в современных условиях.

Выводы. Проблемы и сложности профессиональной деятельности человека в цифровом мире имеют системную детерминацию обуславливая тем самым новизну и теоретическую значимость исследования. Очевидно, IT- технологии и виртуальная реальность являясь доминирующими трансформируют профессиональное пространство граждан России. Качественные и количественные изменения приносят в их труд сложности, которые преодолеть, используя старые варианты адаптивного поведения станет невозможным. В более благоприятном положении оказывается поколение Z, члены которого являются наиболее адаптированными к эффективной деятельности в цифровом пространстве. Условием развития цифрового сознания выступает система необходимых качеств вытекающей из специфики психологического анализа влияния фактора цифровизации на формирование виртуальной личности. Преобразование личности в новых условиях базируется на осмыслении и означивании влияния этого процесса на личность. Проведенный анализ образа мира, смысловой природы и фрагментов ценностных ориентаций «носителей» цифровизации смоделировать вероятностный путь их становления и превращения в виртуальную личность. Перспектива дальнейшего исследования видится в анализе мер психологического сопровождения представителей поколения Ъ и определении наиболее эффективных форм и методов работы, применимых в современных условиях. Поиск путей связан с преодолением психологических барьеров возникающих в виртуальном пространстве. Очевидно, возникает потребность разработки системы психосаморегуляции психической деятельности, проработки смыслов, внутренних установок, определении специфики поведения и прогнозирования действий социума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бондаренко Т. А.** Трансформации личности в условиях виртуальной реальности. Ростов-н/Д: ДГТУ, 2006. 50 с.
2. Введение в «Цифровую» экономику / А. В. Кешелава В. Г. Буданов, В. Ю. Румянцев и др.; под общ. ред. А. В. Кешелава; гл. «цифр.» конс. И. А. Зимненко. ВНИИ «Геосистем», 2017. 28 с. (На пороге «цифрового будущего». Книга первая)
3. «Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Технологии виртуальной и дополненной реальности». Утвержден план Президиумом правительственной комиссии по цифровому развитию и использованию информ. технологий. 14 октября 2019 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335562/ (дата обращения 22.08.2019)
4. **Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В.** Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. // Ярославский педагогический вестник. 2016. Т. 37. №5. С. 177–192.
5. **Зарубина Н. Н.** Этика ответственности современной российской молодежи // Вестник МГИМО (У). 2012. №6. С. 250–258.
6. **Клюканов И. Э.** Коммуникативный Универсум. М.: РОССПЭН, 2010. 256 с.
7. Коротаев А. В., Цирель С. В. Кондратьевские волны в мировой экономической динамике // Системный мониторинг. Глобальное и региональное развитие / ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев. М.: Либроком / URSS, 2009. С. 189–229.
8. **Кулакова А. Б.** Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. №2 (42). С. 1–10.
9. **Леонтьев А. А.** Психическое как «островки безопасности в гераклитовом потоке» // Мир психологии. 2009. С. 11–20.
10. **Лумпиева Т. П., Волков А. Ф.** Поколение Z: психологические особенности современных студентов. URL: <http://ea.donntu.org:8080/handle/123456789/21748> (дата обращения 22.08.2019)

11. **Мясищев В.Н.** Психология отношений. М.: Ин-т практ. психологии; Воронеж: МОДЭК, 1998. 362 с.
12. **Носов Н.А.** Виртуальный человек // Виртуальная психология. М.: Аграф, 2000. С. 73–110.
13. Образ будущего в оценках нового поколения россиян: монография / В.В. Гаврилюк, Л.Л. Мехришвили, Н.И. Скок, Х.Н. Садыкова, Ш.Ф. Фарахутдинов, В.В. Маленков, Т.В. Гаврилюк, О.Л. Сотков, И.Н. Голиков. Тюмень, 2016. 166 с.
14. Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 328 с.
15. **Песоцкий А.** Наше будущее – цифровизация человека. URL: <https://pesotskiy.livejournal.com> (дата обращения: 2.11.2019).
16. **Пищик В.И.** Поколения: социально-психологический анализ ментальности // Социальная психология и общество. 2011. №2. С. 80–88.
17. Пресс-релиз НАФИ «Уровень цифровой грамотности россиян растет», 29.03.2019. URL: <https://nafi.ru/analytics/uroven-tsifrovoy-gramotnosti-rossiyan-rastet-en-digital-literacy-of-russians-is-growing/> (дата обращения: 12.10.2019).
18. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71634878/> (дата обращения: 19.10.2019).
19. Стельмах С. Цифровая трансформация-2018: пять основных трендов. PC Week №15 (936) 19 декабря 2017. URL: <https://www.itweek.ru/digitalization/article/detail.php?ID=199022> (дата обращения: 27.10.2019).
20. Юревич А.В., Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Цифровая революция и будущее психологии: к прогнозу развития психологической науки и практики. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document594.pdf> (дата обращения: 17.10.2019).
21. **Якимова З.В., Масилова М.Г.** Поколение Z как потенциальный сегмент рынка труда // Азимут Научных Исследований: Педагогика и Психология. 2017. №4 (21). С. 341–345.
22. **Brooks D.** What's the Matter With Kids Today? Not a Thing. The New York Times. Nov. 5. 2000. URL: <http://www.nytimes.com/2000/11/05/books/what-s-the-matter-with-kids-today-not-a-thing.html> (дата обращения 3.10.2019).
23. **Cramer P.** Ego functions and Ego development: Defense mechanisms and intelligence as predictors of Ego level // Journal of Personality. 1999. Vol. 67 (5). P. 735–760.
24. Personality Processes and Individual Differences, M. Mikulincer and P.R. Shaver (Editors-in-Chief). N. Y.: APA, 2015. P. 665–689.
25. **Janoff-Bulman R., Timko C.** Coping with traumatic life events: The role of denial in light of peoples assumptive worlds // Coping with negative life events / ed. by C.R. Snyder, C.E. Ford. N. Y., 1987. P. 135–159.

REFERENCES

1. **Bondarenko T.A.** *Personality transformations in virtual reality*. Rostov-on-Don, DSTU Publ., 2006, 50 p.
2. Introduction to the «Digital» economy. Eds A.V. Keshelava V.G. Budanov, V.Yu. Rumyantsev and others; under the general. ed. A.V. Keshelava ch. «Digits.» cons. I.A. Zimnenko. All-Russian Research Institute of Geosystems, 2017. 28 p. (On the threshold of the «digital future.» Book One)
3. «Roadmap for the development of» end-to-end «digital technology» Virtual and Augmented Reality Technologies“. The plan was approved by the Presidium of the government commission on digital development and the use of information technologies. October 14, 2019 Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335562/ (accessed 08.22.2019)
4. **Zhuravlev A.L., Nestik T.A., Yurevich A.V.** Forecast of the development of psychological science and practice by 2030. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2016, vol. 37, no. 5, pp. 177–192.
5. **Zarubina N.N.** Ethics of responsibility of modern Russian youth. *Vestnik MGIMO (U)*, 2012, no 6, pp. 250–258.
6. **Klyukanov I.E.** *Communicative Universum*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 256 p.
7. **Korotaev A.V., Tsirel S.V.** Kondratieff waves in world economic dynamics. *System Monitoring. Global and regional development*, ed. D.A. Khalturin, A.V. Korotaev. Moscow, Librocom Publ., URSS Publ., 2009, pp. 189–229.
8. **Kulakova A.B.** Generation Z: theoretical aspect. *Issues of Territorial development*, 2018, no. 2 (42), pp. 1–10.
9. **Leontiev A.A.** Mental as «islands of security in the Heraclitic stream». *World of Psychology*, 2009, pp. 11–20.

10. **Lumpieva T. P., Volkov A. F.** Generation Z: psychological characteristics of modern students. Available at: <http://ea.donntu.org:8080/handle/123456789/21748> (accessed 08.22.2019)
11. **Myasischev V. N.** *Psychology of relations*. Moscow, Institute of Pract. Psychology Publ., Voronezh, MODEK Publ., 1998, 362 p.
12. **Nosov N. A.** Virtual person. *Virtual psychology*. Moscow, Agraf Publ., 2000, pp. 73–110.
13. The image of the future in assessments of the new generation of Russians: monograph. V. V. Gavriluk, L. L. Mehrishvili, N. I. Skok, H. N. Sadykova, Sh. F. Farakhutdinov, V. V. Malenkov, T. V. Gavriluk, O. L. Sotkov, I. N. Golikov. Tyumen, 2016, 166 p.
14. Fathers and Sons: Generational Analysis of Modern Russia. Comp. Yu. Levada, T. Shanin. Moscow, New Literary Review Publ., 2005, 328 p.
15. **Pesotsky A.** Our future is the digitalization of man. Available at: <https://pesotskiy.livejournal.com> (accessed: 2.11.2019).
16. **Pishchik V. I.** Generations: a socio-psychological analysis of mentality. *Social Psychology and Society*, 2011, no. 2, pp. 80–88.
17. NAFI press release «The level of digital literacy of Russians is growing», 03/29/2019. Available at: <https://nafi.ru/analytics/uroven-tsifrovoy-gramotnosti-rossiyan-rastet-en-digital-literacy-of-russians-is-growing/> (accessed: 10.12.2019).
18. The program «Digital Economy of the Russian Federation». Approved by Order of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 No. 1632. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71634878/> (accessed: 10/19/2019).
19. **Stelmakh S.** Digital Transformation-2018: five main trends. PC Week No. 15 (936) December 19, 2017. Available at: <https://www.itweek.ru/digitalization/article/detail.php?ID=199022> (accessed: 10.27.2019).
20. **Yurevich A. V., Zhuravlev A. L., Nestik T. A.** Digital revolution and the future of psychology: towards the forecast of the development of psychological science and practice. Available at: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document594.pdf> (accessed: 10.17.2019).
21. **Yakimova Z. V., Masilova M. G.** Generation Z as a potential segment of the labor market. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2017, no. 4 (21), pp. 341–345.
22. **Brooks D.** What's the Matter With Kids Today? Not a Thing. The New York Times. Nov. 5. 2000. Available at: <http://www.nytimes.com/2000/11/05/books/what-s-the-matter-with-kids-today-not-a-thing.html> (accessed 3.10. 2019).
23. **Cramer P.** Ego functions and Ego development: Defense mechanisms and intelligence as predictors of Ego level. *Journal of Personality*, 1999, vol. 67 (5), pp. 735–760.
24. Personality Processes and Individual Differences, M. Mikulincer and P. R. Shaver (Editors-in-Chief). N. Y., APA Publ., 2015, pp. 665–689.
25. **Janoff-Bulman R., Timko C.** Coping with traumatic life events: The role of denial in light of peoples assumptive worlds. *Coping with negative life events*. Ed. by C. R. Snyder, C. E. Ford N. Y., 1987, pp. 135–159.

Информация об авторе

Собольников Валерий Васильевич – доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии и истории психологии, Новосибирский государственный педагогический университет (630 126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, 28, e-mail: vsobolnikovis@gmail.com)

Статья поступила в редакцию 18.12.19. После доработки 14.02.20. Принята к публикации 2.03.20.

Information about the author

Valery V. Sobolnikov – Doctor of Psychology, Professor at the Chair of General Psychology and History of Psychology at Novosibirsk State Pedagogical University, (28 Viluyskaya str., 630 126, Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: vsobolnikovis@gmail.com)

The paper was submitted 18.12.19. Received after reworking 14.02.20. Accepted for publication 2.03.20.

УДК 378.147 + 658.512+159.98

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БАЛЛЬНО-РЕЙТИНГОВОЙ СИСТЕМЫ ОЦЕНКИ ТРУДА СОТРУДНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

М. Р. Арпентьева

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
Калуга, Российская Федерация, e-mail: mariam_rav@mail.ru

Аннотация. Цифровая безопасность в современном мире – один из ведущих практических и теоретических трендов. Множество практиков и теоретиков работает над совершенствованием цифровой безопасности, обычно полностью игнорируя издержки собственных этого весьма нужного, но не столько однозначного, как это представляется государству и транснациональным корпорациям, спонсирующим данные исследования, процесса. Цель исследования – анализ социально-психологических аспектов применения ИКТ в управлении вузовским и школьным образованием. Методика и методология исследования. В работе осуществлен теоретический анализ проблемы социально-психологических опасностей использования ИКТ в управлении вузовским и школьным образованием, подведены итоги включенных и не включенных наблюдений за процессами и результатами внедрения балльно-рейтинговой системы и применения ИКТ в университетском образовании. Результаты исследования. Разработанные и внедряемые с целью оптимизации процессов управления и повышения доступности образования в школах вузах системы «виртуальной школы» и «виртуального университета» сталкиваются с серьезными социально-психологическими и управленческо-правовыми проблемами. Одна из ведущих – проблема спорадического или системного нарушения личностной и организационной безопасности. Эта проблема возникла не только потому, что отсутствует культура взаимоотношений в цифровой среде. Она возникла потому, что нравственные, конвенционально-ритуальные и юридические нормы и в реальном, и в «виртуальном» мире перестали быть действительными регуляторами отношений. Реальными регуляторами в данной среде выступают нормы коммодифицировавшего все стороны своего бытия сообщества. Стоящая перед педагогами, администрациями, государством задача восстановления российского образования как лучшего образования в мире, восстановление обращения как сферы культуры, а не бизнеса, переориентация образования на развитие личности и культуры, а не обслуживание даже самых лучших «прямых» нужд производства и экономики, – действительно сложна. Нравственно осмысленное и опирающееся на нравственные нормы, партисипативные, развивающие технологии образование, однако, – не недостижимое будущее, а развитая традиция, поддержать и восстановить которую готовы и исследователи, и педагоги.

Ключевые слова: безопасность, цифровая безопасность, форсайт образования, балльно-рейтинговая система, облачные технологии, злоупотребление полномочиями.

Для цитаты: Арпентьева М. Р. Социально-психологические проблемы балльно-рейтинговой системы оценки труда сотрудников образовательных учреждений // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 1. С. 3611–3619. DOI: 10.15372/PEMW20200124

DOI: 10.15372/PEMW20200124

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF THE POINT-RATING SYSTEM FOR EVALUATING EMPLOYEES' WORK IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Arpentieva M. R.

K. E. Tsiolkovskiy Kaluga State University
Kaluga, Russian Federation
e-mail: mariam_rav@mail.ru

Abstract. *Digital security in the modern world is one of the leading practical and theoretical trends. Many practitioners and theorists are working to improve digital security, usually completely ignoring the costs of this process, which is very necessary, but not as univocal as it is presented to the state and transnational corporations (TNCs) sponsoring the research. The purpose of the study is to analyze the socio-psychological aspects of the use of information and communication technologies (ICT) in managing university and school education. Research methodology and techniques. The paper presents the theoretical analysis of the problem of the socio-psychological dangers of using ICT in managing higher education and school education; it also summarizes the included and non-included observations over the processes and results of the implementation of the point-rating system and the use of ICT in university education. The results of the study. The systems «Virtual school» and «Virtual university», developed and implemented in order to optimize managing processes and increase the accessibility of education in schools and universities, face serious socio-psychological, managerial and legal problems. One of the main problems is the problem of sporadic or systemic violation of personal and organizational security. This problem arose not only because there is no culture of relationships in the digital environment. It arose because moral, conventional- ritual and legal norms both in the real and in the «virtual» world, ceased to be real regulators of relations. The real regulators in this environment are the norms of the community that modifies all aspects of its existence. Teachers, administrations, the state face a really complicated challenge, which is to restore Russian education as the best education in the world, restore it as a sphere of culture, not business, re-orientate education to develop individual and culture, and not serve even the best «direct» needs of production and economics. However, morally meaningful and based on moral standards, participatory, developing educational technologies are not the unattainable future, but a developed tradition, which researchers and teachers are ready to support and restore.*

Keywords: *security, digital security, foresight education, point-rating system, cloud technologies, abuse of authority.*

For quote: *Arpentieva M. R. [Social and psychological problems of the point-rating system of estimation of labor in educational institutions]. Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 3611–3619. DOI: 10.15 372/PEMW20 200 124*

Да будет воля Твоя, не слышащий голос плача, сделай для нас хоть это – сложи слезы наши в кожаный мех Твой. Сохрани эти страницы слез в дорожной суме бытия, и да попадут они в правильные руки и совершат свое исправление

А. Левите, Освенцим

Введение. Современный университет и современная школа все больше становятся «виртуальными». Помимо широкого внедрения информационно-коммуникационных технологий (information and communication technologies, ИКТ), виртуализация затрагивает такой пласт работы учреждений образования, как симуляция учебно-профессиональных и интимно-личностных отношений субъектов. Из университетских и школьных отношений уходят любовь старших к младшим и стремление их чему-то важному и значимому научить, исчезает воспитать достойных и самостоятельных людей, разрушается любовь педагогов к ученикам, разрушаются или даже не формируются умения учить и учиться. Внедрение облачных и иных технологий создания единой цифровой среды школы и вызывает вместо оптимизации отношений и процессов обучения и воспитания, многочисленные проблемы нарушения безопасности и коррупции. Если культура взаимоотношений в реальной среде отчасти выработана, то в среде виртуально-цифровой она все еще отсутствует. Ресентимент и буллинг, «обеспеченные», помимо собственно «административного ресурса» и мощью современных ИКТ, выводят насилие в образовательных учреждениях на новый уровень, уровень, который неловко, но точно передан в понятии «электронный концлагерь». На наш взгляд, чтобы раскрыть сущность отношений в «электронном концлагере», необходимо обратиться к работам исследователей, прошедших обычные и «экспериментальные» тюрьмы и концлагеря (Б. Беттельгейм, В. Франкл, А. Кемпински, Ф. Зимбардо и др.) [1], буллинг и травлю на работе, в семье, в социуме, проанализировать современные модели управления организацией и обществом, отражающие идею такого «мобильного концлагеря» и активно внедряемые или уже внедренные в настоящее время в менеджменте в образовательных и иных организациях ряда стран (Япония, Китай, США, Великобритания).

Цель исследования – анализ социально-психологических аспектов применения ИКТ в управлении вузовским и школьным образованием.

Методика и методология исследования. В работе осуществлен теоретический анализ проблемы социально-психологических опасностей использования ИКТ в управлении вузовским и школьным образованием, подведены итоги включенных и не включенных наблюдений за процессами и результатами внедрения балльно-рейтинговой системы (БРС) и применения ИКТ в университетском образовании.

Результаты исследования. Разработанные и внедряемые с целью оптимизации процессов управления и повышения доступности образования в школах вузах системы «виртуальной школы» и «виртуального университета» сталкиваются с серьезными социально-психологическими и управленческо-правовыми проблемами [2; 3; 4; 5]. Одна из ведущих – проблема спорадического или системного нарушения личностной и организационной безопасности. Эта проблема возникла не только потому, что отсутствует культура взаимоотношений в цифровой среде. Она возникла потому, что нравственные, конвенционально-ритуальные и юридические нормы и в реальном, и в «виртуальном» мире перестали быть действительными регуляторами отношений. Реальными регуляторами в данной среде выступают нормы коммодифицировавшего все стороны своего бытия (включая «нравственность», «закон», «образование», «культура», «безопасность» и т.д.) сообщества. Естественным образом, такая коммодификация привела к тому, что субъекты с большими капиталами (финансовыми, материально-физическими, социальными, человеческими, культурными) и с доступом к управлению капиталами начали стремиться контролировать процессы и результаты обмена таким образом, чтобы максимизировать личную и организационную прибыль, исходя из простого понимания того, что выбранная ими модель отношений не является вечной, но, напротив, требует форсирования и максимального усиления (в качественном и количественном планах). Соблазн легкой и быстрой наживы, рожденный иллюзией отсутствия границ: юридических, нравственных и конвенциональных норм, препятствующих злоупотреблениям «системами безопасности» и «системами поощрения», не только возникает в процессе применения ИКТ. Напротив, данный соблазн и был тем источником, который форсировал разработку ИКТ. Если мы, например, сравним состояние технологий во многих иных сферах, то они не ушли дальше середины XX века. ИКТ же прогрессирует и прогрессирует, благодаря цели, стоящей над ними. Естественным образом, эта цель улавливается менеджерами образовательных и иных организаций, и, в отсутствие реального участия членов организации в принятии уставов организации, этических стандартов и иных нормативов труда, рождает вседозволенность. Вседозволенность быстро переводит отношения от более или менее спорадических прецедентов внутриорганизационного и межорганизационного шпионажа и нарушения прав сотрудников, к системному нарушению в целях тотального контроля не только профессиональной, но и личной жизни сотрудников: граница между профессиональными и личными сферами информации, благодаря современным цифровым «реестрам», «банкам данных» и «облакам» практически не существует. Наряду с балльно-рейтинговой системой, созданной якобы только в целях стимулирования труда работников, облачные технологии используются для изыскания причин и способов травли и преследования «неудобных» (как в рамках известной социально-психологической модели «козла отпущения», на которого сбрасывается накопленный запас внутриорганизационной агрессии, так и в рамках целенаправленных программ «организационных оптимизаций»). Типичной, например, выступает ситуация незаконного взлома и незаконного использования информации о человеке, в том числе в рамках ее широкого распространения внутри и вне университета. ИКТ нередко применяются в целях, нарушающих законы об информации и Конституцию, однако, поскольку их применение контролирует бюрократический аппарат, являющийся, по сути, основным источником этих законов, постольку, никаких последствий, кроме достижения его представителями собственных целей, не возникает. Взломы практикуются в самых разных целях: от обычной «экономии» фонда заработной платы, до направленного преследования «инакомыслящих» и формирования послушной воле менеджеров и неспособной к самостоятельному мышлению и поведению «биомассы». Облачные технологии, применяемые во многих школах и вузах, наряду с применением «БРС» – балльно-рейтинговой системы оплаты труда формируют полностью рабское поведение и сознание сотрудников, а также студентов. Извлеченные данные используются для организации шантажа и подавления попыток сопротивления преступлениям и нарушениям, широко распространенным в современном образовательном бизнесе России ТК, УК и АК РФ, внутренних документов и регламентов организации, по отношению ко всем или отдельным сотрудникам, для расправ с неудобными и т.д.

Естественным образом, все эти нарушения оказываются «нормализованными», легитимизируются, поскольку они, якобы: 1) существенно «оптимизируют» работу учреждения; 2) «обеспечивают безопасность» работы учреждения; 3) являются свидетельством «прогресса» и развития учреждения.

Здесь необходимо вернуться к истокам данной системы. Многие ее постулаты были заложены в Японии [6; 7]. Японская система менеджмента предложила целый ряд технологий и процедур, превращающих сотрудника организации в существо, абсолютно подконтрольное ее менеджерам. Спустя

некоторое время, Китай освоил данные технологии, обеспечив себе длительный и интенсивный экономический рост за счет не менее интенсивной и длительной культурной деградации. В истории Китая, как и истории Японии, эти «деградации», однако, таковыми не считались и не считаются: гуманные отношения между людьми всегда имели определенный «предел», который государство нарушало при любом удобном случае. Неудивительно, что деградация привела, с одной стороны, к росту девиантных форм поведения, отношения и жизни, росту преступности, а, с другой стороны, позволила ввести новую, еще более жесткую, чем до этого, систему управления населением, которое в ином случае, могло бы увидеть все просчеты «китайского экономического чуда». Введенная в 2018 году в Китае (опирающаяся на значительный опыт японских компаний) пилотажная система социальных кредитов (первая открыто и массово введенная модель «электронного концлагеря»), регистрирует малейшее отклонение человека в которой от «нормы» и, тем более от «социально желательных» 400 000 параметров. Эти параметры собраны в четыре основных группы, а именно 1) честность в государственных делах; 2) коммерческая добросовестность; 3) поведение в обществе; 4) судебная история) карается потерей «баллов», «кредитов доверия», зарплаты, возможности и развиваться и что-то делать вообще [7; 8]. Санкции в отношении граждан со стороны государства в Китае охватывают ряд показателей: 1) запрет на работу в госучреждениях; 2) отказ в социальном обеспечении; 3) особо тщательный досмотр на таможне; 4) запрет на занятие руководящих должностей в пищевой и фармацевтической промышленности; 5) отказ в авиабилетах и спальном месте в ночных поездах; 6) отказ в местах в дорогих гостиницах и ресторанах; 7) запрет на обучение детей в дорогих частных школах (таким образом, система имеет проектирующую и моделирующую направленность – нацелена на изменение настоящего и будущего человека и его рода, и, таким образом, естественно нацелена на стирание прошлого, в котором человек еще был личностью).

Балльно-рейтинговая система оценки труда преподавателей и ученых в российских образовании и науке не содержит в явном виде таких «санкций», однако, таковые легко обнаруживаются: начиная от 1) вынесения дисциплинарных взысканий с лишением заработной платы, заканчивая 2) публичным ostracism и травлей, 3) увольнением и попытками / угрозами (шантаж и т.д.) уголовного преследования с целью запрета на научно-исследовательскую, педагогическую и т.п. профессиональную самостоятельную, инициативную, качественную деятельность, а также с целью получения руководящим аппаратом удовольствия насилия и реализации иных, не связанных с профессиональными потребностей. Последние, однако, в высоко коррумпированном и нацеленном на получение экономических прибылей и властных полномочий больше, чем на развитие личности и культуры, образовании России, – самое важное. Однако, как отмечалось, помимо наслаждения насилием и уничтожением потенциального оппонента, система осуществляет ряд других, более серьезных в стратегическом отношении, задач. Сегрегация профессионалов по вымышленным и надуманным поводам ведет к «депрофессионализации». В кризисном обществе с постоянно сокращающимся количеством рабочих мест, такая «депрофессионализация» быстро приводит к коллапсу индивидуальной жизни. Личность превращается в компонент «биомассы», из страха поражения, потери благополучия или жизни согласной на все, в том числе на любое преступление ради того, чтобы сохранить жизнь и благополучие, а также одобрение «Большого брата» (Дж. Оруэлл), «всевидящего ока» и иных жителей тюрьмы-паноптикума И. Бентама [9; 10; 11].

Человека «убирают с доски», освобождая невыплаченные ему средства, для тех, кто так эффективно защищает от попыток осознания и свободы других сотрудников организации. Помимо экономической выгоды в России – стране со сверхразвитым инстинктом «административного восторга» («синдрома вахтера», почитания власти и деньги имущих), уничтожение оппонента (даже и особенно невинного) составляет значительное удовольствие расправы самой по себе. Это происходит по нескольким причинам: помимо отреагирования инстинкта уничтожения и периодического сброса агрессии, система получает подтверждение своей дееспособности, которое иначе она получить не в состоянии: ни одно позитивное, продуктивное действие не может удовлетворить систему, построенную на опасениях, насилии и невежестве. Напротив, все, что построено на деструкции и страданиях, предательствах и преступлениях против нравственности и закона, оживляет системы. Очередной выброс энергии воспринимается как «ощущение жизни» («наслаждение жизнью», властью и т.д.), хотя, на самом деле, речь идет об очередном шаге к смерти и разложению. К сожалению, система, изначально построенная на идее преступления и наказания, этого не понимает, а иных вариантов, не деструктивных, защищать свою «безопасность» и «стабильное развитие», не видит. Иные же системы управления и «защиты» построены на идеях взаимопомощи и поддержки – склонны к децефализации (уходу от государства и от моносубъектного управления), от иллюзий бесконфликтного и вечно стабильного внешнего развития внутренне разбалансированных систем. Поэтому они «вынуждены ждать», когда люди выстрадают свободу от желания играть в «биомассу и элиту».

Сейчас мы видим, что антиутопии Дж. Оруэлла и иных фантастов, а также предсказания многих философов и социологов, таких как Д. Андреев, долгое время благодаря победе СССР и ее союзников над фашизмом в середине XX века казавшихся невозможными, теперь, после распада СССР и освоения Россией ценностей и целей западной цивилизации, становятся реальностью. Мы видим также, какживает опыт отношений, ставший массовым во время Первой и Второй Мировых войн: опыт концлагерей, опыт «ударныхстроек», ГУЛАГов и т. д.: времени, когда в СССР создавалась особая прослойка высокопоставленных преступников, создавался особый «блатной мир», которого не было до этих страданий. Но актуализируется и опыт выживания и победы человека: в тюрьмах, лагерях, в терактах и на войне. Люди вынуждены осознавать себя людьми, делать выбор: «на свете есть две «расы» людей, только две! – люди порядочные и люди непорядочные. Обе эти «расы» распространены повсюду, и ни одна человеческая группа не состоит исключительно из порядочных или исключительно из непорядочных; в этом смысле ни одна группа не обладает «расовой чистотой!», – писал В. Франкл о важности нравственных ориентиров выживания и развития в кризисном сообществе [12, с. 48].

К сожалению, публикаций научного уровня на эту тему крайне мало: основная часть исследований оказывается малоинформативным рассуждением об «электронном концлагере» в СМИ Интернета. Традиционные СМИ, включая таблоиды, данную проблему умалчивают. Вместе с тем многие знаменитые психологи, философы и социологи, прошедшие через страдания концлагерей, тюрем и войн, оставили значимые и объемлющие широчайший спектр социально-психологических проблем работы и рекомендации по выживанию и развитию в условиях, в которых выживание подчас просто невозможно (В. Франкл, А. Кемпински, Бр. Беттельхейм и др.). Упоминание о них в контексте протекающих процессов в науке, стремящейся защитить себя от малейших «экономических неудач», в науке, обслуживающей интересы правящих классов, но не человечества, воспринимается нередко негативно. Западная наука активно играет в «демократические игры» словесной вседозволенности, поэтому в ней можно услышать что-то, что выходит за рамки «разрешенного». Но и там мы видим, как попытки противостоять стандартизации, уплощению, развалу и трансформации образования из института культуры в институт контроля, как попытки проследить и предвосхитить позитивные тенденции в образовании, его возрождение из «руин», часто наталкиваются на мощное и все более откровенное противодействие: восхваление «экономической выгоды» уничтожает и носителей знаний умений, и сам институт образования. И балльно-рейтинговая система на этом пути – прекрасный инструмент, успешно и неотвратимо выполняющий свои функции: фиксации экономического рабства как тотальной неизбежности, переход рабства экономического в рабство психологическое. Прогрессивная педагогика, психология, социология, культурология, история и т. д. мира систематически проигрывает спешащим закрепить свое положение и коммодифицировать свой «труд на благо самих себя», на благо потерявших реалистичность представлений о себе и мира государства и бизнеса, ученым. В этих местах люди, преступившие из страха сакрально-человеческое, переставали быть людьми, переставали быть, становясь живыми зомби. Напротив, рефлексирющие – выживали и преодолевали ужас кажущегося бесконечным и смертельным насилия. в образовательных организациях современности широко практикуются все описанные Бр. Беттельхеймом правила превращения личностей в «биомассу». Превращая в биомассу учителей и преподавателей, система решает задачу воспроизводства биомассы раз и навсегда. Так, преподаватели и учителя в школах и вузах России заняты бессмысленной работой. Они вынуждены соблюдать взаимоисключающие правила, нарушения которых неизбежны, уже почти не существует личной ответственности за нравственные преступления и предательства, за неделанную работу, есть лишь коллективная. Личная ответственность используется при необходимости удаления сопротивляющихся «изгоев». Важно при этом также то, что люди поставлены перед необходимостью (чтобы не быть изгнанными также, не лишится работы и т. д.) избегать правды, делать вид, что они ничего не видят и не слышат. При этом большинство поверило, что поверить в то, что от них ничего не зависит: «Выживание человека зависит от его способности сохранить за собой некоторую область свободного поведения, удержать контроль над какими-то важными аспектами жизни, несмотря на условия, которые кажутся невыносимыми... Даже незначительная, символическая возможность действовать или не действовать, но по своей воле, позволяла выжить мне и таким, как я», – писал Бр. Беттельхейм [43, с. 1]. Вслед за этим человек побуждается переступить последнюю внутреннюю черту: предательство, нарушение сакральных ценностей, полностью уничтожает человека: «Чтобы не стать ходячим трупом, а остаться человеком, пусть униженным и деградировавшим, необходимо было все время осознавать, где проходит та черта, из-за которой нет возврата. Черта, которую нельзя переступать ни при каких обстоятельствах, даже под угрозой жизни. Сознать, что если ты выжил ценой перехода за эту черту, то эта жизнь потеряет всякое значение», – отмечал Бр. Беттельхейм [43, с. 1]. Стратегии выживания в этом контексте делятся на две части: 1) псевдо-выживание связано с сохранением/повышением бла-

гополучия и статуса, вы том числе надзора или доноительства за остальными («выбиться в элиту»), стремление высоко оценивать свою «значимость» для коррумпированной руководящей элиты, стремление воспринимать происходящее как искупление своих ошибок, готовность к разрушению (интимно-личностных, человеческих) связей с (близкими) людьми и реальностью (фантазирование и симуляции), искать особого расположения «хозяев» как проявление «стокгольмского синдрома»; 2) выживание как сохранение собственного «я», предполагает поиск конкретного смысла происходящего во внутреннем и внешнем мире, стремление сохранять перспективное понимание – будущее, стремление делать что-либо самостоятельно, по собственной инициативе, не изменяя себя насколько это возможно: «Если тебя о чем-то спрашивают, следует отвечать по возможности правдиво, но о том, о чем не спрашивают, лучше молчать», – писал В. Франкл. Он же подытожил: «Так что же такое человек? Это существо, которое всегда решает, кто он. Человек изобрел газовые камеры. Но человек же и шел в эти камеры, гордо выпрямившись, с молитвой на устах» [12, с. 48]. У кого есть «Зачем», тот выдержит почти любое «Как», – повторил он вслед за Ф. Ницше. Нашедшие смысл страдания в концлагере побеждали обстоятельства: ««в концлагере можно отнять у человека все, кроме последнего – человеческой свободы, свободы отнестись к обстоятельствам или так, или иначе... Человек, осознавший свою ответственность перед другим человеком или перед делом, именно на него возложенным, никогда не откажется от жизни. Он знает, зачем существует, и поэтому найдет в себе силы вытерпеть почти любое «как»» [12, с. 37].

Пока же – все что позволяет, якобы, увеличить безопасность в организации, на деле приводит к резкому усилению и ужесточению характера эксплуатации человека корпорациями, в том числе путем установления жёсткого контроля за жизнью человека. Возникает также риск демонтажа остатков национальных государств, их замены цифровым мировым правительством, представляющим интересы небольшой группы людей («цифровая диктатура», «электронный концлагерь», «цифровое рабство», «тотальный контроль»). «Система социального кредита» (ССК) задумана как система оценки благонадежности граждан/сотрудников и организаций/подразделений по различным параметрам с помощью электронных средств массового наблюдения, использующих технологию анализа больших данных (big data), а также прямые обращения заинтересованных и имеющих доступ к облачным «входам» лиц к персональной информации человека/сотрудника. Несмотря на то что БРС выглядит как гораздо более «невинная» и менее масштабная пока практика стратификации преподавателей в вузах России, она также несет коррумпированной бюрократии аналогичные возможности. Все это позволяет ставить коррупцию в вузах и в регионе, а также в государстве в целом на новый, недостижимый для иного способа преодоления, как тотальное разрушение, уровень. Таким образом, коррумпированные системы создают иллюзии легитимности беззаконий и насилия, совершаемого по отношению к сотрудникам, расправляясь с теми, кто эту легитимность способен оспорить. ИКТ в образовании становится важным звеном будущего «электронного концлагеря»: системы тотальной слежки за гражданами с помощью цифровых технологий. Апробация такой системы в Китае (эксперимент с «системой социального кредита», ориентированной на сосредоточение максимального количества информации о каждом человеке в его виртуальном «паспорте») в контексте социальной стратификации сообщества свидетельство тому, что люди, не желающие подчиняться системе, не соответствующие ее требованиям по тем или иным параметрам, проходят многоуровневую выбраковку и лишаются тех или иных человеческих прав как «привилегий» [6; 7; 8]. Аналогичная судьба, если данный вид «реформ» не будет остановлен, а планы разработчиков форсайта по масштабному внедрению цифровых технологий (EdTex), вместо развития человеческих отношений в школах и вузах, ждет и образование, и всю систему социальных отношений России. Пока же сотрудники вузов России, в которых введены облачные технологии тотальной слежки, понемногу привыкают к незаконному вмешательству в их профессиональную и личную жизнь. Конечно, система тотального контроля выстраивается сейчас – негласно – почти во всем мире, однако, в Китае она выстраивается открыто и демонстративно, в том числе как попытка создать «прозрачное» гражданское общество (своеобразное гражданское общество взаимных доносов и обвинений, обреченное, в контексте развития этой тенденции, на разрушение человеческого и культуры). На Западе дирижируют аналогичным процессом «неоконсерваторы», руководствующиеся теориями типа теории Л. Штрауса о «естественном праве» и даже моделями эзотерического оккультизма [6]. К сожалению, истолкование этих теорий составляет впечатление о наличии у теоретиков и практиков неоконсерватизма лишь одной цели и одного «естественного права»: уничтожить других ради собственного выживания.

Кроме того, процветающая с конца XX века контрактная система приёма в вузы оставляет талантливых, но малоимущих абитуриентов «за бортом» высшего образования. В погоне за доходами, вузы наполняют рынок труда мало востребованными, но претендующими на большой успех специалистами, подогревая несбыточную надежду успешно трудоустроиться в стране, разрушенной правящей элитой. Помимо прочего, огромной проблемой являются дисгенические процессы, стимулирующие заболевае-

мость и смертность с помощью разрушительного для психического, физического и нравственного здоровья образа жизни: люди не могут справиться с последствиями тотальных «реформ» их жизни в целом, не говоря о том, чтобы справиться с задачами образования. Родители и дети жалуются на большой объем и сложность школьной программы, на то, что даже при помощи репетиторов и родителей в таком интенсивном темпе и при отсутствии необходимых методических пособий качественно освоить программу крайне сложно: авторами учебников и пособий часто становятся не совсем грамотные люди и не всегда имеющие даже в прошлом какое-то отношение к школам и вузам. Основные недостатки учебников: устаревшие данные, многочисленные ошибки, откровенная ложь политизации и субъективизма.

Параллельно вводятся процедуры стандартизации такого субъективизма и некорректности: на педагогов взваливается задача разработки и многократной переработки, не имеющей никакой образовательной ценности документации (ФГОС очередного «нового поколения», сменяющего предшествующее поколение ФГОС в какой-то совершенно сюрреалистической погоне за новыми ошибками, профанациями и симуляциями инноваций и заботы о подрастающем поколении и о стране), что сокращает время на основную деятельность и время жизни в целом. Попытки найти вразумительные материалы в Интернет и т.д. представляют собой дополнительную работу, отнимающую время и силы учителя. Отмечается также низкий уровень экспертной работы по содержанию дидактических материалов; отсутствует системная методическая работа; в общественных комиссиях нет квалифицированных специалистов по каждой теме и предмету, а сами стандарты, компетенции и т.д. демонстрируют тотальную невежественность их разработчиков (часто тех же самых, что и разработчиков учебников, по которым невозможно не только учиться, но иногда и просто понять – что хотят сказать авторы учеников, программ, стандартов энных-поколений). Программы часто состоят из бессистемного набора фактов для заучивания, которую дети и юноши даже не успевают осознавать. Программа также, что понятно, построена без учета возрастных особенностей учащихся. В итоге школьник и студент не успевает освоить даже элементарные вещи. Снижается / деформируется учебная и жизненная мотивация, так как большое количество теоретизированного и некорректно поданного материала не способствует пониманию, где на практике и в повседневной жизни полученные в школе знания можно применить, а также пониманию ребенком самого себя. В итоге детям все сложнее воспринимать материал, знания и умения не успевают структурироваться и закрепляться [14, с. 53].

Согласно данным последней проверки PISA (Programme for International Student Assessment), Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся, страны бывшего СССР занимают последние места в списке более 70 стран-участниц: школьникам и студентам тяжело определить смысл незнакомого текста, грамматическую структуру или решить сложные задачи [14]. Поэтому становится очевидно, что те, кто разрабатывает программы, учебники и «форсайт-модели» образования, должны быть опытными учителями-методистами, а не просто людьми, которые зарабатывают на учебниках и образовании в целом, и/или стремятся полностью роботизировать образовательный процесс, убрав мешающих своими ценностными ориентациями, знаниями и умениями внедрению в голову учащихся и обучающихся преподавателей содержаний, нужных «кукловодам» ТНК. Сейчас же реформы образования в странах бывшего СССР привели образование к почти полному разрушению, а глобальная цифровизация образования и подготовка к «роботоустойчивым» моделям обучения и воспитания завершает этот процесс дегуманизации не только образования, но и общественных отношений в целом.

Выводы. Цифровизация образования требует разработки и внедрения норм цифровой культуры: защиты от произвола и насилия в цифровой среде, нравственной, а не только юридической обоснованности отношений в сообществе в реальном и виртуальном измерениях. Вне соблюдения этих условий, вне формирования развития культуры как культуры развивающей, обслуживающей и защищающей человека, а не только организации, корпорации и государство, цифровые технологии приведут Россию туда же, куда стремится попасть целый ряд других стран, руководимых «элитой» ТНК. Опасностью XXI века стал отказ от духовно-нравственных ориентиров в пользу юридических, от доверия и принятия к толерантности и безопасности, от творчества и переменам в жизни человека-творца – к роботоустойчивости человека-раба [8]. Если люди не научатся владеть цифровыми устройствами, а, главное, самими собой, если не вернут нравственным отношениям и культуре место основ жизнедеятельности, они потеряют – и себя, и свою человечность. Противоположные тенденции, «тренды» коммодификации и коммерциализации, консюмеризации и эгоцентризма, к сожалению, выступают как ведущие для социальных отношений в образовании России. Стоящая перед педагогами, администрациями, государством задача восстановления российского образования как лучшего образования в мире, восстановление обращения как сферы культуры, а не бизнеса, переориентация образования на развитие личности и культуры, а не обслуживание даже самых лучших «прямых» нужд производства и экономики, – действительно сложна [15; 16]. Нравственно осмысленное и опирающееся на нравственные нормы, пар-

тисипативные, развивающие технологии образование, однако, не недостижимое будущее, а развитая традиция, поддержать и восстановить которую готовы и исследователи, и педагоги [17; 18; 19]. Главное условие – не мешать им выполнять свои обязанности, перегружая их жизнь необходимостью заниматься квазиделовыми вопросами, которые активно навязываются в процессе торговли «образовательными услугами» в ущерб практике обучения и воспитания как процесса социокультурного воспроизводства и развития общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Беттельхейм Б.** Самоучитель по выживанию в концлагере // Психология господства и подчинения: хрестоматия / сост. А. Г. Чернявская. Минск: Харвест, 1998. С. 157–281.
2. **Беспалова Ю. М.** Этические проблемы реформы образования в аспекте проблемы безопасности // Вестник Московского института государственного управления и права. 2018. №1 (21). С. 13–18.
3. **Барроуз М.** Будущее рассекречено. Каким будет мир в 2030 году. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. С. 37–41.
4. **Ямпольский М.** В стране победившего ресентимента [Электронный ресурс]. URL: <http://www.colta.ru/articles/specials/4887> (дата обращения: 18.03.2019).
5. **Яшина Г.** Рейтинги – международная афера. Зачем министр образования пытается сократить число «передовых» университетов [Электронный ресурс] // Капитал страны. 2017. 12 октября. URL: http://kapital-ras.ru/articles/article/reitingi_mejdunarodnaya_afera_zachem_ministr_obrazovaniya_pytaetsya_sokrat (дата обращения: 08.13.2019)
6. **Любарец А. В.** Неоконцы – рывок к созданию общемирового электронного концлагеря // Научный поиск в современном мире: сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции (Махачкала, 30 сентября 2017 г.). Махачкала: Апробация, 2017. С. 32–33.
7. **Ковачич Л.** Электронный концлагерь по-китайски [Электронный ресурс] // Геноциду – нет! 26 июля 2017. С. 1. URL: <http://genocid.net/китай-электронный-концлагерь-построит-раньше-сша/> (дата обращения 10.14.2019)
8. **Aoun J. E.** Robot-Proof: Higher Education in the Age of Artificial Intelligence. New York, London: MIT Press, 2017. 216 p.
9. **Бентам И.** Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998. 415 с.
10. Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989. 384 с.
11. Foucault M. Surveiller et punir: Naissance de la prison. Paris: Gallimard, 1975. 328 p.
12. **Франкл В.** Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере. М.: Альпина, 2011. 400 с.
13. **Bettelheim B.** The Informed Heart: Autonomy in a Mass Age. Glencoe, Ill: Penguin Books, 1991. 320 p.
14. **Костенко И. П.** Проблема качества математического образования в свете исторической ретроспективы. М.: Ростовский гос. ун-т путей сообщения (фил. в г. Краснодаре), 2013. 501 с.
15. Foresight Education: Values, Models and Technologies of Didactic Communication of the XXI Century / Ed. by M. R. Arpentieva, etc. Canada, Toronto: Altaspera Publishing & Literary Agency Inc., 2018. 560 p.
16. Psychology and pedagogy of the future: youth foresight. Youth and psychology: ideas and projects / Ed. by M. R. Arpentieva, etc. Canada, Toronto: Altaspera Publishing & Literary Agency Inc., 2018. 340 p.
17. **Kassymova G. K., Stepanova G. A., Stepanova O. P., Menshikov P. V., Arpentieva M. R., Merezchnikov A. P., Kunakovskaya L. A.** Self-development management in educational globalization // International Journal of Education and Information. 2018. № 12. P. 171–176.
18. **Stepanova G. A., Tashcheva A. I., Stepanova O. P., Kassymova G. K., Tokar O. V., Menshikov P. V., Arpentieva M. R.** The problem of management and implementation of innovative models of network interaction in inclusive education of persons with disabilities // International Journal of Education and Information. 2018. № 12. P. 156–162.
19. **Stepanova G. A., Tashcheva A. I., Markova T. A., Shpakovskaya E. U., Arpentieva M. R., Bazhenova N. G., Tokar O. V., Kirichkova M. E.** Value-notional relations of people with persons with disabilities in additional and alternative education and in other inclusive social practices // International Journal of Education and Information (International Journal of Education and Information). 2019. №1. P. 65–72.

REFERENCES

1. **Bettelheim B.** Tutorial on survival in a concentration camp. In: Chernyavskaya A. G. (comp.). *Psychology of domination and subordination: A reader*. Minsk, Harvest Publ., 1998, pp. 157–281. (In Russ.)
2. **Besapova Yu. M.** Ethical problems of higher education reform in Russia. *Pedagogika = Pedagogy*, 2016, no. 9, pp. 72–77. (In Russ.)
3. Barrows M. *The Future is Declassified. What will be the world in 2030*. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2015, pp. 37–41. (In Russ.)

4. **Yampolsky M.** In the country of the victorious resentment. Available at: <http://www.colta.ru/articles/specials/4887> (accessed 18.03.2019). (In Russ.)
5. **Yashina G.** Ratings-international scam. Why the Minister of Education is trying to reduce the number of «advanced» universities. Available at: http://kapital-ras.ru/articles/article/reitingi_mejdunarodnaya_afera_zachem_ministr_obrazovaniya_pytaetsya_sokrat (accessed 08.03.2019) (In Russ.)
6. **Lyubarets A.V.** Neocons – a breakthrough to the creation of a global electronic concentration camp. *Scientific search in the modern world*. Collection of materials of the XVI International Scientific Practical Conference (Makhachkala, September 30, 2017) Makhachkala, Testing Limited Liability Company Publ., 2017, pp. 32–33. (In Russ.)
7. **Kovacic L.** Electronic concentration camp in Chinese. Genocide – no! Available at: <http://genocid.net/kit-electronic-concentrationcamp-build-up-tows/> (accessed 10.11.2018) (In Russ.)
8. **Aoun J.E.** *Robot-Proof: Higher Education in the Age of Artificial Intelligence*. New York, London, MIT Press Publ., 2017, 216 p.
9. **Bentham I.** *Introduction to the foundations of morality and legislation*. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998, 415 p. (In Russ.)
10. **Orwell J.** «1984» and essays from different years. Moscow, Progress Publ., 1989, 384 p. (In Russ.)
11. **Foucault M.** *Surveiller et punir: Naissance de la prison*. Paris, Gallimard Publ., 1975, 328 p.
12. **Frankl V.** *To say life «Yes!»: A psychologist in a concentration camp*. Moscow, Alpina Publ., 2011, 400 p. (In Russ.)
13. **Bettelheim B.** *The Informed Heart: Autonomy in a Mass Age*. Glencoe, Ill: Penguin Books, 1991, 320 p.
14. **Kostenko I.P.** *The problem of the quality of mathematical education in the light of historical retrospectives*. Moscow, Rostov State University of Communications (in Krasnodar) Publ., 2013, 501 p. (In Russ.)
15. **Arpentieva M.R.** (ed). *Foresight Education: Values, Models and Technologies of Didactic Communication of the XXI Century*. Canada, Toronto, Altaspera Publishing & Literary Agency Inc. Publ., 2018, 560 p.
16. **Arpentieva M.R.** (ed). *Psychology and pedagogy of the future: youth foresight. Youth and psychology: ideas and projects*. Canada, Toronto, Altaspera Publishing & Literary Agency Inc. Publ., 2018, 340 p.
17. **Kassymova G.K., Stepanova G.A., Stepanova O.P., Menshikov P.V., Arpentieva M.R., Mereznikov A.P., Kunakovskaya L.A.** Self-development management in educational globalization. *International Journal of Education and Information*, 2018, no. 12, pp. 171–176.
18. **Stepanova G.A., Tashcheva A.I., Stepanova O.P., Kassymova G.K., Tokar O.V., Menshikov P.V., Arpentieva M.R.** The problem of management and implementation of innovative models of network interaction in inclusive education of persons with disabilities. *International Journal of Education and Information*, 2018, no. 12, pp. 156–162.
19. **Stepanova G.A., Tashcheva A.I., Markova T.A., Shpakovskaya E.U., Arpentieva M.R., Bazhenova N.G., Tokar O.V., Kirichkova M.E.** Value-notional relations of people with persons with disabilities in additional and alternative education and in other inclusive social practices. *International Journal of Education and Information*, 2019, no. 1, pp. 65–72.

Информация об авторе

Арпентьева Мариям Равильевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии развития и образования ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», (Российская Федерация, 248023, г. Калуга, ул. Разина, д. 26, e-mail: mariam_rav@mail.ru)
Статья поступила в редакцию 8.04.19. После доработки 18.10.19. Принята к публикации 27.02.20.

Information about the author

Mariam R. Arpentieva – doctor psychology science, Associate Professor, Professor of the Department of Developmental Psychology and Education at K.E. Tsiolkovskiy Kaluga State University, (26, Razin str., Kaluga, 248023, Russian Federation; e-mail: mariam_rav@mail.ru)
The paper was submitted 10.07.19. Received after reworking 18.10.19. Accepted for publication 27.02.20.

УДК 323.2

ИДЕОЛОГИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Б. В. Федотов

Новосибирский государственный аграрный
университет, Новосибирск, Российская Федерация, e-mail: fedotovboris@gmail.com

Аннотация. В данной публикации автор поднимает одну из злободневных проблем общественного развития современной России. Рассматривая общественное развитие через призму противоречий как фактор преодоления барьеров разного рода, в статье не случайно поднимается вопрос об отсутствии объединяющей идеи в стране, способной привести в движение гражданское общество. Физическая культура и спорт могут при определенных условиях стать не только составной частью здорового образа жизни, но и условием реализации актуальных задач, сформулированных органами власти в виде национальных проектов. Ведь физическое здоровье населения страны является приоритетным направлением деятельности и государственных структур и общественных институтов, поскольку именно человеческий ресурс во всех смыслах способен обеспечить прорыв страны на ключевых направлениях ее развития. В статье четко обозначены два вектора в развитии физической культуры и спорта. С одной стороны, это спорт достижений, т. е. профессиональный, а с другой, это массовый. Показано, что между ними существует тесная связь. Основным материалом в публикации послужили сведения о комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО). Представленная статистика этого движения в России, опирается на глубокий анализ большого количества государственных документов и собственные материалы исследования в учреждениях высшего профессионального образования.

Ключевые слова: новая идеология, здоровье населения, спорт достижений, массовый спорт, всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне».

Для цитаты: Федотов Б. В. Идеология здорового образа жизни в современной России. Профессиональное образование в современном мире. // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 1. С. 3620–3632. DOI: 10.15372/PEMW20200125

DOI: 10.15372/PEMW20200125

IDEOLOGY OF A HEALTHY LIFESTYLE IN MODERN RUSSIA

Fedotov, B. V.

Novosibirsk State Agrarian University
Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: fedotovboris@gmail.com

Abstract. In this publication, the author raises one of the burning problems of the social development of modern Russia. Considering social development through the prism of contradictions as a factor in overcoming various barriers, the article for a good reason raises the question of the lack of a unifying idea in the country, which can set in motion a civil society. Physical culture and sport can, under certain conditions, become not only an integral part of a healthy lifestyle, but also a condition for the implementation of urgent tasks formulated by the authorities in the form of national projects. After all, the physical health of the country's population is a priority for the activities of both state structures and public institutions, since it is the human resource in all senses that can ensure the country's breakthrough in key areas of its development. The article clearly identifies two vectors in the development of physical culture and sports. On the one hand, it is a sport of achievements, i.e. professional, and, on the other, it is grassroots sport. It is shown that there is a close affinity between them. Information about the complex «Ready for labor and defense» (TRP) served as the main material for the publication. The presented statistics of this movement in Russia is based on the in-depth analysis of a large number of state documents and own research materials in institutions of higher professional education.

Keywords: *new ideology, public health, sports achievements, mass sports, all-Russian sports complex «Ready for work and defense».*

For quote: *Fedotov B. V. [Ideology of a healthy lifestyle in modern Russia]. Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 3620–3632. DOI: 10.15372/PEMW20200125*

Введение. Россия стоит на пороге больших перемен. В стране очень отчетливо проявляются противоречия, которые можно обозначить ленинской фразой: «Низы не хотят жить по-старому, а верхи не могут управлять по-старому». Объективно назрела потребность формирования новой идеологии. Она призвана не только обозначить основной вектор развития страны, но и определить способы достижения поставленной цели. Новая идея должна овладеть массами людей и привести их в движение. Ее разработка – дело ученых и практиков, тех, кто занят научными изысканиями и тех, кто имеет административный и экономический ресурс влияния.

Каждая из этих социальных групп имеет в своих руках определенные рычаги влияния на общественное сознание, которые на сегодняшний день, к сожалению, носят разнонаправленный характер. У государства в этом смысле должно быть несколько союзников. Первым, безусловно, является народ, а вторым – «армия и флот», в широком контексте все силовые ведомства, включая суд и прокуратуру. Национальная идея должна стоять на первом месте и овладеть сознанием большей части населения независимо от их социального статуса и места в иерархической системе общественного разделения по имущественному принципу или степени принадлежности к власти. В этой системе ценностей приоритетом должен быть человек, где его духовное богатство и нравственное состояние, включая степень лояльности к власти, во многом определяются состоянием физического здоровья.

Человеческий ресурс по сути является основным богатством нации. Но важно, чтобы этот ресурс был физически здоровым и духовно развитым. Ведь могущество страны определяется прежде всего ее людьми, имеющими высокий уровень образования, культуры и физического развития. Человек, сильный духовно и физически, способен обеспечить технологический прорыв, великие трудовые свершения, встать на защиту своего Отечества, быть опорой для своей семьи и своих близких.

Однако глубокое изучение состояния физического и духовного здоровья российской нации приводит к нелицеприятным выводам. Почти во всех регионах, даже относительно успешных, смертность порой превышает рождаемость. Россия по этому показателю существенно отстает от высокоразвитых стран, занимая 110 место по продолжительности жизни в мире. При этом 43% мужского населения не доживает до 65 лет. Для примера в Швейцарии, Японии, Испании и ряде европейских стран этот же показатель не превышает 10% [1].

В стране по-прежнему велик уровень табакокурения, алкоголизма, наркомании. Семейные ценности также не стали для значительной части граждан нормой жизни, а влияние идей православия на русских, выступающих титульной нацией, также не стоит переоценивать. Потребительская мораль зачастую лежит в основе жизненных приоритетов. Среди значительной части населения процветают идеи индивидуализма, безразличия к своей стране и ее истории, стремление к обогащению любой ценой. Подобная ситуация приобретает масштабы национальной катастрофы [2]. В этих условиях физическая культура и спорт становятся социально значимой формой деятельности и могут стать при определенных условиях объединяющей силой и национальной идеей. Ведь государство по-настоящему можно считать сильным лишь при условии наличия в нем здорового общества.

Постановка задачи. Физическую культуру и спорт чаще всего рассматривают как элемент развития детей. У людей, достигших зрелого возраста, всплывают в памяти воспоминания из детства. В те годы спортивные игры и спорт в целом выступали частью образа жизни и деятельности. Уже в детстве любой человек слышал заповедь о том, что каждый гражданин должен заниматься спортом и трудиться. Но по мере взросления эта заповедь постепенно забывается, не становясь нормой жизни. Мерилом культурного развития выступают знания литературы, искусства, естественных наук, а в начале XXI века компьютера. А поскольку ум и образованность всегда ценились выше, то порой имеет место противопоставление умственного и физического развития. Но еще в эпоху античности великий философ Платон называл «хромым» и того, кто не умел писать, и того, кто не умел бегать и плавать [3].

Специалисты, занятые в спортивной сфере и те, кто имеет к ней весьма отдаленное отношение, по-разному выражают свою позицию на предмет роли спорта в системе общественных ценностей и факторов его развития. По-разному они также смотрят в этом смысле на роль государства и общества. Существует мнение о том, что массовый спорт не является важным государственным делом и в большей степени его продвижение вперед предопределяется на сугубо бытовом уровне стихийными факторами, а задача госу-

дарства заключается в том, чтобы не вмешиваться в данный процесс. Там все происходит сугубо по объективным законам и все само собой отрегулируется. Ведь массовые спортивные мероприятия проводятся во многих странах и там не требуется какое-то вмешательство государства. Причем включенность населения в занятия физической культурой и спортом зачастую связываются с благосостоянием нации, т.е. рост последнего (по мнению властей уже к 2020 году 60% граждан страны перейдут в категорию среднего класса) автоматически приведет к резкому увеличению занимающихся спортом [4].

Определенные категории населения не ставят четких разграничений между понятиями «массовый спорт» и «спорт достижений». Но чаще всего мы видим приверженность к одной или другой составляющих спорта в зависимости от близости или удаленности того или иного субъекта к данному феномену.

Специалисты, связанные со спортом на профессиональном уровне, чаще всего обращаются к его функциональным характеристикам. Так, профессорско-преподавательский состав кафедр физической культуры и спорта в вузах занят разработкой и реализацией программ по данной дисциплине. В них обозначена главная цель физического воспитания и спорта в образовательном учреждении, а само воспитание согласно данных программ носит системный характер. Оно включает агитационно-пропагандистские, учебно-тренировочные и спортивные мероприятия. Но наряду с сугубо спортивными показателями в этих программах определенное место занимают мероприятия оздоровительно-рекреативной и лечебной направленности, т.к. в вузе, как впрочем и в обществе в целом, существуют группы студентов и населения, имеющие различный уровень здоровья, а, следовательно и готовности к занятиям по физической подготовке [5].

Данная проблематика, таким образом, явление весьма многоплановое и поэтому может быть рассмотрена под различным углом зрения. Однако задача заключается в том, чтобы взглянуть и оценить указанный феномен комплексно. Важна адекватная оценка состояния спорта, его места в системе общественных ценностей и понимание основных направлений его развития. Исходя из данной цели важно решить две взаимосвязанные задачи: во-первых, проанализировать реальное состояние спорта в России как части национальной идеологии; а, во-вторых, обратиться к системе образовательных учреждений для понимания их роли в формировании здорового образа жизни среди молодежи.

Методология и методика исследования. Теоретической основой данного исследования стал диалектический подход. Он, как известно, предполагает рассмотрение явления в развитии, с учетом имеющихся противоречий и трудностей. Однако диалектика любого процесса или явления предполагает его исследование в определенных границах пространства и времени. Данное исследование ограничивается рамками новейшей истории страны и берет свое начало с 1930-х гг., а заканчивается современным этапом. Такой подход позволяет оценить физическую культуру и спорт в переломные моменты отечественной истории. Так, в период между двумя мировыми войнами решался вопрос о самом существовании Отечества. Именно в это время СССР не только совершил беспрецедентный скачок в развитии и построении нового общества, но и сумел на полях сражений Великой Отечественной войны и в тылу своей Родины отстоять эти завоевания. В качестве источников для исследования послужили материалы руководящих документов высших органов власти страны, материалы архивов, диссертационные исследования специалистов, анализ монографий, публикаций в научных журналах, а также интернет-ресурсы. В свою очередь оценка с позиций современной истории дает возможность лучше осознать величие прошлого и на этой основе сделать фундаментальный анализ настоящего. Для понимания этого настоящего были реализованы методы эмпирического исследования. Так, для изучения массового спорта в Российской Федерации огромное значение имели проводившиеся в стране мониторинги по проблеме спорта, социологические исследования, материалы руководящих документов. Особый интерес представляло изучение по проблеме реализации в России комплекса «Готов к труду и обороне». С этой целью были изучены приказы Министра спорта РФ, начиная с 2014 года. Статистический метод позволил увидеть динамику данного движения. Эти данные были дополнены с помощью анкетирования. В качестве респондентов выступали студенты Новосибирского государственного аграрного университета (НГАУ). Однако не меньшее значение имел интроспективный подход к проблеме, основанный на личностном самоанализе и самооценке. С этой целью автор данной публикации официально зарегистрировался в центре ГТО и стал его участником, пройдя испытания по всем тестам.

Результаты. Следует заметить, что спортивно-массовая работа в СССР, проводившаяся в предвоенный период в значительной степени была направлена на формирование оборонного сознания молодежи, ее готовности к защите социалистического Отечества. Так, накануне Великой Отечественной войны одной из основных и самой распространенной формой оборонно-массовой работы являлись кружки военных знаний, создаваемые на предприятиях, учреждениях и в учебных заведениях. На первое января 1940 года в Новосибирской области действовало 2 100 оборонных кружков, в которых занималось 160 тысяч человек [6].

Сложившаяся в советское время система подготовки молодежи к службе в армии обеспечивала освоение в короткие сроки боевой техники и оружия. Это, безусловно, поднимало уровень боевой мощи и боевой готовности страны. Система обязательной подготовки к воинской службе дополнялась мероприятиями оборонно-массовой и спортивной работы [6].

В настоящее время, когда в армии и флоте существенно увеличивается доля военнослужащих, проходящих службу по контракту (во многих родах войск их численность составляет свыше 50% личного состава) и в свою очередь обозначилась тенденция сокращения удельного веса военнослужащих, проходящих службу по призыву. Однако данное обстоятельство ни в коей мере не означает снятие проблемы военной подготовки молодежи, так как страна обязана иметь людские резервы, обладающие основами военных знаний и навыков военного дела. Отсюда сохранение приоритетов военно-патриотического воспитания молодежи, где наряду с основами военно-технической подготовки большая роль принадлежит физической культуре и спорту. Да и само понятие «патриотизм» в современной России отнюдь не всегда является частью мировоззрения и убеждений подростков и молодежи. Опрос, проведенный в 2011 году в ряде школ Дзержинского района г. Новосибирска, позволил наряду с приверженцами патриотизма, каковых оказалось свыше 50%, увидеть и тех, для кого это понятие не стало близким. «Среди опрошенных на вопрос: Считаете ли вы себя патриотом?» 20% затруднились ответить, а 8% таковыми себя не считают. При этом 12% опрошенных даже не смогли объяснить, какой смысл они вкладывают в понятие «патриотизм» [7, с. 196].

Но вернемся к истории ГТО. Это движение, безусловно, имело идеологическую направленность, являясь частью патриотического воспитания молодежи. Оно просуществовало около 60 лет. Организации ГТО имелись во многих учреждениях: образовательных, спортивных, профильных и т. д. Комплекс ГТО появился в недрах самой крупной из специализированных общественных организаций – Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ). В нем в 1928 году насчитывалось 2 млн. человек. Каждый из них осваивал ту или иную военную специальность. 24 мая 1930 года «Комсомольская правда» выдвинула предложение о введении единого критерия для оценки физического состояния молодежи. Так появился комплекс ГТО, который включал 15 нормативов. Его участники кроме практического выполнения нормативов должны были обладать знаниями советского физкультурного движения и основ военного дела. Нормы ГТО сдавали в школах, на заводах, в колхозах и образовательных учреждениях. Комплекс стал необычайно популярным среди населения, не уступая Спартакиадам и футбольным матчам. Об этом также убедительно свидетельствовали сведения о включенности жителей Советского Союза в данное движение. К 1932 году значок первой степени получили 465 тысяч человек, через год – в два раза больше. Однако через десять лет после создания ГТО число людей, получивших золотой значок составляло 6 миллионов человек. Считалось престижным носить на груди значок ГТО, которым были отмечены в том числе известные звезды спорта и культуры СССР: Аркадий Гайдар, братья Знаменские, Василий Соловьев-Седой и др.

Патриотическая целеустремленность движения привела к тому, что в годы Великой Отечественной войны его участники в кратчайшие сроки овладевали навыками стрелков, разведчиков, снайперов и иных военных специалистов. Полученная физическая подготовка стала основой при совершении многокилометровых маршей на лыжах и в пешем порядке, а также в ходе преодоления препятствий. Велика доля тех участников ГТО, кто добровольно уходил на фронт или воевал в партизанских отрядах. По окончании войны нормативы несколько раз менялись. К началу 1976 года в Советском Союзе свыше 220 миллионов человек имели значки ГТО.

Однако постепенно роль указанного движения снижалась, а в постсоветский период отечественной истории комплекс ГТО по сути был предан забвению. Одновременно в стране резко увеличивалось употребление алкоголя, табакокурение. Национальную угрозу стала представлять наркомания. Широкие масштабы приобретала преступность и иные проявления девиантного поведения. Резко сокращалась рождаемость при одновременном росте смертности. По показателю средней продолжительности жизни Россия стала значительно уступать не только развитым, но и развивающимся странам [8].

В обществе и среди руководителей разного уровня постепенно зрело понимание значимости столь массового спортивного движения, каковым являлся комплекс ГТО. Итогом дискуссий по данной проблеме стало решение о возрождении данного движения. 11 июня 2014 года вышло соответствующее Постановление Правительства РФ [9]. Этим постановлением определялись источники финансирования комплекса, а в соответствии с Указом Президента РФ с 1 сентября 2014 года началась его практическая реализация. В современной его интерпретации комплекс был направлен на «развитие человеческого потенциала и укрепление здоровья нации» [10]. Он включал в общей сложности одиннадцать возрастных ступеней и соответствующих им нормативов от 6 до 70 лет и старше. Выполнившие указанные нормативы награждались в соответствии с достигнутыми результатами бронзовыми, серебряными или золотыми

знаками ГТО. Указ определял основные задачи федеральных и региональных органов исполнительной власти. Возродившееся в 2014 году спортивное движение сопровождалось изданием большого количества правовых актов федерального уровня, которые определяли и конкретизировали многие положения комплекса ГТО. В них получили отражение вопросы пропаганды комплекса среди различных возрастных и социальных групп населения, их стимулировании, организации и проведении фестивалей, награждении золотым знаком, методические рекомендации по его внедрению, практической реализации и иные вопросы. Вся указанная информация носила и носит гласный характер и отражается на созданном в этих целях портале «Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне» в интернете [11]. Статистический анализ информации о реализации на практике комплекса ГТО дает возможность составить представление о масштабах данного движения в настоящее время в России. Для определения рейтинга того или иного субъекта РФ по степени участия в комплексе ГТО введено несколько критериев. Среди них – доля населения, зарегистрированного для выполнения испытаний (тестов); доля принявших участие в выполнении нормативов; доля выполнивших нормативы испытаний (тестов) комплекса ГТО на знаки отличия и другие. По каждому критерию начисляется определенная сумма баллов. А поскольку важное место занимает пропаганда комплекса, то отдельной строкой выступает, в частности, такой критерий, как количество опубликованных материалов по вопросам внедрения комплекса ГТО в региональных средствах массовой информации. Затем эти баллы суммируются и в итоге определяется место того или иного субъекта РФ в рейтинге. Так, на 10 октября 2018 года первые десять строчек рейтинга занимали следующие субъекты РФ: Чукотский автономный округ, Пензенская область, Республика Калмыкия, Республика Адыгея, Магаданская область, Смоленская область, Орловская область, Вологодская область, Ямало-ненецкий автономный округ, Костромская область (табл. 1).

Таблица 1

Субъекты РФ, имеющие лучшие показатели в выполнении норм ГТО

№ П/П	Субъекты РФ	Количество жителей (на 30.10.2018.)	Награждены золотым знаком ГТО	
			Всего награжденных	Количество наград от числа жителей (в 100%)
1	Чукотский автономный округ	49 222	182	0,3 697 534
2	Пензенская область	1 317 535	282	0,0 214 036
3	Республика Калмыкия	272 710	57	0,0 209 013
4	Республика Адыгея	454 485	88	0,0 193 626
5	Магаданская область	141 033	27	0,0 191 445
6	Смоленская область	942 786	161	0,0 170 770
7	Орловская область	739 327	122	0,0 165 015
8	Вологодская область	1 167 793	181	0,0 154 993
9	Ямало-Ненецкий АО	542 065	72	0,0 132 825
10	Костромская область	637 145	78	0,0 122 421

Последние десять строчек рейтинга в свою очередь занимали: Сахалинская область, Приморский край, Красноярский край, Краснодарский край, Саратовская область, Тульская область, Омская область, г. Москва, Архангельская область, Чеченская Республика (табл. 2).

Таблица 2

Субъекты РФ, имеющие худшие показатели в выполнении норм ГТО

№ П/П	Субъекты РФ	Количество жителей (на 30.10.2018.)	Награждены золотым знаком ГТО	
			Всего награжденных	Количество наград от числа жителей (в 1000%)
1	Сахалинская область	489 380	3	0,6130
2	Приморский край	1 903 289	10	0,5254
3	Красноярский край	2 872 635	15	0,5222

4	Краснодарский край	5 647 652	25	0,4427
5	Саратовская область	2 440 814	10	0,4097
6	Тульская область	1 478 777	6	0,4057
7	Омская область	1 944 546	5	0,2571
8	г. Москва	12 630 289	29	0,2296
9	Архангельская обл.	1 100 601	1	0,0909
10	Чеченская республика	1 458 401	1	0,0686

Новосибирская область в 2018 году по сравнению с 2017 годом опустилась на одну строчку и занимала 48 место среди 85 субъектов РФ, набрав по всем показателям в общей сложности 267 баллов. Из 2 млн 553 тыс. 649 ее жителей 73 145 чел. были зарегистрированы для участия в комплексе, однако приняли участие лишь 38 816 чел., т.е. 53,07% от числа зарегистрированных или 1,52% от общей численности жителей региона. 16 873 участника от Новосибирской области (0,66% от числа жителей) или 43,47% от числа участников прошли испытания на тот или иной знак ГТО. В 2019 году в Новосибирской области для сдачи тестов было зарегистрировано уже 17 570 человек. Однако лишь 8 610 из них получили какой-то знак. Анализ всей совокупности информации по интересующей нас проблеме показывает, что Новосибирская область занимает среднее место среди всех субъектов РФ [12, с. 5].

Однако, такой показатель, как число зарегистрированных, не отражает в полной мере степень участия населения в комплексе и достигнутые результаты. Поэтому его не стоит брать за основу. Следует обратить внимание на количество участников, прошедших испытания (тесты), награжденных тем или иным знаком, что было видно на примере Новосибирской области. А какова ситуация в других регионах? В первую очередь обратим внимание на Тюменскую область. Она занимает первое место в рейтинге. Такой показатель обеспечен не только за счет прошедших регистрацию (146 559 чел. или 10,95% от численности населения региона), но и реально выполнявших нормативы ГТО (108 553 чел. или 74,07% от числа зарегистрированных и 8,11% от численности населения данного субъекта РФ). Однако у лидера число награжденных знаками отличия составило 34 723, т.е. 31,99%, а от общей численности населения Тюменской области этот показатель составляет 2,60%. Входящие в первую пятерку Воронежская область, Республика Татарстан, Белгородская область и Чукотский автономный округ по некоторым показателям опережают лидера. Особенно выделяется Белгородская область, где доля участников в выполнении тестов ГТО превысила численность зарегистрированных и составила 275 235 чел. (102,94%). Если же брать реальное число участников в испытании тестов к численности населения Белгородской области (1 446 726 чел.) то здесь мы увидим довольно высокий показатель – 19,02%. Общее количество знаков, выданных в данном регионе, составило также довольно внушительную цифру – 88 423, т.е. 6,11% от численности населения Белгородской области [13].

Теперь обратимся к отстающим. В последней десятке мы видим огромный разрыв между зарегистрированными и реальными участниками испытаний в двух субъектах РФ – Чеченской Республике и Республике Дагестан, где соответственно проживает 1 220 067 чел. и 2 721 910 чел., количество зарегистрированных для участия в комплексе ГТО составляет соответственно 210 900 (17,29%) и 147 150 (5,41%) жителей двух северокавказских республик. Однако лишь 25 074 (11,89% от числа зарегистрированных и 2,06% от численности населения Чеченской Республики) стали участниками испытаний. В Республике Дагестан 26 220 чел. (17,82% от числа зарегистрированных и 0,96% от численности населения) стали участниками испытаний.

Закрывают две последние строчки рейтинга Омская и Орловская области, где очень низкие показатели по числу зарегистрированных (2,84% и 1,48%), а также прошедших испытания (1,11% и 0,79%) и получивших в результате выполнения тестов 8 325 (0,46%) и 2 819 (0,40%) знаков. В скобках указано количество награжденных в зависимости от численности населения указанных субъектов РФ.

Не ставя перед собой задачу перечислять все субъекты РФ и оценивать каждый из них, есть смысл остановиться лишь на отдельных критериях рейтинга. Так, по доле населения, принявшего участие в выполнении нормативов испытаний (тестов) комплекса ГТО от численности населения, проживающего на территории субъекта Российской Федерации в возрасте от 6 лет у 44 субъектов РФ это количество находится в пределах 2% жителей того или иного субъекта. У 80 субъектов РФ количество награжденных знаками ГТО находится на уровне близком к 1% населения этих регионов, половина из них не преодолела рубеж 0,5%. Общее количество награжденных всеми знаками ГТО в РФ за весь рассмотренный период оказалось чуть более 1 млн чел.

Комиссии, которые создаются в субъектах РФ для определения достойных награждения, уполномочены вручать серебряные и бронзовые знаки ГТО. Высшим достижением в ходе выполнения нор-

мативов испытаний (тестов) комплекса ГТО, безусловно, является право на получение золотого знака. Приказы о награждении золотым знаком являются компетенцией Министра спорта РФ. На основании этих приказов и происходит вручение указанных наград в регионах. Ниже на рисунке показана динамика награждения золотым знаком ГТО, начиная с 2015 года по июль 2018 года (рис. 1).

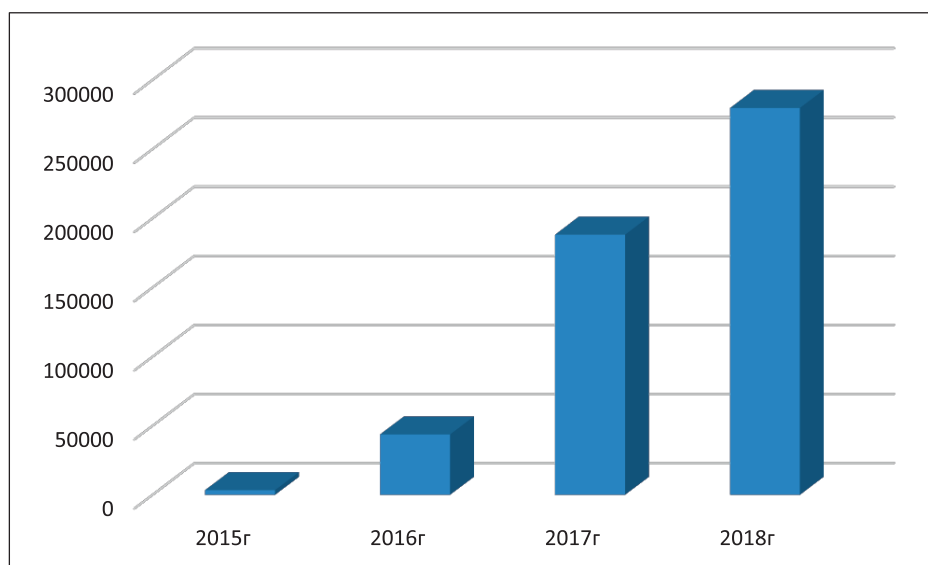

Рис. 1. Общее количество награждённых золотым знаком ГТО по РФ

Рисунок 1 показывает, как проявляется тенденция достижения среди участников этой высокой награды в России. В 2015 г. было 3 383 награжденных, в 2016 г. – 43 711, в 2017 г. – 188 220, в 2018 г. (на 30 октября 2018 г.) – 279 735 [14].

Но было бы неправильным считать только количество участников ГТО, награжденных знаками отличия, не рассматривая возраст участников. Ведь проблема нашего исследования – спорт и здоровье, в том числе и в преклонном возрасте. Комплекс ГТО открыт для всех возрастных групп населения. Так, последняя XI возрастная ступень предполагает участие тех, кто старше 70 лет. Все приказы министра спорта РФ были тщательно изучены и следует напомнить, что только министр вправе подписывать приказы о награждении золотым знаком ГТО. Есть возможность обнародовать эти данные. Итак, за весь рассматриваемый период, т.е. с 2014 по апрель 2018 г. в РФ 5417 человек старше 60 лет (X ступень) и 1336 в возрасте от 70 лет и старше имели высшую награду – золотой знак ГТО (Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне»). Приказы о награждении знаками отличия [14]. Среди субъектов РФ назовем 10 лучших и 10 отстающих по показателям X и XI возрастных ступеней. На 1 января 2017 г. лидируют, начиная с первого места Удмуртская Республика, г. Санкт-Петербург, Ленинградская, Кемеровская, Кировская, Владимирская области, Чукотский автономный округ, Костромская, Тюменская и Ивановская области. Большой отрыв по этому показателю имели в рассматриваемый период Удмуртская Республика и г. Санкт-Петербург, где высшей награды были удостоены 115 и 194 участника. Но абсолютным лидером все-таки оставалась Удмуртская Республика, так как достигнутые результаты оценивались в соотношении к численности населения (0,00758%). У данного субъекта РФ эти результаты существенно выше чем у Санкт-Петербурга (0,00367%), что можно увидеть на представленном ниже рисунке (рис. 2). Однако, не считая Удмуртскую Республику и г. Санкт-Петербург, у остальных лидеров, входящих в десятку сильнейших, отрыв от большинства субъектов РФ, занимающих средние строчки таблицы, не столь велик и измеряется очень малыми долями процента.

Теперь обратим внимание на отстающих, также показанных на следующей диаграмме. В число десяти отстающих попали Алтайский край, Чувашская Республика, г. Москва, Калининградская, Оренбургская, Мурманская, Амурская области, Республика Мордовия, Республика Дагестан, Омская область. Так, на 1 января 2017 г. в Республике Дагестан лишь 2 человека, а в Омской области 1 чел. награждены золотым знаком ГТО X и XI ступеней. Но осталось немало субъектов, где нет ни одного награжденного в указанных возрастных группах: Чеченская Республика, Архангельская область, Забайкальский край, Астраханская область, Республика Северная Осетия-Алания, Республика Ингушетия, г. Севастополь, Республика Тыва, Республика Алтай и Ненецкий АО.

Рис. 2. 10 субъектов РФ, имеющих лучшие показатели в комплексе ГТО X и XI ступени

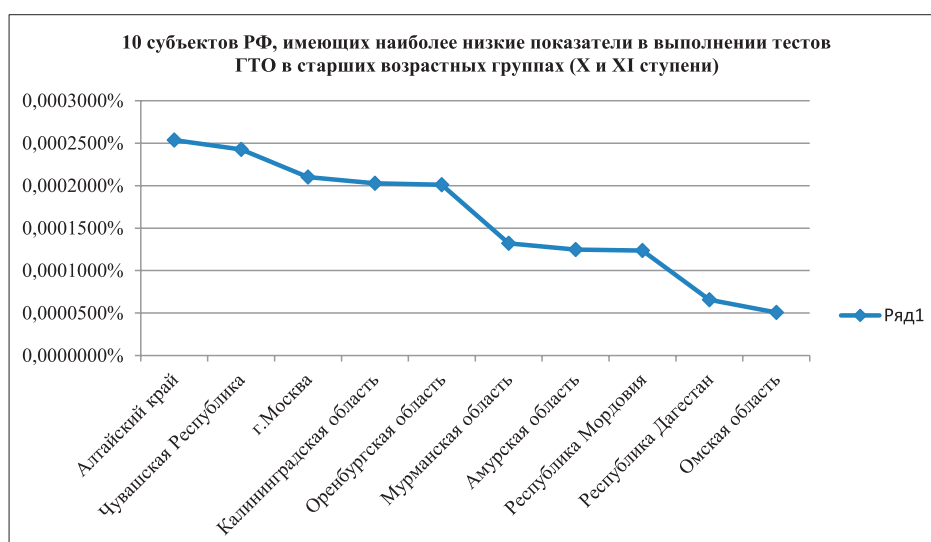

Рис. 3. 10 субъектов РФ, имеющих худшие показатели в комплексе ГТО X и XI ступени

Представленные сведения дают основание утверждать, что к участию в комплексе ГТО постепенно приобщаются жители России, причем не только

подростки и молодежь, но и старшее поколение, достигшее пенсионного возраста. Но обращение к истории данного вопроса было не случайным. Все познается в сравнении. Оценка текущего положения относительно комплекса ГТО позволяет утверждать, что России еще очень далеко от тех темпов, которые имел Советский Союз в 1930-е гг.

В настоящее время проблема улучшения здоровья населения страны и роли в ее решении физической культуры и спорта волнует ученых, в первую очередь медицинских работников, представителей органов власти и спортивных функционеров. Эта тема получила отражение в работах многих специалистов. Среди них – Н. Д. Граевская, Р. Д. Дибнер, В. П. Казначеев, Р. С. Карпов, А. В. Коробков, И. В. Муравов, Л. Н. Нифонтова, В. С. Фомин и др. Изучение литературы по данной проблеме позволило выявить ряд особенностей в состоянии здоровья у людей, занимающихся теми или иными видами трудовой деятельности. Особо хотелось бы остановиться на образовательной сфере. Специалисты отмечают, что умственное переутомление переносится тяжелее, чем физическое. Головная боль и общая слабость для людей, занимающихся умственным трудом, к которым, без сомнения, относятся студенты и преподаватели, достаточно распространенное явление [15, с. 257; 16, с. 129; 17, с. 201].

В качестве профилактики здоровья жителей нашей страны и, в частности, профессорско-преподавательского состава вузов и студенческой молодежи мог бы служить комплекс ГТО. Но прежде чем устанавливать причинно-следственную связь начала, текущего процесса и результатов физкультурно-спортивного комплекса ГТО имеет смысл остановиться еще на одном исследовании, которое было проведено среди студентов вуза. Эта проблема нашла свое отражение в ходе работы двух последних межвузовских студенческих конференций, которые проводились в Новосибирском государственном аграрном университете (НГАУ) в 2018 и 2019 гг. [18, с. 28–29.]. Среди участников конференции были студенты – бакалавры, магистры, аспиранты, профессорско-преподавательский состав НГАУ, НГПУ, НГТУ, СГУПС, а также курсанты и офицеры – адъютанты Новосибирского военного института им. генерала армии И. К. Яковлева Войск Национальной гвардии РФ. Задача заключалась в том, чтобы рассмотреть физическую культуру и спорт с двух позиций: во-первых, в широком смысле, какое место физическая культура и спорт занимают в жизни современной молодежи; во-вторых, определить значение физической культуры и спорта для студентов и их отношение к физической подготовке на современном этапе их учебной деятельности. Объектом исследования стали студенты 4 курса инженерного института НГАУ, а также студенты 1 курса Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (СибГУТИ). Предметом исследования стало выявление роли и места спорта в жизни студентов. В своих выступлениях студенты называли физическую культуру хорошим «лекарством» для снятия утомления нервной системы и организма, повышении работоспособности. Однако в данном исследовании не ограничили сведениями, касающимися только самих студентов. К исследованию удалось подключить также их ближайших родственников в двух поколениях, т.е. родителей, бабушек и дедушек. Все респонденты были разбиты на три группы: в возрасте 17–20, до 43 и до 73 лет. Их общая численность составила 354 человека.

Было установлено, что во всех возрастных группах были те, кто не только сдавал нормы ГТО, но и занимался спортом на профессиональном уровне: 48, 37 и 45 человек в первой, второй и третьей возрастной группах соответственно, что составило в целом 36,72%. Участвовали в выполнении комплекса ГТО 35, 25 и 33 респондента, что в целом составило 93 чел. или 26,27%. Добились золотых, серебряных и бронзовых наград 30, 24, 55 чел., т.е. 30, 79% от числа участников.

Касаясь студентов вузов, следует заметить, что их отношение к занятиям физической культурой и спортом можно было установить за счет эмпирического материала, что было и сделано с помощью опроса. В исследовании приняли участие 89 респондентов инженерного института НГАУ. Было установлено, что лишь 28 студентов из числа опрошенных (31%) в данный момент занимаются спортом, 19 человек (21%) не занимаются, а 42 студента (48%) ранее занимались спортом. Однако 74 чел. (83%) выразили свое желание заниматься спортом. Лишь 15 чел. (17%) не имеют такой потребности. Среди тех, кто хотел бы заниматься спортом, доминировал ответ о том, что у них, к сожалению, нет для этого времени из-за высокой учебной нагрузки – 63 чел. (71%).

Таким образом, следует признать, что для значительной части студентов характерна мотивация к занятиям физической культурой и спортом. Однако серьезными барьерами на этом пути выступают прежде всего два фактора: большой объем учебных дисциплин и, соответственно, нехватка времени, а также проблема внутренней самоорганизации.

Здесь важным представляется собственный опыт автора данной публикации. Речь идет о тех же проблемах, которые были названы в ходе опроса и стали по сути основными барьерами на пути к здоровому образу жизни для большинства студентов и жителей России. Во-первых, хотелось бы коснуться страниц биографии. Если не считать уроков физкультуры согласно школьной программы, то могу сообщить, что уже в возрасте 10 лет начались занятия футболом в детско-юношеской спортивной школе (ДЮСШ). По окончании обычной средней школы в аттестате по физической культуре стояла оценка «хорошо», т.е. не было никаких достижений, а были самые обычные средние показатели по спорту. Как и большинству сверстников, автору пришлось сойти с профессиональной дорожки по окончании средней школы и перейти в категорию любителей. В этом качестве не упускал возможности в качестве любителя ходить на тренировки, участвовать в соревнованиях по футболу и другим видам спорта (лыжи, биатлон) в составе тех или иных команд, в том числе в более позднее время в составе команд ветеранов. Безусловно, поддержанию высокого уровня физической подготовки способствовали годы, проведенные в стенах Новосибирского высшего военно-политического общевоинского училища, где требования к физической подготовке были очень высокими. Так, если курсант не получал положительную оценку во время зачета или экзамена по физической подготовке, то его или не отпускали совсем или задерживали во время каникулярного отпуска. Оказавшись в качестве военного, а затем и гражданского пенсионера, сохраняя

свою приверженность футболу, автор публикации сосредоточился на общефизической подготовке, которая стала носить регулярный характер. В перечень занятий по физической подготовке вошли кросс, плавание, силовые упражнения, в том числе и на снарядах, упражнения на гибкость. Эти занятия, стали носить регулярный характер (3–4 раза в неделю по 50–55 минут). В феврале – марте 2017 года официально зарегистрировался и стал участником Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО). Итогом выполнения тестов стало награждение золотым знаком ГТО [19, с. 28–29]. Проведя анализ собственных достижений, можно отметить, что они не стали случайными и были достигнуты благодаря многим факторам. Среди них – сохранение спортивных традиций, заложенных с детского возраста, наличие мотивации и воли, внутренняя самоорганизация, приверженность строгому распорядку дня, режиму труда и отдыха. Конечно, имеет немаловажное значение и здоровое, правильное (сбалансированное) питание. Но на этом не стоит останавливаться, так как в настоящее время проблема правильного питания получила всестороннее освещение в различных источниках.

Выводы. Здоровый образ жизни – понятие широкое и разностороннее, которое включает физические тренировки, правильное питание, режим труда и отдыха и т. д. В данной публикации сужены рамки исследования и речь шла о физической культуре и спорте, их значении и для молодого поколения страны и для людей старшего возраста. Однако людям всех возрастных групп важно понять, что укрепление своего физического состояния с раннего детства и в течение всей жизни позволит существенным образом укрепить организм и обеспечить профилактику многих заболеваний.

Физическая культура и спорт не должны становиться обузой, мешать эффективной трудовой деятельности. Напротив, здоровый человек способен решать сложные научные, трудовые и бытовые проблемы. Спорт призван дарить людям радость и положительные эмоции. Так, 2018 год в России войдет в историю как год чемпионата мира по футболу. Его значение гораздо шире, чем обычное спортивное мероприятие. Ведь это самый массовый вид спорта. Свыше 3 млрд чел. – такова численность тех, кто следил за происходящим в России с экранов телевизора. В России матчи чемпионата мира смотрели не только истинные болельщики, но и люди, весьма далекие от футбола. Болельщики, приехавшие на чемпионат со всего мира, смогли увидеть нашу страну, познакомиться с ее культурными ценностями, почувствовать истинное гостеприимство россиян. Наверняка данный чемпионат наряду с зимними олимпийскими играми в г. Сочи, проведенными ранее, даст импульс не только профессиональному, но и любительскому спорту.

Россия, как великая страна, должна иметь амбициозные цели. Их много. Но важнейшим является здоровье нации. Россия гордится достижениями своих спортсменов. Их возвращение с медалями с различных мировых первенств не остается без внимания со стороны федеральных и местных органов власти. Но есть и немало проблем. Наша страна уступает многим ведущим странам мира по количеству спортивных сооружений. Далеко не всегда и не каждый желающий имеет возможность, даже за плату, заниматься любимым для себя видом спорта. И хотя весь постсоветский период отечественной истории отмечен строительством большого количества фитнес-залов и спортивных центров, имеющих коммерческий характер, однако имеет место существенное отставание по строительству спортивных площадок (полей) для игровых видов спорта, закрытых манежей, хоккейных коробок, плавательных бассейнов от развитых стран мира.

Огромные возможности для занятий спортом должны иметь студенты вузов и преподаватели. Россия должна ориентироваться на университеты США, Германии, Великобритании, Китая и ряда других стран, где спортивные объекты являются частью молодежной инфраструктуры.

Приоритетным направлением спортивного движения является комплекс ГТО. Постепенно в него вовлекаются все новые участники, но он по-прежнему не стал массовым. Для этого руководству страны следовало бы коренным образом пересмотреть свое отношение к нему. Лучшей пропагандой стало бы не только моральное, но и материальное поощрение его участников. С этой целью представляется целесообразным со стороны федеральных органов власти издание соответствующих указов и постановлений. В них должно быть прописано требование о стимулирующих выплатах в зависимости от спортивных достижений. Эти выплаты должны носить не рекомендательный, а обязательный характер для руководителей образовательных и иных учреждений. Здесь хорошим ориентиром служат силовые ведомства РФ, в которых установлены существенные финансовые надбавки за успехи в спорте.

Спорт не только дело государственных чиновников. Многое зависит от самих людей, их отношения, например, к спортивным объектам в местах проживания. К сожалению, большая часть жителей озабочена проблемой стоянки или гаража для своего автомобиля. Всеобщая автомобилизация и компьютеризация, и, как следствие, малоподвижный образ жизни выступают серьезными барьерами на пути

к физической культуре и спорту. Небольшие по площади очаги спорта зачастую превращаются в стоянки и гаражи для автомобилей.

Ожирение, сахарный диабет, болезни, которые берут порой свое начало в раннем возрасте – вот закономерный итог безразличия и нежелания заниматься спортом. И все-таки следует проявить осторожный оптимизм. Нельзя не заметить тенденцию к здоровому образу жизни, постепенному включению россиян в занятия спортом. Данное явление станет еще более заметным, когда овладеет сознанием людей, станет частью их образа жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Методы геноцида. Средняя продолжительность жизни в России и в мире. Опубликовано 25 ноября, 2017. URL: <https://www.kramola.info/vesti/metody-genocida/srednyaya-prodolzhitelnost-zhizni-v-rossii-i-v-mire> (дата обращения 27.01.19).
2. **Филиппова В. А., Лебедихина Т. М.** Физическая культура и здоровье нации. // VII Международная студенческая научная конференция. Студенческий научный форум – 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015017059> (дата обращения: 2.01.19.).
3. Физкультура и спорт – здоровье нации. 11 ноября 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: http://gundogar-news.com/index.php?category_id=9&news_id=1073 (дата обращения: 2.01.19.).
4. **Теппер Ю.** 15 февраля 2008 г. Спортивный план Путина: системные изменения и здоровье нации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/435002.html> (дата обращения: 2.01.2019.).
5. **Максимович В. А., Коледа В. А., Городилин С. К.** Организационно-методическое обеспечение физического воспитания студентов на основе видов двигательной активности: пособие по курсу «Физическая культура» для студентов непрофильных специальностей [Электронный ресурс]. URL: http://ebooks.grsu.by/fisical_training/2-1-fizicheskoe-vozpitanie-i-sport-v-vuze.htm (дата обращения 2.01.2019.).
6. Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-4. Оп.4. Д. 545. Л.32.
7. **Федотов Б. В.** Дополнительное образование молодежи и проблемы патриотического воспитания // Мир науки, культуры, образования. 2012. №3 (34). С. 196–198.
8. Комплекс ГТО как фактор укрепления обороноспособности страны и здоровья населения [Электронный ресурс]. URL: <https://kopilkaurokov.ru/obzh/presentacii/kompleks-gto-kak-faktor-ukrepleniia-oboronosposobnosti-strany-i-zdorov-ia-naseliieniia> (дата обращения: 2.12.19.).
9. Постановление Правительства РФ от 11 июня 2014 г. N 540 «Об утверждении Положения о Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО) [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-11-06-2014-n-540/> (дата обращения: 5.12.19.).
10. Указ Президента Российской Федерации от 1 сентября 2014 года «О Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО) [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-11-06-2014-n-540/> (дата обращения: 5.12.19.).
11. Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне» [Электронный ресурс]. URL: <http://gto.ru/document> (дата обращения: 8.01.2019.).
12. **Шумилова А.** ГТО – залог успеха. Только треть новосибирцев может выполнить нормы комплекса ГТО // Аргументы и факты. 6–12 ноября 2019 г. 45 (2034). С. 5.
13. Рейтинг Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса ГТО. Статистика выполнения тестов ГТО в регионах РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://user.gto.ru/files/uploads/documents/5be9857747f56.pdf> (дата обращения: 4.12.2019.).
14. Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне». Приказы о награждении знаками отличия [Электронный ресурс]. URL: <http://gto.ru/document> (дата обращения: 11.12.2019.).
15. **Барчуков И. С., Нестеров А. А.** Физическая культура и спорт: методология, теория, практика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под общ. ред. Н. Н. Маликова. М.: Академия, 2009. 528 с.
16. **Евсеев Ю. И.** Физическая культура. Серия «Учебники, учебные пособия». Ростов н/Д: Феникс, 2002. 384 с.
17. **Максименко А. М.** Основы теории и методики физической культуры: учеб. пособие для студ. вузов. М.: 4-й филиал Воениздата, 2001. 319 с.
18. **Горячев И. В., Олейников А. В., Федотов Б. В.** Физическая культура и спорт как часть здорового образа жизни современной молодежи // Актуальные проблемы образовательной деятельности высшей школы. В 2-х частях. Ч. 1. Психолого-педагогические аспекты совершенствования подготовки студентов вуза: материалы межвузовской студенческой научно-практической конференции

с международным участием (Новосибирск, 19 ноября 2018 г.) / Новосиб. гос. аграр. ун-т. Инженер. ин-т. Новосибирск, 2019. С. 28–29.

19. Приказ Министра спорта РФ П. А. Колобкова №58 НГ от 27 апреля 2018 г. «О награждении золотым знаком отличия Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО)» [Электронный ресурс]. URL: <https://gto.ru/files/uploads/documents/5af0092786179.pdf> (дата обращения: 5.12.19.).

REFERENCES

1. Methods of genocide. Average life expectancy in Russia and in the world. Published November 25, 2017. Available at: <https://www.kramola.info/vesti/metody-genocida/srednyaya-prodolzhitelnost-zhizni-v-rossii-i-v-mire> (accessed 27.01.19).
2. **Filippov V.A., Lebedkina T.M.** Physical culture and health of the nation. VII international student scientific conference. Student scientific forum-2015. Available at: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015017059> (accessed: 2.01.19.).
3. Physical culture and sport – the health of the nation. November 11, 2013. Available at: http://gundogar-news.com/index.php?category_id=9&news_id=1073 (accessed 2.01.19.).
4. Tepper Yu. February 15, 2008. Putin's Sports plan: systemic changes and health of the nation. Available at: <https://www.svoboda.org/a/435002.html> (accessed 2.01.2019.).
5. **Maksimovich V.A., Koleda V.A., Gorodilin S.K.** Organizational and methodological support of physical education of students on the basis of types of motor activity. Manual on the course «Physical culture» for students of non-core specialties. Available at: http://ebooks.grsu.by/fisical_training/2-1-fizicheskoe-vospitanie-i-sport-v-vuze.htm (accessed 2.01.2019).
6. State archive of Novosibirsk region. F. P-4. Op.4. D. 545. L. 32.
7. **Fedotov B.V.** Additional education of youth and problems of Patriotic education. *Mir nauki, kulturyi, obrazovaniya / Nauchnyy zhurnal = World of science, culture, education / Scientific journal*, 2012, no. 3 (34), pp. 196–198.
8. The TRP complex as a factor of strengthening the country's defense capability and public health. Available at: <https://kopilkaurokov.ru/obzh/presentacii/komplikats-gto-kak-faktor-ukriepleniia-oboronosposobnosti-strany-i-zdorov-ia-naseliennia> (accessed 2.12.19.).
9. Resolution of the government of the Russian Federation of June 11, 2014 N 540 «about the statement of Regulations on the all-Russian sports complex» is Ready to work and defense». Available at: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-11-06-2014-n-540/> (accessed 5.12.19.).
10. Decree of the President of the Russian Federation of September 1, 2014 «on the all-Russian sports complex» Ready for labor and defense». Available at: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-11-06-2014-n-540/> (accessed 5.12.19.).
11. All-Russian sports complex «Ready for work and defense». Available at: <http://gto.ru/document> (accessed 8.01. 2019.)
12. **Shumilova A.** TRP-the key to success. Only a third of Novosibirsk residents can fulfill the norms of the TRP complex Argumenty i fakty = Arguments and facts-November 6–12, 2019–45 (2034). P. 5.
13. Rating of the all-Russian sports complex TRP. Statistics of TRP tests in Russian regions. Available at: <https://user.gto.ru/files/uploads/documents/5be9857747f56.pdf> (accessed 4.12.2019).
14. All-Russian sports complex «Ready for work and defense». Orders about rewarding with distinctions. Available at: <http://gto.ru/document> (accessed 11.12. 2019.)
15. **Barchukov I.S., Nesterov A.A.** Physical culture and sport: methodology, theory, practice: studies. manual for students.no. studies». institutions. Moscow, Academy Publ., 2009, 528 p.
16. **Evseev Yu.I.** Physical culture. Series «Textbooks, manuals». Rostov-on-Don, Phoenix Publ., 2002, 384 p.
17. **Maksimenko A.M.** Fundamentals of the theory and methodology of physical culture: Textbook. manual for students. higher educational. Moscow, 4th branch of Voenizdat, 2001. 319 c.
18. **Goryachev I.V., Oleynikov A.V., Fedotov B.V.** Physical culture and sport as part of a healthy lifestyle of modern youth. Actual problems of educational activity of higher school. In 2 parts. Part 1. Psychological and pedagogical aspects of improving the training of University students: materials of the interuniversity student scientific and practical conference with international participation (Novosibirsk, November 19, 2018). Novosibirsk. state agrarian. university. Engineer. institute. Novosibirsk, 2019, pp. 28–29.
19. Order Of the Minister of sports of the Russian Federation P.A. Kolobkov No. 58 NG dated April 27, 2018 «on awarding the gold insignia of the all-Russian sports complex» Ready for work and defense (TRP). Available at: <https://gto.ru/files/uploads/documents/5af0092786179.pdf> (accessed: 5.12.19.).

Информация об авторе

Федотов Борис Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры технологий обучения, педагогики и психологии Инженерного института, Новосибирский государственный аграрный университет (Российская Федерация, 630 039, Новосибирск, ул. Никитина, 147, e-mail: fedotovboris@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 10.12.19. После доработки 12.02.20. Принята к публикации 2.03.20.

Information about the author

Boris V. Fedotov – Candidate of History, Associate Professor at the Chair of Education Technologies, Pedagogics and Psychology at Engineering Institute of Novosibirsk State Agrarian University (147 Nikitina str., 630 039, Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: fedotovboris@gmail.com).

The paper was submitted 10.12.19. Received after reworking 2.03.20. Accepted for publication 14.02.20.

**НОВОСИБИРСКИЙ ВОЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ ГЕНЕРАЛА АРМИИ
И. К. ЯКОВЛЕВА ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги!

В Новосибирском военном институте имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации **23–24 апреля 2020 года** будет проходить международная научно-практическая конференция на тему **«Победа в Великой Отечественной войне как исторический феномен и мировоззренческий ориентир»** (посвященная 75-ой годовщине победы в Великой Отечественной войне).

Цели:

1. Популяризация истории Отечества (Военной истории) среди курсантов (студентов) и педагогических работников, формирование у них интереса, умений и навыков к научному поиску, стремления к повышению своего интеллектуального и профессионального уровня, приобретения опыта военно-исторической работы;
2. Развитие у педагогических работников и курсантов (студентов) активной исследовательской позиции, умений и навыков исследовательской и творческой деятельности в области истории Отечества и Военной истории.

В рамках конференции планируется обсудить следующие вопросы:

1. Политические, идеологические и экономические факторы Великой Победы.
2. Вопросы военной истории, истории войск национальной гвардии и других силовых структур.
3. Историческая память о Великой Отечественной войне.
4. Подготовка офицерских кадров.
5. Человек на войне и судьба военного поколения.
6. Самоотверженный труд тыла для фронта.
7. Современное преподавание истории Великой Отечественной войны в вузе.
8. Города, герои, подвиги: опыт исторических исследований.
9. Политико-правовые и мировоззренческие аспекты современного мира и войны.
10. Терроризм как катализатор вооруженных конфликтов.
11. Нормативно-правовые акты, регламентирующие служебно-боевую деятельность РККА и войск НКВД в годы войны.
12. Чрезвычайные органы Советского Союза в военный период.
13. Развитие тактики и оперативного искусства.
14. Служебно-боевая деятельность войск НКВД в годы Великой Отечественной войны.
15. Развитие вооружения и военной техники в годы войны.
16. Развитие подразделений (воинских частей) обеспечения РККА в военный период.

Для участия в работе конференции необходимо до 31 марта 2020 г. представить в оргкомитет по e-mail: NVI-conferen@yandex.ru:

- заявку участника конференции (приложение №1);
- тезисы выступлений участников объемом до 5 страниц (приложение №2).

Регистрация участников конференции будет осуществляться 23 апреля 2020 г. в 9.30 в фойе клуба НВИ войск национальной гвардии (г. Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Начало конференции 23 апреля 2020 г. в 10.00.

23 апреля – пленарное заседание (10.00–14.00).

24 апреля – работа секций (10.00–13.00).

Расходы, связанные с проездом, проживанием и питанием, участники конференции несут самостоятельно.

Врид начальника военного института
полковник В. В. Косухин

ЗАЯВКА НА УЧАСТИЕ В КОНФЕРЕНЦИИ

Тема выступления _____

Фамилия, имя, отчество _____

Должность (без сокращений) _____

Место работы (без сокращений) _____

Ученая степень _____

Ученое звание _____

Адрес электронной почты (ОБЯЗАТЕЛЬНО!), по которой будет осуществляться контакт _____

Мобильный телефон (по которому будет осуществляться контакт) _____

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Каждая статья должна содержать:

1. Название (прописными буквами на русском и английском языках).
2. Сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество автора (авторов) полностью (на русском английском и языках); ученая степень, ученое звание (при наличии); место работы автора (авторов); контактная информация (e-mail) автора (авторов).
3. Аннотация (4–6 строк, до 300 знаков, на русском и английском языках).
4. Ключевые слова (на русском и английском языках).
5. Тематический рубрикатор УДК.
6. Библиографический список литературы (только на языке оригинала).

Объем текста не более 5 машинописных страниц.

Количество авторов, подготовивших статью, не более двух. Один человек может подать для публикации не более двух статей, где он автор или соавтор.

Оригинальность текста должна составлять не менее 60% от объема статьи (для проверки используется сервис www.antiplagiat.ru)

Файлы необходимо именовать согласно фамилии первого автора. Например, «Завьялов.doc». Не допускается в одном файле помещать несколько статей. Язык конференции – русский.

Материалы, не соответствующие тематике конференции и оформленные неправильно, приниматься не будут.

Размер листа – А4.

Поля – со всех сторон 2 см.

Абзац – отступ 1,25.

Шрифт – Times New Roman.

Размер шрифта – 14 pt, выравнивание по ширине.

Межстрочный интервал – 1.

Рисунки и таблицы должны быть сгруппированы и редактируемы, выравниваются по ширине текста, в обязательном порядке подписываются (Рис. 1.; Таблица 1).

Библиографический список приводится на языке оригинала источника, источники размещаются по алфавиту, оформляются по ГОСТу 7.1. – 2003. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками с порядковым номером источника. Например, [1]. В случае дословной цитаты, указывается также номер страницы приведенной цитаты, т.е. «ТЕКСТ... ТЕКСТ... ТЕКСТ...» [2, с. 5]. Использование автоматических сносок не допускается.

Представляя текст работы для публикации в сборнике, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.

Образец оформления статьи

УДК 371:351.851

**ИНФРАСТРУКТУРЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК ФАКТОР
ПОВЫШЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА**

Петрова Т. А., кандидат экономических наук, доцент
Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации
г. Новосибирск
E-mail: position@bk.ru

В работе описаны современные контексты инновационной деятельности в сфере профессионального образования, задачи и ориентиры ее развития, выделены характеристики постиндустриальной эпохи, требующие изменений в организации системы образования, с опорой на профессиональные сети и имеющийся опыт внедрения новых форм организации учебно-образовательной деятельности студентов.

Ключевые слова: инновационная деятельность, профессиональные сети, технология, новые образовательные программы, развивающее обучение, модели управления, открытое образовательное пространство.

**INFRASTRUCTURES OF DEVELOPMENT OF THE PERSON AS THE
FACTOR OF INCREASE OF INNOVATIVE POTENTIAL OF REGION**

Petrova T. A.

In work modern contexts of innovative activity in sphere of vocational training, a problem and reference points of its development are described, the characteristics of a postindustrial epoch demanding changes in the organization of an education system, with a support on professional networks and possessed experience introductions of new forms of the organization of educational activity of students are allocated.

Keywords: innovative activity, professional networks, the technology, the new educational programs, developing training, models of the management, open educational space.

На основе проведенных исследований нами выстроена модель организации образовательного пространства для Красноярской мэрии, представляющая собой систему аналитических и проектных сессий с встроенными дискурс-лекциями, открытыми дискуссиями, процедурами самоопределения, целеполагания, проблематизации, а также презентаций, предметных семинаров, рефлексивных отчетов и эссе [4]. «ТЕКСТ... ТЕКСТ... ТЕКСТ...» [2, с. 5].

Библиографический список

- 1.
 - 2.
- и т. д.

Примеры библиографического описания некоторых документов

Книга с одним автором

1. Балабанов, И. Т. Валютные операции. – М.: Финансы и статистика, 1993.

Книга с двумя авторами

2. Корнелиус, Х. Выиграть может каждый: Как разрешать конфликты / Х. Корнелиус, З. Фэйр; пер. П. Е. Патрушева. – М.: Стрингер, 1992.

Книга с тремя авторами

3. Киселев, В. В. Анализ научного потенциала / В. В. Киселев, Т. Е. Кузнецова, С. С. Кузнецов. – М.: Наука, 1991.

Книга с пятью авторами и более

4. Теория зарубежной судебной медицины: учеб. пособие / В. Н. Алисиевич [и др.]. – М.: Изд-во МГУ, 1990.

Сборник

5. Малый бизнес: перспективы развития: сб. ст. / Под ред. В. С. Ажаева. – М.: ИНИОН, 1991.

Официальные документы

6. Конституция (Основной закон) Российской Федерации: офиц. текст. – М.: Маркетинг, 2001.

Диссертации

7. Медведева, Е. А. Высшее библиотечное образование в СССР: Проблемы формирования профиля (история, совр. состояние, перспективы): дис. канд. пед. наук. – М.: Изд-во Моск. гос. ин-та культуры, 2000.

Автореферат диссертации

8. Еременко, В. И. Юридическая работа в условиях рыночной экономики: автореф. дис. канд. юрид. наук. – Барнаул: Изд-во ААЭП, 2000.

Из собрания сочинения

9. Герцен, А. И. Тиранство сибирского Муравьева // Собр. соч.: в 30 т. – М.: Приор, 1998. – Т. 14.

Из сборника

10. Андреев, А. А. Определяющие элементы организации научно-исследовательской работы / А. А. Андреев, М. Л. Закиров, Г. Н. Кузьмин // Тез. докл. межвуз. конф. Барнаул, 14–16 апр. 1997 г. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997.

11. Сахаров, В. Возвращение замечательной книги: заметки о романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // За строкой учебника: сб. ст. – М.: Худ. лит., 1989.

Из словаря

12. Художник в кино // Энциклопедический словарь нового зрителя. – М.: Искусство, 1999.

Глава или раздел из книги

13. Муравьев, А. В. Культура Руси IX – первой половины XII вв. / А. В. Муравьев, А. М. Сахаров // Очерки истории русской культуры IX–XVII вв.: кн. для учителя. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – Гл. 1.

Из журнала

14. Гудков, В. А. Исследование молекулярной и надмолекулярной структуры ряда жидкокристаллических полимеров // Журн. структур химии. – 1991. – Т. 32. – № 4.

15. Афанасьев, В. Святитель Игнатий Брянчанинов и его творения / В. Афанасьев, В. Воропаев // Лит. учеба. – 1991. – Кн. 1.

Из газеты

16. Антонова, С. Урок на траве: Заметки из летнего лагеря скаутов // Известия. – 1990. – 3 сент.

17. Горн, Р. Скауты вышли из подполья // Учит. газ. – 1991. – № 38. – С. 1.

Статья из продолжающегося издания

18. Колесова, В. П. К вопросу о реформе власти / В. П. Колесова, Е. Ю. Шуткина // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2001. – Вып. 5.

**ФГБОУ ВО «НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ ПРИ ФГБОУ ВО «НГПУ»
ФГБУН ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ФГБОУ ВО «НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ»**

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «ОБРАЗОВАНИЕ В XXI ВЕКЕ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ»

г. Новосибирск, 23–25 апреля 2020 г.

К участию в конференции приглашаются: ученые, преподаватели вузов, аспиранты, руководители и педагогические работники образовательных организаций общего, дополнительного, среднего, специального и высшего образования, специалисты органов управления образованием и все желающие, кого волнует проблема развития образования.

Цель конференции: обсудить проблемы современного образования, исходя из национальных и стратегических задач по его модернизации. Выработать рекомендации по вопросам развития системы образования.

Тематика обсуждаемых вопросов:

- Национальная доктрина образования Российской Федерации до 2025 г.
- Мировой опыт теории педагогики и философии образования.
- Роль философии образования для решения национальных стратегических задач.
- Прогнозирование тенденций развития отечественного образования в новых глобальных и геополитических условиях.
- Взаимодействие науки и образования в рамках инновационных процессов
- Стратегические проекты в образовании: прагматический подход.
- Общие и конкретные проблемы современного профессионального образования.
- Конкретные методики и инновации в практике образования.
- Технологии здоровьесбережения и безопасности в образовании: онтологические проблемы и содержание.
- Специфика воспитания в XXI веке: интеграция социокультурных возможностей.
- Проблемы патриотизма и гражданской идентичности в условиях смены общественных ценностных приоритетов.

Формы работы и взаимодействия участников конференции: пленарное заседание, выступления на секциях, дискуссии, лекции.

Материалы участников конференции планируется опубликовать в научном рецензируемом журнале «Философия образования», входящего в перечень ВАК (см. требования оформления статей для журнала «Философия образования» <http://phil-ed.ru>)¹.

Всем участникам конференции выдается Сертификат участника конференции.

Заявки на участие в конференции и авторские материалы просим направить на электронный адрес: nnalivaiko@mail.ru до 20 апреля 2020 г., анкета для оформления заявки в *Приложении* к информационному письму.

Для иногородних участников при необходимости бронирования места в гостинице НГПУ (400–1000 руб./сутки) необходимо указать в заявке, которая содержится в *Приложении* к информационному письму.

¹ Для участников конференции оплата за оказание издательских услуг составит 50%

В рамках конференции для желающих будет организовано **повышение квалификации** по программе «**Образование в XXI веке: национальные цели и стратегические задачи**» с привлечением профессорско-преподавательского состава Научного центра РАО при ФГБОУ ВО «НГПУ», ведущих научных сотрудников Института философии и права СО РАН, специалистов Москвы, Красноярска, Алматы (Казахстан), Владивостока, Барнаула, Томска.

Стоимость повышения квалификации: 3 000 рублей – выдача **Удостоверения о повышении квалификации** (72 часа). Заявки оформить до 20 апреля 2020 г. на сайте Института дополнительного образования ФГБОУ ВО «НГПУ» <http://www.nspu.ru/ido/> Выбрав название программы повышения квалификации, следует подать заявку. На Ваш электронный адрес будет направлен договор, который необходимо заполнить и отправить на ido@nspu.ru

Приглашаем Вас стать участниками Всероссийской конференции с международным участием «*Образование в XXI веке: национальные цели и стратегические задачи*» и курсов повышения квалификации.

Организационный комитет

По вопросам проведения и участия обращаться по телефонам:

(383) 244-02-43 Майер Борис Олегович (по всем возникающим вопросам)

(383) 244-16-71 Татьяна Сергеевна Косенко (по всем возникающим вопросам)

(383) 244-01-19 Елена Николаевна Коляденко (заявка на повышение квалификации)

Приложение

**Заявка участника
Всероссийской конференции с международным участием
«Образование в XXI ВЕКЕ: национальные цели и стратегические задачи»**

Фамилия	
Имя	
Отчество	
Ученая степень	
Ученое звание	
Место работы	
Должность	
Название доклада	
Форма участия в конференции (очная/заочная)	
Контактный телефон	
Электронная почта	
Потребность в гостинице	
Подтверждающий документ (Сертификат/ Удостоверение о повышении квалификации)	
Домашний адрес для отправки журнала с материалами конференции ²	

2 Материалы участников конференции, опубликованные в журнале «Философия образования», высылаются наложенным платежом (стоимость пересылки зависит от удаленности населенного пункта назначения)

СВЕДЕНИЯ ОБ ОШИБКАХ И ОПЕЧАТКАХ

Уважаемые коллеги, авторы и читатели! В четвёртом номере журнала за 2019 год допущена ошибка в разделе «**Материалы для дискуссионной площадки**» на странице 3374. Неправильно указаны инициалы **Морозова Александра Владимировича**. Правильно нужно читать «**Мнение А. В. Морозова**».

Редакция приносит извинения Александру Владимировичу.

ПОЛОЖЕНИЕ о порядке направления, приема, оформления и регистрации рукописей для публикации в рецензируемом научном журнале «Профессиональное образование в современном мире»

1. Общие положения

1.1. Настоящее Положение устанавливает порядок направления, приема, оформления и регистрации рукописей, поступающих для опубликования в рецензируемый научный журнал «Профессиональное образование в современном мире».

«Профессиональное образование в современном мире» – официальный научный журнал (далее – Журнал), учрежденный постановлением Ученого совета ФГБОУ ВО Новосибирский ГАУ от 31.01.2011 г. Это периодическое рецензируемое издание, распространяемое по подписке, издаваемое с 2011 года, зарегистрированное в установленном порядке как средство массовой информации 18.05.2011 г. (свидетельство ПИ № ФС 77–45 179), имеющее международный стандартный номер сериального издания ISSN 2224–1841 (дата выдачи сертификата 22.08.2011).

В Журнале печатаются ранее не опубликованные научные статьи, содержащие важные результаты исследований, оригинальные научные работы и обзорные статьи российских и зарубежных ученых, посвященные актуальным вопросам философии, педагогики и психологии.

Предоставляемая в Журнал статья должна быть законченным научным исследованием и содержать новые научные результаты в областях науки, перечисленных в тематических разделах.

1.2. В Журнал принимаются статьи по следующим отраслям науки согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени: 09.00.00 – философские науки, 13.00.00 – педагогические науки и 19.00.00 – психологические науки, соответствующие следующим разделам (табл. 1).

Таблица 1

№ п/п	Наименование раздела	Отрасли науки в соответствии с Номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени
1	Философия	09.00.00 Философия науки и техники: 09.00.08 Социальная философия: 09.00.11 Социальная антропология, философия культуры: 09.00.13
2	Педагогика	13.00.00 Общая педагогика, история педагогики и образования: 13.00.01 Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням знания): 13.00.02 Теория и методика профессионального образования: 13.00.08
3	Психология	19.00.00 Общая психология, психология личности, история психологии: 19.00.01 Педагогическая психология: 19.00.07 Психология развития, акмеология: 19.00.13
4	Сообщения о проводимых научных конференциях, симпозиумах, конгрессах	09.00.00; 13.00.00; 19.00.00
5	Краткие научные сообщения, заметки, письма.	09.00.00; 13.00.00; 19.00.00

Разделы в Журнале формируются в зависимости от тематической направленности формируемого номера.

2. Редакционная политика Журнала основывается на традиционных этических принципах российской научной периодики и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала (Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors) и Кодексе поведения для издателя журнала (Code of Conduct for Journal Publishers), разработанных Комитетом по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE). В процессе издательской деятельности редколлегия журнала руководствуется международными правилами охраны авторского права, нормами действующего законодательства Российской Федерации, международными издательскими стандартами. Редакция Журнала признает требования соблюдения этики научных публикаций и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением.

3. Редакционная этика Журнала

3.1. Обязанности автора или коллектива авторов (далее – Автор). Требования к предоставляемой информации.

Автор несет ответственность за новизну и достоверность результатов научного исследования и содержание статьи, что предполагает соблюдение следующих принципов:

- не допускается направление в редакцию работ, основные результаты которых уже опубликованы или планируются к публикации в других изданиях;
- Автор статьи должен представлять достоверные результаты проведенных исследований. Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы. Редакция вправе изъять уже опубликованную статью, если выяснится, что в процессе публикации статьи были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики. О факте изъятия статьи редакция обязана сообщить автору;
- Автор должен полно и объективно отражать существующее состояние рассматриваемых в статье вопросов;
- Автор должен гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Заимствованные фрагменты или утверждения должны быть оформлены с обязательным указанием автора и первоисточника. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, считаются неэтичными и неприемлемыми для публикации;
- все лица, внесшие значительный вклад в получение научных результатов, отраженных в статье, должны быть включены в состав авторского коллектива статьи. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании. Лицам, внесшим определенный вклад в получение представляемых в статье научных результатов, может быть выражена благодарность в тексте статьи;
- материалы, представляемые для публикации в Журнал, должны быть одобрены всеми авторами и соответствующими организациями, в которых эта работа проводилась;
- если авторов несколько, то необходимо указать контакты (почтовый адрес, номер телефона, электронную почту) автора, которому будет адресована корреспонденция и контактную информацию о всех соавторах;
- Автор должен гарантировать, что в случае принятия статьи к публикации в Журнале, она не будет опубликована в других изданиях в той же форме, на английском или на любом другом языке, в том числе и в электронном виде, без письменного на то согласия учредителя Журнала;
- Автор не должен скрывать конфликты интересов, которые могут повлиять на оценку и интерпретацию их рукописи, а также источники финансовой поддержки проекта (гранты, госпрограммы, проекты и т.д.), которые должны быть в обязательном порядке указаны в рукописи;
- Автор, обнаруживший существенные неточности или ошибки в статье, представленной в Журнал или уже опубликованной в нем, должен незамедлительно уведомить об этом редакционную коллегию для принятия совместного решения о форме представления объективной информации;
- Автор, представляющий рукопись к публикации в Журнал, должен оформить ее в соответствии с правилами, устанавливаемыми редакцией (п. 4. настоящего Положения). Правила оформления к поступающим статьям публикуются в полном виде на сайте Журнала по адресу <http://nsau.edu.ru/profed/avtoram/trebovaniya/> (далее – Сайт);
- статья представляется в печатной и электронной версиях на русском или английском языках. Электронный вариант должен быть полностью идентичен печатному.

3.2. Права редакции.

Редакция не производит художественную, литературную и другие виды доработок представленных рукописей.

Редакция оставляет за собой право не принимать работы, оформленные с отступлениями от настоящих правил. Не принятые к опубликованию рукописи и сопровождающие документы не возвращаются.

В принятых к публикации материалах редакция не меняет имена авторов и их очередность.

Главный редактор проводит политику предупреждения и регулирования редакционных конфликтов. Подача материалов в редакцию Журнала означает согласие авторов с изложенными правилами и согласие на размещение полной версии данных материалов в сети Интернет на официальных сайтах: Журнала: <http://www.nsau.edu.ru/profed>, Научной электронной библиотеки http://elibrary.ru/title_about.asp?id=32632, Издательства Сибирского отделения РАН: <http://www.sibran.ru/journals/KZ/> и EBSCO Publishing в свободном доступе, а также с использованием личных данных в открытой печати.

4. Правила оформления статей в журнал

Требования к материалам, поступающим в Журнал для опубликования:

4.1. Материалы, поступившие в редакцию, проходят экспертизу членов редакционного совета. При экспертизе статьи особое внимание уделяется оценке ее актуальности и глубине раскрытия темы. Содержание статьи должно быть проверено Автором на грамматические, стилистические и другие ошибки и быть оформлено по стандартам научного стиля.

4.2. Материалы должны быть тщательно подготовлены к печати.

В заглавии необходимо указать: название статьи, ФИО авторов. Название должно отражать содержание статьи и соответствовать общей тематике журнала. Под авторами в начале статьи указывается название организации (полностью), город, страна [например: Федеральное государственное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный аграрный университет», г. Новосибирск, Российская Федерация]. Обязательно указывается e-mail. Если авторов несколько, то эта информация указывается на каждого Автора в отдельности. Вся остальная информация об авторе или авторах указывается в конце статьи. В нее включаются данные, относящиеся к званиям, степеням, должностям, e-mail и т. д.

Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.

К статье необходимо приложить:

а) аннотацию, в которой указываются четко сформулированные задачи статьи, методология и методика их решения, а также результаты и перспективы исследования. Аннотация должна быть краткой и понятной без обращения к самой публикации. Аннотация не предусматривает абзацев. Объем аннотации не должен превышать 200–250 слов;

б) ключевые слова (3–8 слов, желательно не входящих в название статьи).

Аннотация и ключевые слова печатаются – 12 кг, шрифт – курсив.

Список литературы в конце статьи оформляется по ГОСТ Р 7.0.5–2008 в порядке упоминания в статье. Ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, размещаются после указания соответствующего произведения и содержат его порядковый номер в списке литературы и страницы соответствующего произведения (Например: [1, с. 55]). Список литературы не предусматривает цитирование учебников и учебных пособий, тезисов докладов конференций, а также текста диссертаций. В отдельных случаях допускаются ссылки на авторефераты диссертаций и цитирование статей, посвященных теме диссертации и опубликованных в журналах.

4.3. На английский язык переводится: название статьи, инициалы (ФИО) Автора, название организации (полностью), город, страна. Обязательно указывается e-mail. Аннотация полностью (при переводе должна употребляться оригинальная английская терминология), ключевые слова, список литературы (References), цитируемой в тексте. В References не делается транслитерация заглавий статей из российских журналов. Оставляется только перевод заглавий статей. Параллельное название журнала пишется не через черточку, а через знак равно (=). После описания указывается язык статьи (In Russian). Оригинальное название источника пишется курсивом, в том числе транслитерированное название книг. В обязательном порядке приводится транслитерация и перевод соответствующих данных.

4.4. Статья должна содержать в себе четкие, логически взаимосвязанные разделы. Все разделы должны начинаться указанными заголовками, выделенными полужирным начертанием: **введение** (постановка проблемы в общем виде и ее связь с последними публикациями); **постановка задачи** (степень изученности проблемы, формулировка цели); **методология и методика исследования**; **результаты** (изложение основного материала исследования с обоснованием полученных научных результатов); **выводы** (научная новизна, теоретическое значение исследования и перспективы дальнейших научных разработок в данном направлении). Графический материал должен быть представлен в формате Excel или Word в черно-белом изображении, без цветного фона, рамок; для диаграмм применять различную штриховку; оси графиков должны быть черными. Сканированные рисунки не принимаются к публикации. Рисунки и таблицы, включенные в единый файл, должны идти следом за соответствующим текстом в рукописи, а не стоять отдельно в нижней или верхней части файла. В ста-

тье должна соблюдаться последовательная нумерация графического материала. Таблицы и рисунки должны быть понятны без обращения к тексту статьи. Неинформативные данные не должны быть включены в таблицы и графики. Данные, представленные в таблицах, не должны повторяться в рисунках и наоборот. Подписи под таблицами и рисунками должны быть информативными и краткими. Формат подписей должен соответствовать единому стилю. Каждое изображение в статье дублируется в редакцию отдельным файлом.

Далее следуют список литературы и References. Количество цитируемой и привлеченной для исследования литературы должно включать не менее 20 наименований источников, из них не менее 5 иностранных авторов.

Информация при выполнении работы при финансовой поддержке какой-либо организации (Минобрнауки, фондов и т.д.) пишется под заголовком Благодарности (Acknowledgements) и размещается на титульной странице статьи снизу.

Структура библиографических ссылок приведена на Сайте: <http://nsau.edu.ru/profed/avtoram/trebovaniya/>.

4.5. В конце статьи необходимо указать полные сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, сокращенное название места работы (организация (и) или учебное заведение, факультет, кафедра), занимаемая должность, почтовый рабочий адрес с указанием индекса, телефона, сотового телефона, обязательно e-mail. Обязателен перевод этой информации на английский язык.

4.6. Тексты предоставляются в печатном и электронном виде (формат Word).

– Объем статьи – от 35 000 до 40 000 знаков (около 20 страниц формата А 4). Решение об увеличении объема статьи принимается главным редактором по согласованию с автором.

– Интервал – 1,5.

– Шрифт – Times New Roman.

– Кегль – 14.

– Все поля – 2,0 см.

– Кавычки в виде «елочек».

– Сноски делаются в квадратных скобках и оформляются в конце статьи в виде списка литературы (образцы на сайте журнала).

4.7. Статьи аспирантов принимаются только в соавторстве с научным руководителем или другим доктором наук. Для официального подтверждения статуса аспиранта автору необходимо направить в редакцию Журнала оригинал справки, заверенный отделом аспирантуры соответствующей организации. Статьи аспирантов очного отделения публикуются бесплатно.

4.8. Все статьи, не соответствующие тематике журнала, оформленные не по правилам, без аннотации, с неверно оформленным списком литературы, не принимаются до устранения замечаний. Не принятые к публикации материалы Автору не возвращаются. Корректур статей Автору не высылаются.

4.9. Гонорар за публикуемые статьи, доклады, сообщения и рецензии Автору не выплачивается.

5. Периодичность издания журнала и график приема рукописей

Журнал выходит 4 раза в год.

Таблица 2

График приема рукописей

№ журнала	Прием статей	Срок выхода
1	до декабря	февраль – март
2	до марта	май – июнь
3	до июня	август – сентябрь
4	до сентября	ноябрь – декабрь

6. Порядок регистрации рукописей

6.1. Статьи регистрируются редакцией Журнала.

При поступлении рукописи в Журнал статья регистрируется, в случае если присланные материалы соответствуют настоящему положению.

Поступившие статьи регистрируются в единой электронной базе Журнала с указанием входных данных (Автор, дата поступления, направляющая организация или научный консультант/руководитель, соответствие статьи одной из научных отраслей, согласно Номенклатуре которых издается Журнал).

Автору сообщается дата поступления работы, а также ориентировочный срок выхода журнала, в макет которого помещена работа.

6.2. Поступившая работа проверяется на соответствие всем формальным требованиям и при отсутствии замечаний после регистрации отправляется на рассмотрение экспертного совета для заключения и рекомендаций к печати.

6.3. После положительных рекомендаций экспертного совета статья отправляется на вычитку редактору. В случае значительных редакторских правок они согласовываются с Автором.

6.4. После редактирования и в порядке очереди с подписью «в печать» статья публикуется в журнале.

6.5. Подготовленный к печати макет номера утверждает главный редактор Журнала.

7. После принятия решения о включении статьи в определенный номер Журнала Автором в двух экземплярах заполняется лицензионный договор «На право использования научного произведения в журнале «Профессиональное образование в современном мире» (Приложение 1: Сайт: <http://nsau.edu.ru/profed/avtoram/trebovaniya/>), который отправляется по почте на адрес редакции: 630039, г. Новосибирск, ул. Никитина 149, а/я 102.

8. Журналом обеспечивается постоянное хранение публикуемых научных статей, их доступность, представление в установленном порядке обязательных экземпляров издания.

9. Порядок подготовки рукописи к печати

9.1. Все несоответствия формальным требованиям устраняются самим Автором. При обнаружении несоответствий редакцией Автору высылаются замечания. Исправленный вариант должен быть возвращен в редакцию в кратчайший срок. Возвращение статьи Автору на доработку не означает, что работа принята к публикации. Если статья возвращается Автору для доработки, исправления или сокращения, то датой ее представления в Журнал считается день получения редакцией окончательного текста.

9.2. Редактор оставляет за собой право внесения изменений и сокращений не принципиального характера.

9.3 Окончательный вариант работы направляется Автору для согласования.

9.4. Непринятые к публикации материалы Автору не возвращаются.

10. Всем научным статьям, публикуемым в Журнале, начиная с 3-го номера 2015 года присваиваются уникальные номера (индексы DOI–Digital Object Identifier). DOI-индексы представляют собой последовательность символов, состоящую из двух частей, разделенных прямым слешем (/). Первая часть – префикс издателя, определяемый при первичной регистрации издателя в CrossRef (10.15 372 для Издательства СО РАН), вторая часть – суффикс (PEMW20 150 301), формируемый издателем Журнала по установленным правилам: первые четыре цифры – год издания, пятая и шестая – порядковый номер выпуска и две последние (седьмая и восьмая) – порядковый номер статьи в Журнале. (DOI: 10.15 372/PEMW2015 03 01).

10.1. Уникальный суффикс присваивается главным редактором. Главный редактор имеет право присвоить или не присвоить суффикс научной статье по решению редколлегии/редсовета Журнала.

10.2. Присвоенный идентификатор DOI никогда не меняется.

PROVISION
on submitting, accepting and registration of the manuscripts
in the peer-reviewed scientific journal
Professional education in the modern world

1. General provision

1.1. This provision regulates the procedure of submitting, accepting and registration of manuscripts submitted for publication in the peer-reviewed scientific journal *Professional education in the modern world*.

Professional education in the modern world is an official scientific journal (see as Journal) founded by the Decree of Scientific Council of Novosibirsk State Agrarian University of January 31, 2011. This periodical peer-reviewed edition is distributed via subscription and has been published since 2011. The scientific journal is registered as a mass media on May 18, 2011 (Certificate PI No. FS 77–45 179) and has an international standard serial number ISSN 2224–1841 of August 22, 2011.

Journal contains full papers, which are original, unpublished primary research and reflect essential and important research results; original scientific proceedings and reviews of Russian and foreign scientists devoted to philosophical, pedagogical and psychological issues.

A submitting manuscript should contain research results in the fields listed.

1.2. Journal covers manuscripts according to classification of scientific degrees: 09.00.00 – Philosophical Sc., 13.00.00 – Pedagogical Sc. and 19.00.00 – Psychological Sc., listed in Table 1.

Table 1

No	Part	Science of researchers according to classification of scientific degrees
1	Philosophy	09.00.00 Philosophy of science and technology: 09.00.08 Social philosophy: 09.00.11 Social anthropology, philosophy of culture: 09.00.13
2	Pedagogy	13.00.00 General pedagogy, history of pedagogy and education: 13.00.01 Theory and methodology of teaching and upbringing (and levels of knowledge): 13.00.02 Theory and methodology of professional education: 13.00.08
3	Psychology	19.00.00 General Psychology, personality psychology, history of psychology: 19.00.01 Pedagogical Psychology: 19.00.07 Psychologists ontology and theory development: 19.00.13
4	Calls on papers, conferences, symposiums and congresses	09.00.00; 13.00.00; 19.00.00
5	Brief scientific messages, notes and letters	09.00.00; 13.00.00; 19.00.00

The parts of Journal are formed on the correspondent relevant topics.

2. Editorial policy of the Journal applies general ethical principles of national scientific periodicals. It covers ethical standards of editors and publishers provided at Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors) and Code of Conduct for Journal Publishers developed by Committee on Publication Ethics (COPE). Editorial Board of the Journal follows the international copyright protection, national legal regulations and international publishing standards.

3. Editorial policy

3.1. Author's responsibilities (see as Author) and requirements to a manuscript are as follows.

Author takes responsibility for the novelty, results acknowledgement and content of the paper. Authors have responsibilities as detailed below:

- A manuscript should contain the newest results not published in other editions;
- Author is committed to publishing high quality new work that makes a significant contribution within the scope of the journal. Editorial can reject a manuscript in case the novelty of the work falls below that required for the journal and the manuscript represents undue fragmentation of the research into multiple papers. Editorial has a right to withdraw a published manuscript in case of breaking the right or general ethical standards. Editorial should inform the author about paper withdrawal;

- Author should contribute significantly to consideration of the issues in the manuscript;

- Author should represent original research results only. Undue fragmentation should refer to the author and the source. Manuscripts should not contain scientific dishonesty and/or fraud comprising among others fictitious or manipulated data, plagiarized material (either from the previous work of the authors or that of other persons), reference omissions, false priority statements, «hidden» multiple publication of the same data and incorrect authorship. Authors must not breach any copyright as it is concerned to be non-ethical and inappropriate;

- Authors have a responsibility to give due acknowledgement to all workers contributing to the work. Those who have contributed significantly to the research should be listed as co-authors. On submission of the manuscript, the corresponding author attests to the fact that those named as co-authors have agreed to its submission for publication and accepts the responsibility for having properly included all (and only) co-authors. Persons contributed to the research results can take gratitude in the manuscript;

- All authors and organizations related to the research must take public responsibility for the content of their paper;

- if there are several authors, it is necessary to outline contact details of the author, who will receive mail and contact details of all the co-authors;

- Author should guarantee that accepted manuscript would not be published in any other editions (foreign languages) with no agreement of the Journal founder;

- Authors should declare all sources of funding for the work in the manuscript (grants, state programmes, projects, etc.), and also to declare any conflict of interest;

- Author, who found significant mistakes in submitted manuscript, should inform the editorial in order to escape mistakes and represent real information;

- Author should follow the rules of Editorial when submitting a manuscript to the Journal (no. 4 of Provision). The formatting rules and requirements are published at the webpage of the Journal <http://nsau.edu.ru/profed/avtoram/trebovaniya/> (see as Webpage);

- A manuscript is submitted as printed and electronic versions in English and Russian. Electronic version should be identical with the printed one.

3.2. Editorial rights.

Editorial does not make literary or any other types of correction of the submitted manuscript.

Editorial can not accept the manuscripts, which do not correspond to the rules.

Manuscripts and followed documents not accepted for publication are not forwarded back.

Editorial does not change the authors name and their order in accepted manuscripts.

Editor-in-Chief regulates and prevents any conflicts.

Authors, who submit manuscripts to the Journal, agree to the rules and regulations for publishing manuscripts at the official webpages of the Journal: <http://www.nsau.edu.ru/profed>, Research E-Library: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=32632 and Siberian Department of RAS: <http://www.sibran.ru/journals/KZ/> and EBSCO Publishing and using private data in the public media.

4. Formatting rules for submitting manuscripts

Requirements for manuscripts and materials submitted to the Journal:

4.1. Materials submitted to the Journal are evaluated by the Editorial Board. They evaluate the relevance of the topic. Paper content should be checked for grammar, stylistic and other types of mistakes and should follow the academic language style.

4.2. Manuscripts and materials should be prepared in a rigorous manner for publishing.

The author should outline the title of the article and full names of the authors. The title should conform to the paper content and general topics of the Journal. The paper contains the organization the authors are affiliated with, city and country (e. g. Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russian Federation) and e-mail. If there are several authors, information on each author should be outlined at the end of the paper. The information should contain degree and rank of the author, position, e-mail etc.

A manuscript should have Universal Decimal classification number.

The paper should have:

a) an abstract, which should contain formulated tasks, methodology and methods for problem solution, research results and outlooks of the research. An abstract should be brief (not more than 200–250 words) and clear, with no paragraphs;

b) key words (3–8 words, preferably not covered in the title). Abstract and key words are printed as point size 12 in italics.

References should be listed in the order they are cited in the text and at the end of the paper according to National State Standard (GOST) R. 7.0.5–2008. References in the text are reviewed in square brackets after the corresponding text (e. g. [1, p.55]). Authors should not refer student books and study guides, conference reports and Doctorate theses. Authors can refer to published summary of theses and cite the papers devoted to the topic and published in scientific journals.

4.3. Authors should translate into English the title of the article, author's name, the organization the author is affiliated with, city, country and e-mail; an abstract (terms in English should be used in the origin); key words and references cited in the text. Authors should not transliterate the papers published in national journals but translate the titles of the papers. Second title of the journal is outlined by means of equal sign (=). After reference description authors should indicate the language the paper is written in (In Rus). Original title of the resource and transliteration of the books are indicated in italics. Authors transliterate and translate the references.

4.4. Manuscript should contain parts related in a cohesive way; all parts should have a bold-faced type heading: **introduction** (research objective and its relation to the latest papers); **goal setting** (problem definition and goal setting); **Materials and methods**; **results** (the main research material should be concerned with research results); **conclusions** (scientific novelty, theoretical application of the research and outlooks of further development).

Figures and graphics should be used as black-and-white Excel or Word format with no frames; authors should use hatching for diagrams; graphic axis should be in black colour. Editorial does not accept scanned figures and photos. Images and tables should follow the corresponding text of the manuscript. Graphics, images and tables should be listed in an order, represented clearly and concisely avoiding repetition and embellishment, described and signed briefly, clearly and at the same manner and do not contain chartjunk. Each image should be sent to the Editorial as a separate file.

References and bibliography should be listed in alphabet order with no numeration and they follow conclusions. The number of cited references and additional research sources shouldn't be less than 20, not less than 5 foreign authors.

Information on financial support of an organization (Ministry of Education and Science, Foundations, etc.) should be indicated in Acknowledgements at the bottom of the paper cover page.

For information about references indication, please visit our website: <http://nsau.edu.ru/profed/avtoram/trebovaniya/>.

4.5. Information about the authors should be submitted at the end of the paper and translated into English: full name, degree and rank, affiliation (organization or institution, faculty, chair), position, postal address (post zip, telephone, mobile telephone, email).

4.6. Manuscripts are submitted in two copies. One copy should be submitted, and a copy in Word format should be sent via e-mail.

– Manuscripts should normally from 35 000 to 40 000 characters (about 20 pages and 4). Editor-in-Chief is able to extend the paper by agreement with the author.

– Spacing is 1,5.

– Font is Times New Roman.

– Font size is 14.

– Margins are 2,0 sm

– Quotations should be reviewed as French quotation marks (chevrons)

– References should be listed in square brackets at the end of the paper (examples are reviewed at the website of the Journal).

4.7. Full-time PhD-students publish papers free of charge. Editorial accepts the articles from PhD-students

co-authored by scientific supervisor or Doctor of Science only. PhD-students should provide Editorial with the reference from Postgraduate Department and certify the PhD-student status.

4.8. Manuscripts not suitable for the topics of the Journal and formatting rules (no abstract, list of references) are not accepted until complying with remarks. Manuscripts not accepted and their correction are not forwarded back to the author.

4.9. Editorial does not cover fees for papers, reports, brief communications and reviews.

5. Schedule of Journal publication and manuscripts submission

Journal is published quarterly (4 times a year).

Table 2

Schedule of manuscripts submission

Journal No.	Manuscripts submission	Publication
1	until December	February—March
2	until March	May—June
3	until June	August—September
4	until September	November—December

6. Procedure of registration of manuscripts

6.1. Editorial of the Journal registers manuscripts.

When a manuscript is submitted to the Journal, it is registered in case it follows the requirements of the Provision.

Submitted manuscripts are registered in e-base of the Journal with outlined data (Author, date of submission, sending organization or scientific supervisor, suitability of the manuscript for the science classification).

Editorial informs authors about submission date and approximate date of Journal publication.

6.2. Submitted manuscript is checked for suitability for all the requirements and sent to expert evaluation for final recommendation.

6.3. When a manuscript is recommended for publication, it is forwarded to editing. All changes are agreed with the Author.

6.4. On editing and signing *in press* a manuscript is printed in the Journal.

6.5. Prepared draft is approved by the Editor-in-Chief.

7. On decision about publication of a manuscript, Author fills in the license agreement in 2 variants «License to use scientific manuscript in the journal *Professional education in the modern world*» (Attachment 1 at the webpage: <http://nsau.edu.ru/profed/avtoram/trebovaniya/>), which should be sent back to the postal address of Editorial: p/b 102, 149 Nikitina Str., 630039 Novosibirsk.

8. Editorial of the journal keeps manuscripts and provides their availability.

9. Procedure of preparation of a manuscript for publication

9.1. Authors should correct all the remarks of non-compliance noted by the editorial. Authors should send amended version promptly. When editorial forwards a manuscript for refinement it does not mean the manuscript is accepted for publication. Editorial regards the date of final text of a manuscript (after refinement) as a date of manuscript submission.

9.2. Editor-in-Chief has a right to make not significant notes and remarks.

9.3. Editorial forwards the final version of the manuscript to agree and determine the matters.

9.4. Editorial does not send back not accepted manuscripts to the authors.

10. All scientific papers (from journal no. 3, 2015) published in the Journal will have special unique indexes DOI (Digital Object Identifier). DOI indexes assume a sequence of symbols, which consists of 2 parts separated by slash (/). First part assumes publisher's identification prefix in CrossRef (10.15372 for SD RAS Publ.) and the second part assumes identification suffix of the Journal publisher: 1 number – publication year, 2 number – Journal No., the last number – paper No. in the Journal.

10.1. Editor-in-Chief assigns a special unique identification suffix. Editor-in-Chief has a right to assign or not identification suffix on decision of Editorial Board.

10.2. DOI index is never changed.